Андрей Басов

СКАЗКИ СТАРОГО ДОМА 2

Романтическая фантазия

Санкт-Петербург
2013 г.

ISBN 978-5-9904720-2-0
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б27

Серия
"Возрождение доброй фантастики"

Роман "Сказки старого дома" рассказывает о замечательных приключениях нескольких соседей старого, петербургского особняка в мирах своей мечты и фантазии. Много главных действующих лиц — много и необычных миров, сюжетных интриг, занятных ситуаций, а кое-где и сказочной любви.

Художники:
Ольга Боман (обложка)
Евгения Шевкаленко (иллюстрации)
Корректор:
Вера Вересиянова

© А.Н.Басов, 2013 г.

От автора

В предисловии ко второй книге романа отчасти повторяю то же, что содержится и в предисловии к первой книге, а именно:

" …Перед вами книга любопытных положений, ситуаций для любителей интеллектуально завязанных сюжетов, выпутаться из которых герою помогает голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять.

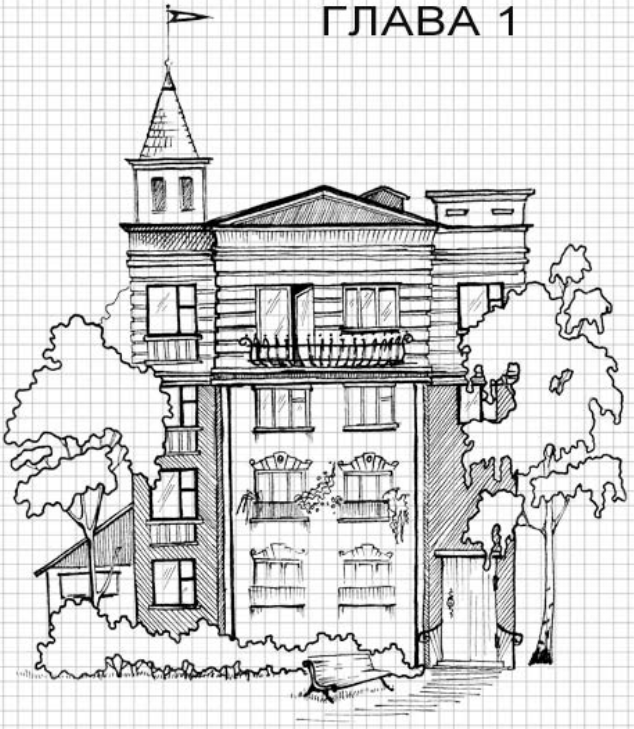
Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники лёгкой для чтения, сказочной, романтической фантастики, возможно, получат эстетическое удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, — ещё и приятные сны!"

Андрей Басов

Оглавление

ГЛАВА 1. *Вторжение* — 6
ГЛАВА 2. *Римские каникулы* — 111
ГЛАВА 3. *Арабские ночи* — 210
ГЛАВА 4. *Амазонки в Париже* — 314
ГЛАВА 5. *Башня Аманды* — 435
Примечания — 547

ГЛАВА 1



вторжение

ГЛАВА 1: Вторжение

Вот и зима пролетела незаметно. И весны последние денечки. А в Верн я так ни разу и не выбрался за несколько месяцев. Только на день-другой изредка удавалось сходить в Багдад — повидаться с Зубейдой. В нашем НИИ всю зиму происходил настоящий аврал с выполнением большого и срочного заказа. А дома — хлопоты с регистраций нашей частной фирмы, ремонтом арендованного подвала Дома и наймом толковых работников.

Однако постепенно всё или почти всё как-то утряслось. Мама с бабушкой окончательно осели в Новгороде, а я вот сейчас сижу дома и прикидываю баланс своей будущей свободы. Баланс, прямо скажем, совсем неплохой! Мне грозит месяц официального отпуска с завтрашнего дня, да авральных отгулов накопилось тоже на месяц. Или даже чуть больше.

Схожу-ка я в подвальчик — посмотрю, как там Стелла управляется. Удивительно знающая и энергичная женщина эта Стелла. Несмотря на дурацкое, на мой взгляд, имя. Ей где-то между тридцатью и тридцатью пятью. Привлекательная, стройная. Совершенно случайно удалось перехватить ее в директора нашей негоциантской* конторы, когда она собралась увольняться из соседней лаборатории нашего НИИ, соблазнившись заработками официантки в кооперативном кафе. Пожалеть ни ей, ни нам не пришлось.

Во дворе один из самых богатых торговцев древнего Багдада размеренно машет метлой.

– Здравствуй, Ахмед!

– Здравствуй, милок, здравствуй! Как мама, бабу… Чёрт, вот же сила привычки! Их уже давно здесь нет, а я, глядя на тебя, никак отвыкнуть не могу. Который раз уже. В подвал собрался?

– Туда. Как в нашей конторе?

– Да вроде всё нормально. Стелла ни на что не жалуется. Только вот заходили с утра каких-то два бритоголовых молодых человека интеллигентной наружности в длинных черных пальто. Заблудились, видно. Спустились в нашу контору узнать дорогу. Напоролись на Капитана. Он увел их на склад и, как я понимаю, рассказал, куда может привести одна из их дорог.

О чём может рассказать моряк? О глубоких, мутных водах да топком илистом дне разве что. Похоже, ребята прониклись разъяснением Капитана. Уходили печальные — похоже, даже в слезах, держась за носы. Ты уж, Сергей, попеняй Капитану! Если он будет тыкать чужими мордами в наши только что отремонтированные стены, то штукатурка отпадать начнет!

– Это уже которая пара за последний месяц дорогу ищет?

– Третья.

– Ты прав. Это опасно для наших стен. Будем надеяться, что таким гостям всё же надоест встречаться с Капитаном и его вызывающими слёзы разъяснениями.

И мне вспомнился Синдбад с его неподражаемым красноречием. Очень удачно, что судно Капитана на ремонте и он дома. Если что — то Стелла ему звонит, а слишком шустрым визитерам предлагает подождать своего заместителя по коммерческой части.

– Ладно, пойду, Ахмед, — и я направился к нашей резиденции с неброской табличкой "Электрон" на стене.

Ахмеду мы предлагали уволиться из жилконторы — работы и в нашем общем владении хватает. Отказался. Спускаюсь по ступенькам и отворяю вполне внушительную и респектабельную дверь. Внутри, налево, в сторону тайника — конторские помещения, а направо — складские. Отделано добротно. Совсем не похоже на каземат, хотя и без окон. Вентиляция хорошая и воздух свежий. Цветов, правда, нет, но оживляющих конторский интерьер натюрмортов и пейзажей предостаточно.

– Заходи, заходи, Сергей, — приветливо зазывает Стелла в свой кабинет. — Вот и Саша как раз перед тобой заглянул на минутку.

Александр и в самом деле тоже тут, несмотря на экзаменационную суету в школе. Сидит с кружкой и цедит кофе.

– Его присутствия здесь и следовало ожидать.

– Почему?

– Кофе бесплатный.

– Ты хочешь сказать, что я крохобор?! — вскидывается наш учитель.

– Ничего такого я не хочу сказать, но ты правильно понял то, чего я не хотел сказать.

Александр примолк и замер, пытаясь уловить смысл услышанного. Уловил и притворно надул губы, понимая, что это шутка.

– Ребята, — торжественно начала Стелла, — могу вас поздравить! Все издержки по организации "Электрона" покрыты, и мы впервые с чистым прибытком. При этом с довольно внушительным. Торговля компьютерами и программами, которую вы затеяли, — это золотое дно на данный момент!

Стелла замерла, ожидая бурных восторгов и с удивлением не наблюдая их. Она же не может знать, почему золото дна может нас не впечатлять!

– Вы меня поняли?

– Поняли, поняли, Стелла, и очень довольны и таким результатом, и тобой самой. Правда, Саша?

– Истинная правда!

– Сделай вот что. Состряпай дополнение к своему контракту с нами. На ежемесячное отчисление десяти процентов чистой прибыли в твою пользу. Задним числом. Чтобы прибыльный месяц туда вошел. Я подпишу.

Александр согласно кивнул, а Стелла даже слегка зарделась от удовольствия нежданным подарком.

– Но мне почему-то кажется, что тебя просто свербит

от желания нас еще чем-то поразить. Есть чем?

– Есть. Мы торгуем компьютерами 286-й и 386-й серий, а также операционной системой Windows 2. Всё-таки ваша Анна Петровна свела нас с превосходным поставщиком из Германии. Спасибо ей! Герхард вчера прислал комплект установочных дискет операционной системы Windows 3. Она уже не работает на компьютерах 286-й серии — аппаратных ресурсов не хватает. На 386-й машине чувствует себя превосходно! Присаживайтесь сюда и посмотрите.

С час или больше созерцаем красоту, возможности и удобство новой Windows. Поражены.

– Герхард пообещал для начала поставку не менее 500 установочных комплектов Windows 3 в месяц. Скорее, будет больше и это притом, что в Европе ее еще только-только начинают продавать. Это означает, что нам немедленно нужно прекратить все закупки 286-й серии и брать только 386-е. И также перестаем торговать мониторами с экранами меньше 15 дюймов. Отличная возможность выскочить вперед!

– Согласен. Резон весомый и обширный. Действуй сама! Мы в твои дела не вмешиваемся.

– Как же так, ребята, — вы застрельщики этого дела! Работы тут непочатый край, а вы держитесь в стороне на какой-то грошовой зарплате и унылой работе!

Александр в досаде крякнул что-то невразумительное себе под нос. Как ей что-то объяснить?

– Стелла, давай не будем шевелить эту тему. Можешь поверить, что такое положение нас всех очень устраивает. По какой причине — никого не касается. Даже тебя. Ты же не можешь сказать, что мы не помогаем тебе в пиковых ситуациях! В текущие дела фирмы никто, кроме меня, носа не сует. Да и я только совещательно. Всё держится на тебе, и пусть так будет и дальше!

Однако стратегическое директивное вмешательство иногда будет и при этом с моей стороны — как уполно-

моченного всеми собственниками фирмы. Какая цифра чистой прибыли нам сейчас грозит?

Стелла пододвигает мне бумаги.

– Так-так, недурно, совсем недурно. Свои десять процентов забирай, а нам ничего не нужно. Распредели остаток следующим образом. Семьдесят процентов — на закупки. Постарайся, насколько возможно, авансами с окончательным расчетом после продажи. Так мы больше сможем взять. Десять процентов — на наем дополнительного персонала и аренду склада. Нашего подвала уже не хватит. Оставшиеся десять процентов нужно пустить на расселение трехкомнатной квартиры в нашем доме.

Она на моем этаже. Там жильцы грызутся всё время. Так что разъедутся с удовольствием! Денег на всю сразу не хватит, но в следующем месяце еще выделим. Я слышал, что у тебя с жильем не очень благополучно и далеко. Вот в нее и переедешь. Составим договор постепенного выкупа. Так что можешь вложить сюда и свои деньги. Вроде на сегодня всё. Пойдем, Александр.

Мы распрощались со Стеллой и быстренько разбежались по домам.

*

Очарование вернского начала лета бесподобно. Чувствуется, что здесь тепло уже давно — не то, что у нас в Питере! Жанна постаралась от души. Весь садик в цвету и благоухании. Выхожу на улицу через садик и топаю проторенной дорожкой к "Морскому дракону". Батюшки, началось-таки светопреставление! Только свернул на Рыночную улицу — и на тебе! Навстречу плывет белокурая красотка в светло-сером брючном костюме. Какие-то кружевные детальки повсюду. И по карманам, и по манжетам, и по вороту... Вообще-то сшито весьма изящно и столь же изящно сидит на узких плечах и круглой попке.

Видно, Льюис еще не так давно начал выпускать в свет свои брючные творения. Окружающие к такому зре-

лищу еще не привыкли. Мужчины останавливаются, вытаращив глаза, а женщины — одни с завистью, а другие с осуждением — смотрят красотке вслед. Да и она сама, чувствуется, еще стесняется такого внимания, но форс держит с достоинством.

Жанна тоже в брючатах. Попроще, конечно, — для работы. Синие, облегающие, но не в обтяжку. Широкий кожаный пояс и всё такое прочее — на месте. И здесь круглая попка тоже — там, где ей и положено быть. Мигом подлетает ко мне, сопровождаемая восхищенными взглядами посетителей.

– Синьор Серж, синьор Серж, как мы вас заждались! Ваш стол свободен. Что закажете?

– Как обычно, но на двоих, — отвечаю я, целуя девушку в щечку.

Колин с протянутой для пожатия рукой тоже летит ко мне.

– Приветствую душевно, но что-то у тебя усталый вид, Серж.

– Зима была тяжеловатой и хлопотной. Всё никак было не выбраться к вам. Но теперь уже все дела позади. Отдохну хоть немного.

Жанна расставляет два прибора, Колин тащит свое сказочное вино. Прелестно и уютно чувствую я себя здесь, среди них.

– Гостя ждешь? — спрашивает Колин, кивая на второй прибор.

– Да, должен вот-вот подойти. Но пока его нет, рассказывай новости.

– А новости прямо перед тобой, — легонько хлопая ладонью Жанну пониже спины, заявляет трактирщик. — Видишь, какое безобразие! Просто загляденье! Как только королева явилась миру в штанах, верхом на лошади, так все девки в Верне чуть с ума не посходили! Портные обслуживать не успевают. Так ведь и дóма модницы сами шьют. А дальше — смех один! Сошьют сами или по-

лучат у портного свой новый наряд, а на улицу в штанах выходить стесняются!

Жанна тоже стеснялась-стеснялась, но как услышала от заскочившего как-то на минуту Льюиса, что идею женских брюк принес в Верн ты, то мигом стесняться перестала. Ты у нее в большом уважении. Не пихайся, Жанна, — правду же говорю!

– Не слушайте его, Серж, — врет он наполовину. Стеснялась? Да. Как-то боязно было выйти в брюках на люди. Так сам же Колин и принялся меня уговаривать носить их. Мол, днем больше посетителей начнет заходить обедать в рабочий перерыв.

– И как? Стало больше?

– Стало. И даже очень заметно, — признался Колин. — Сам видишь: почти полно даже с утра.

– Тогда ты с Жанной несправедливо поступаешь. Она тебе прибытки наращивает, а ты ей платишь как простой служанке. Вон Льюис делится прибылью с работниками и говорит, что самому много легче стало. Жадничать нехорошо!

Жанна между тем выставляет на стол кастрюльки с куриными ножками и картошечкой и плошки с подливками. Яичница, еще шкворчащая на сковородке, перекладывается на небольшое блюдо.

– Что вы, Серж, — восклицает девушка, — Колин совсем не жадный, а платит мне больше, чем любой другой служанке.

Жанна опять улепетнула на кухню, а Колин в раздумье произносит:

– Знаешь, Серж, — ведь Жанна мне почти как дочь. Ее покойный отец был моим другом. Да и ты сам видишь, что таверна во многом благодаря именно ей такая, какая есть. По завещанию ей достанется четверть всего. Однако я еще что-то не спешу покидать этот мир. Может, ты и прав. Выделить ей сейчас хотя бы десятину было бы справедливо. Надо поговорить с синьором

Имрихом.

– Что еще у вас любопытного? — интересуюсь я, принимаясь за куриные ножки.

– В городе вроде больше ничего значительного. Хотя вру. Пару недель назад случилось небывалое. В город заявились гном Арзон и эльф Везер. Расспрашивали о тебе. Ко мне заходили. Но я-то откуда знаю, когда ты появишься?

– Не сказали, зачем я им понадобился?

– Нет. А из негородских новостей есть нечто непонятное и неприятное. Корабли стали пропадать в море. То не дойдут куда-то, то не придут откуда-то.

– Так ведь море есть море! Обычное дело.

– Обычное-то обычное, но вот число пропавших стало необычно велико.

Колин тяжело вздохнул и отправился за свою буфетную стойку. Я же добавил картошечки с подливкой себе в тарелку и капнул в стаканчик волшебного вина.

– Приятного аппетита! — послышался у стола знакомый голос.

– Здравствуйте, Жозеф, спасибо, — и мы пожали друг другу руки, — присаживайтесь.

– Судя по второму прибору, вы кого-то ждете, Серж?

– Не совсем. Второй прибор для того, кого не ждешь, но он всё равно придет.

– Понятно! Значит, для меня.

– Для вас.

– Благодарю, — и Жозеф тоже начал опустошать кастрюльки и плошки.

– Должен поздравить вас, Серж! Ваша брючная провокация удалась как нельзя более. Тонко разыграна.

– Что вы говорите, Жозеф! Какая провокация? О чём вы? Хотя, впрочем, учитывая ваши таланты всеведения, вынужден признаться: был грех. Надеюсь…

– Нет-нет, что вы! Разве можно? Я им даже и не намекал — Виолетта могла бы расстроиться. Да и с мо-

ей стороны это было бы очень бестактно. Она как ребенок увлеклась новой модой.

– Вот и хорошо. Пусть думают, что всё произошло само собой.

– Пусть думают.

Жозеф откинулся на стуле и достал свою курительную трубку. Набивая ее, спросил:

– А сейчас вы надолго к нам, Серж.

– Как всегда, не знаю. Всё зависит от обстоятельств. Правда, сейчас у меня со временем свободнее, чем обычно. Рассказывайте: что там в море-то?

– Никто ничего толком не знает. Пропадают бесследно корабли — и всё. Я, как ни стараюсь, ничего не вижу на этот счет.

– Как с морскими витязями?

– Да. Правда, вчера появилась одна зацепка. Пришло судно, его команда рассказывает о какой-то погоне, от которой им удалось уйти.

– Погоне? Скверно. Пахнет пиратством.

– А что это — пиратство?

– Как? Вы не знаете? Это морской грабеж.

– У нас такого никогда не было! Ни в Верне, ни в других странах.

– Это происходит не в странах, а в морях за их пределами. А причиной тут известная вам, Жозеф, корысть.

– Хорошо, что вы об этой угрозе что-то знаете. Во дворце завтра будет Большой совет по этому поводу. Я, в общем-то, пришел пригласить и вас, Серж. Раз уж вы оказались в Верне...

– Завтра? Я же не знаток в вопросах морского грабежа, но у меня дома есть знакомый капитан, который сталкивался с этим. Могу его пригласить.

– Конечно, конечно, если он сможет прибыть, то мы с радостью его примем.

– Во сколько совет?

– В двенадцать.

– Мы не успеем. На два часа можно перенести?

– Перенесем.

Минут через пять болтовни ни о чём Жозеф засобирался и ушел. А я размышляю: как бы мне добраться до леса? В коляске или верхом? Что-то я возгордился перед самим собой своими недоказанными талантами наездника, раз ставлю себя перед таким выбором. Нет —пожалуй, рановато, и многострадальные нижние телеса жалко. Как вспомню о последствиях первых уроков верховой езды в графском замке Анны Петровны, так жуть берет! Хотя, с другой стороны, лошадей теперь не боюсь и с вожжами наверняка управлюсь. Нет, не буду искушать судьбу!

Подхожу к стойке.

– Колин, одолжи мне, пожалуйста, коляску. В лес съездить нужно.

– Какой разговор! Бери, конечно. Сам будешь править или мальчика тебе дать?

– Сам. А то вдруг придется долго ждать.

Колин свистнул дворового мальца и велел заложить коляску. Минут через десять я уже катил к городским воротам, с гордым видом понукая пару шустрых, разномастных лошадок. Пробившись без потерь через ворота, я почувствовал себя уже опытным возницей и бросил поводья. Лошади мгновенно встали. Что за чёрт!? Взял поводья в руки — пошли. Бросил — встали. Взял — пошли. Не хотят лошади верить в мой кучерский опыт — и всё тут!

Бросил поводья напротив галльского воображалы. Сидит себе на заборе и как обычно, буравит меня своим желтым глазом. Все так же молчит, прохвост! Не буду я провоцировать его на словесную перепалку — опять ведь не дождусь ни звука. Как можно высокомернее отворачиваюсь, презрительно хмыкаю в его сторону и трогаю лошадей. Отъехали с лошадками локтей на сто — и вслед нам несется победное "ку-ка-ре-ку". Вот гад!

Словно в спину плюнул! Так и подмывает вернуться и высказать этой мерзкой птице всё, что я о ней думаю.

Трусим по дороге — и наконец дотрусились до знакомого камня. Правда, сегодня тут гостей никто не ждет. Как опытный кучер, понимаю, что лошадей не следует оставлять на солнце. Сворачиваю с дороги и ставлю коляску в тени деревьев. Слезаю с козел и углубляюсь в лес. На поляне собраний лесного народа никого нет. Присаживаюсь на колоду и погружаюсь в размышления. Как мне их найти? Чёрт, как это я сразу-то не сообразил! Дриада-то ведь тут живет! Тихонько стучу по стволу Священного дуба.

– Нельга, ты дома?

Нельга выглядывает из ствола половиной лица.

– Ты меня помнишь?

Она согласно медленно мигает глазом.

– Скажи, пожалуйста, где бы мне найти Арзона и Везера? Или проводи к кому-нибудь из них, кто поближе.

Отдельные детали дриады втягиваются в дерево, и она сама вся целиком появляется из-за ствола. Манит меня рукой и направляется вглубь леса.

– Нельга, ты говорила, что у тебя все вещи пропали. Что у тебя было?

– Зеркало, — прошелестело в ответ.

Ну конечно же — зеркало! Что еще может быть ценного у дриады? Всё же как ни крути, а присутствие дриады здесь довольно странно. Ведь дриада — нимфа, существо из античных мифов, а не средневековых сказок. Что-то перепутано в этом мире! Хотя нет — это было перепутано у меня в голове при сотворении мира.

Шли, наверное, минут пятнадцать среди звуков и запахов сказочного леса. Птиц глазу почти не видно, но мелодичное разноголосие их пения ласкает слух и словно обволакивает со всех сторон, как в просторах большого театрального зала с хорошей акустикой. Нельга грациозно, с неподражаемой легкостью скользит между

стволов. Такое впечатление, что она даже не касается ногами земли. Справа тихий шорох. Пятнистая оленуха с крошечным оленёнком провожают нас взглядом огромных черных глаз. Слева тихий шорох. Колючий еж деловито спешит куда-то со своими заботами. Еще кто-то невидимый шебуршит в кустах, обрывая с них то ли листья, то ли ягоды. Лес полон жизни, которая никого не опасается и ни от кого не скрывается.

Выходим на большую, залитую солнцем поляну. Множество небольших, самых разных домиков и других сооружений, к которым слово "домик" вроде как не совсем подходит. Одни сложены из тонких бревен. Другие сплетены из ветвей. Третьи, похожие на большие палатки и шатры, затянуты шкурами каких-то животных. Это удивляет. Шкуры на поляне и непуганое зверье тут же за деревьями! Как эльфам удается это совмещать?

Оживленно — наверное, как в деревне американских индейцев доколумбовых времен. Почти все чем-то заняты. Даже ребятня. Нельга что-то шепнула ближайшей девочке, и та понеслась куда-то вдоль домов и не домов. Мы не добрались и до середины поселения, как нам навстречу вышел приветливо улыбающийся Везер.

– Вы не представляете, как я рад вам, синьор Серж!

– Просто Серж, — поправил его я. — И я очень рад опять встретиться с вами, Везер. Говорят, вы с Арзоном меня искали. Надеюсь, не для того, чтобы огорчить?

– Что вы, что вы, Серж! Просто нам нужна ваша помощь. Возникли кое-какие трудности при изготовлении известных вам новых музыкальных инструментов. Правда, трудности не у нас, а у гномов, но какая разница? Делаем-то одно. Пойдемте — я покажу, что и как делаем мы.

В дальнем углу деревни — открытые навесы, под которыми большие столы. Несколько эльфов разного пола что-то старательно и сосредоточенно делают тут и там.

– Вот готовые шкатулки для механизмов, — указыва-

ет Везер на один из столов.

Какая прелесть! Простые и вычурные. Гладкие и разукрашенные резьбой. Янтарного, коричневого и даже черного цвета с золотым рисунком. Квадратные и цилиндрические. Просто глаза разбегаются. Беру в руки одно из чудес — легкое! Верчу так и этак, любуясь искусными украшениями.

– А вот здесь делают эти большие рога, из которых исходит звук, — увлекает меня Везер дальше.

Нельга тоже следует за нами, с интересом наблюдая за происходящим. Подходим к эльфийке, которая, высунув от старания кончик языка, слепляет вместе элементы трубы.

– Состав клея старинный, — поясняет Везер. — Ему уже сотни лет. Очень прочный. Все музыкальные инструменты им клеим.

Сильный запах хвойной смолы. Подношу к носу баночку с клеем — она! Но только какая-то очень жидкая, не тягучая, не похожая на ту, которая сразу с дерева.

– Смола?

– Она. Но, конечно, не одна. Еще и вываренный сок некоторых трав, и еще что-то. Что именно — не знаю даже я. Никуда не денешься — родовые секреты! Чистая смола тягучая, а с добавками, высыхая, становится твердой и прочной. Причем твердеет довольно быстро после смешивания — часа через два. Нельзя делать клей в запас.

На столе валяется множество склеенных между собой щепочек — пробы прочности. Беру одну из них и пытаюсь сломать по шву. Ломается в стороне от шва. Скребу ногтем шов. Твердый, но слегка царапается. Прозрачный. Очень похоже на нашу эпоксидную смолу, но в отличие от нее, как я понимаю, не ядовита.

– Впечатляет, — признаюсь я. — Пойдем к Арзону? Нельга, ты с нами? — Дриада отрицательно мотает головой, и мы вдвоем с Везером ныряем в лес.

– Гномы живут неподалеку, ближе к горам, — говорит Везер, лавируя между деревьев.

И действительно — минут через десять выходим на небольшое открытое пространство у подножия полого поднимающейся лесистой горы. Несколько миниатюрных, каменных, прямо сказочных домиков под черепичными крышами и несколько строений, похожих на амбары или мастерские. Кузница узнается сразу — по дыму из трубы и частому стуку молотка по наковальне. Широкий ручей падает с невысокой скалы около последнего "амбара". Падает не на землю, а на колесо водяной мельницы. Ось колеса уходит в строение.

Вышедший из одного из домиков гном, увидев нас, крикнул что-то в открытые двери кузницы, и нам навстречу вышел Арзон. Как обычно — хмурый, озабоченный. Однако во взгляде на меня почти неуловимо почувствовалось облегчение, невысказанная надежда. Что-то всё-таки проняло, допекло этого индивидуалиста и упрямца! Интересно, что? Поздоровался с нами первым, и вполне благожелательно.

– Здравствуй, Арзон! Ты искал меня?

– Искал. Хотя мне этого совсем не хотелось делать.

Чувствуется, что такое признание далось старику нелегко. Задета его гордость, самолюбие самостоятельного, независимого человека!

– Идите за мной, — и ввел нас в мастерскую напротив кузницы.

Сначала могло бы показаться, что мы вошли в кладовку, полную старого и никому не нужного, ломаного хлама. Однако на первый взгляд хаос оказывается на самом деле довольно своеобразным, имеющим смысл сложным порядком. На столах-верстаках какие-то инструменты, приспособления и множество, множество всяких механизмов и конструкций как простого, так и сложного вида. Многообразие всего и создает ощущение хаоса.

Арзон ведет нас в глубину мастерской, где уже знакомый мне по собранию племен гном колдует с какой-то плоской штуковиной. Рядом стоит граммофон, но совсем уже не тот, который я доставил в этот мир. А вот разбросанные повсюду печатные листки бумаги — похоже, как раз те, которыми я снабдил этого гнома, когда он впервые разглядывал граммофонную пластинку. Гном отрывается от работы и вопросительно смотрит на нас.

– Урзон, расскажи и покажи гостям, чего мы добились, — говорит ему глава племени.

– Покажи, покажи… — с досадой ворчит тот, — было бы что показывать!

Тем не менее Урзон пододвигает к себе граммофон и кладет на него обычную виниловую пластинку, запускает вращение и ставит иглу. Звук обычный — граммофонный с шипением и легким потрескиванием.

– Конечно, — поясняет Урзон, — звук не идеальный. И тона не те, что в натуре, и объема нет. Однако слушать всё-таки приятно, и при этом не требуются музыканты. В соседней стране наши соплеменники добывают из земли горючую жидкость и делают из нее масло для смазки машин. Мы выменивaем у них это масло. Вот смотрите, что происходит, если применить его сюда. Мы это придумали, поняв, что шум и скрипение с ваших пластинок при передаче звука удваиваются на наших.

Урзон достает склянку с маслом и кисточкой. Обмакивает кисточку в масло и промазывает поверхность вращающейся пластинки. Шипение и потрескивание мгновенно прекращаются, а тембр звука становится заметно ниже, объемнее. Голос певицы становится почти естественным. Вот так карлики! До чего додумались! А в нашем мире такое никому и в голову не пришло, несмотря на простоту! Так что и магнитофонная перезапись с пластинок всегда крайне скверная. Надо запомнить такой фокус!

Урзон снимает пластинку и заменяет ее каким-то се-

рым каменным диском примерно в сантиметр толщиной.

– Это слоистый камень, который есть в наших горах. Очень толстый и тяжелый. Тоньше брать нельзя — сразу ломается, но зато на нём можно процарапать то, что у вас называют звуковой канавкой. Но перед этим камень нужно долго шлифовать, чтобы поверхность стала гладкой.

Урзон запускает камень. Шипение ужасающее! Сквозь него едва можно узнать мелодию Штрауса.

– Кроме того, — Урзон прекращает пытать наш слух, — игла быстро приходит в негодность.

– А вот пластинка из олова.

Звук этой не в пример лучше. Почти как у виниловой. Но тонкую и легкую пластинку, как говорит Урзон, не сделать. Сразу сгибается и становится негодной. Дальше выяснилось, что медная пластинка намного качественнее, если бы опять-таки не большой вес и дороговизна металла. Самый лучший результат дает пластинка из тонкого бронзового листа. Достаточно легкая, упругая, но очень дорогая и сложная в изготовлении. Проще сделать несколько граммофонов, чем одну бронзовую пластинку.

– Мы в тупике, — признал Арзон, и Урзон уныло поддакнул ему. — Мы не нашли нужного материала для пластинок. Хотя перепробовали буквально всё. Даже твердое дерево. Материал ваших пластинок в природе не встречается, и как он делается — мы не знаем. Нужна либо поставка материала, либо секрет его изготовления. Мы подумали, Серж, что вы сможете нам что-нибудь подсказать.

Да-а, есть над чем задуматься! О каких-либо поставках и речи быть не может, а сам я не химик и о виниле или чём-то таком никакого представления не имею. Ни в плане *из чего* он делается, ни *как* делается. Надо подумать.

– Про материал мне ничего не известно, Арзон, —

оба гнома разочарованно вздохнули, — но нужно поразмышлять. Я тут у Везера вроде видел что-то подходящее. Давайте немного погуляем. Если можно, то покажите мне вашу водяную мельницу.

Оказалось, что можно. Прошли сначала к ручью, полюбовались вращением колеса. Прекрасная машина для этого времени! Зашли в мастерскую рядом с ней. Вращение мельничного колеса передается на примитивный токарный станок и еще на какие-то мешалки, крутилки. Одна из крутилок оказалась приспособлением для прорезания звуковых дорожек. Очень интересно! А в одной из мешалок бултыхается какая-то густая масса. Почему-то вспомнилась машина такого же назначения для перемешивания эпоксидной смолы в нашей лаборатории.

– Везер!

– Да?

– Я видел у вас в деревне тонюсенькие деревянные дощечки, из которых собираются раструбы для граммофонов. А можете делать их размером с граммофонную пластинку?

– Очень просто.

– Дерево мы уже пробовали, — напомнил Арзон.

– Это ничего, что пробовали. Можно попробовать еще раз, но в другом качестве. Мы ведь имеем дело не с одной задачей, как казалось бы на первый взгляд, а с двумя сразу. Проблемой легкого, прочного основания, материала для размещения на нём музыкальных дорожек. И проблемой подходящего материала для само́й звуковой дорожки. В пластинке из нашего мира обе проблемы решены одним материалом. Здесь такого универсального материала в нашем распоряжении нет. Если мы решим эти две задачи по отдельности, то скорее всего, решим и задачу совмещения двух решений в одном предмете.

Арзон, Урзон и Везер насторожили уши и заинтересованно уставились на меня.

– В моей стране очень популярен древесный материал под названием "фанера". Это два-три слоя тонкой древесины, положенные крестообразно друг на друга и промазанные между собой клеем. После высыхания под прессом получается легкий и прочный материал с ровной поверхностью. Для вас, Везер, делать его — не проблема!

– Сделаем!

– Очень хорошо! Теперь поговорим о материале для звуковых дорожек. Когда мы были в мастерских Везера, то я заметил, что высохший клей по твердости похож на материал вот этой черной пластинки из нашей страны — не очень легко, но можно поцарапать. Если всыпать в клей очень тонко размолотый в пыль порошок, например из горящего камня — угля, то высохший клей станет более твердым и прочным, чем сейчас. И при этом не шероховатым, как обычный камень. Не будет портить иглу. Если покрыть этим составом фанерку, то мы и получим слой материала для звуковой дорожки. Только вот звуковые дорожки в таких заготовках уже не нужно будет прорезáть.

– Как это?! — в один голос воскликнули все трое.

– Очень просто. Раз слой для дорожек сделан на основе смолы, то он будет размягчаться, если его сильно нагреть. Так, Везер?

– Да, мы это знаем — и что из того?

– Урзон, что будет, если на такую заготовку наложить вашу разогретую бронзовую пластинку со звуковой дорожкой и сильно прижать?

– После остывания дорожка с бронзы отпечатается на засмоленной фанере. Но она играть не будет. Дорожка будет зеркальной — не в том направлении закрученной. Понял! Нужно сделать бронзовую пластинку с дорожкой, нарезанной при обратном вращении. Тогда с нее можно будет лепить нормальные пластинки как пирожки!

– Всё верно. Сразу идеально, конечно, не получится, но опытным путем все препятствия преодолимы. Арзон, учтите, что угольная пыль очень вредная. Перемалывать уголь придется вам, и поэтому нужно озаботиться масками из плотной ткани.

– Понятно. Знаете, Серж, сейчас я уже не жалею, что мы стали искать совета у вас. Может быть, и мы можем вам чем-то помочь?

– Можете. Если у вас найдется хорошее ручное зеркало, то буду очень благодарен. Лучше, если оно будет серебряное.

– Нет ничего проще! Зайдем к зеркальщикам.

И зашли. Там я выбрал изящное серебряное зеркало на ручке и, распрощавшись со всеми, отправился восвояси. Проходя мимо Священного дерева, постучал по стволу:

– Нельга, ты дома?

Дриада высунулась из ствола.

– Вот, гномы просили передать тебе зеркало.

– Спасибо, — прошелестела зеленоватенькая девушка, — очень благодарна! Только вряд ли это гномы сами обо мне вспомнили…

Мои лошадки мирно щиплют травку. Водружаюсь на козлы и отправляюсь назад в Верн. Что за чёрт! Этого воображалистого петуха на придорожном заборе почему-то нет. Ага, прячется! Боится мести за кукареканье мне в спину? Конечно же, не знает, что я не злопамятный. Утренней толкотни у городских ворот уже нет. Стражники приветливо кивают мне, даже не приподнимаясь с лавок, чтобы заглянуть в коляску на предмет обнаружения контрабанды. Обленились, или их предупредили, чтобы вообще меня не беспокоили?

Сворачиваю на Рыночную улицу, а затем в проулок с иголкой на углу. Останавливаюсь у резиденции Льюиса. На другой стороне всё так же мужская очередь. Правда, стала покороче. Но зато чуть дальше, через несколько

домов возникла очередь из женщин, девушек. И немаленькая притом. Льюис, как всегда, стремителен и энергичен.

– Синьор Серж, как мы все рады видеть вас! Идемте, идемте в дом! Расскажу, что было за ваше отсутствие.

– Да что вы, Льюис, разве вы сможете передать словами то, что я видел происходящим на улицах?

– Да-да, вы правы. Кое-что уже выплеснулось на улицы. А королева, королева-то была в таком восторге, что описать невозможно! Да и как не быть, если в новом наряде муж с нее просто глаз не сводит.

– А в мастерских как, Льюис, — проблемы есть?

– Всё, слава Богу! Жаловаться не на что. Дело идет само собой, как мы и предполагали. Вашу долю я положил в банк на ваше имя. Банкира вы в прошлый раз видели. Почти две с половиной тысячи декст. Можете брать у него хоть всё сразу, хоть по мере надобности.

– Спасибо, Льюис. Раз всё хорошо, то я не буду мешать вам. Всего доброго! Да, передайте вашим коллегам и от меня привет и наилучшие пожелания!

– Непременно передам! Всего хорошего, синьор Серж!

Выехав из текстильного проулка, я свернул в денежный и положил в карман пару золотых. Банкир поинтересовался: а не хочу ли я пустить свой капитал в рост? Отказался. Нафиг мне это надо! Куда я деньги-то буду девать? Необитаемого острова для хранения клада у меня нет. А у банкира держать скучно. Залез на козлы. Подумал. Слез с козел и вернулся обратно к банкиру. Написал поручение на имя Жанны Монк для распоряжения деньгами в мое отсутствие. Банкир, похоже, очень удивился, но вопрос задал только один:

– Всех денег? И этих, и тех, что будут?

– Всех.

Свалив на всякий случай бремя богатства на ничего не подозревающую Жанну, я с легкостью в душе вспорх-

нул на козлы. Лошадки словно уловили начинающее одолевать меня чувство голода и резво застучали копытами по направлению к "Морскому дракону".

*

Я предупредил Колина, что если кому понадоблюсь, то буду только завтра утром. Подкинул ему в кассу на будущие расчеты золотой. Теперь сижу на скамеечке у себя во дворике и млею на солнышке, переваривая славное жаркое. Жанна сбежала из таверны и копается в цветочной клумбе.

– Серж, а может быть, нам посадить здесь и полевые цветы?

– Почему бы и нет? Мне очень нравятся колокольчики и ромашки.

Чувствуется, что Жанна хочет что-то спросить, но словно никак не может решиться. Замирает на мгновение, глядя на меня снизу вверх.

– Серж, а она красивая?

– Очень, и в чём-то похожа на тебя. Такая же стройная, глазастая, старательная и добрая.

– А как ее зовут?

– Зубейда.

– Какое славное имя! Словно песня.

– Вы обе сами по себе словно песня. Я, Жанна, хотел попросить тебя еще об одной услуге, кроме ухода за домом.

– Да?

– В мое отсутствие заниматься делами, в которые я сам, присутствуя здесь, мог бы вмешаться. Мне почему-то кажется, что именно ты сразу поймешь, во что меня потянуло бы влезть.

– Что вы, Серж, — как я это смогу понять?

– Очень просто. Тебя саму к тому потянет.

Жанна замерла с лопаткой в руке, соображая, о чём тут может идти речь.

– Вы, наверное, имеете в виду помощь кому-то или

чему-то?

– Именно.

– Я не против. Но ведь мои возможности очень скромны. Чаще я могу только посочувствовать, посожалеть, а кому какой толк от моих сожалений…

– Ты забываешь, что у тебя есть хорошие друзья с того вечера с танцами. Помнишь?

– Конечно.

– Не у многих есть такие друзья, как королевский волшебник, синьор Герц и сама королева, к которым ты можешь обратиться в любой момент. Я уж не говорю о Крисе и Колине, которые в тебе души не чают. Но не думаю, что всякий раз тебе понадобится их помощь. Часто могут помочь просто деньги, оказавшиеся под рукой. В банкирской конторе Циммермана лежит бумага, дающая тебе право распоряжаться моими деньгами в мое отсутствие. Их там немало. Используй, когда потребуется. Ну, и на мое хозяйство тоже — если не будет хватать того, что выдает синьор Имрих. Неплохо к тому же, если в доме всегда будет лежать сорок-пятьдесят декст на наши внезапные нужды.

– Поняла. Я попробую.

Жанна вскоре ушла, а я стал собираться домой. Хотя, впрочем, тут и собираться-то нечего. Даже переодеваться не требуется!

Дом, Дом, где ты, Дом…

*

За Капитаном не пришлось отправляться в южные моря. Оказался у себя. Сидим у него и вкушаем то, что даже нектаром называть оскорбительно.

– Капитан, я принес небольшой сувенир для вашей коллекции, — и протягиваю ему золотую монету с профилем Виолетты Вернской.

– Спасибо, занятная вещь! Кстати, а твое приглашение туда еще в силе? У меня как раз время есть.

– Не только мое приглашение в силе, но и настоя-

тельная просьба от той, чье изображение вы держите в руке. Завтра нас с вами, Капитан, ждут на Большом королевском совете.

– Чует мое сердце, что ты там что-то затеял. Королевские советы по пустякам не собирают.

– Ничего я не затеваю. Просто некоторые события там в последнее время тревожные. Потребовался консультант. Я посоветовал пригласить вас.

– И что за события?

– В море неожиданно часто стали бесследно пропадать суда.

– И что я тут могу присоветовать? Всё в руке Божьей, а не моей.

– В Верне неизвестно пиратство, а вы в нём большой спец.

– А почему ты полагаешь, что там запахло пиратством?

– В порт пришло судно, команда которого рассказывает о какой-то погоне, от которой им удалось уйти. Подробностей я не знаю. Выясним завтра на Совете.

– Такими делами обычно занимается военный флот.

– В Верне и соседних государствах нет ни военного флота, ни армий. Там никто не воюет уже больше ста лет.

– Сказочное вино, сказочное государство… — в раздумье пробурчал Капитан.

– Да уж такое получилось. Мне в нём хорошо.

– Не сомневаюсь. Нужно захватить с собой навигационные инструменты — вдруг придется выходить в море. Да и местоположение твоего Верна определить было бы интересно. Вот мои пиратские края почему-то совсем не там географически находятся, чем Карибское море здесь. Заметно не там — восточнее. На три-четыре тысячи миль. Разница по меридиану приличная. По широте же совпадает.

– Это получается, что ваше личное Карибское море,

Капитан, почти на месте Испании нашего общего мира.

– Вот-вот. Именно так и получается. Плохо, что в твоем Верне нет военного флота. Пиратство — это такая зараза, что если в зародыше ее не пресечь, то позже будут большие трудности.

– Понимаю. Поэтому и надо срочно что-то предпринимать. Нельзя допустить, чтобы хорошая сказка была испорчена.

– Скорее всего, понадобятся вооруженные суда.

– Вот как раз с этим очень плохо. Вряд ли можно быстро построить. Есть там один старый военный фрегат, но уж в таком состоянии, что лучше о нём и не думать. А также может беспокоить и другое. Наличие дубинки часто вызывает искушение кого-нибудь ею трахнуть.

– Ты это о чём, Сергей?

– Если создать военные суда для борьбы с пиратством, то не появится ли у кого-то искушение использовать их и для войны?

– Да, тоже задачка, но сначала нужно узнать, что же на самом деле происходит там у вас в мирных морях. Когда совет-то?

– В два часа. Я специально попросил его отнести на такое время, чтобы я мог до этого показать вам город, порт. А для навигационных измерений, как я понимаю, вам, Капитан, нужен будет полдень. Так что отправимся часиков в десять. Позавтракаем спокойно.

– Что одеть?

– Всё равно. Хотя ваш обычный китель будет выглядеть вполне уместно.

*

В десять часов утра мы благополучно материализовались в гостиной моего домика. Капитан обозрел первый этаж, поднялся на второй. Вышел на улицу. Осмотрел ее и фасад дома. Ответил на приветствие прохожего и вернулся обратно. Вышли в садик и присели на ска-

мейку.

– Очень недурно ты устроился, Сергей.

– Здесь — Серж.

– Серж так Серж. Миленький домик, миленький садик, тихая улочка, доброжелательные жители… В самом деле — сказка. Чистенько! Чувствуется женская рука.

– Приходящая экономка. Недорого.

– Понятно. Ты вчера что-то про завтрак говорил?

Снялись с места и двинулись в "Морской дракон". Пока шли, Капитан всё вертел головой, разглядывая местную публику. Увидев Жанну в брюках, просто обомлел.

– Твоя работа?

– Отчасти. У меня тут доля в местном модельном и пошивочном деле. Жить-то ведь как-то надо!

– Само собой. Чем нас тут накормят?

– Жанна, что сегодня на завтрак?

– Ветчина с горошком, жареная рыба и как всегда — яичница.

– Устраивает? — спрашиваю Капитана.

– Вполне, — и когда Жанна отошла, добавил: — Сказочная девушка! Подъезжать не пробовал?

– Пробовал.

– И что?

– Дерется.

– Тяжелый случай!

– Да уж, но экономка — просто золото.

– Вот даже как! — поразился Капитан и примолк, наблюдая за руками подошедшей Жанны, порхающими над столом.

– Спасибо, Жанна, и винца не забудь!

– Стало быть, этот кабачок и есть источник вкусового и обонятельного чуда?

– Он самый, а хозяин — поставщик двора. Да вот и он сам. Здравствуй, Колин. Познакомься — капитан Вик.

– Очень рад, капитан. Большая честь для меня — принимать вас в моем заведении.

Видно, что расшитый золотыми шевронами китель Капитана и его мощная стать произвели крайне благоприятное впечатление на руководство таверны. Впрочем, и другие посетители с любопытством посматривают в нашу сторону.

– Знаешь, Колин, а ведь капитан Вик оказался здесь лишь ради твоего волшебного вина. Сейчас мы только по капельке. Нам еще во дворец идти, но когда освободимся, заглянем к тебе еще раз. Приготовь пару бутылочек нам с собой.

– Непременно! — и Колин отплыл обратно за свою буфетную стойку.

– Знаешь, — оценил Капитан, — здесь и ветчина под стать вину. Хоть каждый день ходи сюда завтракать!

– А что мешает? Я попрошу Жанну, чтобы заказала для вас ключи от дома. Дорогу теперь знаете, а этот стол обслуживается бесплатно для моих друзей.

– Это как? Сел за этот стол — и значит, твой друг.

– Нет, Жанна и Колин запоминают тех, кто приходит со мной. Если пришел уже без меня и сел за этот стол, то денег не возьмут. А если сел за другой стол — то придется платить.

Этот стол иногда называют королевским. За ним в моем присутствии произошел как бы сговор о браке между принцессой Виолеттой и молодым графом Казимиром. Достопримечательность, однако! Вы не находите, Капитан, что нам пора домой двигать? Без четверти двенадцать уже. Не прозевать бы полдень!

Сижу на скамейке и наблюдаю, как Капитан расчехляет свои навигационные инструменты — секстант и хронометр. Премудрая эта штука — определение координат, но Капитан благополучно справляется, посверкав линзами и зеркалами секстанта. Посмотрел какие-то таблицы. Задумался.

– Интересно, Сергей, — твой дворик находится на той же долготе, что и мой остров Альберта. Но по широте

севернее где-то на полторы тысячи миль. Это для мореходов не так уж много. Три-четыре дня плавания. На Верн в моем пиратском мире обязательно бы наткнулись, если бы он был… ну, как сказать — в той же мировой плоскости, что ли.

– Ладно, определились с местом под солнцем. Пойдем прогуляться до порта или здесь посидим?

– Лучше прогуляемся.

В порту обычная погрузочно-разгрузочная суета. Капитан с одобрением рассматривает причаленные бортом суда.

– Похоже добротные, надежные. По чистоте и порядку видна и дисциплина, хоть и торговые. А притоны для матросов есть в городе или в твоей сказке всё без исключения как в раю?

– Чего не знаю — того не знаю, но можем узнать, если сэра Виктора интересует обмен опытом или конкурентные секреты для своих собственных заведений. Вон старшина цеха грузчиков к нам спешит. Он всё знает.

– Здравствуйте, синьоры. Рад приветствовать вас в порту! Чем могу служить?

– Покажите, пожалуйста, судно, команда которого рассказывает о какой-то погоне за ними, — попросил его Капитан.

– Это "Эмилия". Она в самом конце причала. Пойдемте, я вам покажу. Хотите поговорить с кем-нибудь из команды?

– Нет, просто посмотреть на само судно.

"Эмилия" оказалась четырехмачтовой, длинной, стройной и довольно узкой посудиной. Заметно крупнее других судов.

– С тысячу тонн водоизмещением, наверное, — заметил Капитан. — Хорошее судно — быстрое и парусов много. Но не характерное для этого времени. Такие суда как вид строились значительно позже. Видимо, это одно из самых первых. Неудивительно, что ему удалось уйти

от погони. Наверное, всё-таки не врут о нападении. Зачем бы врать?

– Капитан Вик интересуется: а есть ли в Верне притоны для матросов? — обращаюсь я к старшине грузчиков.

– Притоны — это что? — не понимает он.

– Ну, самые скверные и грязные кабаки.

– Есть, есть один неподалеку. Для любителей острых ощущений. Грязнее некуда! Хотите посетить? — спрашивает старшина, подозрительно поглядывая на Капитана.

– Нет, не сейчас. Как-нибудь потом. Сейчас нам некогда. А доступные женщины в этом кабаке есть? — продолжаю я дискредитировать Капитана.

– Конечно, есть, — брезгливо отвечает старшина. — Можно даже и выбрать погрязнее. Я же говорю, что для любителей пощекотать нервы. Можно даже и драку заказать с поножовщиной или самому затеять ее.

Распрощавшись со старшиной, поднимаемся к центру города по Королевской улице.

– Вот видите, Капитан, — и в моей сказке всё как у нормальных людей. Есть и грязные притоны, и грязные проститутки, и грязные бандиты. Я сам и не подозревал. Надо будет как-нибудь сходить поразвлечься! А то вот так живешь, живешь, думаешь, что в раю, а на самом деле настоящая жизнь, оказывается, проходит мимо.

– Что-то ты больно развеселился. Далеко еще до дворца?

– Да уже и пришли. Это магистрат. Это дом королевского волшебника, а вот это — королевский дворец. Про фонтан ничего сказать не могу. Пока еще и для меня загадка. Водонапорной башни не видно, а струи-то какие высокие!

Из своего дома выходит Жозеф и присоединяется к нам. Знакомлю его с Капитаном. С интересом разглядывают друг друга. Из окна второго этажа дворца выглядывает Герц.

– Что вы там стоите? Только вас и ждем.

Без пяти два. Миловидная служанка проводит нас на второй этаж. Я думал, что в гостиную, но, оказывается, что для совещаний есть своя комната. Не такая уж и большая. Круглый стол и дюжина стульев. Видно, даже Большие советы немногочисленны. Сейчас уже здесь всего трое. Главный министр Герц, начальник стражи синьор Пери и капитан "Эмили" Берг. Здороваемся и знакомимся. Не успеваем присесть, как входят Виолетта и Казимир. Взаимные легкие поклоны — и рассаживаемся за столом.

– Кто начнет, синьоры? — спрашивает Виолетта.

– Пожалуй, я, — отвечает Герц. — Сама проблема в общих чертах всем присутствующим известна. Не буду ее описывать. На сегодня ситуация неутешительная. Судя по всему, пропажа кораблей началась месяцев пять-шесть назад. Никто не видел ни обломков, ни вылавливал живых или мертвых людей с пропавших кораблей.

Только месяца два назад удалось понять, что происходит что-то странное и непонятное. Ведь мы не могли знать, что какой-то корабль не дошел до нас. Пока оттуда же не придет очередной корабль, команде которого известно, что перед ними должен бы приплыть к нам другой корабль. То же самое и с кораблями, уходившими от нас. Пока из портов их назначения к нам не приплывали корабли с известиями, что отправленные отсюда суда к ним не приходили.

Удалось установить три обстоятельства. Пропало около сорока судов. Пропадали одно-два судна в промежутке неделя-полторы. Пропадали на путях, лежащих далеко друг от друга.

– Что значит "в промежутке"? — спросил Казимир.

– Между пропаданиями проходит неделя или полторы. Редко две, и так регулярно.

– Понятно. Это всё, что мы знаем?

– Да. За пять лет от бурь погибло меньше судов, чем пропало за последние полгода.

– Да, скверные дела, — огорченно признала Виолетта, — и ведь войны-то нет. Жозеф, у вас есть что-нибудь?

– Ничего. Как в прошлый раз в порту. Происхождение угрозы не определить. Я пытался следить за судами, покидающими порт Верна. Почувствовал только внезапное исчезновение одного из них в двух днях пути от Верна. Больше ничего. Потом подтвердилось, что это судно не пришло в порт назначения.

– Так, тогда очередь капитана Берга. Капитан, прошу вас.

– Слушаюсь, Ваше величество! Мы вышли из Миндано неделю назад. До Верна три с половиной дня пути. В середине второго дня показалось какое-то крупное судно без флагов и стало догонять нас параллельным курсом. Стали видны пушки на палубе и в бортах. Примерно в миле позади этого судна держалось еще одно такое же. Ветер был свежий, и "Эмилия" несла только половину парусов. С преследователя выстрелили из носовой пушки поперек нашего курса — сигнал спустить паруса. Поскольку известия о пропавших судах меня не обошли, то я отдал команду ставить все паруса.

Видимо, преследователи подумали, что матросы пошли на мачты убирать паруса, и не стреляли какое-то время. Когда нападавшие поняли свою ошибку, "Эмилия" уже резко увеличила ход, и преследователи отстали, сделав вдогонку два выстрела. Одно ядро застряло в корме. Я принес его с собой.

– И это всё?

– Всё.

– Нельзя ли взглянуть на ядро? — поинтересовался Капитан.

– Пожалуйста.

Капитан скрупулезно обследовал снаряд. Взвесил в

руке.

– Десятифунтовое.

– Что скажете, капитан Вик? — спросила Виолетта.

– Пока ничего. Если позволите, Ваше величество, я задам капитану Бергу несколько вопросов.

– Задавайте.

Вопросов последовало не несколько, а несколько десятков. О размерах судов-преследователей, рисунке бортов и носа, высоте и виде кормовой надстройки, мачтах, парусной оснастке, количестве пушек, одежде людей и множестве еще чего. Мы молча сидели и слушали этот допрос. Капитан Берг даже вспотел. Наконец поток вопросов иссяк.

– Ваше величество, я пока ничего определенного не могу сказать. Объявите перерыв. Мне нужно посоветоваться с Сержем.

– Сколько времени вам потребуется?

– Минут пятнадцать.

– Перерыв на пятнадцать минут, – объявила Виолетта. — В гостиной можете посовещаться, а мы тут пока поговорим о других делах.

Капитан с минуту постоял перед портретом Виолетты на коне.

– Какая прелестная королева! Фантазия у тебя красивая, Серж!

– Да ладно, о чём совещаемся-то? Очень поганое дело?

– Пожалуй, да. Корабли, которые видел Берг, не из этого времени. Такие суда, как он описал, начали строить лет на двести позже. Они характерны для моей пиратской эпохи.

– Значит, вторжение?

– Оно самое. Но я не пойму, каким образом это может происходить.

– Зато я могу сказать, каким. Еще осенью мы с Ахмедом случайно попали на общий праздник волшебных

существ наших миров. Дело происходило в Багдаде, а там оказались существа вообще отовсюду, а не только с Востока. Это означает, что есть какая-то возможность ходить, перемещаться между нашими мирами, минуя машину Швейцера. Если есть такие сухопутные проходы, то почему бы не существовать и морским? Ваши подопечные, Капитан, наверное, совершенно случайно наткнулись на такой проход и теперь эксплуатируют его на всю катушку. Всё равно, что лиса в курятнике. Здешние мореходы совершенно беззащитны перед такой напастью.

– Так, понятно. Что-то нужно делать. Судя по словам Герца, морское пространство, где действуют пираты, очень велико. Нам их тут трудно было бы выловить даже при наличии множества военных судов, которых на данный момент нет. Заманить? Подставить суда-ловушки? Так их тоже нужно иметь. Остановить судоходство и ждать, когда пираты появятся вблизи берегов? Найти место перехода наугад? Сто лет можно искать и не найти. Выследить? Как, где и чем? Остается, пожалуй, только одно.

– Согласен. Нужно попробовать отловить их с той стороны. База — это их уязвимое место.

– Другого и не остается. Будем искать их стоянку. Описание пиратских судов Берг дал хорошее. Они однотипные. Но вот названия не видел. Я могу перечислить полтора-два десятка пиратских посудин, которые подходят под это описание. А их ведь много больше.

Мы вернулись в комнату советов. Виолетта молча, с ожиданием смотрит на Капитана. Он с трудом начинает:

– Ваше величество, мне неприятно об этом говорить, но и ситуация очень неприятная. Не исключено, что будет долгая война на море.

Герц даже застонал сквозь зубы.

– Однако это не значит, что ее нельзя попробовать предотвратить. Попытку мы сделаем, но удастся ли она,

мы не знаем. Слишком много неизвестного и не зависящего от нас. Капитан Берг хорошо описал напавшие суда. Это пираты — довольно многочисленные морские разбойники и грабители. Их порты и стоянки очень далеко, и непонятно, как они открыли путь в ваши моря. Обычно он для них закрыт. Но если они вдруг все полезут сюда…

Мы с Сержем отправимся в их края и попытаемся с той стороны запереть прорыв. Если нам это не удастся — делать нечего, придется строить корабли для борьбы с пиратами.

– Сколько времени нам ждать вестей от вас с Сержем?

– От недели до месяца.

– Что нам делать сейчас?

– Сократить до минимума все расходы, взыскать по возможности долги, договориться о возможных кредитах, провести перепись специалистов кораблестроения и вооружения. Еще я посоветовал бы задержать в порту Верна судно капитана Берга. Из всех находящихся в порту судов только оно пригодно для переоснащения в военное. В угрожающей ситуации "Эмилия" может быть выкуплена у владельцев даже без их согласия. Также следует начать переговоры с соседними странами о совместной борьбе с пиратами. Построить нужно будет пятнадцать-двадцать судов, и очень быстро.

– Да, без участия соседей нам такое количество не осилить! Что ж — будем готовиться к войне, не теряя надежды, что вам удастся предотвратить беду. Синьор Герц, на вас финансовая подготовка.

– Слушаюсь!

– Жозеф, вам переговоры с соседями.

– Понял!

– Казимир, тебе переговоры с цехами, гильдиями и подготовка набора моряков.

– Хорошо!

– Капитан Берг, ваше судно остается в Верне. Уведомьте своих судовладельцев о причинах.

– Слушаюсь, Ваше величество!

– Синьор Пери, ни слова вашим подчиненным. Городская стража давно прославилась распространением слухов и паники.

Пери, покраснев, молча поклонился.

– Совет окончен.

Остались мы с Капитаном и Виолетта с Казимиром. Не говорим ни слова и не смотрим друг на друга.

– Вот, — прерывает молчание Виолетта, — как бывает. Кончилась детская беззаботность. Пойдемте обедать.

На обратном пути заглядываем в "Морского дракона", и Жанна приносит нам бутылочки.

– У меня к тебе просьба, Жанна. Закажи еще один набор ключей от моего дома. Капитан будет заезжать в Верн в мое отсутствие. Не пугайся его внезапных появлений и не обижай его.

Жанна взглянула на Капитана, представила, как она могла бы попытаться обидеть его, и рассмеялась:

– Не беспокойтесь, Серж, всё будет в порядке — не обижу. Сил не хватит!

*

Опять сидим у Капитана. Бутылочки стоят нетронутыми. Пытаемся сообразить, с чего бы начать.

– Потеряю уважение к себе, если мы не выручим твою королеву и королевство. Давай сгребать в кучу всё, что нам известно. Пиратам неоткуда взяться, кроме как из моих южных морей. Значит, искать их нужно на архипелаге.

– Не значит, а вероятнее. А вдруг они не с архипелага или просто не из Порт-Альберта, Румпеля или Тринидада, где у вас есть агентура? Тогда что? Есть ведь наверняка и другие пиратские стоянки. Так что первым делом нужно выяснить, где они есть еще, кроме самых много-

численных, и доступны ли они для получения оттуда сведений.

– Согласен. Это мы можем поручить Люку. У него везде есть связи. Второе, что нам известно, — так это периодичность рейдов: неделя-полторы. У пиратов графиков выхода в море не бывает. Стало быть, интересующие нас сейчас будут выбиваться из общей картины одним и тем же ритмом "отплытие — возвращение".

– Это хороший признак. Даже очень хороший. На "Альберте", "Компасе" и "Пинте" мы сразу можем установить наблюдение за ритмом рейдов и даже опросить о прошлом. Сразу станет ясно, здесь они или нет. Времени кучу сэкономим!

Только что пришло в голову еще одно соображение. Неделя — это ключ круга поиска стоянки пиратов. Вы говорили, что полторы тысячи миль — это три-четыре дня плавания. Обратно столько же. Получается неделя. Стало быть, стоянка должна быть в круге полутора тысяч миль от некоторых мест нападения на суда. Не дальше. Промежуток между рейдами может увеличиваться сколько угодно, но уменьшаться не может. Нужно посмотреть по карте, что удобное для пиратской стоянки попадает в этот круг. Архипелаг, понятно, попадает. А что еще?

– Я посмотрю, но попозже. Сначала обследуем самое крупное и доступное. Не будем распыляться сразу на всё. Так, товары. Награбленное надо куда-то сбывать. Это не может проходить бесследно. Разница времени в двести лет непременно скажется на характере и виде товаров. Нужно посмотреть за товарооборотом на архипелаге и везде, где удастся.

– Да, пожалуй. Тоже хороший признак для распознавания, выслеживания. Но меня вот всё же смущает одна вещь — периодичность рейдов. Не слишком ли умны эти пираты для нас с вами, Капитан?

– Ну-ка растолкуй, о чём это ты.

– Полгода грабежей, а периодичность нападений одна и та же. Следовательно, Капитан, мы можем предположить, что действуют одни и те же пираты.

– Допустим — и что в этом такого?

– Жадность других пиратов должна бы нарушить этот график. Если награбленное начать сбывать, то другие коллеги по профессии непременно приметят чересчур удачливых собратьев. Начнут следить, чтобы обнаружить таинственный источник удачи. Чтобы этого не произошло, награбленные товары в южных морях сбывать нельзя. Раз периодичность сохраняется, то либо товары просто складируются, либо у пиратов есть собственный вывоз за пределы южных морей. Я склоняюсь ко второму.

– Согласен. Но вывозить товары имеет смысл только в Европу, а от архипелага она слишком далека и долог путь. А у нас нет времени вести долгую слежку. Разве что в случае, когда ничего другого не останется.

За что еще можем зацепиться?

– За деньги. Товары очень приметны, а деньги — нет. Как я понимаю, на архипелаге в хождении золотые и серебряные монеты. Причем их такое разнообразие, что не имеет смысла делать между ними различие по месту происхождения. Только по виду металла и весу.

– Понимаю. Откуда монеты, всем наплевать, а нам — нет, и мы как раз должны выудить из обращения новые монеты и проследить, откуда они появляются.

– Вот именно. Конспирация конспирацией, но ведь участников-то много, и хоть кто-то должен из них где-то проколоться!

И еще вот что, Капитан: ситуация такова, что, возможно, имеет смысл отказаться от собственной конспирации и легализовать "Морской ветер", если это окажется возможным. Но это решать вам самому. Я не настаиваю. Однако события могут начать развиваться так, что лучше иметь "Морской ветер" прямо под рукой в Порт-

Альберте.

– Резон есть. Я подумаю. Легализовать "Морской ветер" как торговое судно вряд ли удастся. Сэр Хаксли верно приметил, что грузовых трюмов на судне не осталось. Можно попытаться легализовать как частное судно для охраны караванов. Но это решается через английское адмиралтейство — канитель. Можно проще. Отправить Грегори в ближайшую, как бы независимую страну и за взятку поставить корабль под флаг страны как военное судно по контракту. Сообразим на месте. Есть в твоем предложении некоторые сложности для моего промысла в южных морях.

Капитан взглянул на часы.

– Ого, уже ночь! Сегодня куда-то двигать поздно. Отправимся завтра с утра.

*

Всё та же жара даже на террасе дома сэра Виктора в Порт-Альберте. Питер и Макс получили инструкцию держать яхту наготове и отправились в порт. По их словам, капитана Грегори в городе нет, но они собирались за ним на стоянку "Морского ветра" завтра утром. Переодеваюсь, беру свой сидор, и мы с сэром Виктором отправляемся в "Рак" — как бы за очередной добычей. Да и позавтракать не мешает!

В таверне народа еще немного. Усаживаемся за стол. Люк, увидев нас, собирается выбраться из-за стойки. Сэр Виктор машет рукой — мол, не надо, позже.

– Что желаете, господа? — раздается чем-то знакомый голосок.

Батюшки, Анабель! Вот так сюрприз! Улыбается, довольная нашими удивленными физиономиями.

– Как это вы решились, Анабель? — спрашивает сэр Виктор.

– Посоветовались с Грегори и пришли к выводу, что это будет лучше, чем пропадать дома со скуки.

– Тогда и Марта, наверное, где-то поблизости?

– Марта будет попозже, когда посетителей прибавится.

– А Марианна? Ее, случаем, не уволили из-за вас?

– Марианна теперь старшая в зале. Тоже будет ближе к обеду.

– Анабель, — интересуюсь я, — а аристократическое происхождение и воспитание не мешают?

Слегка помрачнев, женщина присаживается на стул.

– Знаете, Серж, сначала было трудновато. Эти физиономии, манеры и мои воспоминания… Я ведь всего чуть больше месяца тут в таверне. Понемногу привыкаю. Мне даже начинает нравиться. Марианна тоже не жалует эту публику и ничего — работает уже давно. Да, должна поблагодарить вас, Серж, за свадебный подарок. Чудесный набор инструментов! Так что же вам принести?

– Наш обычный завтрак — это курица, яичница и утреннее вино.

– Сейчас доставлю.

Управились быстро. Люк уже ждет нас в своей конторе.

– Что сначала, сэр Виктор: дела или сплетни?

– Дела.

– Удалось перехватить под носом у других торговцев около ста предметов изумительного оружия. Сабли, пистолеты, охотничьи мушкеты... Тонкая чеканка, отделка серебром и золотом. В Испании такое любят. Обошлось всего в двести фунтов. Испанец поломался, но всё-таки взял за восемьсот пятьдесят.

– Хорошо ты его вытряс! Мне ничего не отобрал?

– Кинжал.

– Покажи!

Люк достает предмет из сундука, разворачивает тряпку и с глубоким вздохом кладет кинжал на стол. Сэр Виктор прямо вцепился в него. Обычно невозмутимого вида как не бывало! Действительно, вещь изумительная!

Ей бы место в Эрмитаже или Оружейной палате! Черные ножны покрыты чеканным золотом. Рукоять в виде золотой змеи с раскрытой пастью и рубиновыми глазками. Видна каждая чешуйка. Еще два рубина по обе стороны основания рукояти. Тончайшая вязь гравировки с чернением. Клинок — длинный и тонкий, как зеркало, отливающее голубизной, — тоже покрыт золотой вязью гравировки. Сэр Виктор передает его мне. Тяжелый. В ножнах движется бесшумно, словно смазанный. Хочется любоваться и любоваться без конца. Прямо завораживает! С сожалением возвращаю. С сэром Виктором тоже что-то не так. Будто внутренне борется с самим собой. Люк тоже не сводит глаз с этого шедевра. Словно наваждение какое-то напало на всех! За обладание такой вещью могут и убить запросто. Сэр Виктор первым приходит в себя:

– Да, Люк, поразил. Вижу, и тебе нравится.

– Еще бы! Сколько через мои руки прошло всякого, но такого еще не видал!

– По моим расчетам, у тебя на прошлой неделе был день рождения?

– Был. Повеселились тут немножко после закрытия "Рака".

– Пусть это будет мой подарок тебе. Ну-ну, всё нормально. Не говори ничего! Давай-ка лучше дела продолжим.

Кинжал опять отправился в сундук.

– Лома золота и серебра за три месяца было куплено на тысячу восемьсот фунтов. Отдано за две тысячи шестьсот. Сезон на это был какой-то очень урожайный. Вот перекупщики много и не давали.

– Так.

– Кофе досталось нам немного. Я успел схватить только четыреста мешков по десять шиллингов* за мешок. Продавец спохватился и продал почти две тысячи мешков по пятнадцать шиллингов другим торговцам.

Кофе я сбыл по фунту за мешок.

– Тоже деньги немалые.

– Решил я тут немного разгрузить склад. У нас ведь там всего понемногу, из чего заманчивые крупные партии не составить, но вещи интересные. Думаю: позову торговцев прямо на склад — не тащить же всё наружу. А чтобы оживленнее был торг, запустил туда Голландца и Испанца одновременно. Они и начали хватать всё подряд, выпендриваясь друг перед другом.

– И что?

– Вычистили всё на три четверти.

Сэр Виктор захохотал.

– Ну и мастак ты, Люк, на всякие выдумки! И что в результате?

– Я уж и не знаю, сколько было плачено за то, что на складе. По нескольку лет вещи лежат. Взял с каждого по семьсот фунтов, и они были довольны. Чуть ли не полдня вывозили всё на тачках!

– Отлично! Большие расходы были?

– Грегори сообщил, что частично сопрели запасные паруса. Чтобы не рисковать, решили запасные обновить полностью. Четыреста пятьдесят фунтов как корова языком слизала! Жалование же еще команде! Так что чистый остаток — тысяча триста двадцать фунтов.

– Давай их сюда! Серж, просмотри.

Люк грохает на стол два мешка. Я развязываю их, высыпаю всё на стол и начинаю разглядывать. Люк забеспокоился.

– Да что вы — нет там фальшивых!

– Не в фальшивых дело, Люк. Мы другое ищем. Появилась тут где-то одна уж больно зловещая команда. Наделали дел, но неизвестно, кто именно. Пытаемся нащупать. Вот об этом сейчас и будет разговор. Ну, что, Серж?

– Ничего.

– Мы, Люк, не знаем, где и как эта команда наследит.

Может быть, начнет расплачиваться деньгами, которых здесь, на архипелаге, еще не было. Такие деньги у них должны быть. Так что если заметишь монеты, которых раньше не было, то сразу сообщи мне! Подавальщиц предупреди, чтобы такие монеты в обмен не пускали. Принимали, как и все прочие, не подавая виду, что именно они нам интересны. Но сразу же предупреждали бы тебя или нас с Сержем. Нам нужно выяснить, кто принес монеты и куда он направился. Понимаешь? — Люк кивнул.

– Второе. Нам нужно выяснить, какие суда уходят из Порт-Альберта и возвращаются регулярно с промежутком неделя-полторы.

– Так это я могу прямо сейчас сказать. Да вы и сами знаете, сэр Виктор. Патрульные фрегаты, которые сегодня в порту, уходят обычно на неделю-две для охраны части торгового пути вдоль архипелага. Возвращаются на день-два и опять уходят. Я и сам понимаю, что охрана довольно странная. Охранять путь далеко в море и не обращать внимания на стоянки пиратских судов на соседних островах… Ну, уж это дело английского адмиралтейства! Видно, Лондону так выгодно.

Факт, что на морском пути вдоль архипелага пиратских грабежей нет. Да, иногда эти фрегаты кого-то отлавливают. Потом отловленных судят и вешают на реях тех же фрегатов.

– Про фрегаты-то я знаю, но просто забыл — примелькались. Но это не то, что нужно. Эти слишком на виду и грабежом не могут промышлять. И по описанию совсем не они. Да и уходят, и приходят у меня на глазах уже несколько лет. Мы же ищем судно или суда, у которых недельно-полуторная регулярность рейдов началась с полгода назад и идет до сих пор.

– А-а, тогда таких в Порт-Альберте нет.

– Я тоже думаю, что нет. У тебя далеко вокруг есть связи и друзья. Попробуй добыть всё, что можно, о пи-

ратских стоянках в других местах, куда только дотянешься. И как можно скорее. На "Компас" и "Пинту" мы сами сходим.

– Да, чуть про сплетни не забыл. Есть что-нибудь интересное?

– О каких-нибудь тайнах вроде бы и ничего. Граф, говорят, пропал и еще кто-то. Помните того полуутопленника с судна Ржавого Билла, который перед смертью всё твердил о красном корабле с тысячей пушек?

– Конечно!

– Рождается легенда о нём. Все пропажи теперь сваливают на красный корабль с тысячей пушек.

– Думаешь, нам это опасно?

– Как сказать. Пираты очень суеверны. Даже если и безбожники. А пропажами и красным кораблем напуганы. Боюсь, что они уже готовы сразу палить по любому красному кораблю, не разбираясь, есть на том тысяча пушек или нет.

*

"Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет…" Бежим себе по морю под раздутым парусом к "Румпелю" на "Компасе". "Компас" на месте, "Румпель" тоже, "Альбатрос" процветает. Обмениваемся приветствиями с Робом — и сразу к делам.

– Как там с Коротышкой Французом? — спрашивает сэр Виктор.

– Вернулся месяц назад пустой как барабан. Я с ним полностью рассчитался. Голландец забрал идола за пять тысяч, даже не попробовав торговаться. Продешевили мы, — вздохнув, с досадой констатировал Роб. — Свою тысячу я взял.

– Что же это у Француза со славой Кортеса ничего не получилось?

– Кто его знает, что там не сложилось? Я же думаю, что это он сам себе свинью подложил. Пока он тут распродавал индейские сокровища и трепался о славе Кор-

теса, его же приятели слетали быстро на материк по его следам и подчистили всё, до чего он еще не добрался. Остался Француз с носом. Только вот что странно. Эта добыча у меня в виду так и не возникла.

– Думаешь, появился новый скупщик, который хочет остаться тайным и дает больше нас?

– Чёрт его знает!

– Ладно, что еще по делам?

– По делам просто комедия. Малыш Кит притащил партию сахара. Хорошего. Отдает как обычно — за четверть. Через некоторое время тащит партию хлопка. Тоже хорошего. И его отдает за четверть. Потом опять сахар. Да что-то уж очень быстро. Что за ерунда? Сахарно-хлопковый флот на абордаж взял? И тут мне доносят, что видели посудину Малыша Кита под погрузкой на одном из отдаленных островов архипелага. Там плантации сахарного тростника и хлопка. Он что — начал грабить плантаторов? Рехнулся? Его же сэр Хаксли мигом повесит!

Начал я разузнавать, что к чему. Оказалось, что Малышка Кит на свои пиратские барыши купил там две плантации — сахарную и хлопковую. Тащит ко мне продукцию с плантаций и продает мне как пиратскую добычу. Тогда как скупщики хлопка и сахара дают за товар по три четверти, а не четверть, как я. Ну не идиот ли?

Мы долго не могли отдышаться от смеха.

– Да, непонятно, от глупости это или для пиратского престижа. Сведи его со скупщиками. Ну его к чёрту! Передай, что я приветствую его намерение бросить пиратский промысел. Только свою команду пусть надсмотрщиками на плантациях не оставляет. Они со скуки его самого сожрут! Давай дальше.

– Опять пошло серебро из Боливии. Много, и в уже отчеканенных испанских монетах. Как раз в то время, когда Голландец рассчитался за идола. Говорят, что в Испанию отправились два судна с таким грузом и оба не

дошли даже до нашего архипелага. Столько серебра я еще никогда не видел. Хоть купайся! Цена сразу упала до одной шестой. К Люку я обращаться не стал. Идола-то сбыли. В общем, почти всё испанское серебро перешло ко мне. Голландец не смог взять больше половины по половинной же цене — его наш идол подкосил. Предлагал забрать всё, а рассчитаться в следующий приход. Я не согласился. Море — дело неверное.

– Ну и правильно. Покажи нам серебро.

Пошли туда, где раньше был идол. Опять противный скрип несмазанной двери. Сэр Виктор поморщился, но промолчал. Посреди кладовой — пирамида холщовых мешочков тонны на полторы. Если в них серебро, конечно. Сколько ж его было тут сначала? Беру верхний. Килограммов пять весом. Какое-то клеймо с короной на мешочке. Завязка довольно легко распустилась. Пломбы тогда, наверное, еще не придумали. Непривычно сверкающие монеты, еще не окислившиеся. Сэр Виктор зачерпнул несколько и разглядывает. И мне тоже интересно. Довольно аккуратно отчеканены. Нет перекосов, наплывов.

– Ладно, пойдем в контору.

– Этот мешок я заберу с собой, — сэр Виктор вопросительно взглядывает на меня. — Потом объясню.

– Забирай.

Возвращаемся в контору.

– Что еще интересного, Роб?

– Да остальное как обычно. Только как вы потащите добычу? Три тысячи восемьсот фунтов всё-таки, — и начинает выкладывать мешки на стол.

Я их развязываю, высыпаю содержимое на стол и начинаю пересматривать монеты под удивленным взглядом Роба. Сэр Виктор отвлекает Роба в сторону и начинает вводить в курс дела.

Так, всё перерыл и ничего необычного не обнаружил. Фунты фунтами, луидоры луидорами, а дублоны дубло-

нами. Ссыпаю монеты обратно в мешки и прислушиваюсь к разговору.

– Нет, точно нет, здесь всё на виду. Обязательно заметили бы, если бы кто-то стал равномерно бегать туда-сюда. А где еще можно бросить якорь и отстояться, я постараюсь разузнать.

– Если что прояснится, то не жди и сразу ко мне посыльного. Или сам.

– Понял.

– Мешок и мне какой-нибудь дай, а то мой помощник и в самом деле надорвется.

*

Всё так же ветер по морю гуляет, а мы… это самое… конечно, на раздутом парусе бежим в Тринидад. Питер и Макс на корме, а мы с сэром Виктором сидим поближе к носу.

– Что это там тебя так заинтересовало в испанском серебре?

– А вы ничего не заметили, сэр Виктор?

– Нет.

Развязываю сидор. Развязываю мешочек с серебром, достаю монету и протягиваю сэру Виктору. Он долго разглядывает ее.

– Ага, надпись!

– Ну наконец-то! Да, на старинных дублонах и луидорах с фунтами надписи русские, а на новой испанской монете — латинские.

– И что это означает, по-твоему?

– Не знаю. Но заметил, что если в наших мирах что-то вдруг выпадает из привычного ряда, то где-то в этой точке ждет какой-нибудь сюрприз, приключение. Так что лучше подстраховаться и иметь небольшой запасец этих денег дома.

– Не до сюрпризов нам как-то сейчас.

Причаливаем напротив "Барракуды". Сегодня навстречу нам из дверей почему-то никого не вышвыри-

вают. Может, рано пришли? Зрелище уж больно занятное. Ларри на месте и сам начинает хлопотать, накрывая на стол. Народу что-то не очень много. Быстро приканчиваем обед и уходим в контору к Ларри.

– Что-то у тебя сегодня клиентов жиденько, Ларри. Докладывай.

– Кто-то пустил слух об испанском корабле с золотом из Лимы. Многие бросились его ловить. Но, я думаю, никакого испанского золота нет. Кривая Борода что-то уж очень довольный ходит. Остался здесь, а обычно первым бы бросился на охоту.

– Кривая Борода, — объясняет мне сэр Виктор, — потому, что когда-то его ранили в лицо, и теперь на месте раны волосы плохо растут. — И уже обращаясь к Лари: — Опять, наверное, что-то хитроумное затеял. Нужно признать, башка у него хорошо работает!

– Полагаю, что Кривая Борода решил малость расчистить поле грабежа от толкучки. Спровоцировал наиболее активных ловить призраков, а сам через пару дней рванет на торговые пути.

Серебра мне в прошлом месяце совсем не досталось. Роб всё заграбастал. Но зато я сижу на большой куче боливийского олова. Не серебро, конечно, но спрос большой и его очень много. По разговорам похоже, что наши удальцы загнали большой корабль с оловом на мели и теперь спокойненько и без спешки его опустошают. Испанец и Голландец смогли забрать сейчас только четвертую часть. Остальное заберут в следующий приход.

– Олово с удовольствием и сами англичане взяли бы. У них не дороже сбыть?

– Не знаю. Не видать тех, что обычно толкутся здесь. Только скупщики сахара и хлопка.

– Что еще интересного?

– Притащили двести больших тюков с шерстью ламы. Что за лама такой — понятия не имею. Взял за полцены

от овечьей с риском, что останется на руках. Забрали же у меня вдвое дороже овечьей.

– Лама — это такое горное животное с густой шерстью. Что-то вроде верблюда без горбов. Шерсть очень тонкая и теплая. Спрос обещает расти.

– Буду теперь знать. Вот вроде и всё, о чём сто́ит говорить. Денег всего шестьсот фунтов, но ведь и олово еще не ушло, а всё выкуплено.

– Вполне нормально. Ну, а слухи, сплетни?

– Граф и Рыжий Лунц пропали бесследно. Уже два месяца ни слуху, ни духу. Бедняжка Курт опять в прогаре. Ну вот не везет — что тут поделаешь! Бросил бы пиратский промысел — и дело с концом! На прошлой неделе вернулся весь побитый. Где-то в стороне от путей наткнулся случайно на какого-то торговца. Видно, что груженый, но довольно быстроходный. Гнал его Бедняжка довольно долго и загнал на свою беду почти на торговый путь вдоль архипелага. Уж было собрался пощипать торговца, но тут появились фрегаты из Порт-Альберта и задали Бедняжке такого перцу, что едва ноги унес. Только ночь и спасла. Сейчас чинится где-то неподалёку.

– Торговец, и при этом груженый — в стороне от путей и близ архипелага? — в раздумье проговорил сэр Виктор. — Это интересно. Лари; что хочешь делай, а как можно быстрее разыщи Бедняжку Курта. Хоть прямо сейчас кого-нибудь посылай или сам его тряси, но чтобы завтра координаты места, где Бедняжка встретил торговца, были у меня. Координаты и курс, которым торговец шел, когда Бедняжка его заметил.

– Что вы так всполошились, хозяин? Будут.

– Ладно, давай деньги. Серж ими займется, а ты покажи мне олово. Да и я расскажу тебе, почему вдруг всполошился.

Необычных монет я опять не нашел. Сэр Виктор, возвратившись с Ларри со склада, грохнул на стол слиток олова.

– Посмотри-ка на клеймо! Надпись не латинская. А ведь олово и серебро могут быть и с одного рудника. Это металлы-спутники. Что бы это могло значить? Давай-ка домой отправляться. Ларри, Бедняжку хоть из-под земли!

Резво бежим к острову Альберта. Уже сгущаются сумерки. Ветер сильно посвежел, и Питер с Максом взяли рифы*, уменьшив парусность. А то наша яхта начала слишком зарываться носом в волны.

– Ларри утверждает, что в тринидадском порту тоже нет интересующих нас судов, — сэр Виктор с чувством почесал затылок. — Значит, всё-таки придется начинать шмон по мелким островам.

Прежде чем идти домой, опять заглянули к Люку — забрать выручку. Зал набит битком, но никакого громкого шума. Бренчит клавесин в углу. Девушки в белых передниках порхают между столов. Марта и Марианна среди них.

– Надо же, во что Люк превратил когда-то классный притон! Стала просто богадельня какая-то, — как бы с укоризной, но на самом деле с внутренним удовлетворением бурчит сэр Виктор.

Увидев нас, подлетает Марианна:

– Здравствуйте, сэр Виктор, здравствуйте, Серж. Мы сейчас освободим для вас место.

– Не надо, не надо, Марианна. Мы на минутку. Лучше собери нам поужинать с собой. Да, и на Питера с Максом. А то они весь день с нами и дома стряпней не занимались.

Идем к Люку в контору. Кладу деньги в сидор, ждем Марианну и забираем у нее объемистый сверток.

*

– Итак, какие у нас результаты дня? — спрашивает сам себя сэр Виктор, сидя дома за столом и смачно пережевывая куриную ножку. — Отвечаю: почти никакие. С одной стороны, убедились, что в трех самых больших

портах их нет. А это самое легкое, но и то хорошо.

С другой стороны, плохо отсутствие даже намеков, где они могут быть. Порты мы отмели, но этим расширили круг поиска пока до всего архипелага. Когда просмотрим карты, то расширим его еще больше. Ты прав. "Морской ветер" нужен нам именно здесь — под рукой.

Не дает мне покоя этот таинственный торговец, который отваживается шастать по пиратскому морю вдали от торговых путей, которые худо-бедно, но хоть как-то всё-таки охраняются.

– Думаете, может оказаться сбытчиком награбленного из этой компании?

– Может — не может, чего тут гадать. Прибудет Грегори, принесут что-нибудь от Люка и Ларри — сядем за карты и будем соображать.

Входят Питер с Максом.

– Мы готовы.

– Отлично. Передайте капитану Грегори, что "Морской ветер" нужно незаметно перевести сюда и скрыть где-то здесь поблизости. Так, чтобы из Порт-Альберта можно было бы добраться до него не более чем за час. Окрестные островки и побережье Альберта Грегори знает лучше меня. Пусть выбирает место сам. Как пристроится с кораблем — жду Грегори у себя.

Сидим на террасе под почти черным звездным небом и попиваем утреннее вино. Луны нет, и за парапетом террасы была бы полная темнота, если бы не огни порта и городских домов. Правда есть еще тусклый блеск моря при слабом свете звезд. Тишина. Звук прибоя досюда не доносится. Нет даже стрекота ночных насекомых. Свежий ветер почти улегся и превратился в легкий, обвевающий ветерок.

Странно, что не хочется спать. Обычно в таких условиях я бодрствую не больше минуты. Наверное, гнетет предчувствие, что нас ждет задача, непосильная для выполнения в короткий срок. А может, предчувствие

больших жертв. Пираты-то они пираты, а всё равно как-то не по себе. Как с отцом Жозефом. Если "Морской ветер" начнет свой рейд в поиске вторгнувшихся в мир Верна, то за ним будут оставаться только трупы. Много трупов. Глубоко вздыхаю.

– Ты прав, — словно угадав мои мысли, говорит Капитан. — В этот раз не получится решить проблему с твоими нервами, просто отобрав подзорную трубу. Всё придется перенести тебе самому. Мне вот тоже не по себе. Ведь это созданные мной персонажи вторглись в твою сказку. Эта опечаленная девочка-королева так и стоит перед глазами. Однако сила воли и решительность у нее прямо-таки мужские.

– Только не вздумайте в Верне, Капитан, обмолвиться о своей роли в этой беде. Там легче воспринимают напасти от неизвестных причин. Да и вообще — причем тут вы? Просто мы все слишком мало знаем о возможностях машины Швейцера и свойствах создаваемых нами миров. Попасть бы в тот мир, который Швейцер соорудил для себя! Может, нашлись бы хоть какие-нибудь инструкции, заметки. Ведь раз есть проходы между нашими мирами, то должен быть и проход в его мир. Хотя бы уже и без самого Швейцера.

Пойду-ка я спать. Завтра, наверное, много хлопот будет.

*

Ждать Грегори пришлось почти до середины следующего дня. Было сомнение, что он рискнет вести к острову Альберта судно днем. Однако он рискнул и привел "Морской ветер" среди бела дня. Часа за два до этого бренчанье колокольчика у ворот оповестило о приходе посыльного с запиской от Ларри. Еще через полчаса приковылял Люк с подробными записками об окружающей архипелаг обстановке. Сэр Виктор обсудил с Люком его записи, сверяясь с картой, и Люк ушел.

Наконец, в сопровождении Питера и Макса прибыл

Грегори с судовым журналом под мышкой. Поприветствовали друг друга и сели за застеленный картами стол.

– Что случилось, Вик? — обеспокоенно спросил Грегори. — Это связано с последними плаваниями "Морского ветра"? Я судовой журнал захватил на всякий случай. Корабль я пристроил в укромной бухточке, в той безлюдной части Альберта, которая за хребтом. Я ее присмотрел еще тогда, когда мы с вами подбирали место постоянной стоянки судна. Она всем хороша по скрытности, но вот дальние подходы к ней на виду.

– Нет-нет, проделки "Морского ветра" тут ни при чём. На нас вдруг свалилась такая странная беда, что даже затрудняюсь, с чего начать ее описание.

– Давайте тогда я начну, сэр Виктор, — вмешался я, наблюдая за его затруднениями.

– Попробуй.

– Грегори, вы в Бога верите? — тот даже несколько опешил. Похоже, что сэр Виктор малость тоже.

– Ну, как сказать… чтобы я был бы ревностным католиком или протестантом — то нет. Пожалуй, скажу так. У меня не было случая усомниться в существовании Бога.

– Тогда вам не очень трудно будет допустить и существование такого недоступного нам при жизни мира, как рай. Мы о нём знаем, но по своему желанию туда проникнуть не можем — не знаем, как войти.

– Что ж, можно и такое допустить. Я не против.

– Вы просто прекрасный собеседник, Грегори. Бог всемогущ, и мы с вами также можем допустить, что он создал не только наш мир, в котором мы живем, но и еще какой-нибудь. И даже не один и не два. Ведь он всё может и уведомлять ни о чём нас не обязан. Рай — это легенда об одном из таких миров. Они есть, но нам не видны.

– Конечно, странно, и поверить в это трудно, но логика тут, несомненно, есть. Было бы хоть какое-то под-

тверждение. Впрочем, у рая тоже подтверждения нет.

– Грегори, вы просто поражаете меня рациональностью своего ума. Подтверждение мы с сэром Виктором вам предоставим, но несколько позже. А пока вам придется поверить нам на слово, что есть и другой мир, не в виде легенды, и он, к сожалению, может быть доступен из этого мира. Вот в этом и беда.

Мы с сэром Виктором не знаем как, где и по какой причине вдруг открылся морской проход из этого мира в другой. Но совершенно случайно ваши с сэром Виктором подопечные обнаружили этот проход и устроили в чужом мире такой погром, что страшно представить.

Грегори взглянул на сэра Виктора, и тот кивнул в подтверждение.

– Какой погром они способны устроить где бы то ни было, я представляю.

– Наша с вами очень срочная задача — виновников найти, обезвредить, а проход закрыть. Кое-что мы предприняли и теперь посовещаемся, что делать дальше.

Грегори надолго задумался. Ждем.

– Честно скажу: вы, Серж, меня сильно озадачили, и чувствую я себя довольно странно. Однако чувства эти не более странны, чем некоторые наблюдения за вами, Вик. Явно вы знаете много больше меня. Давайте сделаем следующее. Я принимаю сказанное на веру, а уж с чем придется столкнуться, буду оценивать сам. Если что-то окажется непонятно — спрошу.

– Прекрасно, Грег!

И сэр Виктор приступил к обзору случившегося, наших соображений и собранных сведений. Уложился в полчаса.

– Вот такая картина на данный момент. Давайте обсудим детали и составим план действий. Вот на карте я очертил примерную территорию, на которой может быть стоянка пиратов. Центр круга — неподалеку от Рыбных островов. Архипелаг входит в нее полностью по Юго-

Западному краю. Север и Северо-Восток — открытый океан с несколькими мелкими островками.

– Эти островки не подходят для стоянок. Это просто скалы без бухт, — прокомментировал Грегори.

– Хорошо. Юг и Юго-Восток — это самый край более южной области частых штормов. Островов много. Маленькие и большие. Есть где спрятаться. Что скажете, Грег?

– Да, спрятаться есть где, но шторма́, которые не доходят до нашего архипелага, там слишком часты. Они не позволят сохранять постоянный ритм набегов.

– Отлично. Остается не такой уж обширный сектор Запада, не входящий в наш архипелаг, и сам архипелаг. По этой области у нас есть сведения от Люка. На них положиться можно, но за полноту ручаться нельзя. Я тут пометил прямо на карте места пиратских стоянок. Это те, кого по каким-то причинам не устраивают или пугают большие порты вроде Румпеля или Тринидада. Пометил и суда, какие там могут оказаться, и их количество. Ни в одном месте не бывает больше трех судов. В нападениях участвуют два судна, но проверять нужно и одиночные стоянки. Они могут объединяться уже после выхода в море.

– Сколько всего стоянок?

– Двадцать восемь.

– Придется громить все подряд, — задумчиво произнес Грегори.

– Не обязательно. Описание нужных нам судов — у меня в голове. Если те, что на стоянке, не соответствуют — то трогать не будем. До первого выстрела с их стороны, конечно. А там уж никаких церемоний.

У нас ведь есть еще одна зацепка. Гружёное торговое судно, безбоязненно болтающееся в море, где поблизости полно пиратов. И притом там, где для торговцев дела вроде никакого нет. Острова мелкие, без плантаций. Вот координаты, где его видели последний раз, и курс,

которым судно шло.

И сэр Виктор рассказал Грегори историю с Бедняжкой Куртом.

– Так, где это будет на карте? — и Грегори поставил карандашом точку. — Чуть южнее группы "Рыбные острова". Хотя рыбы там не больше, чем везде. Не так уж далеко и от Альберта. Это почти пустое место. Хотя и центр очерченного вами, Вик, круга. Там никто обычно не ходит. Только "Морской ветер", чтобы не попасться никому на глаза, выходя со стоянки или заходя к ней. Я не зря сказал "почти". Иногда кого-нибудь и увидишь. Случайные встречи — не такая уж редкость даже в стороне от торговых путей. А здесь не так уж сильно и в стороне по океанским меркам.

Грегори взял судовой журнал и принялся листать.

– Вот мы видели издалека там какое-то судно. И вот еще раз. Два раза за полгода. Первый раз судно шло к нам, а второй — от нас. Так, курс почти совпадает с тем, что указал Бедняжка Курт. Это уже интересно. Проложим его на карте. Так-так, линия, если ее продолжать, проходит через область обозначенных Люком стоянок. Впрочем, она проходит и рядом с Альберта и Компасом. Хотя, с другой стороны, Рыбные острова не так уж и близко от обозначенных стоянок. Подозрительное судно от них может свернуть куда угодно. Правда, не очень значительно в ту или иную сторону. Иначе основной курс теряет смысл.

– Мне кажется, — встреваю я в рассуждения Грегори, — что для нас важен неоднократный приход торгового судна в место, где торговли нет, и пираты никогда не стали бы искать там торговых судов. Бедняжка Курт наткнулся на него случайно. Если вы, Грегори видели его на встречном курсе в этом месте, то место, куда оно шло, — западнее этой точки. Как ни крути, а всё-таки шерстить придется всех подряд. Все стоянки западнее.

Однако это судно или суда могут вообще не иметь к

пиратам никакого отношения. Я слышал, что некоторые торговцы не ходят по проторенным путям, а наоборот, обходят их. У меня же самого такое необъяснимое ощущение, что это таинственное торговое судно до Рыбных-то островов дошло, а вот до области, занятой пиратами, не дошло.

– Тоже может быть. Тем не менее рейд начинаем завтра с утра, — подвел черту соображениям и сомнениям сэр Виктор.

Грегори ушел домой, а мы с сэром Виктором забрались в склад Люка поискать что-нибудь для маскировки. Если Испанец с Голландцем нам хоть что-нибудь оставили. Сэр Виктор утверждает, что на всякий случай нужно будет переодеться полностью и в совершенно непохожее на то, что на нас сейчас.

Он прав. Если во время рейда "Морского ветра" сэра Виктора кто-нибудь узнает и останется в живых, то можно поставить крест на его торговом промысле. И это в лучшем случае. То же касается и моей бесценной персоны. Все видели меня как помощника сэра Виктора.

С масками возникли проблемы. Не оказалось их на складе. Придется пользоваться лицевыми платками, как грабителям в вестернах или чикагским гангстерам. Никуда не денешься. Сэру Виктору предстоит опознавать суда, а мне предметы, товары, имеющие отношение к вернскому миру.

Питер и Макс отогнали яхту к дому Анабель. Вроде всё готово к отбытию.

*

Едва забрезжило утро, мы с сэром Виктором мимоходом стукнули в калитку дома Анабель и стали спускаться к морю. Грегори догнал нас у самой яхты. Питер и Макс уже готовы. Обогнули Альберта с незаселенной стороны и чуть более чем через полчаса вошли в укромненькую бухту среди высоких скал. Красавец "Морской ветер" прислонился к каменной стене так, что его не увидеть ни

с хребта, ни с моря. Пушки смотрят прямо на вход в бухту. Кто поднимается, а кто и карабкается на борт. Питер и Макс причалили яхту к скале, а сами перебрались на "Морской ветер". Распустились паруса фок-мачты, и корабль медленно разворачивается носом к выходу из бухты.

Ветер хороший, попутный. На капитанский мостик вынесли стол и разложили на нём карты. За ночь Грегори составил порядок обхода островов: Оранж, Кастри, Роза, Большой Камень, Спан, Курао, Авес, Карас, Марга, Саона, Монга, Пена, Педро, Фиджо, Шарлотта, Пальма, Жуан, Колибри, Пилар, Сула, Гуана, Сантано, Сосо, Роман, Наваса, Аск, Рум, Андрос.

Значит, Оранж. 120 миль. Для "Морского ветра" — восемь часов пути по прямой. Но среди островов прямых путей не бывает. Так что приближаемся к Оранжу только к вечеру. Сбросили половину парусов и лавируем между крошечных островков. Иногда становится видно дно — мели. Сбросили еще парусов и пробираемся как ощупью. Хорошее укрытие для пиратов! Тут нужен большой опыт, чутье, чтобы не напороться на мель или риф.

А вот и сам Оранж. Огибаем его с запада. Довольно глубокая, серпообразная бухта с пологими песчаными берегами. Сбрасываем паруса и запираем выход из бухты, став бортом к ней. Пушки наготове. Изучаем содержимое бухты. Два небольших корабля по десять пушек с борта стоят на якорях боком к нам. Третий — довольно большой, пушек на двадцать с борта — лежит на боку на отмели. Видимо, мы помешали чистке днища от водорослей и ракушек. На берегу суета, беготня. Шлюпки, минуту назад бывшие у берега, полны людей и уже приближаются к стоящим на якорях судам. Еще минута, другая — и никакой суеты. Всё замерло и вымерло.

– Нет, явно не то, — произносит сэр Виктор, опуская подзорную трубу.

– Да, — соглашается Грегори, лаская рукой подаренный на свадьбу 12-кратный цейссовский бинокль, — не похоже на ваше описание. Разве кроме того, которое лежит на боку. Но оно лежит уже не первый день. Борт, на котором лежит, уже очищен, а верхний — наполовину. Соседство будет неприятным, но ночевать нам придется здесь. Уже темнеет, а в этой каше островов и мелей после захода солнца лучше не бродить.

Раздается команда:

– Пушки к отражению шлюпочной атаки! Тревожная вахта! Якоря отдать!

Однако ночь проходит спокойно. Никто напасть не пытается. Рассветает. Бухта всё так же словно вымерла. На пиратских судах не заметно ни малейшего движения. Но понятно, что следят за нами во все глаза. Снимаемся с якоря. Осторожно выбираемся из этого лабиринта. На очереди Кастри.

До Кастри 40 миль. Издалека видны открытая бухта и два небольших суденышка, как и помечено в записях Люка. Проходим мимо.

До Розы 60 миль. По описанию скальная кольцевая бухта с достаточно широким входом. Может оказаться два или три судна. Одно небольшое. Другие — неизвестно какие. С моря не видно, есть ли кто-нибудь в бухте или нет — стены высокие. Грегори собирает боцманов.

– Входим с разбега. Матросы на вантах. При встречном выстреле команды на стрельбу не ждать. Огонь беглый. Заряд — картечь.

– А не рискованно? Успеем остановиться? — интересуется сэр Виктор.

– Рискованно? Не очень. Инерцию должны исчерпать к середине бухты. Здесь риск не в угрозе врезаться в противоположный берег. В такой небольшой, узкой бухте у нас нет преимущества недосягаемости от чужих орудий. Нельзя позволить противнику выстрелить первому.

Так что весь расчет только на внезапность появления, которая дает преимущество первого залпа.

Идем при всех парусах прямо на расступающиеся скалы. Ветер дует в корму. Матросы висят на реях. Становится жутковато. Смотрю — сэр Виктор тоже замер. В кабельтове от линии входа раздается команда:

– Убрать паруса!

Влетаем в проход на скорости почти семнадцати узлов уже без парусов. Матросы ссыпаются вниз и сразу к пушкам. "Морской ветер" замедляет движение и действительно замирает в середине бухты. Бухта пуста.

– Видно, ушли на промысел. Хотя бы берег осмотрим.

Спускаем шлюпку. На берегу всякая ерунда. Пустые бочки, бутылки, доски, следы костра, всякое тряпье... Много тряпья и разных поломанных бытовых предметов, инструментов, навигационных приборов. Зову сэра Виктора, и вдвоем начинаем рыться в этой свалке.

– Ничего незнакомого не вижу, — заключает сэр Виктор.

– А я ничего знакомого, вернского не вижу. Значит, не они?

– Не они. Эти промышляют здесь.

При встречном ветре нам под парусами из бухты не выйти. Спускается и вторая шлюпка, гребцы вытаскивают корабль в море и ставят боком к ветру.

– Похоже, нас застукали, — говорит Грегори. — Хозяева возвращаются и, наверное, видели, как мы вытаскивались из бухты.

И в самом деле — три корабля уже в двух-трех милях от нас. Маленький идет последним. Хотя и им, и нам ветер в бок, и если драться, то драться придется на встречных курсах, но им ветер падает под более выгодным углом. У них маневренность будет лучше. Однако Грегори не дает команду ставить паруса.

– У них более выгодный ветер, но у нас выгодная позиция. Если они не изменят курса, то должны будут

пройти перед нашими пушками. Наверное, они надеются на двойное преимущество в количестве орудий. Однако ничего не знают о дальнобойности наших и о нашей способности стрелять всем бортом под углом вперед.

– Вот эти два впереди подходят под описание. Жаль, что не те, которые нам нужны. Да и идут не от Рыбных островов. Явно не те, — сожалеет сэр Виктор. — Грэг, как думаете: нападут первыми?

Ответа не потребовалось. На флагмане выстрелила носовая пушка. Ядро чуть-чуть не долетело до нас.

– Беглый огонь! Пли! — последовала команда.

Уже знакомый мне минутный дьявольский рев скорострельных орудий и внезапно наступившая тишина. Дым рассеялся. Встречное судно — или нет, это уже не судно. Встречная груда древесных обломков продолжает двигаться вперед под почти неповрежденными парусами. Не заметно, чтобы погружалась, но какие-то фигурки бросаются в воду. Другие два судна резко поворачивают и, поймав полный ветер, уходят в сторону.

Грегори приказывает поднять паруса. До Большого камня 45 миль. По описанию — это почти то же самое, что и Роза. То есть опять скала — бывший кратер вулкана. Таких здесь много. А вообще-то кругом просто мешанина из таких вот кратеров, плоских и гористых островков и коралловых атоллов. Игра природы. Райское место, если бы некоторые люди не испортили его своим присутствием.

Сэр Виктор спустился вниз — пропустить рюмочку чего-нибудь расслабляющего. А мы с Грегори болтаем о том о сём.

– Как думаете, Грегори, удастся вам управиться с Большим Камнем до темноты?

– До Камня остался час пути, и после этого будет еще три часа до заката солнца. Должны управиться.

Серж, вы знаете, а я иногда вами просто восхищаюсь. Как ловко вы провернули всё это дело с нашей с Ана-

бель женитьбой! Создали такие обстоятельства, что нам друг от друга было просто некуда деться. Конечно, и Вик сюда тоже свою лепту внес, но затея была полностью ваша с самого начала.

– Жалеете?

– Ни боже мой!

– Грег, вы преувеличиваете мою роль. Стоило в первый раз уловить, какими глазами вы смотрите на Анабель, а она на вас, — и будущее уже было видно как на ладони. Мы с сэром Виктором просто ускорили и облегчили течение событий. Да и какие могут быть претензии. Вы же сами заявили, что готовы ради общего дела пойти на такую жертву…, — и мы дружно расхохотались.

– Ладно-ладно, только вы меня не выдавайте Анабель, что я женился на ней ради общего дела. Вон Большой Камень уже в виду. Слушать мою команду! Входим, как в Розу!

Сэр Виктор поднимается на мостик. Слегка раскрасневшийся и полный душевных сил. Напяливаем импровизированные маски. Вход в бухту уже виден, но что в ней — опять загадка. Не замедляя хода, "Морской ветер" летит, словно в каменные ворота.

– Паруса долой!

Бухта побольше, чем на Розе. Поэтому инерции дотянуть до середины не хватает. Но всё равно тесная. Два очень сходных с описанием Берга судна меньше, чем в полутора кабельтовов от нас.

– Беглый огонь! Пли!

Всё тот же минутный дьявольский рев — и всё та же тишина за ним. Над водой ветра почти нет, и за дымом ничего не видно.

– Шлюпки на воду! Абордажная команда!

Три шлюпки, набитые вооруженными матросами, мигом оказались на воде и нырнули в дым. Через минуту дым осел. С берега послышалось несколько беспорядочных выстрелов. Со шлюпок в ответ — дружные ру-

жейные залпы. И опять тишина. Две шлюпки подошли к кораблям, а третья к берегу.

– Надо подождать немного пока ребята всё проверят. Потом пойдем мы, — сказал Грегори.

Через несколько минут с одного из кораблей замахали руками. Четвертая шлюпка плюхнулась на воду. Вслед за гребцами в нее спустились и мы втроем. Весь борт ближайшего корабля выше ватерлинии похож на решето. На верхней палубе трупы. У противоположного борта группка уцелевших пиратов угрюмо сверлит глазами наших матросов с ружьями.

– Это все, что уцелели? Надо же, повезло-то как! Пусть займутся своими ранеными. Эй, как вас там, — это Грегори конспиративно обращается к нам с сэром Виктором, — можете осматривать.

На нижней палубе тоже трупы. И в кубрике тоже. В коридорчике труп с очень длинными соломенными волосами — женщина. Как это? А пиратские приметы и традиции? Меня стало подташнивать. Спускаемся в трюм. Из-под ног порскнула крыса. Трюм пуст. Пороховой погреб. Ящики ядер, бочонки с порохом, мешочки с пулями, немного картечи... Грегори говорил, что ядра не требуются, а всё остальное нужно брать. Помогаем матросам вытащить боеприпасы на палубу.

Капитанская каюта. Владелец, наверное, валяется где-нибудь на палубе. Сэр Виктор собирает карты, находит судовой журнал. Раскрывает его — журнал пуст. Я взламываю шкаф и выволакиваю на стол тяжелый сундучок. Ключ в замке. Драгоценности, серебряные и золотые монеты. Откладываю драгоценности в сторону и перебираю монеты. Заходит Грегори.

– Что-нибудь есть? — спрашивает у меня.

– Ничего.

– Значит, опять не те?

– Не те. Можете забирать, — и сваливаю драгоценности обратно в сундучок.

– Спири! Заберите добычу.

На втором судне всё повторяется. Но меня уже не тошнит. Сходим на берег. Все уцелевшие пираты, включая раненых, уже здесь. Не больше пятнадцати человек. Тут же их личные рундуки*, груда бочонков, ящиков, мешков, кое-какие инструменты. Для очистки совести мы с сэром Виктором всё-таки покопались в мусоре. Ничего компрометирующего типичный для этих мест пиратский промысел не нашли. Грегори критически обозрел группу уцелевших пиратов и философски бросил им:

– В следующий раз может не повезти.

Пиратские шлюпки на берегу ломать не стали. Поднялись на борт "Морского ветра" и стали смотреть, как разгораются побитые пиратские посудины. Когда стало ясно, что пламя уже не загасить, подняли паруса. Успели выйти в открытое море как раз до темноты. За кормой полыхает зарево, словно вулкан снова проснулся. Спрашиваю у Грегори:

– Грэг, от команды Ржавого Билла в живых не оставили никого, а здесь… Почему?

– Раньше нам нужно было сохранить тайну существования "Морского ветра". А сейчас мы вышли в рейд, заведомо зная, что никакой тайны уже сохранить не сможем. Свидетели нас теперь не беспокоят. Это, может быть, и к лучшему.

*

Утро застало нас около Спана. Ничего для нас интересного. Только перепугали пиратскую мелюзгу. До Курао 30 миль. Прошли за два часа. Вот здесь подходящий объект, но один. Странно. Никакой реакции на наше появление — нет движения ни на палубе, ни на берегу.

– Еще этого не хватало! Неужели мор? — взволновался Грегори. — Тогда всё это нужно спалить и убираться отсюда подобру-поздорову.

На палубу, держась друг за друга и всё равно шатаясь, выбираются два субъекта. Подбираются к борту и

мочатся с него в воду. Нас в упор не видят.

Грегори вздыхает с облегчением:

– Перепились все. Ну, это точно не те. Тем, кого ищем, пьянствовать некогда!

До Авеса 60 миль — не то.

До Караса 55 миль — не то.

До Марги 40 миль — не то.

До Саона 30 миль — пусто.

До Монга 80 миль. Только добрались — наступила ночь. Утром начали присматриваться. Остров совсем не маленький, холмистый. Пальмы и всякая растительность в изобилии. По лоции есть хорошие источники пресной воды и произрастают пищевые растения. Есть и племена туземцев. В стороне от путей, и поэтому, наверное, не превращен в плантацию. В бумаге Люка указаны два корабля, но со знаком вопроса.

Бухта открыта со стороны моря. Видны два судна средних размеров с пушками на палубе. Одно стоит на прямом киле, но почти до ватерлинии вросло в песок на линии прибоя. Якорная цепь тоже уходит в песок. Другое судно выброшено на берег и, накренившись, стоит выше прибоя.

Высаживаемся. Видно, что такому состоянию уже не один год. Пушки сплошь покрыты ржавчиной и зеленью. Повреждений в корпусе нет. Что за трагедия тут произошла? Загадка. Из-за пальм выходит какой-то человек. Не один. Держит за руку смуглокожего мальчонку лет шести. Даже буйная растительность на лице мужчины не скрывает европейских черт лица. Без страха смотрит на нас. Похоже, что сэр Виктор начинает о чём-то догадываться. Спрашивает островитянина:

– А где остальные?

Тот молча улыбается и кивает головой в ту сторону, откуда пришел. Вроде всё и без слов ясно. Бывает и такое — иногда природа берет своё.

Пена рядом. Всего 20 миль. На Пене никого нет, но

бухточка настолько миниатюрна и мелка, что ни для какого, даже для 20-пушечного корабля не подойдет.

Педро и Фиджо проходим, не убавляя парусов. С моря видно, что в бухтах мелочь.

От Фиджо до Шарлотты самый большой переход — 140 миль. Когда добираемся — опять темнеет. Шарлота, похоже, — тоже вулкан, но очень старый и низкий. Покатые склоны поросли густой зеленью. Причем довольно большая бухта, почти в квадратную милю с довольно узким входом. Судя по лоции, идеальное место не только для стоянки, а и для хорошего порта. Всё портит неудобное местонахождение и большое количество мелей и рифов вокруг.

Здесь нас ждал неожиданный сюрприз. Когда мы были еще где-то милях в пяти от Шарлотты, на гребне кратера появился черный дымок. Словно кому-то внутри или снаружи кратера сигнализировали о том, что приближается чужак. Это нас очень обнадежило. Значит, есть что скрывать, и скрывать немалое. По мелочам сигнальные посты не устраивают.

Мы прошли мимо входа в бухту, пытаясь через горловину заглянуть внутрь. Ничего не увидели. Слишком далеко. Ближе не подойти. Кругом мели. Если ближе, то только фарватером прямо в бухту. На ночь глядя не полезли. Вернулись галсами* назад. Грегори просто запер выход из бухты. Он поставил "Морской ветер" так, что, казалось, мимо него можно протиснуться в море, и он в досягаемости пушечного выстрела.

Второй день новолуния. Серпик месяца еще узенький, но освещение достаточное для обозрения. Никто на выход ночью не полез. Зато с первыми лучами солнца в горловине появилась целая эскадра из трех кораблей по пятнадцать-двадцать пушек с борта. Идут кучно друг за другом с дистанцией, наверное, меньше кабельтова. Никак решили ввести в стрельбу сразу как можно больше орудий? Испугались? Вряд ли. При таком-то перевесе.

Не дать шансов удрать чужаку? Это скорее.

– Смотри-ка ты — а я ведь их всех знаю! Все трое из Румпеля, — воскликнул сэр Виктор. — Первым идет Кривой Янус. Вторым — Медный Хенк, а третьим — Осторожный Гарри. Гарри всегда держится позади. Это его часто выручает из неприятностей. Что это они тут нашли? Интересно, что все трое были моими поставщиками, но вот последние месяцы я их имен в отчетах Роба что-то не вижу.

– Крыть их всех по полной? — поинтересовался Грегори.

– Нет, сначала только первого и поверху. Не утопить бы его! Может фарватер закрыть. Посмотрим, что остальные будут делать.

Кривой Янус сделал пристрелочный выстрел из носовой пушки. Рановато. Зато нам в самый раз.

– По первому выше ватерлинии четыре снаряда! Пли!

Про дьявольский рев я уже упоминал? Вот-вот — сейчас он был короткий. Всего секунд тридцать, за которые точно в цель вылетело восемь десятков ядер. Верхняя часть судна превратилась в груду обломков. Гротмачта* обломилась, рухнула вперед, сорвав с фокмачты все паруса, а затем обрушилась в воду и, удерживаемая снастями, уткнулась верхушкой в дно. Судно, накренившись, встало как вкопанное. До нас донесся треск — от врезавшейся в него с полного хода посудины Медного Хенка.

Осторожный Гарри успел вывернуть руль влево и пройти буквально в футе* от Хенка. Но при большой скорости и узком фарватере ему не хватило места для обратного маневра. И он благополучно, с размаха въехал на мель справа от фарватера, прочно сев на нее.

Между тем паруса делали свое дело, толкая сцепившиеся первые два судна вперед. Ветер повернул их вокруг воткнувшейся в дно мачты, и обе развалины медленно въехали на отмель слева от фарватера.

– Вы знаете, Вик, — пораженно произнес Грегори, — сколько лет я на море, но, честное слово, такого аттракциона мне видать еще не приходилось!

– Вы знаете, Грег, — ответствовал сэр Виктор, — я и сам просто ошарашен тем, с каким мастерством они всё это проделали. Заглянем внутрь? Путь-то свободен.

– А этот, третий который, Гарри, что ли?

– Не беспокойтесь. На то он и Осторожный Гарри, чтобы не делать опрометчивых поступков. Ну, поругается разве что.

– Ладно, уговорили. Поднять паруса!

Проходя мимо Гарри, удостоверились, что и в самом деле ругаться он умеет. Причем очень громко, долго и витиевато. Отвечать не стали. Бухта действительно обширная и спокойная. В дальнем конце на якоре стоит большое грузовое судно. Таинственный торговец? Попался? Какая-то суетливая беготня на палубе. Грегори не спеша подводит "Морской ветер" к его борту. Точно ставит на такой дистанции, чтобы не сцепились снасти двух судов. На корме торговца надпись: "Св. Христофор. Ливерпуль".

Мостик "Св. Христофора" почти вровень с нашим. На нём две фигуры. Один — явно капитан. Второй — какой-то суетливый и пугливый толстячок, со страхом глядящий на нас. Грегори со скукой глядит на них в упор, словно ожидая каких-то естественных для ситуации действий. Затем лениво произносит:

– Трапчик-то всё-таки положили бы!

Мигом дощатый трап оказался перекинутым с борта на борт. Абордажная команда перешла, и мы за ней. Капитан и толстячок уже здесь.

– Капитан, соберите ваших людей на баке*. Пусть делают там что хотят, но оттуда не уходят. Мы осмотрим судно. Кто этот человек? — Грегори тыкает пальцем в толстячка.

– Я… я, — опережает капитана толстячок, — владе-

лец этого судна.

– Очень хорошо— оба будете сопровождать нас при осмотре! — И, уловив опасливый взгляд толстячка в нашу сторону, добавил: — Не беспокойтесь, в масках аудиторы, а не королевские палачи. Но, сами понимаете, ваш промысел здесь чреват всяким…

Толстячок чуть не в обмороке.

– Чтобы не было лишних вопросов, то мы не на королевской службе и сейчас здесь по праву сильного. Вдруг очень захотелось взглянуть, чем вы тут торгуете. Капитан, трюм!

В трюме ничего интересного. Хлопок, шерсть. В отдельном отсеке — ткани, немного хорошего оружия, слитки меди. В общем, обычный набор из пиратской добычи.

– Капитан, ваша каюта!

Поднимаемся в надстройку.

– Карты, судовой журнал!

Сэр Виктор стал рассматривать пометки на картах. Грегори, полистав судовой журнал, передает его мне. По записям, судно пришло сюда совсем не от Рыбных островов. Совсем даже с противоположной стороны. Отдаю журнал сэру Виктору, закончившему листать карты.

– Капитан, ваша судовая касса?

Капитан с предчувствием прощания с ней достает шкатулку и очень изумляется, когда я, покопавшись в монетах, возвращаю ее.

– Сэр, ваша каюта! — возвещает Грегори о подошедшей очереди толстячка.

Большая каюта со множеством шкафов и шкафчиков.

– Откройте шкафы.

Толстячок трясущимися руками перебирает ключи, отпирая дверцы. Так, предметы из золота и серебра. Не так уж чтобы и очень много, но и не мало. Сэра Виктора заинтересовали какие-то болванчики и сосуды. Мне же нужны монеты. Есть! Вытаскиваю сундучок на стол. Фун-

ты, луидоры, пиастры для расчетов с пиратами за товар. Всё.

Уходим молча, сопровождаемые молчаливым недоумением капитана и толстячка. Перебираемся на "Морской ветер"; матросы спихивают чужой трап в воду и баграми отталкивают нос нашего корабля от купца. Расправляем паруса и выходим из бухты. Картина не изменилась. Гарри опять шлет проклятья нам вслед. Надо же — сколько злобы в человеке! Совсем никакой благодарности за то, что не стрельнули по нему! До Пальмы 40 миль.

Пальма — это поворот обратно. Оставшиеся стоянки будем обходить уже, приближаясь к Альберта. На Пальме почему-то ни одной пальмы. Только пеньки от них. Бухта пуста, да и не пригодна даже для одного крупного судна, не говоря уж о двух.

До Жуана 80 миль. Сэр Виктор делится догадками:

– Теперь я понимаю, куда уплыла слава Кортеса от Коротышки Француза. Она в шкафах этого пугливого толстяка с Шарлотты. Пусть Француз больше болтает. Но занятные там вещи. Жаль, что мимо меня прошли.

– А почему не пуганули толстяка-то? — интересуюсь я. — Конкурент ведь!

– Он и так достаточно напуган. Вряд ли еще сюда вернется. С таким же успехом можно пугануть и меня. Тем же занимаюсь.

На подходе к Жуану наблюдаем, как из бухты выскакивает двухмачтовая яхта и на всех парусах улепетывает от нас. Несерьезно как-то. Бухта скрыта от обозрения высокими дюнами, но не настолько высокими, чтобы не видеть, что там нет судовых мачт.

Колибри — он и есть колибри по размерам. Ерунда.

До Пилара 70 миль. Пилар — мрачная скала с отвесными стенами. Словно поставленная стоймя половинка трубы. Отстояться от непогоды некоторое время можно, если прицепиться к скале, но как стоянка не годится. Нет

ни берега, ни дна, чтобы захватиться якорем. Да и нет никого.

Сула, Гуана, Сантано, Сосо не стóят и упоминания.

В Романе вместо романа чуть не случилась драма и трагедия. Нас выручило то, что подошли к острову очень рано утром. Когда сон наиболее сладок. И тактика прорыва в бухту на полном ходу тоже помогла. Бухта Романа очень удобна. Почти кольцо с милю в поперечнике с холмистым окружением. То есть от штормового ветра и волн защищена хорошо. Два высоких холма при входе в бухту, как ворота. Да и как наблюдательные пункты хороши. Густая поросль пальм и кустарника. Неудивительно, что Роман облюбован для пиратской стоянки.

Только вот нам было невдомек, что среди пиратов могут оказаться и настоящие стратеги. На одном из холмов при входе в бухту пираты установили и замаскировали пушки. И наше счастье, что в этом импровизированном форте проспали наше появление и "Морской ветер" получил всего два ядра в корму, врываясь в бухту. Грегори так разозлился на себя за непредусмотрительность, а на пиратов — за коварство, что устроил в бухте настоящий погром.

Собрали, конечно, кое-какие трофеи, но того, что искали, не обнаружили. И встали перед проблемой огня батареи форта при выходе в море. Можно сравнять ее с землей артиллерией. Но жалко времени, пороха, да и замаскированы пушки хорошо. Помог дедовский метод имитации десанта в тылу. Высадили на виду у пиратов полсотни вооруженных матросов на берег позади форта и стали ждать. Матросы просто скрылись в деревьях, и никакого штурма форта не предполагалось.

Сначала на холме засуетились, пытаясь то ли перетащить, то ли развернуть пушки. Ничего не вышло. Понимая, что помощи ждать неоткуда, защитники форта ссыпались вниз, переплыли на противоположный холм и растворились в зарослях. Матросы вернулись на борт

корабля, и мы спокойно вышли в море.

До Навасы 60 миль. К вечеру оказались там. Ситуация необычная. Два больших судна вытащены на берег для очистки днищ. Палить по ним смысла нет — пустые и от груза, и от команд. А осмотреть бы и суда, и стоянку надо. Какими бы деловыми ни были вернские диверсанты, но хоть иногда им тоже нужен ремонт, как и всем.

Ничего не предпринимали. Просто стали бортом к берегу на ночевку. Луна выросла, и незаметно к нам не подобраться. Утром на шлюпке подплыли то ли парламентеры, то ли разведчики — капитаны обоих судов на берегу. Один из них оказался знакомцем сэра Виктора. Пришлось сидеть и молчать. Правда, парламентеры с беспокойством оглядывались на две фигуры в масках, но в общем Грегори провел переговоры вполне плодотворно.

Грегори сказал, что ищем тут кое-что, а что именно — никого не касается. Предложено было два варианта. Капитаны собирают всех своих людей в кучу поодаль на пляже у нас на виду, и никто из них не трогается с места, пока мы ведем осмотр в сопровождении их капитанов. Если этот вариант их не устраивает, то мы настаивать не будем. Уйдем без возражений и даже облегчим им работу по очистке днищ. Пальнем по их посудинам, и чистить ничего уже будет не нужно.

В общем, в полдень мы уже осматривали суда на берегу, а пиратская компания почти в сотню человек грелась на солнышке под присмотром наших пушек, заряженных картечью. Главари, конечно, поартачились, когда их попросили предъявить их личные кошельки, но всё обошлось. Карты мы тоже осмотрели и мусор не забыли. Пусто.

Аск и Рум заброшены, и при этом довольно давно. Наносы перекрыли входы в бухты. Хотя в остальном места стоянок были бы весьма удобные для больших судов.

Остался Андрос. От Рума до него без малого 100 миль. Подошли часа в три пополудни. Довольно большой, зеленый остров с удобной бухтой. Оживленно, и даже очень. Никто даже не обратил внимания на наш визит. На берегу домики, хижины. Много людей на берегу, в том числе женщин и детей. Судов вовсе не пиратских и притом самых разных — с дюжину, но больших — ни одного. Я бы сказал, что это зародыш растущего нового городка и порта. В архипелаг Альберта не входит и как населенный пункт на картах не значится. Ну, и ни полиции, ни налогов, наверное. Из-за многолюдности под тайную базу никак не подходит. Как тихонько вошли, так тихонько и вышли. Пусть себе живут!

До Альберта 160 миль и попутный ветер. Позади почти 2500 миль плавания, неделя блужданий и провалившиеся надежды.

По пути поделили добычу в команде. Грегори взял свою десятину только монетами. Понятно почему. Если Анабель увидит какие-нибудь женские побрякушки, догадываясь об их происхождении и судьбе бывших владелиц, то вряд ли обрадуется. Остальное на глазок поделили поровну и разложили по мешочкам. Самый старый матрос сел спиной к столу с грудой мешочков. Грегори берет мешочек и спрашивает:

– Кому?

– Коку Джеку, — провозглашает ветеран.

– А этот кому?

– Мне!

– На, забери.

– А этот кому?

– Тоже мне!

Общий хохот.

Ранним утром "Морской ветер" входит в свое тайное убежище на острове Альберта. Настроение подавленное. Мыслей никаких.

– Посовещаемся? — спрашивает Грегори.

– О чём? Ни одной стоящей идеи нет, — констатирует сэр Виктор. — Серж, что по этому поводу думаешь?

– То же самое — зацепиться не за что. Кроме одной хиленькой мыслишки, которая у меня проскакивала перед нашим рейдом. Но чтобы ею воспользоваться, нам нужно сделать кое-какие допущения, основанные на не очень-то надежных догадках.

– Давай-давай — всё равно это лучше, чем вообще ничего.

– Ладно, Мы за неделю проработали наводки, и нам только и остается, что попробовать проработать и догадки. Итак, мы знаем, что у Рыбных островов неоднократно видели какое-то торговое судно. Не знаем, одно это судно или разные. Допускаем, что одно и с одной определенной целью именно здесь. Маловероятно, что разные суда будут столь часто ошибаться и попадать в область, где им делать нечего. Тем более что в известных нам случаях курс замеченных судов совпадает.

– Так-так, — пробормотал сэр Виктор.

– Дальше вот что. Мы только что вернулись из области, густо усеянной пиратами. Хотя курс таинственного судна и направлен сюда, но просто невероятно, что оно сюда заходило. Его захватили бы, и у Рыбных островов оно больше никогда не появилось бы. Делаем еще одно допущение. Конечная цель торговца находится между Рыбными островами и областью, занятой пиратами.

– Ну, вот, — активизировался Грегори, — а вы говорите "ничего". Это уже кое-что!

– Дальше. Вы, Грегори, говорили, что если судно свернуло бы от своего курса, то недалеко. Иначе смысл выбранного курса теряется. Стало быть, нужно оценить, насколько далеко этому судну имело бы смысл свернуть при этом курсе. Очертить границы — и две границы у нас уже есть: Рыбные острова и пиратская область. В этом прямоугольнике и надо поискать. Если не найдем, то расширим его до разумных пределов.

– Отлично, я сегодня остаюсь на судне. Приведем его в порядок после похода. Посмотрю карты, лоции этого места и прикину наиболее вероятные острова, куда нам нужно заглянуть. Буду ждать вас к вечеру. Обсудим.

*

Питер и Макс отцепили нашу яхту от скалы, подогнали к борту, и мы с сэром Виктором отправились в Порт-Альберт — позавтракать, а также собрать сплетни и новости.

В "Рак" мы попали позже обычного времени завтрака, но много раньше обеда. Посетителей немного. Добавились мы с сэром Виктором и Питер с Максом. Сегодня на обслуживании Марианна.

– Здравствуйте, давно не видела вас, сэр Виктор, и вас, Серж. Как обычно? Макс, Питер, вам тоже? Хорошо, сейчас будет.

Оглядываемся вокруг. Люк за стойкой приветственно кивает нам головой. Всё-таки очень мило и уютно здесь. И с каждым разом хоть какая-то приятная мелочь добавляется. То картины, то занавесочки… И то, что клавесин добавился, — тоже приятно.

– Сэр Виктор, а на клавесине вы не играете?

– Еще не пробовал. На пианино меня в детстве учили играть. А это ведь идея! Тряхну-ка стариной!

Сэр Виктор подбирается к инструменту, открывает крышку и тыкает пальцами по клавишам. Звук есть. Пододвигает стул, садится и пробует гамму туда и обратно. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее начинает перебирать клавиши. Звук для меня не совсем обычный, но безошибочно узнается мелодия песни Роберта из "Детей капитана Гранта".

Макс пихает Питера локтем. Мол, видал, как наш сэр Виктор может! Люк за стойкой прислушивается. Марианна, вышедшая из кухни, так и замерла, держа в руках поднос, увидев, кто играет. Музыка смолкла.

С пропитанием организмов мы покончили довольно

быстро. Питер и Макс ушли ковыряться в своей любимой яхте, а к нам подсел Люк со своими новостями.

– Шум уже начался. Красный корабль с тысячей пушек расколошматил четыре судна у острова Роза. Сколько их там на самом деле-то было?

– Три, но расколошматили мы только одно.

– Вот цена народной молве! Что услышишь — дели на четыре. Вас где-нибудь там никто не признал?

– Да вроде нет. Мы осторожничали.

– Ну, и ладно — пусть тогда болтают, что хотят, а мы посмеемся. Пойду — кто-то там, у стойки топчется.

Люк ушел, а к нам подсела Марианна.

– Сэр Виктор, а вы можете научить меня играть на клавесине? Ну хоть чуть-чуть!

Сэр Виктор засмеялся:

– Марианна, способность играть вовсе не означает способности учить. У меня это не получится.

– Как жаль. Я здешнего клавесинщика спрашивала, и он тоже отказался. А я ведь могла бы платить за уроки.

Марианна сунула руку в карман юбки, словно собралась достать кошелек и тут же начать рассчитываться с кем-то за уроки.

– А ты пробовала спросить у Анабель?

– Точно! Как же это я не подумала! Она ведь леди. Сегодня же…, — и вдруг Марианна побледнела, словно нащупала в кармане платья мышь. — Ой, какая же я растяпа! Люк же настрого предупреждал: немедленно или ему, или вам, а я отложила еще вчера и забыла.

– Что отложила? Что забыла?

– Вот. Вчера за вино расплатились. Я такую монету никогда не видела.

Я взял серебряную монету с ладони девушки.

– Вернская декста!

Сэр Виктор словно окаменел на мгновение.

– Попались! Кто дал?

– Джекки Харрисон.

– Сегодня среда?

– Среда.

– Серж, бегом! Дорогá каждая минута!

Сэр Виктор с такой прытью рванул к двери, какой от человека его комплекции просто невозможно было бы ожидать. Я за ним. Питер и Макс не стали разевать рот при виде бегущего к ним хозяина. Сразу сообразили, что случилось что-то экстренное. Мигом яхта оказалась повернутой кормой к берегу, а якорь поднят. Только мы вскочили на борт, как парус взлетел вверх.

– Куда?

– К Грегори!

Лавируем среди стоящих в порту судов. Чуть не врезались в якорную цепь барка "Пиренеи". Чуть не задели корму фрегата "Быстрый". Со стоящего рядом "Стремительного" нам вслед несется улюлюканье матросов. Выскочили на открытую воду. Ветер довольно свежий, но рифов брать не стали. Просто все перебрались на корму, чтобы уравновесить давление ветра на мачту.

– Кто такой Джекки Харрисон?

– Потом! Дай мне подумать. Такой оборот мне и в кошмарном сне не привиделся бы!

Грегори, увидев нас, сразу понял, что что-то случилось, и на палубе ни о чём не стал нас расспрашивать. Войдя в каюту, я протянул ему монету.

– Из "Рака".

Грегори сразу всё понял.

– Кто принес?

– Джекки Харрисон, — ответил сэр Виктор, — мичман фрегата "Стремительный".

Грегори даже присвистнул от изумления.

– Значит, Хаксли?

– Получается, он, сволочь! И времени у нас, Грег, на подготовку в обрез. Меньше двух часов. Сегодня среда. Фрегаты уйдут на патрулирование. А нам еще людей подготовить надо. Слежка будет непростая!

– Не пойму я что-то. Ведь фрегаты совсем не похожи на пиратские суда по описанию.

– Не похожи, но связаны как-то с ними. Монета, периодичность рейдов. Фрегаты должны вывести нас на пиратские суда. Никто же не знает, чем эти фрегаты на самом деле занимаются, уйдя на патрулирование.

– Напрямую мы за ними следить не можем. "Морской ветер" слишком велик и заметен. Придется пустить вперед вашу яхту, Вик.

– Пустим. Только надо подсадить на нее опытных наблюдателей, разведчиков. Вдруг и на берег придется высаживаться?

Грегори приоткрыл дверь каюты.

– Вахтенный! Вызовите ко мне боцмана Спири и Макса с Питером.

Когда вызванные явились, Грегори изложил план действий.

– Через час-полтора из Порт-Альберта выйдут в обычный рейд фрегаты "Быстрый" и "Стремительный". Наша задача — проследить, куда они пойдут и что будут делать. Сделать это нужно совершенно незаметно. Поэтому мы не можем вести слежку прямо с "Морского ветра". Вперед пойдет яхта сэра Виктора и будет держаться за фрегатами на пределе видимости верхушек их мачт. Тогда яхту с фрегатов не заметят. Она будет для них за линией горизонта или почти за ней.

"Морской ветер" же пойдет за яхтой почти на пределе ее видимости. Спири, вы пойдете на яхте вместе с Максом и Питером. Возьмите с собой еще пару опытных людей. Смотрите по обстоятельствам. Может быть, для разведки придется высаживаться на сушу. Прихватите с собой малую шлюпку. Она легкая и мешать ходу яхты не будет. Сигнальный фонарь на всякий случай возьмите. Мы на "Морском ветре" не будем знать, что происходит впереди. Поэтому надеемся на вашу сообразительность. Если погоня будет останавливаться и обстановка будет

позволять — мы приблизимся к яхте. Если это ночь, и вы увидите, что мы вышли из-за горизонта, то сигнализируйте, можно или нельзя приближаться. Всё. Грузитесь и выходите на видимость Порт-Альберта. Мы за вами.

Яхта ушла, волоча за собой небольшую шлюпку. Через полчаса двинулся "Морской ветер". Снова издали увидели яхту. Стоит за мысом, от которого виден Порт-Альберт. Сбросили паруса. Ждем. Через полчаса яхта двинулась вперед. Слегка продвинулись к мысу, чтобы не упустить ее из виду. Двинулись за яхтой, когда она почти дошла до горизонта.

– Идем к выходу на торговый путь вдоль архипелага, — оповестил Грегори.

Часа через два яхта стала резко смещаться к северу.

– Фрегаты не дошли до линии патрулирования и куда-то повернули. Через полчаса направление устоится, и узнаем новый курс.

И через полчаса:

– Смотри-ка ты — к Рыбным островам повернули! Совсем под боком от Альберта. Ведь от Альберта до них по прямой и двухсот миль не будет. Интересно: до темноты они приведут нас куда-нибудь или нет?

Идем уже часов шесть. Смеркается. Грегори проложил точный курс по компасу. С учетом расстояния, на котором мы находимся от фрегатов, то они часа через два пересекут линию курса таинственного торговца. При этом место, где этого торговца видели, значительно восточнее. Получается, что фрегаты идут прямиком к тому прямоугольнику, который мы утром наметили для поиска. Грегори достает подробную карту этих вод, лоцию и начинает внимательно их изучать.

– На линии нашего курса ничего нет, кроме небольшой группы безлюдных островов. Дальше пустой океан на тысячу миль. А точнее, там только один приличный остров — Карамба. Это кратер небольшого вулкана, а вокруг него отдельные крупные и мелкие скалы да отме-

ли, выходящие на поверхность. В лоции говорится об удобной, неглубокой бухте с отмелью и не очень густой растительности по наружному склону. Самая высокая точка гребня вулкана — 112 футов. Пресной воды нет. Вот и всё. Прекрасная пиратская стоянка, если запастись водой. И притом в стороне от излюбленных пиратских расположений.

– Похоже, что мы приближаемся к развязке всей истории, — в раздумье произнес сэр Виктор. Не спугнуть бы! Вдруг у них на скале сторожевой пост.

– Да, — ответил Грег, — это было бы скверно. Не удастся незаметно приблизиться даже ночью — вон какая луна! Но если здесь их логово, то ни при каких обстоятельствах мы не можем позволить хоть кому-то уйти отсюда живым. Будем надеяться на Спири. Он мастер по части тихого подхода.

Всё-таки мне непонятна роль этих двух фрегатов во всём раскладе. Курьеры? Снабженцы? Охранники? Ладно, допустим, что тут они встречаются с пиратами, которые совершают набеги. Но зачем обоим фрегатам идти сюда и притом регулярно?

– Мы знаем, что происходит на поле грабежа, — ответил сэр Виктор, — но не знаем, что происходит в бухте и что там есть. Может быть, ответ на все вопросы очень прост. Смотрите — яхта приближается. Встала, наверное.

– Спустить паруса! — послышалась команда Грегори.

"Морской ветер" остановился, а яхта через некоторое время опять пошла.

– Наблюдатели! Что там? — рявкнул в сторону мачт Грегори.

– Впереди большая скала, — послышалось сверху, — и яхта пошла к ней. А милях в полутора дальше скалы, похоже, из-за горизонта виднеется верхушка острова.

– Понятно: решили подойти как можно ближе к острову и спрятаться за скалой. Может, и нам сделать то же

самое?

И Грегори опять закричал вверх:

– "Морской ветер" за скалой поместится?

– Поместится! И не один!

– Ну что — рискнем? Скала вроде немаленькая. Если будем держать ее прямо перед собой посередине острова, то нашего подхода к скале с острова будет не видно.

Двинулись вперед. Скала стала вырастать из моря. Наблюдатели дают поправки направления рулевому. Да, камешек не маленький и выше наших мачт! На яхте не оказалось ни шлюпки, ни группы Спири.

– Как только мы добрались досюда, ребята сразу отправились на остров. Фонарь взяли с собой, — доложил Питер.

Так, полторы мили на веслах — и там еще неизвестно что. Надо ждать сигнала. Спустились в яхту и высунулись с ней из-за скалы. Остров словно рукой подать. Почти прямо перед ним из воды торчит высокий, как египетский пилон или обелиск, одинокий камень. Ближе к нам над водой — бугорок отмели, и поблизости вроде больше никаких помех плаванию и не видно. В свете луны видны даже мелкие детали: отдельные кусты и деревья на острове, кромка прибоя. Видна и шлюпка, оставленная на берегу.

– Вход в бухту с Запада, точно слева от нас. Когда фрегаты заходили, то оказались бортом к нам, — сообщил Питер.

Ждем, уставившись глазами на силуэт острова. Меньше чем через час на гребне дважды мигнул огонек. Немного погодя — опять. И еще раз.

– Идите, Серж, — произнес Грегори. — Питер, высадите нас с сэром Виктором на корабль.

На берегу нас уже ждал Спири.

– Что там? — спросил я.

– Пойдем — сами увидите.

– Сторожей не было?

– Бог миловал. Чувствуют себя в полной безопасности.

И мы стали карабкаться наверх. Бухта и в самом деле удобная. Бережок приличный и даже обжитой. Правда, голый и упирается в отвесную стену, с которой мы и наблюдаем. Какие-то легкие постройки из досок и парусов. Горят фонари. Какие-то людишки шныряют туда-сюда. В общем, довольно оживленно. На якорях стоят фрегаты и два других корабля по двадцать пушек с борта, прекрасно описанные Бергом. Есть даже некоторое подобие пирса, выдающегося от берега в бухту, а у пирса — большой торговый корабль. На фрегатах безлюдно, но зато на пиратских посудинах рабочая суета.

– Ладно, уходим.

Возвращаемся на "Морской ветер". Докладываю:

– Всё в порядке — всё здесь. И фрегаты, и пираты, и купеческий корабль тоже тут. Обжились солидно, хозяйственно. А что касается недоумений Грегори по поводу роли фрегатов, то и сэр Виктор прав по поводу легкости объяснения непонятного. Всё очень просто. Экипажи фрегатов — они же и команды пиратов. Доблестные моряки королевского флота прибывают сюда на кораблях королевского флота. Здесь переодеваются, пересаживаются на пиратские суда и отправляются на промысел.

Награбив вдосталь, переодеваются опять в королевскую форму и на фрегатах отправляются в Порт-Альберт, как после честно исполненной миссии по охране морских путей. Приходят в "Рак" и проматывают честно заработанные денежки. А честные — потому, что пострадавших-то нет. Нет не вследствие того, что их утопили. Нет по той причине, что в этом мире тех утопленников вообще никогда не было. Стало быть, ни спроса, ни наказания быть не может — не за что.

– Чёрт возьми! Да этот Хаксли — просто дьявол!

– Да, Грег, горбатого могила исправит. Знаю эту ско-

тину не первый год, но такого и от него ожидать не мог. Ладно там — взятки, поборы, темные махинации с пиратами. Однако использовать королевский флот для грабежей… При его трусости отважиться на такое! Жадность должна быть много сильнее страха.

– Ну, что? Утром идем на штурм?

– А проход? Мы не знаем, где он. Надо дать возможность показать его.

– Значит, опять следим?

– Следим и выжидаем. Вряд ли проход очень далеко.

Утром выяснилось, что проход не то, что не очень далеко, а совсем даже близко. Можно даже сказать, прямо здесь. "Королевские" пираты вышли из бухты и начали огибать остров с нашей стороны. Как только первый корабль оказался между камнем-пилоном и отмелью, он начал исчезать, словно обрезанный ножом, пока весь не исчез — будто его и не было. Грегори оторвал бинокль от глаз, потряс головой и снова припал к биноклю. Исчез около камня-пилона и второй корабль.

– Вот вам и обещанное подтверждение, Грег.

– Это просто невероятно, Вик! Просто невероятно. И нам нужно лезть туда за ними?

– Нужно. И чем скорее, тем лучше — а то уйдут. Питер, Макс, останетесь здесь за скалой и присоединитесь к нам, когда мы вернемся откуда-то оттуда. Подтянитесь к кораблю. Мы сойдем с яхты.

Грегори — сильный мужчина и мигом оправился от потрясения.

– Никуда они от нас не уйдут! У них ход на четверть медленнее нашего. Поднять паруса!

Правый поворот у острова — и мы проскакиваем мимо пилона. Словно едва ощутимая тень скользнула по глазам — и больше ничего. Правда, это фантастическое зрелище, когда море впереди как было, так и есть, а корабль, начиная с носа, вдруг начинает исчезать, и это исчезновение неотвратимо надвигается на тебя. Как

только линия исчезновения достигла тебя, та часть корабля, что была впереди, снова появляется как ни в чём ни бывало. А то, что находится сзади, постепенно словно вытягивается из картинки с изображением моря. Диковинное ощущение!

Команда предупреждена, что, возможно, будут какие-то миражи. Мираж — это всем понятно. Но вот то, что солнце мгновенно перескочило на другое место, миражом объяснить сложно. Нам-то это понятно. Мгновенно сменилась широта нашего местонахождения. И сильная жара спала. Однако никто из команды в обморок не упал. Осматриваются с недоумением — и только. Остров никуда не пропал. Каменный столб стоит. Только вот скала, за которой стоит наша яхта, словно испарилась. Впереди у горизонта видны паруса уходящих судов.

– Сейчас мы их нагоним! — всё ж таки малость нервно горячится Грегори. — За все сюрпризы и неудачи на них отыграюсь!

– Не надо спешить, — охолаживает его сэр Виктор. — Засеките на всякий случай их курс, и нам нужно замерить свои координаты. А то дороги обратно не найдем.

– Вы правы. Этак действительно Анабель может меня домой не дождаться.

Устанавливаем курс уходящих судов и свои координаты. Грегори записывает их в журнал, вопросительно взглядывая на меня.

– Напишите коротко — Верн. Для вас достаточно, а посторонний не поймет.

"Королевские" пираты ушли еще дальше. Начинается погоня. Слово и действие "погоня" щекочут нервы, когда ее результат неизвестен и победа или проигрыш лишь вероятны. На этом строится всё остросюжетное. А когда результат неизбежен и предсказуем?

Похоже, что разница в данном случае невелика. Чувствуется напряжение и в Грегори, и в сэре Викторе. Чего уж говорить обо мне! Внутри всё словно сжалось в ко-

мок. Инстинкт, безусловный рефлекс древнего охотника? Его возбуждение перед настигнутой добычей? Дикарский азарт? Возмущение попранной справедливостью и жажда мести? Наверное, всё вместе взятое и предчувствие вымещения расплаты за всё. Не знаю, что чувствует палач, занеся топор над жертвой. Угрызения, наверное, его не посещают и коленки не дрожат, как у меня.

Корабли впереди не так уж медленно и вполне верно увеличиваются в размерах. В подзорную трубу видно, что там забеспокоились. Скопились у борта, на корме и смотрят в нашу сторону. Что будут делать? Ну, само собой открываются порты двух кормовых орудий. Надо хоть название судна на всякий случай запомнить. Сейчас от кормы ничего не останется — Грегори не любит огрызающихся. В подзорную трубу видны лишь уже затершиеся следы сбитых букв названия судна.

Пальнули всё-таки, не дождались пригодной дистанции. Два ядра бухнулись в воду далеко от нас. А еще военные моряки называется! Сейчас Грегори докажет преимущества поворотных лафетов, позволяющих стрелять всем бортом вперед или назад.

– Ядра! Два снаряда! Пли! — Корма пирата в руинах.

– Цепи! Два снаряда! По мачтам! Пли!

Полетели цепи. Видно, как они, словно змеи, извиваются в полете. Рвут паруса, снасти. Почти поравнялись. Можно бить в борт. Им ответить нечем. Мы еще не вошли в их горизонтальный сектор обстрела.

– Картечь! Беглый огонь! Пли!

Минутный дьявольский рев и ответная тишина. Только сейчас понял, что́ меня до сих пор удивляло. Когда Грегори командует "беглый огонь", пальба останавливается не по команде, а ровно через минуту. Наверное, опыт подсказывает, что больше минуты стрелять — это просто порох зря изводить на стрельбу в пустое место.

Оставляем развалины плавать позади и настигаем

идущего впереди. Летящие цепи делают свое дело, но капитан этого судна резко перекладывает руль, и корабль начинает разворачиваться, чтобы сделать залп всем бортом. Это ничего не изменило. "Морской ветер" начал стрелять раньше, чем разворот преследуемого смог бы принести ему плоды.

– Спустить паруса! Абордажная команда!

Знакомая картина — корабль-решето. Матросы взлетают на борт впереди нас и рассыпаются по кораблю. То тут, то там выстрелы, но это не по нам. Из-под палубы несколько глухих выстрелов. Переваливаюсь через борт. Сэр Виктор за мной. Кругом трупы в разных позах. У борта в луже крови лежит совсем еще молодой человек с белокурыми волосами. Наверное, нет еще и двадцати. Рука оторвана.

– Мичман Джекки Харрисон, — у меня за спиной тихо произносит сэр Виктор. — Пошли.

Уносим карты и судовой журнал. Матросы волокут бочонки с порохом. Разжигаем огонь и уходим. Пока плывем на шлюпках ко второму кораблю, листаю судовой журнал. Вот где видна военная дисциплина и скрупулезность. Полный реестр. Даты, координаты, названия потопленных кораблей…

Высаживаемся. Общая картина та же. Та же, да не совсем. Копаемся с сэром Виктором в капитанской каюте. Судовой журнал тоже полон записей. Влетает Спири.

– Сэр Виктор, необычная ситуация! Двое совершенно целых.

– Вы же знаете, Спири, что́ с ними нужно делать в этом случае. В чём проблема?

– Знаю, сэр Виктор, но эти не простые. Я подумал, что вы, может, пожелаете поговорить с ними прежде, чем мы их отправим по назначению.

– Что значит "не простые"?

– Один говорит, что капитан, а другой — какой-то чуть ли не лорд из Лондона.

– Что вы говорите? И как им удалось уцелеть?

– Во время обстрела были в каюте правого борта кормовой надстройки. Туда картечь не достала.

– Спасибо, Спири, очень интересно. Ведите нас.

И в самом деле. Большая каюта совершенно цела. Навстречу нам поднялись со стульев два человека. Один — лет сорока, среднего роста, с военной выправкой. Второй — полноватый господин лет пятидесяти в буклях на голове. Кого-то мне напоминает эта презрительно оттопыренная нижняя губа.

– Вот так сюрприз! — воскликнул сэр Виктор, входя в каюту. — Капитан Фрезер! Я почему-то думал, что вы в патрулировании вдоль архипелага Альберта. Да и видел вчера ваше отплытие. И вдруг вы здесь и не в военной форме! Как это?

– Я всё объясню.

– И вот это объясните? — и сэр Виктор швыряет на стол судовой журнал. — Увольте. С вами и так всё ясно.

– А вы кто такой?

– Сэр Стенли Хаксли — второй заместитель первого лорда Адмиралтейства.

– Роберт Хаксли — губернатор Альберта — ваш родственник?

– Родной брат. Старший.

Вот кого он мне напоминает! Одного поля ягоды!

– И как вы, сэр здесь оказались и чем подтвердите вашу личность?

Хаксли-младший вытащил из шкафа шкатулку и трясущимися руками пытается ее открыть. Отбираю у него ключ и открываю сам.

– Не врет. Есть даже патент на должность. Можно было бы усомниться, его ли это документы, но рожа не позволяет. Такая же гнусная, как и у его брата. Точно Хаксли!

– Как интересно: чиновник адмиралтейства — и на пиратском корабле! Да еще при этом не в качестве

пленника, а в шикарной каюте. Что тут можно подумать и что следует сделать, Серж?

– По поводу "что сделать" у меня никаких возражений нет. Тем более что у нас полномочия приморских правительств не церемониться с преступниками.

– Я здесь с торговой миссией! — сдавленным голосом выложил последний козырь Хаксли.

– Конечно, с торговой, — подтвердил я, — мы видели ваше грузовое судно в бухте Карамбы. А вот в этом судовом журнале, как мы понимаем, список ваших поставщиков?

– Спири! — взревел сэр Виктор. — На рею обоих!

Истошные вопли утаскиваемого на палубу торговца из адмиралтейства совершенно не трогают. Перебираю бумаги в шкатулке.

– Смотрите-ка, сэр Виктор, — письма старшего брата. Полное описание его затеи. Потом почитаем. Может, узнаем, кто и как наткнулся на проход. Как там? Можно выходить? Я всё-таки на это смотреть не могу.

Сэр Виктор вышел из каюты и тут же вернулся.

– Можно выходить.

Резво бежим обратно при боковом ветре. Позади догорают два костра. Как бежим, так с разбегу и пролетаем камень-пилон. Прыжок солнца — и окунаемся в жару. Успеваю только заметить, что глубина в проходе небольшая. Метра три, наверное, а то и меньше. Под ярким солнцем отчетливо видно дно.

Входим в бухту Карамбы. Что за чёрт? Ни малейшего шевеления нигде. Но вахтенные-то хотя бы на судах должны же быть! Нет. Абордажная команда прочесывает суда и берег — ни души! Все ушли на охоту и все там и сгинули? Какая-то неправдоподобная ситуация брошенного без присмотра имущества и оружия... Настолько были уверены, что никто случайно не зайдет и ничего не возьмет? Или ожидалось настолько интересное мероприятие, что позволили присутствовать всем без исклю-

чения? Пожалуй, разгадки мы так никогда и не узнаем.

Хотя, если подумать, то иногда может быть оправданной и такая ситуация. В случае, когда решено вместо судов сделать налет на прибрежный город. Тогда чем больше нападающих — тем и лучше. Вот и захватили на грабеж всех поголовно.

Фрегаты не трогаем. С торговца забираем бумаги, золото и серебро. Немало золота и серебра. Вот ребята с "Морского ветра" порадуются — их добыча! Не станешь же искать бывших владельцев по вернским морям. Поджигаем торговца и выходим из бухты. Осталась еще одна задачка — закрыть проход.

Грегори с сэром Виктором и боцманами обследуют камень-пилон. Казалось бы, чего проще — взял да завалил его в проливчик — и дело с концом. Да вот динамита у нас нет, а всего запаса пороха не хватит даже, чтобы слегка расшатать эту махину. Интересная штука этот проход! Работает как бы только с одной стороны. С какой войдешь — с такой и выйдешь. Входили в вернские моря с запада. Вышли оттуда на запад. Для интереса с Питером и Максом обогнули мель и вошли в проливчик с востока. Ни в какое другое место не попали. Развернулись и пошли обратно. Солнце скакнуло по небу, и в воздухе похолодало. Интересно. Здесь обогнули мель и прошли проливчик. Здесь же и остались.

Ладно — вернулись в любимый пиратский мир. Народ вокруг камня всё еще плавает на шлюпке и что-то горячо обсуждает. Подбираемся на яхте к ним. Говорю Сэру Виктору и Грегори:

– Вы знаете, а мне кажется, что это не очень хорошая затея — крутиться вокруг неведомого явления со взрывчатыми веществами. А если сдвинется не только этот столб? Лучше просто засыпать проливчик камнями. Их на острове полным-полно. Да и сделать это проще с той стороны. Мы с сэром Виктором можем это организовать. Так что поплыли-ка домой. Нам еще с Хаксли как-то

разобраться надо.

На том и порешили.

*

После легкого корабельного завтрака Грегори оставил "Морской ветер" на попечение боцманов. Погрузились в яхту и покинули убежище нашего корабля на Альберта. Как обычно, с утра в "Раке" немноголюдно. Хотя какое там "с утра", когда полдень подбирается. Грегори поцеловал жену в щёчку, и она принесла нам утреннее вино. Не спеша цедим его и делимся с подсевшим к нам Люком описанием последних событий.

– А может, трахнуть нам чего-нибудь покрепче в честь избавления? — поступает очень конструктивное и своевременное предложение от сэра Виктора.

Возражений среди публики не слышно.

– Сейчас принесу, — и Люк заковылял в свои закрома.

– Вот, — вернувшись, выставляет он на стол большую и пузатую бутылку, — настоящий французский бенедиктин. Замечательная вещь!

– Ну, и разливай, раз замечательная. Как его пить-то надо? — полюбопытствовал Грегори.

– Понемножку, и фруктами заедать, — ответил знаток этого дела сэр Виктор.

– Анабель, Анабель, тащи фрукты!

Сидим и цедим сквозь зубы по капельке янтарный ликер. А если еще куснуть при этом ананасика, то вообще — почти мечта получается! Никакого сравнения с вином Колина, конечно, но тем не менее…

– Что с Хаксли-то будем делать? Может, просто придавить его где-нибудь в уголке — и дело с концом? — больше сам себя, чем нас, спрашивает Грегори.

– А мне бы хотелось довести его до петли и посмотреть, как он там будет дергаться, — высказал пожелание Люк.

– У вас очень уж добросердечные и благородные по-

желания. Про свои я не говорю, чтобы меня не приняли за садиста какого-нибудь, — и сэр Виктор тяжело вздохнул.

– У труса всегда есть уязвимое место — это его страх, а Хаксли трус. Надо его хорошенько пугнуть для начала, чтобы помучался, а потом видно будет, — предложил я.

– А чем именно пугать? У нас много чего на него найдется, — поинтересовался Грегори. — Как бы выбрать пострашнее?

– Пострашнее — это когда мучения обещают быть долгими с ужасным концом. Например, долгое разбирательство в английской бюрократической системе с явной петлей в конце. Например, использование судов и служащих королевского флота для морского грабежа вместо охраны от него.

– Это, конечно, было бы здорово, но не потонут ли какие-либо доказательства в той же бюрократической системе?

– Доказательство вины Хаксли где-то и кому-то и нагнетание страха на него самого — разные вещи. Вина там, в Лондоне, а страх-то здесь. Для начала нужно сходить в местную церковь и заказать заупокойную мессу по морякам фрегатов "Быстрый" и "Стремительный". Это должен сделать сэр Виктор и на какое-то время исчезнуть, чтобы некому было задать вопросы. Обратятся ко мне? А я могу что-то знать или ничего не знать. Ляпнуть что-то могу, да какой с меня спрос!

За столом воцарилось заинтересованное молчание оценки перспектив. Первым очнулся сам сэр Виктор. Встал, схватил меня за руку и долго с чувством тряс ее.

– Нет слов, Серж! Склоняю голову и снимаю шляпу. Это же надо такое удумать! А я вот себя, грешным делом, садистом посчитал! Далеко мне еще, ой как далеко до тебя! Какая же у тебя светлая голова!

Меня не будет — так все жёны, родственники про-

павших моряков насядут на Хаксли. А ведь в экипажах были и офицеры из английских аристократических родов повыше Хаксли. Как он втянул их в свою аферу, непонятно, но не в этом теперь дело. Нет, мне эта идея определенно нравится. Прямо сейчас и пойдем в церковь. Преподобный Уэстон, наверное, заждался нас с этой вестью.

Преподобный Уэстон сначала не поверил в масштабы беды. Потом слегка заартачился, потребовав доказательств, но в конце концов всё решает щедрое пожертвование. Через пять минут месса началась и сегодня еще дважды повторится.

Сэр Виктор погрузился на яхту с добычей со своих кабаков. С тех пор как ее собрали, она так и лежала дома. Питер и Макс подняли парус, и яхта ушла к острову сокровищ. Мне оставалось либо сидеть дома, либо пойти шататься по увеселительным заведениям. Пошел шататься по заведениям. Дошатался до "Рака". Больше оказалось некуда шататься. Перед этим заглянул в кабак верхнего города — скукотища! А в "Раке" хоть рожи живописные.

Нашелся и стол свободный. На столе все атрибуты моего разгульного времяпрепровождения — бутылка с безалкогольным утренним вином, стакан и тарелка с не совсем еще обглоданными бараньими ребрышками. Таверна постепенно заполняется народом. Оказывается, это заведение становится популярным не только среди пиратов, но и среди местного населения. Железный порядок, поддерживаемый Люком, играет свою роль. Местные мужчины перестали бояться заходить сюда даже со своими дамами. Морская вольница занимает левую часть зала, а местные — правую. Там, где стоит клавесин. Как я посмотрю, с моего прошлого, осеннего визита сюда многие пираты научились есть ложками и вилками и не вытирать руки о скатерть. Прогресс, однако!

В дверь входит какая-то молодая, печальная и едва ли не заплаканная женщина. Оглядывает зал и, не обнаруживая искомого, подходит к Люку. Он ей что-то соболезнующе говорит и показывает на меня. Когда она повернулась к Люку спиной, он, встретив мой взгляд, бессильно пожал плечами и развел руками. Такого оборота дела мы не предусмотрели. Пришлось принимать подошедшую к столу визитершу.

– Мне сказали, что вы помощник сэра Виктора.

– Так и есть, э-э…

– Миссис Харли. Мэри Харли.

– Присаживайтесь, пожалуйста, миссис Харли, — и, встав, предлагаю ей стул. — Чем могу быть полезен? Меня можете звать просто Серж.

– Благодарю. Я была сейчас в церкви, а там служат мессу по погибшим морякам. Мне сказали, что ее заказал сэр Виктор. Мой муж служит на фрегате "Быстрый". Я ничего не понимаю, и никто ничего не знает. Неужели это правда?

– Очень соболезную вам, миссис Харли, но скорее всего, именно так. Сам я мало об этом знаю. Слышал только, что оба фрегата совершенно случайно обнаружили очень далеко от места их патрулирования. Суда совершенно целы, а экипажей нет. Понимаете? Совсем нет. Ни живых, ни мертвых. Если они снялись с судов для какой-то секретной миссии, то это может знать только губернатор. Если ему об этом ничего не известно, то, сами понимаете: военный моряк, если жив, то может покинуть свое судно, только когда оно тонет, а фрегаты не утонули. Наверное, сэру Виктору известно больше. Он никогда не стал бы заказывать мессу только лишь из предположения беды. К сожалению, сэр Виктор в отъезде и я не знаю, когда он вернется.

Мэри Харли ушла, и только тут я заметил, что у входа стоит молодой человек и явно ждет, когда я освобожусь. Как же его фамилия? Стентон или Стенсон. Хоть убей —

не помню. Секретарь губернатора.

– Можно присесть, Серж?

– Пожалуйста, Стентон.

– Стетсон, с вашего позволения.

– Пусть так, но было бы проще по имени.

– Билл.

– Вы ко мне, Билл, или просто посидеть за рюмочкой чего-нибудь?

– К вам, раз сэр Виктор отсутствует. Есть кое-какие вопросы, которые хотелось бы прояснить.

– Тогда вам, если хотите задать их мне, придется примириться с тем, что я могу чего-то не знать. Но это во-вторых. А во-первых — здесь увеселительное заведение, а не какое-нибудь присутствие, где только вопросами и живут. Тут дела нужно хотя бы чем-то маскировать. Скажем, вином, приятным разговором. А то хозяин заведения обидится. Анабель!

– Да, Серж.

– Принесите, пожалуйста, нам бутылочку портвейна. Португальского.

– Сию минуту.

– Очаровательная женщина. И таинственная при этом, — произнес Стетсон, провожая Анабель взглядом.

– Анабель? Насчет очарования вы правы. Но не советую сильно поддаваться ее очарованию. Муж у нее очень суровый. Таинственная? В чём же? Анабель и есть Анабель.

– Никто не знает, откуда она и из какой семьи. Появилась словно из воздуха. Манеры не простолюдинки. Да и кто ее муж, тоже никто не знает. Интересно.

– Полноте, Билл, не лукавьте. Хотите заработать на чьей-то тайне? Секунду…

Спасибо Анабель. Вот, вот и бокальчики. Нет, больше пока ничего не надо.

Так о чём мы с вами, Билл? А, ну да. С чего вам показалось, что тут какая-то тайна? Пейте, очень хороший

портвейн.

– Я уже перечислил. И губернатор, похоже, ее знает, но я заметил, почему-то намеренно не хочет признавать при случайной встрече.

– Я не понимаю, какое вам дело, Билл, до чьих-то личных секретов, не касающихся вашей службы? Хотите кому-то их продавать? Или, может быть, шантажировать? Так я вам открою секрет Анабель. Это Анабель-Шарлотта Чарльстон. Дочь лорда Чарльстона — губернатора Ямайки. Неудивительно, что Хаксли знает ее по Лондону. Почему она работает подавальщицей в трактире? Причуда аристократки. Можете так воспринимать. И что вы теперь будете делать с этой тайной? Куда и к кому с ней пойдете? Если секрет окажется раскрытым, то теперь будет понятно, кем.

А может быть, вас интересуют еще и секреты сэра Виктора? Ведь появление здесь Анабель связано и с ним. Даже Хаксли не рискует совать сюда свой нос. У вас, Билл, что — две жизни, что ли, и одна из них лишняя? Вряд ли. Давайте-ка лучше портвейнчика по глоточку. Вот-вот, так, хорошо. Правда, отличное вино?

– Отличное. А про Анабель я просто так, чисто из любопытства.

– Ладно, ладно, проехали. Давайте свои вопросы.

– Я про заупокойную мессу, которую заказал сэр Виктор.

– И что? Месса как месса. Умерли люди, и нужно, чтобы их души упокоились.

– Почему вы думаете, что умерли? Губернатор утверждает, что это выдумки.

– Очень хорошо. Тогда, наверное, он может объяснить, куда они делись? Оба судна пусты. На них нет ни души, а сами фрегаты почему-то находятся за сотни миль от того места, где должны бы находиться при патрулировании. Сэра Виктора очень легко опровергнуть. Сказать, где сейчас находятся экипажи двух судов. Для

этого ни ему, ни мне никаких вопросов-то задавать не нужно.

Стетсон молчит. Похоже, такой поворот делает бессмысленными любые вопросы, которые были заготовлены. Чтобы собраться с мыслями, хватается за бокал. Потом внезапно начинает собираться.

– Я, пожалуй, пойду. Есть еще дела на сегодня.

– Всего доброго. Губернатору наш поклон.

Сэр Виктор вернулся только к утру.

– Ну, и как?

– Засуетились. Я еще подлил масла в огонь. Надо нам обоим сматываться отсюда. Пусть разгорится. А нас с вестями ждут в Верне.

Переоделись, захватили с собой карты, судовые журналы и перенеслись в Питер. Покопались у Капитана в холодильнике, слегка перекусили и спустились в подвал. За две недели нашего отсутствия что-то изменилось. В подвале уйма народу!

– Все хотят Windows 3, — говорит Стелла, — а она в городе пока только у нас. Не каждый, придя сюда, знает, что под новую систему машину нужно менять. Сразу же оформляют заказы и на новый системный блок. Вот и очередь образовалась. Девочки-менеджеры не справляются.

Капитан пристроился к девочкам, а я, не найдя себе места в конторе, потянул хвостик покупателей на склад. Часа за два худо-бедно толкучку рассосали.

– Может, еще человечка-другого взять? — спрашиваю Стеллу.

– Возьму, когда склад отсюда переедет. Сейчас сажать некуда.

– Ладно — тебе виднее. Мы тогда пошли.

Ушли отсюда, пошли туда и там чуть не напоролись на Жанну. Когда-нибудь это всё-таки случится! Только с Капитаном нарисовались в гостиной, как слышу скрежет

ключа в уличной двери.

– Ой, как вы меня напугали! Я утром заходила — никого не было.

– Только-только приехали. А ты что — сегодня не с утра?

– Нет, еще только иду. Решила новые ключи занести. Вот.

– Отдай капитану Вику. Мы, пожалуй, до "Морского дракона" с тобой пройдемся.

От таверны поперечными улочками добрались до Королевской площади. Опять не повезло. На стук в дворцовую дверь вышла не королева, а снова Герц. Смотрит настороженно, пытаясь по нашим лицам понять, что за известия мы принесли. Не понял.

– Здравствуйте, синьор главный министр, вот и мы. Есть кое-какие новости.

– Здравствуйте, проходите в гостиную. Я сейчас всех соберу.

– Начальника стражи, наверное, не обязательно звать. По его части дела вроде бы не будет.

– Как скажете.

Поднялись в гостиную. Капитан опять остановился перед портретом Виолетты на лошади. Долго смотрит.

– Какая же всё-таки прелесть!

– Спасибо, капитан, — прозвенел позади нас голосок Виолетты. — Здравствуйте, синьоры.

– Простите, Ваше величество.

– За что, капитан? Мне очень лестно было слышать ваши слова. Проходите в комнату совещаний. Сейчас придет Жозеф, и начнем. Казимир приболел немного. Умудрился летом где-то простыть, но сейчас уже ничего. Тоже подойдет.

Пропустив Виолетту вперед, переходим в совещательную комнату. Герц здесь. Только собираемся сесть — одновременно входят Жозеф и Казимир. Покончив с приветствиями, рассаживаемся.

– Ну, что же, — начинает Виолетта, — в ваше отсутствие, Серж и капитан Вик, нам удалось кое-что сделать. Договориться с несколькими соседями, которые и сами были уже готовы обратиться к нам за содействием. Синьор Герц как бывший кузнец сразу же принялся ковать железо, пока оно было горячо, и уже собрал вклады коалиции по борьбе с пиратством в нашу казну. Сколько вам удалось вытрясти из них, синьор Герц? Боже, что за слово — "вытрясти"! Где вы его подцепили, Герц? Какое оно заразное! Даже я повторяю.

– Это он в кабаке у Колина подхватил, — припомнил я, — от меня.

– Понятно. Так что там?

– Пока два миллиона четыреста тысяч золотых поступило из других стран. Этого хватит на строительство двенадцати кораблей. Но у нас есть еще и свои резервы, на которые мы сможем построить четыре корабля.

– Прекрасно. Вот видите. Такие средства мы можем пустить в ход. Удалось ли и вам что-то сделать, и какие масштабы беды могут нас ожидать?

– Как ни странно, но всё же удалось, — приступил я к своей части, — не без ошибок поначалу, но удалось. Вот карты рейдов в ваши моря и судовые журналы тех кораблей, которые видел капитан Берг.

– А сами эти корабли?

– Ты что, Виолетта, — Казимир тихонько пихнул жену локтем, — судовые же бумаги здесь!

– Понятно. Кораблей уже нет.

Виолетта протянула руку и взяла один из журналов. Второй раскрыл Герц. Жозеф же рассматривает карты.

– А пленные?

– Учитывая общие обстоятельства и ситуацию нашей стычки с пиратами, мы пленных не брали.

– Какой ужас! — дрожащим голосом проговорила Виолетта, листая страницы судового журнала, — Герц!

– Их здесь, похоже, гораздо больше, чем известно

нам, — ответил тот, — но названия судов в журнале и в наших списках совпадают. Конечно же, неполны наши списки.

– Очень удачно сложилось, — продолжил я, — что эта группа пиратов оказалась изолированной. Они от жадности никому более не сообщили, что случайно обнаружили проход в ваши моря. Все, кто мог знать об этом проходе, погибли. Но сам проход еще только предстоит закрыть, чтобы случайность больше не повторилась. Проще это сделать с вашей стороны. Вот координаты ме́ста. А вот мои наброски ме́ста и указания по насыпке препятствия. Материал там есть.

– Что нужно еще, кроме материала?

– Триста-четыреста рабочих на три-четыре дня и две небольшие баржи для подвозки камня. Ну, и, конечно, суда для доставки рабочих.

– Жозеф, вам придется этим заняться.

– Займусь немедленно.

– Герц, обеспечьте деньгами.

– Обязательно. Из общего фонда коалиции. Что останется, то и вернем обратно.

– Синьор Герц, что это, кому и почему вы собираетесь возвращать? — поинтересовался я.

– Как что? Те деньги, которые мы получили на строительство кораблей. Теперь отпадает нужда в них. Значит, надо вернуть. Вы же сами знаете, Серж, как я не люблю отдавать. Сами же смеялись над этим! Но сейчас речь идет не о наших деньгах.

– Ситуация очень странная. Страны своими вкладами оценили важность решения для них пиратской проблемы. Что-то здесь концы с концами не сходятся. Жозеф, переговоры ведь вели вы?

– Да, конечно.

– И договоры от имени Верна вы подписывали?

– Разумеется.

– Можно на них взглянуть?

– Они в королевском архиве. Сейчас принесу.

Виолетта с Казимиром недоуменно переглядываются. Герц открывает рот, чтобы что-то произнести.

– Подождите, пожалуйста, синьор Герц. Всё-таки вопрос почти двух с половиной миллионов золотых для королевства, на расстройство финансов которого вы всё время жалуетесь.

Возвращается Жозеф с охапкой свитков.

– Можете взять любой, Серж. Хотя бы договор с Альгамарой. Все договоры писались по одному образцу.

Углубляюсь в чтение.

– Прошу прощения, Жозеф, за некоторые невысказанные предположения, нелестные мысли в ваш адрес по поводу заключенных вами договоров. Теперь я вижу, что вы всё сделали образцово.

В документе, который я держу в руках, говорится о совместном несении расходов по борьбе с пиратством. Строительство кораблей упоминается как одно из возможных средств борьбы. Здесь также указаны и другие возможные средства. Например, вооружение торговых судов, разведка и так далее. В том числе и не поименованные конкретно на момент подписания договора. Причем выбор средств относится к компетенции королевства Верн как ведущего организатора коалиции. Герц, вы хоть читали эти документы?

– Конечно.

– Вы меня удивляете! Здесь прямо говорится, что за вносимые коалицией деньги государства хотят избавиться от нахлынувшей напасти. И никого не волнует, каким способом это будет сделано. И никакой калькуляции расходов здесь нет. Решение выбора способа отдано Верну. Мы проблему решили своим, конкретно не поименованным в договоре путем и никому ничего не должны. Если сам Верн не заплатил ни солентино за решение проблемы, то это еще не значит, что это решение ничего не стоит. Как вы думаете, сколько стоила

экспедиция по уничтожению пиратов, которая была проведена?

– Действительно, Герц, — поддержала меня Виолетта, — Серж прав. Мы коалиции ничего не должны. Чего нельзя сказать о Серже, капитане Вике и тех, кто им помогал. Ничего и никому мы возвращать не будем.

– Я буду только рад оставить деньги в казне. Но ведь вклады государств рассчитывались по расходам на организацию флота.

– Ну и что? Это всего лишь ориентир возможных расходов, а не обязательный, не целевой. Целевой расход — ликвидация проблемы.

– Ладно, сдаюсь. Тогда нужно обсудить компенсацию из этих денег издержек по экспедиции, о которой упомянул синьор Серж.

– Вот это правильно, — подал голос Казимир.

– Что вы скажете по этому поводу, капитан Вик? — поинтересовался я.

– В экспедиции участвовали восемьдесят четыре матроса и их командир — капитан Грегори. Думаю, что им было бы приятно получить какие-нибудь памятные знаки о походе. Он был довольно трудным.

– И всё? — изумленно спросила Виолетта.

– И всё.

– А вы и Серж?

– Такой вопрос уже как-то задавал Жозеф, — вмешался я. — Ответ один: никогда об этом даже не думать. А мы с капитаном Виком приглашаем присутствующих вечером на ужин в "Морской дракон". Отметим избавление от напасти.

– Тогда Совет закрыт, — объявила Виолетта. — Хотя я, кажется, забыла его открыть…

Жозеф конфисковал капитана Вика на консультации в подготовке работ для засыпки прохода, а я потихоньку побрел в "Морской дракон". Взял у Колина коляску и двинулся в лес.

Галльский гад на заборе, словно специально поджидал именно меня! Я еду себе спокойненько, полностью и непрерывно игнорируя это пернатое чудовище. Проехал мимо него буквально на два шага, а он как гаркнет прямо мне в спину свое наглое "ку-ка-ре-ку", что я вздрогнул. Оборачиваюсь — а его и след простыл!

Пристроил лошадок и вошел в лес. Не буду беспокоить дриаду. Доберусь как-нибудь сам. А ее и беспокоить не пришлось. Сидит на колоде около своего дуба и своим новым зеркалом пускает солнечных зайчиков в птиц. Заливается смехом, если те пугаются. Здороваемся мимоходом, и я углубляюсь в лес. Не тут-то было! Она бросила свое развлечение и за мной.

– Серж, — слышу шелест ее голоса, — а вы не могли бы попросить гномов сделать и мне этот графон. Хотя бы самый, самый маленький. Они вас послушают.

– Нельга, во-первых, не графон, а граммофон. А во-вторых, он у тебя в дерево-то влезет?

– Влезет, влезет. У меня всё влезет.

– Ладно, попрошу.

Иду по деревне эльфов и высматриваю Везера. Не видать. У рабочих навесов спрашиваю:

– Везера не видели?

– Он к гномам пошел. У них вроде что-то получаться начало.

Смотрю — лежат стопки круглых фанерок с дырочками в центре. Беру одну. Легонькая и в три слоя. Ровненькая и тщательно обработанная. Подходит эльфийка, которую я в прошлый раз видел собирающей рупоры. Спрашиваю:

– Трудно делать?

– Что вы, очень легко.

– А готовые есть?

– Вон на том конце стола.

Просто красота! Черные и блестящие, словно пластмассовые.

– Ровно покрыть не сразу удалось, — поясняет эльфийка. — Потом гномы сделали нам машинку, чтобы пластинки сохли, крутясь, — и вот что теперь получается!

– Очень славно получается! Вы просто молодцы!

Вошел в деревню гномов и не вижу ни души. Даже молоток в кузнице не стучит. Все столпились в мастерской Урзона и с упоением слушают танго. На своем граммофоне и со своей пластинки! Везер тут же. Звук великолепный! Лучше, чем на виниле. Наверное, своим маслицем сдобрили. Дорожка кончилась. Все сразу загалдели не разбери что. Урзон млеет от похвал. Заметили меня, потащили к столу с граммофоном. Откуда-то возникли бочонок и кружки. Отличное пиво! Да и хмельное! У меня даже слегка закружилась голова.

– Поздравляю, поздравляю всех. Отличная работа! Арзон, Везер, можно вас на минутку?

– Да?

– Хочу попросить вас об услуге.

– Пожалуйста, о какой угодно.

– Сделайте инструмент для дриады. Она у вас всё-таки одна на весь лес. И Священное дерево стережет. А сама попросить инструмент стесняется.

– Так пусть придет и выберет. Только за пластинками немного позже. Пластинок еще нет. А вам, Серж, мы специальный сделаем. Не похожий ни на какие другие будет.

На обратном пути даже в дуб стучать не пришлось. Дриада сидела рядом и ждала меня. Взглянула с надеждой своими огромными, черными глазищами.

– Сходи выбери, Нельга, какой понравится. А вот пластинки будут немного позже. Еще не готовы. Наведывайся к Урзону время от времени.

– Спасибо. Очень благодарна.

Еще издалека с пригорка вижу, что этот прохиндей сидит на заборе. Увидел меня и мигом исчез. Ну, и пле-

вать на него! А может попросить Колина, чтобы он купил его и сварил? Сколько ж можно издеваться над прохожими!

Жозеф и капитан Вик уже в "Морском драконе". Жанна накрывает на стол. Вовремя я успел. Минут через двадцать прибывает и вся троица из дворца. Виолетта, Казимир и Герц отвечают на поклоны посетителей и присоединяются к нам. Усаживаем и Жанну. Первый тост — за королевой. Она поднимает бокал.

– Как и в прошлый раз — за дружбу! Капитан Вик, вы с нами?

– Несомненно!

Звон бокалов. Герц сегодня необычно оживлен и весел. Как же — такое пополнение казны! Жанна всё еще смущается, но меньше, чем в прошлый раз. Жозеф опять старается чем-то поддеть брата. Виолетта оживленно смотрит по сторонам и пытается разговорить слегка скованного капитана Вика. Заиграла музыка. Опять раздвинули столы. Виолетта потащила в круг капитана Вика, а Казимир — Жанну.

– Герц, будете танцевать? Я вам пару найду, — подзадориваю я старика.

– Упаси Боже, Серж, я в прошлый раз едва жив остался!

Когда танцоры вернулись, выпили за победу. Потом за Жанну. Потом за Виолетту. Потом…

Дорога к дому сегодня вечером оказалась что-то очень неровной, но добрались. Капитан Вик устроился в спальне, а я, взяв матрасик и подушку, устроился на своей любимой скамеечке во дворике.

Что-то сегодня на небе больно уж много звезд. Страшновато. Даже Медведиц по две. Обеих. Закрою-ка я глаза. Может быть, меньше станет? Звезды пропали, но зато какие-то круги пошли. Странно как-то…

*

Люк хохочет, рассказывая о вчерашних событиях.

– Вы, сэр Виктор, оказались совершенно правы. Родственники моряков с фрегатов так насели на губернатора и даже его свиту, что они оказались в полной осаде в губернаторском доме. Если попробуют выйти, то будут просто разорваны за отказ комментировать мессу. Хаксли не может сказать ни почему фрегаты не на патрулировании, ни где команды. Если он и надеется, что экипажи всё же вернутся, то он также знает и то, что сэр Виктор слов на ветер не бросает. Но не знает, что именно известно сэру Виктору.

Ситуация чревата королевским расследованием с печальным для Хаксли концом, если экипажи не вернутся. Одновременно он боится и слать кого-то на Карамбу для разведки. Это означало бы, что он знает, где корабли и, соответственно, команды. Да и теперь непонятно, кто встретит там разведчиков, раз стоянка раскрыта. Месса заварила такую кашу, из которой Хаксли не выбраться без выяснения, что известно сэру Виктору.

– Наверняка какой-нибудь соглядатай уже несется к губернатору с известием о моем появлении. Может, успеем перекусить?

Только-только успели. Визит губернатора оказался на редкость скоротечным. Сэру Виктору даже не потребовалось встречать гостя. Хаксли чуть ли не ворвался в таверну и, не здороваясь, попытался сразу навалиться на сэра Виктора.

– Я требую объяснений, сэр Виктор! Почему вы объявили умершими экипажи судов королевского флота?

– А у вас, Хаксли, есть сведения, что они живы? Тогда где они?

– Это вас не касается! Они выполняют секретную государственную миссию.

– Да, я не так давно уже был свидетелем одной такой вашей "миссии" с Ржавым Билли. Ваши очередные "миссионеры" отправились по его стопам и кончили тем же — морским дном. — Хаксли побелел. — А чтобы не затяги-

вать разговор, рад сообщить, что выпутаться из этой ситуации вам уже никто не поможет. Ваш брат Стенли повешен на одной рее с капитаном Фрезером. А ваша переписка с братом, свидетельства очевидцев и другие документы уже на пути в Лондон.

На Хаксли стало страшно смотреть. Из белого он стал багровым. Начал хватать ртом воздух, повернулся на негнущихся ногах и, шатаясь, направился к двери. Но не дошел. Схватился за грудь и со стоном рухнул на пол.

Люк склонился над ним, потрогал пульс.

– Какая жалость! А я так мечтал увидеть его болтающимся в петле!

Опять сидим вечером на террасе дома сэра Виктора и попиваем утреннее вино.

– Что-то устал я от этих передряг. Хотя и увлекательнее трудно что-то представить. Но кровь, трупы — для меня всё-таки тяжелое зрелище.

– Тебе, Серж, нужно сменить обстановку. Отпуск-то у тебя ведь еще не кончился.

– И сменю. И даже знаю, на какую. Есть одно заветное местечко. Правда, не мое, но… Сэр Виктор, а ведь и вам тоже неплохо было бы отдохнуть. Я же видел, как вам понравилось в Верне. Мой дом к вашим услугам. Сказочное вино, сказочная ветчина и самый низкопробный притон с самыми грязными шлюхами в Вернском порту. Что еще такому старому моряку, как вы, для полного счастья надо…

*

ГЛАВА 2

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ

ГЛАВА 2: Римские каникулы

А ведь я и в самом деле не покривил душой перед Капитаном. Пиратская эпопея с вторжением в вернские моря, несмотря на увлекательность, оставила после себя неприятный осадок какого-то дискомфорта, беспокойства. Хотя разумом сознаешь, что иначе в сложившихся обстоятельствах вряд ли могло бы быть. Создав мир воображения, сам становишься его рабом. Удручает ли меня это? Пожалуй, нет. Мир он и есть мир, чтобы жил сам по себе. Тогда он интересен своим разнообразием, непредсказуемостью. Если же там будет властвовать только директива твоего "хочу", то это будет тоскливая смесь из собственного эгоизма и слезливой мелодрамы.

Однако верно и то, что нервы у меня не железные. Нужно как-то отвлечься от пережитого. Чарующее лесное озерцо в мифическом окружении было бы самое то, что надо. Как ни крути, а придется идти на поклон к Александру. Пойду-ка поищу его.

Дома его нет. Каникулы вроде бы уже начались. Неужто удрал на свою виллу? Спускаюсь в подвал. Оказывается, не удрал. Опять распивает бесплатный кофе у Стеллы. Чего это он сюда зачастил? Из-за Стелы, что ли? Вряд ли. Она хоть и ничего, но старше Александра лет на пять. Да и ни в какое сравнение не идет с Клитией. Нет — тут, пожалуй, что-то другое.

– Привет подвальным сидельцам!

– Привет, привет, — отвечает Учитель, а Стелла с улыбкой кивает.

Перед Александром какие-то бумаги, а Стелла, до того как я вошел, похоже, что-то ему в них растолковывала. Вроде тут и бухгалтерские книги разложены.

– Чем это вы тут занимаетесь?

– Вот Александр интересуется принципами ведения нашего бизнеса. Предлагает помощь, пока в школе каникулы. Нам нужен еще один менеджер по сбыту, но ва-

кансию мы еще не открыли. Александр хочет попробовать себя в этом качестве.

Вот так фокус! Неужто он вознамерился сменить профессию носителя доброго и вечного на сомнительную карьеру изыскателя прибылей? Чудно́ как-то! Мне он о таких своих намерениях даже и не заикался. Ладно, попробую это использовать! Может, мне и кланяться насчет отдыха на его вилле не придется.

– Интересное совпадение! Я ведь тоже зашел с тем же намерением. Только я в большей части уже сведущ в наших торговых делах. Так что с моей стороны помощь будет существеннее, — Александр помрачнел, сознавая мое преимущество.

– Мальчики, что это вы вдруг загорелись энтузиазмом сразу оба? — оживилась Стелла. — Буквально на днях отбрыкивались именно от этого. Подозрительно и как-то неискренне выглядит ваша внезапная групповая активность.

В дверь заглянула одна из сотрудниц.

– Стелла Аркадьевна, можно вас на минутку? — Стелла вышла.

– Принесла тебя нелегкая невовремя! Только я начал врубаться в тему и — на тебе, конкурент явился. Чего это тебе не отдыхается, раз в отпуске?

– Отдохнешь тут, пожалуй. Куда ни сунься — сразу работой нагрузить норовят. Лучше уж я сам чего-нибудь выберу поближе к дому.

– Так, понятно. Я тебя насквозь, как рентген, вижу! Попросить гордость не позволяет! Решил меня к стенке прижать, увидев для этого подходящий случай? Вознамерился опять потоптать мою мечту? И так наследил там достаточно. Девочки уже спрашивали: не собираешься ли как-нибудь в гости заглянуть? Чем это ты их прельстил?

– Как чем? Благожелательностью и ненавязчивостью. Да и симпатичный я вдобавок.

– Ладно уж — иди. Симпатичный! Надо же, — фыркнул Александр. — Я через некоторое время тоже там появлюсь. Очень неспокойно в Риме. Но я тебе уже об этом упоминал в прошлом году. Как бы меня не впутали в какие-либо римские интриги!

– Так на чём мы остановились? — спрашивает вернувшаяся в свой кабинет Стелла.

– Мы не успели еще ни на чём остановиться, как Александр мне доказал, что моя помощь пока не требуется. Я согласился. Так что пойду маяться бездельем и дальше, — и я быстренько улепетнул, сопровождаемый недоуменным взглядом Стеллы.

*

Жарковато, но терпимо. Лес у виллы сейчас во всей своей красе летнего богатства. Шелест листьев от легкого ветерка, благодатная тень, пение птиц и еще великое множество каких-то таинственных звуков ласкают слух. Сказочная прелесть предвкушения удовольствия. Выхожу из леса к вилле. На террасе второго этажа, опершись локтями на парапет, стоит Ферида и скучающе смотрит по сторонам. Узрела меня, встрепенулась, приветливо взмахнула рукой и исчезла внутри. У дверей меня встретили уже все три амазонки.

– Аве, Сергей! — послышалось приветствие в один голос.

– Здравствуйте, здравствуйте, девочки! Как я рад вас снова видеть! Вы становитесь всё прелестнее и прелестнее. Или это лето на вас так действует?

– Конечно же, только лето, — подтверждает Антогора, и все три от души хохочут.

– Мы уже позавтракали, но и для тебя что-нибудь найдем у Мара, — предложила Охота.

– Нет, спасибо, пока не хочу. Дождусь обеда. Сейчас переоденусь, схожу искупаюсь и когда вернусь, с удовольствием с вами поболтаю.

В моих апартаментах всё так, как я оставил осенью.

Только брошенная на кровать туника переместилась в шкаф. Выстиранная и проглаженная. С удовольствием натягиваю это легкое одеяние. Заглядываю в зеркало. Хорош! Во всяком случае, сам себе почти нравлюсь. Только вот ноги как-то не очень …

Проходя через сад, опять натыкаюсь на возлежащего на скамейке Габора. Валяется с закрытыми глазами и напевает что-то себе под нос. Двое его друзей — Корий и Фаустус — тоже здесь. Сидят рядом с фонтанчиком и со скуки поплевывают в него, глядя на расходящиеся по воде круги. При моем появлении вся троица оживилась и с интересом уставилась на меня.

– Ага, Сергей, что-то долго тебя не было! — воскликнул Габор. — Мы рады тебя видеть. — И уже своим мохноногим приятелям: — Так мы рады или нет?

– Рады, рады! — поспешили подтвердить те.

– Я смотрю, амазонки вас больше не гоняют.

– Не гоняют, — довольно уныло согласился Габор.

– Понятно. Судя по вашему унынию при упоминании о них, вам кроме дружбы, ни на что иное уломать их не удалось.

– Твоя правда — не удалось.

– И ваше красноречие не помогло усыпить их бдительность?

– Не помогло. Их даже и вино не берет. Казалось бы, вот-вот и вдруг — на тебе! Корий вон долго с шишкой на голове ходил. А те только посмеиваются.

– Сочувствую. Но хотя бы добрые отношения — и то уже хорошо.

Я повернулся уходить. Сводником я уж совсем не собираюсь быть.

– Сергей, а на обед нас не пригласишь? — поинтересовался мне вслед Габор.

– Почему бы и не пригласить? Но я возвращаться в дом не буду, — не оборачиваясь, отвечаю я. — Сами сходите и передайте Мару, чтобы имел в виду и вас.

Лесная тропинка всё так же прелестна, и озерцо всё так же великолепно. Все превосходные степени и эпитеты я исчерпал еще в прошлый раз. Восхищаюсь и млею, молча погрузившись в теплую, бархатную воду. Здесь даже и утонуть было бы приятно! А трава-то какая густая и шелковая! Заваливаешься, как в гамак, не касаясь телом земли.

На противоположном берегу появилась какая-то из нимф. Огляделась, помахала мне рукой и опять скрылась среди деревьев. Всё кругом околдовывает само по себе и совершенно незаметно навевает сладкую дрему, которой сопротивляться невозможно и не хочется. Нет, надо всё же и в вернском лесу поискать такое волшебное местечко.

Однако какие-то мыслишки в голове хоть и лениво, но шевелятся. Одним купанием с утра до вечера жить не будешь. Надо какое-то занятие или развлечение найти. Рим? Интересно, что там такое происходит? Вдруг кто-то оттуда опять нагрянет? А с амазонками? Подходит к концу год их службы. Какие им придут на смену? Мар? Разве ему не скучно здесь? Где взять повара, если Мар решит уйти? Попросить у девочек лошадь? Потренироваться в езде. Только там, где они не увидят, а то смеяться будут. Фавны здесь, значит, и Дионис может опять наведаться…

Надо же — опять заснул. Снилось что-то очень приятное и прекрасное. Только вот что именно? При пробуждении словно ветер выдул из головы сонные грезы. Организм легким подсасыванием в желудке тактично напоминает о необходимости его подпитки. Напяливаю тунику и вприпрыжку устремляюсь к дому.

К обеду я всё же опоздал, но еще пока ждут, возмущенно стуча ложками при моем появлении. Причем все — и дамы, и фавны. Мар мужественно охраняет котел от нахальных поползновений Охоты, отгоняя ее черпаком.

– Покорнейше прошу простить за опоздание. Я боль-

ше не буду. Честное слово!

– То-то же, — назидательно, но милостиво укоряет Антогора. — Садись. Только ради праздника твоего прибытия и ждали.

Праздник выразился в том, что вместо молока на столе оказался большой кувшин вина. Причем совсем неплохого, сладковатого, а не кислого, которое я терпеть не могу. Выпили здравицу за меня. С аппетитом поели, перемежая еду со здравицами за всех присутствующих.

– Еще только прикоснись, попробуй! Живо в угол полетишь! — проникновенно и ласково вдруг предупреждает Ферида сидящего рядом Фаустуса.

– А я что, я что? — виновато засуетился тот, — я совершенно случайно, по-дружески.

– Вот и я тебя по-дружески предупреждаю. Прямо-таки неисправимое племя! Добрые ребята, но уж слишком назойливые кое в чём!

Покончив с обедом, фавны распрощались и ускользнули через двери, выходящие к лесу. Не иначе как, солидно подкрепившись, отправились на охоту за нимфами. Мы же все, включая Мара, расположились на послеобеденный отдых в библиотеке. Уж очень обстановка здесь располагает к обстоятельным и премудрым беседам на сытый желудок.

– Александр меня предупредил, что в Риме неспокойно. Я не понимаю, что это значит. Может, кто-нибудь расскажет о происходящем в Риме и Империи вообще? Или сюда вести совсем не доходят?

– Доходят, доходят, — успокоила Антогора. — Из римского дома Александра каждый месяц приезжает вестник. А мы потом с его слов все передаем Александру. Обстановка там после смерти Юлия Цезаря действительно очень беспокойная. Вот Мар может лучше меня обо всём рассказать. Он ведь в Риме много лет провел.

– Насчет того, лучше ли смогу рассказать — совсем

не уверен, — начал наш повар, — ибо вся римская политика строится на тайных заговорах и кознях. Никто не знает, что, когда и с кем может произойти. Сейчас Рим расколот надвое — на сторонников Октавиана Августа и сторонников Марка Антония. Октавиан — вроде бы законный правитель по завещанию Цезаря, а Антоний — претендент, как авторитетный в армии стратег и сподвижник Цезаря. Антоний опирается на армию, которая стоит лагерем где-то в Абруццо, а Октавиан держится за сенат. В общем, идет грызня между двумя партиями и непонятно, чем она кончится.

Октавиан постепенно перетягивает большинство на свою сторону. Поскольку он в Риме и признан сенатом, то ему проще формировать за себя большинство. Что он и делает, привлекая к себе сторонников раздачей государственных должностей и земель. Да и легионы в некоторых отдаленных провинциях держатся преданности сенату. Если Октавиан создаст себе решающий перевес, то он может пойти на уничтожение партии Антония в Риме. Ночь длинных ножей — для Империи обычное дело.

С другой стороны, Антоний с войском бродит по провинциям, мешает сбору налогов и нападает на сторонников Октавиана. У нашего хозяина сложное положение. У него в Риме много друзей еще со времен Цезаря. Теперь эти друзья оказались в разных партиях. Александр держится в стороне, но на него могут указать и как на друга октавианцев, и как на друга антонианцев. Такое двусмысленное положение может как уберечь, так и погубить. Пока что спасает нахождение вдали от Рима. Надолго ли?

– Да-а, ситуация аховая, — признал я. — Хвала Юпитеру, что мы не в Риме! А здесь что происходит?

– Да, в общем-то, пока тихо, — сообщила Охота. — Правда, мелкие отряды Антония иногда добираются и сюда. После сева на прошлой неделе из села приходили люди и жаловались, что один такой отряд нагрянул к

ним. Причем со смешным требованием — заплатить налоги за прошлый год. Это получается, что крестьяне, исправно заплатив осенью налоги сборщикам Октавиана, должны еще раз заплатить их — сборщикам Антония.

Пришлось вмешаться. Сначала Антогора попыталась втолковать сборщикам и их охране, что налоги выплачены. Если кому-то не нравится сбор налогов Октавианом, то пусть недовольный с Октавианом и разбирается. Потом стало ясно: здесь просто наглое вымогательство у того, кто слабее. Мы этих сборщиков и шуганули. Удирая, они побросали половину своего оружия. Крестьяне подобрали.

– Веселенькое дельце! А если они вернутся с подмогой?

– Вряд ли, — откликнулся Мар. — Одно дело — попытаться легко поживиться за счет сельского населения и совсем другое — затеять с ним войну. Антоний это, конечно, понимает.

Как я уже это наблюдал однажды, Антогора вдруг вскочила со своей лежанки и, прислушиваясь, насторожилась. Глядя на нее, Ферида и Охота тоже замерли в напряжении.

– Кто-то к нам едет верхом. Не с дороги, а со стороны конюшни и сада. Один.

Мы все высыпали на террасу. И в самом деле, огибая сад, к дому приближается всадник на большом сером коне. Вернее, всадница в полном вооружении амазонки. Длинный меч на поясе, кинжал или нож у голени, лук и колчан со стрелами за спиной и короткое копье, притороченное к седлу. Если добавить еще открытый шлем и легкие, вороненые доспехи, защищающие грудь, предплечья и бёдра с голенями, то зрелище получается очень впечатляющее. Пожалуй, даже и угрожающее.

– Это Астерия, — узнала путницу Охота, — дочь Антиопы. Что-то случилось в племени. Астерия у нас —

самая быстрая вестница.

Между тем Астерия обогнула сад, выехала на дорогу и спешилась у выходящих на дорогу дверей. Девочек словно ветром сдуло с террасы. Мы с Маром тоже поспешили вниз. Вся четверка амазонок уже в доме. Астерия успела снять шлем, и россыпь густых и длинных черных волос роскошным водопадом рассыпалась по плечам. Хороша! Ой, как хороша! Куда там до нее Венере Милосской! Но и явно очень устала. Нас знакомят.

– У меня поручение к Александру Марцеллу, — вполне мелодичным и невоинственным голосом оповестила Астерия.

– Я приму твое поручение как друг и управляющий Александра. Но это потом. Девочки, организуйте помыться и переодеться вашей подруге. Мар, накормить гостью!

Через полчаса все сидим за обеденным столом около кухни и с нетерпением ожидаем, когда Астерия окончит трапезу. Наше внимание ее нисколько не смущает, и она под нашими пристальными взглядами умело управляется с бараньей ногой. Без доспехов Астерия просто красивая и ловкая женщина, предназначение которой — навевать не страх, а в крайнем случае лишь страдания. Любовные, разумеется.

Наконец вестница со вздохом облегчения и удовлетворения отстраняется от стола.

– Как я вам всем благодарна за гостеприимство! Просто несказанно душу отвела! Совсем как дома! А дома я очень нахальная. После такой обильной и вкусной пищи немедленно завалилась бы поспать, — лукаво улыбаясь, произнесла амазонка.

– Нет, так дело не пойдет, — отвечаю я. — Сначала выкладывай поручение, а потом спи, сколько хочешь. Видишь же — народ просто исстрадался по твоим новостям. Только учти: что известно Александру, то может быть неизвестно мне. Так что повествуй всё с самого

начала и полностью.

– Ну, с начала, так с начала, — согласилась вестница. — Только вот начало было очень давно. Часть нашего племени пришла на Апеннинский полуостров с берегов Понта Эвксинского* — даже не знаю, наверное, лет триста, если не пятьсот назад. Свободных земель было много, и мы поселились на границе лесов в почти безлюдной местности. Несмотря на то, что на новой родине не было никаких воинственных соседей, кроме набегавших иногда дикарей с севера, весь жизненный уклад, обычаи и воспитание в племени сохранились в неприкосновенности. Поэтому нам и удалось сохранить независимость, когда позднее разрозненные области на полуострове превратились в Римское государство. А мы оказались уже не на свободной земле, а на государственной. И при этом уже не свободным племенем, но и не подданными, обязанными подчиняться чьим-то законам.

Нас никто не трогал, за исключением некоторых чудаков, воображавших из себя невесть что, и мы никого не трогали. Конечно, стычки бывали серьезные со всякими искателями приключений или охочими до чужого добра, как есть и сейчас, когда защищаешь свой дом от грабителей. Однако с Римом как-то уживались до недавнего времени. Но несколько дней назад вдруг всё изменилось, и вот меня послали сюда с предупреждением.

– С предупреждением о чём?

– О том, что мы уходим.

– Куда? Почему? — заволновались девочки.

– Наши друзья из Рима сообщили, что Октавиан передал земли нашего племени в частное владение сенатору Гнею Фульвию. И даже прислал к нему юриста Домиция Ульпиана, чтобы ввести того в права владения.

– Не может быть! Даже по римским законам у нас право первопоселения!

– Оказывается, что нет. Право первопоселения рас-

пространяется на подданных, граждан Римской империи. Граждане платят налоги в казну. Мы же никогда никаких налогов не платили и не платим. Так что гражданами не считаемся и прав на землю не имеем. Мы теперь оказались не на государственной земле, а в произвольно занятом частном владении. Фульвий имеет право согнать нас оттуда в любое время. Более того — он уже прислал нам приказ очистить от нашего присутствия его собственность.

– Так, понятно, — сообразил я, — если племя не подчинится, то это будет означать войну не с Фульвием, а с самим Римом.

– Именно так, а нам такая война не нужна. Мы ее всё равно через какое-то время проиграем.

– Правда, девочки, пока в Риме делят власть, никаких решительных действий против племени не будет. Много сил потребуется. Но это всего лишь отсрочка. Отвратительная ситуация! Что решили в племени, Астерия?

– Пойдем на новые земли. Либо за Геркулесовы столбы* — но там очень жарко и пустынно, — либо переправимся через Адриатику и устроимся где-нибудь между северными народами. Там еще есть безлюдные места. Совет племени склоняется ко второму. Если ничего не получится, то придется возвращаться в Тавриду* — на старую родину. Моя мать послала меня сказать Антогоре, Фериде и Охоте, чтобы не возвращались в племя, если смена не придет во́время. Смену пришлем, как только устроимся на новом месте. Александру велели передать, что договор остается в силе. Кроме случая возвращения племени в Тавриду. Слишком далеко будет.

– Да-а, вроде и помочь чем-то возможности нет. С Римом воевать и пробовать не стоит. Это вы правильно понимаете. Только и остается надежда на свободные где-то земли. Печальное известие принесла ты, Астерия.

– Надеюсь, казнить за него не попытаетесь?

Какая же сила духа у амазонок, что даже в такой ситуации пытаются шутить!

– Ты что — у кого хватит наглости поднять руку на такую божественную красоту?! Ферида, Охота, устройте свою подругу отдохнуть.

Девушки уходят, а Мар отправляется мыть посуду. Мы же с Антогорой поднимаемся на террасу второго этажа и некоторое время молча любуемся полем, лесом.

Надо же, какая скверная ситуация возникла! При святости частной собственности в Римской Империи и сделать-то ничего нельзя. Да и по закону опротестовать решение Октавиана невозможно — нет формальных оснований. Опростоволосились амазонки то ли триста, то ли пятьсот лет назад. Нужно было, как поселились, так и объявить себя новым государством. Не сделали этого. Вот и результат. И история может повториться на новом месте, если сегодняшняя ничему не научит.

– Антогора!

– Да, Сергей?

– Нам что-нибудь известно об этих Фульвии и Ульпиане.

– Конечно — не зря же вестники из римского дома Александра сюда приезжают. Фульвий — член сената. Очень богат и происхождением из старинного патрицианского рода. Хитроумен и всегда вовремя оказывается на стороне будущего победителя. Недолюбливает Александра как скороспелого патриция, но козней не строит. Пока, во всяком случае. Или чувствует что-то в Александре, с чем лучше не связываться. Его родовая латифундия в двух-трех часах езды верхом от села за нашим полем.

– Так близко? А земли-то, которые ему пожаловали, получается, в двух днях пути отсюда? Раз ваше племя на них.

– Получается так.

– Продолжай.

– Ульпиан — известный в Риме законник. Потому и оказался на стороне Октавиана. Тот-то ведь — правитель по закону. Ульпиан публично славится своей неподкупностью, но по слухам, на самом деле не так уж и не всегда честен. Но за руку его еще никогда не ловили. Поместий за пределами Рима у него нет.

Вот, в общем, если коротко, то всё. Правда, если покопаться в записях Александра или запросить Рим, то найдется еще что-нибудь.

– Нет, мне пока и этого достаточно. Разговоры, слухи… Надо бы в натуре посмотреть на этого Фульвия. И на Ульпиана тоже, если они оба здесь. Попробовать хотя бы разведать что-то о намерениях Фульвия.

– Скорее всего, он здесь. В сенате каникулы, а процедура введения в права владения по обычаю не допускает спешки. Так что и Ульпиан, может быть, еще не уехал. Такие события часто сопровождаются обильными возлияниями, оргиями.

– Понятно. Я вот смотрю на это поле, лес — красота-то какая! Может и мне обосноваться здесь? Прикупить у Фульвия земли. Уступит ведь сколько-нибудь. Она ему даром досталась! Сколько у нас денег в доме, Антогора?

– Не знаю. Вроде много должно быть.

– Мне нужно точно знать.

– Сейчас попробую сосчитать.

Возвращаемся в библиотеку. Антогора с усилием тащит из тайника на стол уже знакомую мне большую шкатулку. Порывшись в шкафах, грохает с серебряным звоном на стол еще и большой мешок с монетами. Подумав с минуту, лезет в рабочий стол хозяина и вытаскивает на свет еще какой-то маленький сундучок, в котором тоже что-то позвякивает. Уходит в спальню Александра и возвращается еще с горстью монет.

– Вроде всё собрала. Есть еще немного на кухне, но это на хозяйство. Принести?

– Нет, не надо. Сосчитай то, что здесь.

Видно, что Антогора в каком-то затруднении, нерешительности, но тем не менее отважно приступает к бухгалтерии. Правда, счет у нее идет как-то странновато, но интересно. Сначала она отсчитывает маленькие кучки по десять монет. Потом десять кучек по десять монет сгребает в одну побольше из ста и начинает всё сначала. Пару раз сбилась с большими кучками и пересчитала. В конце концов весь довольно большой стол оказался усыпанным кучками по сто серебряных и золотых монет.

– Всё, дальше я не знаю, — виновато пробормотала Антогора. Вот в этой кучке всего пять по десять монет золота, а в этой три по десять серебра.

– Ничего, — успокаиваю я ее, — я досчитаю. Ты здóрово помогла. Мне теперь намного проще.

Всего в наличии оказалось четыре тысячи восемьсот пятьдесят золотых ауреусов и две тысячи шестьсот тридцать серебряных денариев*. Если серебро пересчитать в золото, то это еще сто пять ауреусов. Всего четыре тысячи девятьсот пятьдесят пять золотых. Огромная сумма! Да и вес, наверное, много больше пятидесяти килограммов.

Ладно — с финансовыми ресурсами более или менее ясно. Теперь бы с землей определиться.

– Антогора, а нет ли здесь карты, на которой можно было бы посмотреть, где находится ваше племя? Интересно, какой кусок земли достался Фульвию?

– У Александра была. Он нам показывал. Должна быть в шкафу для карт. Вот она!

Разворачиваю пергамент на столе прямо на звенящих монетах. О, земля амазонок даже обозначена и обведена! Адриатическое море совсем рядом. Масштаба, конечно нет.

– Антогора, а от племени до моря далеко?

– Мили четыре-пять.

– А не знаешь ли ты, сколько стоит земля в этих кра-

ях?

– Это нужно у Мара спросить. Может быть, он знает. Ему с крестьянами больше нас дел достается.

Спускаюсь вниз. Мар хлопочет на кухне. Спрашиваю:

– Мар, скажи, пожалуйста, а в какую цену зе́мли в этих краях?

– По-разному. Пахотная земля — до пяти денариев за квадратный стадий. Лес немного дешевле — до четырех денариев. Луга в той же цене, а бесплодная земля — не дороже денария за квадратный стадий. Это если она пригодна для поселения. Если не пригодна и для этого, то, бывает, отдают и за один сестерций*.

Возвращаюсь в библиотеку. Антогора ссыпает деньги туда, откуда и доставала.

– Нас дома не очень много учат счету, — говорит она. — По пальцам разве что обязательно, а больше — то это уже кто как захочет. А вот писать и читать все должны хорошо. Так же, как и драться.

– Если захочешь, то я тебя счету научу. Это совсем не трудно. Хоть сегодня начнем. А вот завтра утром покажешь мне дорогу к дому Фульвия. Пойдем с Маром на разведку. Когда Астерия отдохнет, скажи ей, чтобы обратно не уезжала, пока я не выясню намерения Фульвия. Мне кажется странным, что он приказывает вашему племени убраться с его земли именно сейчас.

– Что тут странного?

– По словам Астерии, он только-только стал владельцем и уже рассылает приказы. С новой собственностью нужно еще освоиться, а это не вмиг происходит. Что-то тут не так.

Антогора оказалась очень сообразительной ученицей. Просто на лету схватывает сложение и вычитание на предметах, а не только просто их пересчет, к которому она привычна. Знает что-то и про цифры, раз грамотная. Но вот оперировать при счете не предметами, а цифрами получается сложнее. Но принцип вроде поняла

хорошо.

На закате в саду можно было наблюдать занятную картину. На скамейке, где сидит Антогора, рассыпаны камешки, которые она перебирает, складывая и вычитая. Прутиком на земле она рисует действия цифрами и тут же сопоставляет, что получается в камешках и цифрах. Иногда сходится, а иногда нет. Расстраивается, когда не сходится.

Рядом стоят все три мохнатых и рогатых приятеля и дают дурацкие советы. Антогора сердится:

– Вы меня путаете!

– Ничего не путаем.

– Нет, путаете!

– Посуди сама: как мы можем путать, если всё запутано именно у тебя. Твои знаки на земле совсем не похожи на расклад камешков на скамейке…

*

Утром выехать к Фульвию не удалось. Нагрянули крестьяне из села для проведения большой уборки в доме. Мар, Охота, Антогора, Ферида оказались при деле, и только мы с Астерией бродили по дому и всем мешали.

Охота бросила мимоходом:

– Пошли бы искупались, что ли, чем тут болтаться-то!

– А ведь это чудесная идея! Астерия, идем со мной!

Озерцо привело Астерию в восторг не меньше, чем меня самого. Сегодня там оказалось довольно оживленно. Нимфы живописной группой расположились на бережке. Увидев их, Астерия мигом влилась в эту дамскую компанию и о чём-то увлеченно заболтала с Клитией. Полез в воду один. Может, это и к лучшему. Местный обычай купаться голышом чрезмерно возбуждает при дамском соседстве. А так вроде обошлось. Вся женская компания бросилась в озерцо, когда я уже вылез из него. Искус, хвала Юпитеру миновал меня. Хотя вру. Когда Астерия вылезала из воды — пришлось-таки отвернуться. Греховные мысли возникают помимо желания их не

допустить.

*

Выехали сразу после обеда. Антогора критически посмотрела на мою посадку на лошади, но вслух ничего не сказала. Ну и громадные же у амазонок кони! По сравнению с теми, на которых сидели я и Мар, — просто гиганты.

– Антогора, а откуда у вас такие чудесные кони?

– Сами растим. Эта порода есть только у нас. Каждая девочка в двенадцать лет получает в подарок жеребенка. Дальше растут вместе. Если лошадь погибает или умирает, то приходится опять начинать с жеребенка. Хотя под седлом и может быть вторая лошадь до тех пор, пока жеребенок не вырастет и не станет боевой лошадью.

– Но зачем такие огромные?

– Потому что сильные и тяжелые. Попробуй со мной столкнуться! Кто из нас устоит? Я вас с Маром одновременно обоих повалю, — и Антогора со смехом направила свою боевую громадину на меня.

– Не надо, не надо! Верю, верю! — и когда она отвернула, крикнул ей в спину: — Нахалка и разбойница!

На что Антогора прямо-таки залилась ехидным смехом.

И в самом деле, поместье — латифундия Фульвия — оказалась недалеко. Часа через два Антогора привстала на стременах и указала вперед.

– Вон столб границы владения.

– Хорошо, Антогора, дальше мы сами. Нельзя, чтобы тебя там увидели. Возвращайся домой.

За столбом, перевалив небольшой холм, мы с Маром увидели и виллу Фульвия. Большой дом розоватого камня с колоннами в окружении множества мелких построек и дворов, двориков между ними. Дымок то ли над кузницей, то ли над кухней. Какая-то скотина в наиболее отдаленном от дома дворе и немалое число снующих ту-

да-сюда людей. Дальше простираются возделанные поля, виноградники и, похоже, фруктовый сад. Есть и небольшой садик для отдыха с бассейном. Хорошее хозяйство! Видна крепкая и толковая рука владельца или управляющего. Как мне представиться хозяину? Не Андерсен же, как в Верне. Нужно что-то хотя бы приблизительно римское. Скажем, Андроник. Почему бы и нет?

Спешились у дома. Мгновенно подлетел раб в какой-то грубой, домотканой хламиде и принял поводья. Из дома вышел аккуратно одетый мужчина лет сорока и выжидающе уставился на меня.

– Сергей Андроник по делу к сенатору Гнею Фульвию, — небрежно бросил я ему.

Мужчина кивнул и исчез в доме. Через минуту вышел обратно.

– Гней Фульвий приглашает Сергея Андроника быть гостем в его доме, — произнес он и слегка посторонился в знак приглашения войти. — За лошадей и вашего слугу не беспокойтесь. Юлиан — управляющий, — представился он сам и пошел чуть впереди меня.

Просторные и гулкие залы, довольно уютные большие комнаты, обставленные деревянной мебелью, искусная роспись стен говорят о богатстве и значительности хозяина. Из широких дверей навстречу нам, держа какую-то одежду в руках, выскакивает очень смуглая, стройная и совершенно голая девушка с тонким кольцом рабыни на шее и, свернув направо, мгновенно скрывается в недрах боковых помещений. Юлиан вводит меня в двери, откуда она выскочила, и, развернувшись, уходит обратно.

Неплохо, неплохо. Мизансцена не хуже, чем в кино про Рим и Древнюю Грецию. На кушетках напротив друг друга возлежат двое явно нетрезвых мужчин. Оба примерно одного возраста. Один — в светло-зеленой тоге, лет пятидесяти пяти, с одутловатым лицом. Судя по небрежной, барской позе — как раз и есть хозяин —

Гней Фульвий. Другой — лет шестидесяти, худощавый, в желтой тоге, больше сошел бы за гостя. Хотя и важный, и поддатый, но хозяйской раскованности в нём не чувствуется. Обращаюсь к зеленому:

– Приветствую тебя, Гней Фульвий.

– Приветствую, э-э…

– Сергей Андроник — друг и управляющий твоего соседа Александра Марцелла.

При этом имени Фульвий словно слегка протрезвел, а его гость замер, не донеся чашу с вином до рта, и насторожил уши.

– Приветствую тебя, Сергей Андроник, — икнув, не сразу выдавил из себя обязательную формулу вежливости хозяин дома. — Познакомься и с моим гостем — Домицием Ульпианом.

– Слышал, слышал. Знаменитый законник и юрист из Рима. Приветствую тебя, Домиций Ульпиан!

– Приветствую тебя, Сергей Андроник, — послышался хрипловатый ответ.

Ну, слава Юпитеру — с официальным представлением покончено! Фульвий хлопнул в ладоши и приказал вбежавшему рабу:

– Подвинь ложе для гостя, — и уже мне: — Ты какое вино предпочитаешь, Сергей: местное или греческое?

– Сейчас никакое, Гней, — отвечаю я, устраиваясь полулежа на кушетке. — Мое дело требует незатуманенной головы. Прости, что вторгся в ваш отдых. Наверное, нам лучше завтра поговорить. Я подожду.

– Если дело важное, — старательно выговаривая слова, произнес Гней, с явным усилием стараясь собрать внимание на новом госте, — но может подождать, то ты прав: пусть подождет до завтра. Я, то есть мы, как видишь, к деловым разговорам не готовы. Но вот твой отказ присоединиться к нам обижает. Однако и тебя можно понять. Только скажи, о каком деле ты хочешь со мной поговорить.

– Видишь ли, Гней, Александр мне все уши прожужжал своим желанием расширить владения. Может быть, даже совсем не рядом с теми, которыми он сейчас обладает. Прихоть уж такая. И вот вчера я услышал, что ты получил небольшой земельный подарок от Октавиана.

– Небольшой?! — недоуменно воскликнул Ульпиан. — Да ты знаешь, какой небольшой? Весь Рим в нем поместится четырежды по четыре раза!

– А по-твоему, Домиций, — это большой подарок?

Юрист и правовед замер с открытым ртом, опешив от моей наглости.

– Ладно, ладно, большой — небольшой, какая разница, — примиряюще вставил свое слово Фульвий. — Только какое отношение имеет моя земля к желаниям Александра Марцелла? Вот в чём вопрос.

– Я приехал поговорить о покупке земли, если у тебя образовался ее избыток.

– М-м…, — попытался что-то выдавить из себя хозяин этого дома и обширных земель, но Ульпиан поспешил его опередить:

– Это и в самом деле серьезный разговор. Ты прав, Сергей, — такое дело требует незатуманенной головы.

– Да! — в свою очередь, решил Фульвий подтвердить тезис собеседника о незатуманенности головы.– И он бросил на юриста не совсем такой уж и пьяный взгляд. — Давай завтра поговорим об этом, Сергей. Сейчас я прикажу показать комнату для тебя.

Что-то в моем предложении их обоих сразу заинтересовало. Даже пьяных. То составь им компанию. То вдруг возжаждали уединения.

– Если ты не возражаешь, Гней, я бы осмотрел твое хозяйство. Очень уж у тебя тут всё как-то ладно устроено. Интересно и полезно для меня.

– Какой может быть разговор! Юлиан, Юлиан! Позовите Юлиана! Ах, вот ты. Покажи Сергею мое хозяйство

и комнату для отдыха приготовь. Мой гость остается до завтра. Приставь к нему рабыню для услуг. Получше! Понял?

– Слушаюсь, хозяин.

Комната оказалась достойной и гораздо более важного гостя, чем я. А уж лежбище-то и вообще царское! Сопровождавший меня Юлиан вдруг куда-то испарился. Нет — вон возвращается в сопровождении стройной женской фигуры.

– Вот это Фелиция. Она будет тебе прислуживать, Сергей. Не стесняйся. Она предназначена для всего.

Глядя на покорное выражение очень миленького лица белокожей девушки, можно понять, что она как-то уже примирилась со своим предназначением "для всего".

– Хозяин сказал, что ты хочешь посмотреть дом, двор и службы. Я готов показать.

– Думаю, Юлиан, что мне не следует отвлекать тебя от дел. Я сам поброжу и посмотрю.

– Тогда я тебя оставляю. Если что-нибудь потребуется, то скажи Фелиции. Она всё знает.

Фелиция стоит, сложив кисти рук перед собой и уставив глаза в пол. Обхожу ее кругом. Действительно, недурна собой, и под легкой тканью одежды обрисовываются стройные ножки. Может, в самом деле, использовать ее "для всего", раз предлагают? А как же Зубейда?

Чёрт — опять всё те же внутренние тормоза современного европейского воспитания и морали! А что подумала бы сама Зубейда на этот счет? Там ведь институт и традиции многоженства и наложниц. Женщин Востока никак не мучает связь их мужей с другими женами, женщинами. Им просто по обычаям и традициям неведомо понятие сексуальной измены. Хотя, с другой стороны, на Востоке и порицается связь с чужой женой. Но это совсем другая статья. Эх, ну и умен же, ловок я! Как здóрово подвел под свои страсти логическое и этическое допущение! Пожалуй, если что, то никакие угрызения

меня мучить не будут. Пусть только попробуют! Да и опять-таки — физиологии же не прикажешь молчать! Эх, была бы Зубейда рядом…

– Фелиция!

– Да, господин?

– Ты знаешь, где слуга, который приехал со мной?

– Да, господин.

– Тогда пойдем, возьмем его, а ты покажешь дом и хозяйство сенатора.

– Да, господин.

Фелиция провела меня довольно извилистым путем по всему дому. Комфорт, конечно, не тот, что на вилле Александра, но для этого времени очень приличный. Комнаты самого хозяина, комнаты семьи, которая осталась в Риме, комнаты рабов и рабынь, кухня, баня, внутренний бассейн и еще множество помещений, назначения которых я даже и не спрашивал. Мар оказался в специальной пристройке для слуг гостей. Забрали его и вышли во двор позади дома.

– Вот это ткацкие мастерские, — объясняет Фелиция, показывая на одноэтажную постройку довольно внушительных размеров. — Здесь делают ткани из шерсти и волокна разных растений.

Внутри чуть ли не настоящая мануфактура*. За примитивными станками — только рабы-мужчины. В глубину не пошли. Постояли у дверей и двинулись дальше. Посмотрели конюшни, скотный двор и выделку шкур. Заглянули в сарай, где давят виноград на вино. Сейчас тут пусто — урожай еще не поспел. Мара заинтересовал большой давильный пресс.

– У нас такого нет. Давим виноград ногами. Интересно.

В сарае для изготовления оливкового масла тоже пусто. Вышли со двора и побродили по фруктовому саду. Уже темнело, когда, возвращаясь в дом, мы прошли мимо наружного бассейна. Здесь они, голубчики! Бултыха-

ются, отдуваются как моржи, выветривая хмель. Спрашиваю:

– Ну как, Фульвий, будут незатуманенные головы к утру?

– Будут, будут. Не мешай!

– Вы бы лучше баню попробовали.

– Уф, будет и баня.

Мар отправился к себе, а я к себе. Фелиция — за мной, как тень. Сходила за жаровней, зажгла светильники, встала у дверей и опять замерла в позе покорного ожидания.

– Фелиция!

– Да, господин?

– Не пора ли ужинать?

– Да, господин. Сейчас принесу.

Роскошно кормят в доме римского сенатора. Не то, что у нас на вилле — по-простецки. Тут тебе и всякое мясо, и рыба откуда-то, и обилие овощей и приправ, и уж совсем непонятное фруктовое разнообразие. В саду-то фрукты еще не поспели.

– Фелиция!

– Да, господин?

– Пока я занят, и ты можешь сходить поужинать.

– Спасибо, господин.

Не успел я сам закончить с трапезой, как она уже вернулась и заняла свое место у двери.

– Всё, можешь убирать.

Не успел я оглянуться, а она опять на месте.

– Господин будет спать?

– Будет.

Покопошилась у постели, что-то расправляя и перекладывая, пока я раздевался, и опять приняла позу статуи, ожидая последних распоряжений.

– Ну, что ты там стоишь, Фелиция? Раздевайся и ложись со мной.

– Да, господин…

*

Поутру никакие угрызения меня не донимали. Только сожаления, что Фелиция не Зубейда. Хотя Фелиция и была хороша. Видно, всё дело тут вовсе не в сексуальных условностях и национальной морали.

Серьезный разговор начался уже за завтраком в покоях Фульвия. Оба собеседника бодрые и оживленные. Вина перед нами нет. Вместо него молоко и сок из чего-то. Зато яств всяких сверх меры, и всё подносят и подносят. Отдаем им должное. Хорошо всё-таки быть римским сенатором! Во всяком случае, здесь — поодаль от Рима. Я умышленно восхищаюсь кушаньями, домом, хозяйством так долго и нудно, что Фульвий начинает терять терпение. Ерзает, переглядывается с Ульпианом, но так прямо к делу не приступает — неприлично. Начать должен я. Вот если бы ему подъехать к интересующей их теме как-нибудь исподволь…

– А разве, Сергей, у Александра в поместье хуже, чем у меня?

– Ну, в общем-то, дом не хуже, место тоже хорошее, сытно, но вот со слугами не очень. У тебя, Гней, вон их сколько. И для того, и для этого, и для другого, а у Александра на всё хозяйство три женщины да один мужчина, что приехал со мной.

– Так никто не мешает Александру иметь сколько угодно прислуги, — вступил в разговор Ульпиан. Как я слышал, Александр не владеет рабами, хотя может себе позволить накупить их сколько угодно. В Риме это многих удивляет.

– Да-да, — поддержал тему рабов Фульвий. — Странный он какой-то в этом отношении. Нанимает крестьянок и платит им за работу. Тогда как рабы работают бесплатно.

– Расточительно, — поддерживает Ульпиан хозяина дома.

Отлично! Вот как раз это-то мне и нужно было обяза-

тельно выяснить до начала разговоров о земле. Они не знают, что два года назад крестьянок сменили амазонки. И Квинт Клодий, видно, не раззвонил о своей прошлогодней стычке с ними перед виллой Александра. Очень хорошо! Как-то даже и на сердце полегчало.

– Расточительно? Это уж как посмотреть, — отвечаю я. — Раба купить — надо деньги потратить. А плата за наем крестьянина почти та же, что уходит на содержание раба. Зато, как говорит Александр, спишь спокойно. Не боишься, что тебе ночью глотку перережут.

– Да ты что говоришь, Сергей, — поежился Фульвий. — Слава богам — в Империи на этот счет спокойно.

– Может, ты и прав, Гней, только у Александра есть и еще один признак спокойствия. Он говорит, что чем дальше Рим — тем слаще покой.

Мои собеседники дружно рассмеялись.

– Вот тут с ним можно согласиться. Правда, не всегда удаленность от Рима спасает полностью, но докучают гораздо меньше.

– Я думаю, что Александр не прочь убраться от Рима еще дальше, чем сейчас. Вот и ищет землю, чтобы построить новый дом и перебраться в него. А мне донесли, что подарок тебе от Октавиана еще на два дня пути дальше от Рима, чем твое, Гней, и Александра поместья здесь. Если у тебя найдется подходящий кусочек на продажу, то почему бы и не купить его.

– Что значит "подходящий"?

– Пахотная земля, луга, лес, река или море неподалеку.

– Да? Тут есть о чём поговорить. Если карта, которую доставил мне Домиций, не врет, то такая свободная земля у меня появилась. И какой, как ты называешь, "кусочек" ему нужен?

Ульпиан зашуршал какими-то свитками и подал один из них Фульвию.

– Ну, скажем, десять на десять римских миль нас бы

устроило. Можно больше, но не меньше. Столько у тебя будет? — Фульвий слегка опешил, и Ульпиан, похоже, тоже.

– Сколько-сколько? Десять на десять? Это же… шесть тысяч четыреста квадратных стадиев. Огромные деньги! Они есть у Александра?

– А как ты думаешь? Я что, просто поговорить к тебе прибыл?

– А почему он сам не приехал для такого серьезного дела?

– Его сейчас здесь нет и неизвестно, когда будет. Я же поспешил, чтобы ты сам не раздарил или не распродал землю кому-нибудь еще.

– Как я понимаю, ты, Сергей, намерен всё разузнать и договориться, а Александр явится позже с деньгами за документом на право владения?

– Как я понимаю, Гней, на документе требуются только подпись и печать продавца, а также подписи двух свидетелей. И еще твоя расписка в получении денег. Покупатель к купчей руку не прикладывает. Так, Домиций?

– Так, — подтвердил юрист.

– Стало быть, присутствие Александра здесь и сейчас вовсе не обязательно. Если мы с тобой договоримся, то в обмен на купчую на имя Александра ты сразу же получишь все деньги от меня. Просто и быстро. Есть смысл говорить именно со мной?

– Тогда совсем другое дело.

Фульвий хлопнул в ладоши и приказал слугам убрать остатки трапезы. Свиток карты владения оказался большим, а по содержанию довольно подробным. Даже проставлены размеры границ. Обозначен ландшафт и рельеф. В общем, квадрат двадцать на двадцать римских миль, одной стороной примыкающий к Адриатическому морю. Есть даже река. Но какие-то малозаметные точки выделяют часть владения почти в центре карты и

поближе к морю. Делаю вид, что их не замечаю. На карте Александра это место помечено как стойбище племени амазонок.

– Вот смотри, Сергей: если здесь в середине очертить десять на десять миль, то это как раз то, о чём ты говоришь. Десять миль берега моря. За ним вглубь страны — полоса невысокого, лесистого взгорья, холмов и от нее до другой границы вашей земли будет плодородная земля, пригодная для полей и виноградников. А вот здесь, по берегу реки — луга. Александру просто повезло, что у меня есть такое место на продажу.

– Да, на пергаменте выглядит заманчиво и удобно. Но думаю, что бессмысленно расспрашивать тебя о том, что там в натуре. Вряд ли ты там был раз — это пустые земли.

– Составители карты достойны доверия, и Домиций — один из них.

Я вопросительно оборачиваюсь к юристу.

– Всё верно, — уверяет тот, — карта составлялась под моим присмотром. Пришлось изъездить владение вдоль и поперек вместе с рисовальщиком. Завидный кусочек! Не пожалеете.

– Я тебе верю, Домиций, но как ни крути, а всё равно без выезда на место всегда покупаешь кота в мешке.

– Уверяю тебя, что место никак не хуже того, где мы сейчас. А лес даже лучше — не потравленный. Про море я уж и не говорю. Ровный, песчаный берег. А на лугах уже сейчас трава выше пояса.

– Ладно, полагаюсь на твои слова, Домиций. Гней, я полагаю, ты не будешь требовать тех денег, которых стоит земля здесь? Всё-таки владение и более отдаленно, и не разработано. И дорог нет, раз оно не заселено.

Тут эта пара переглянулась, а я сделал вид, что не заметил этого.

– Да, дорог нет, — согласился Фульвий. — на какую цену ты рассчитываешь?

– Думаю, если довериться Домицию, то справедливо будет предложить за плодородные земли четыре денария за квадратный стадий. За лес три денария и за побережье два денария.

– А почему это за побережье по два? — вскинулся было Фульвий. Это же выход в мир!

– Да, — отвечаю, — и вход для набегов.

– А мне кажется, — вмешался Ульпиан, — что предложение Сергея вполне разумное.

– Думаешь? — откликнулся Фульвий. — Допустим. Тогда нужно обсудить размеры разных земель.

Тут, конечно, не обошлось без споров. Но в конце концов сошлись на побережье в тысячу двести восемьдесят квадратных стадиев. На лес и поля получилось поровну. По две тысячи пятьсот шестьдесят. За всё получается двадцать тысяч четыреста восемьдесят денариев. Кругленькая сумма!

– Ну, хвала Юпитеру, — договорились, — изображая чуть ли не несказанную радость, подвел я итог. — Домиций, дело за тобой. Пиши купчую на продажу свободных от поселений земель, а я поеду за деньгами.

– В купчей указываются только владелец и состояние самой земли, а свободна она от невладельцев или не свободна, оговаривается отдельным договором или обязательством сторон.

– Мне всё равно. Я же не ездил туда для осмотра. Пусть Гней подпишет обязательство, что земли свободны, — и этого достаточно. Чего ты мнешься, Домиций? Что-то недоговорили такое, о чём мне следует знать?

Тут они и попали в затруднительное положение. Если земли заселены даже без прав, то это является причиной, по которой продажа может не состояться. Если скрыть этот факт в письменном документе, то сделка наверняка будет впоследствии расторгнута судом. Важно либо, чтобы этого документа не было вообще, либо уломать покупателя на сожительство с теми, кто на зем-

ле уже есть.

– Дело в том, Сергей, что там, на границе леса и полей есть одно небольшое племя, не имеющее прав первопоселения. Им уже отправлен приказ освободить землю, и это лишь вопрос времени.

– Если племя небольшое, то это не страшно. Может быть, его удастся использовать для работ. Какая численность-то?

– Около двух тысяч голов.

– Не такое уж небольшое. И что за племя?

Ульпиан опять замялся, а Фульвий замер в предчувствии рушащейся сделки.

– Амазонки.

Надеюсь, мне удалось, вскочив как бы от неожиданности с ложа, более или менее достоверно изобразить изумление при помощи разинутого рта и вытаращенных, глупо хлопающих глаз. Постояв несколько секунд в неподвижности, я, словно очнувшись, начал поправлять на себе одежду, словно собираясь уходить.

– Ты куда? — поинтересовался Фульвий.

– Куда-куда — домой, конечно. Вы что-то перепутали. Мы хотели купить землю, а не войну с амазонками.

– Погоди, погоди — не будет там никакой войны.

– А что будет?

– Раз правитель это владение подарил, то значит, он обязан и освободить его от помех использованию, — начал растолковывать ситуацию Ульпиан. — Придут солдаты и выпихнут амазонок с земли.

– И Октавиан прибудет с солдатами, чтобы воодушевить их на подвиг?

– Нет, конечно. Зачем Октавиан?

– Знаете, что:, если хотите говорить серьезно, то не принимайте меня за идиота. Не знаю, о чём тут вы вчера по пьянке сговорились после моего ухода, но продумали явно не всё. Кого ты, Домиций, пытаешься убедить сказкой о солдатах? Октавиану нечем загородить свою соб-

ственную персону от армии Антония. А одна амазонка стоит десяти римских солдат. Стало быть, противопоставить им нужно не менее чем два десятитысячных легиона. Откуда они возьмутся?

Потом — с чего ты взял, что амазонок можно просто так взять и согнать с места, на котором они живут, наверное, уже сотни лет? Война начнется такая, что вся округа будет разорена. Чего будет стоить после этого там земля? А сколько денег нужно будет раздать командирам легионов для поддержания их нужной активности? Кроме того, я всё-таки немного разбираюсь в стратегии и тактике. Где располагаются амазонки?

– Вот здесь, — и Фульвий очертил пальцем область с метками на карте.

– Ага, в самом центре того, что ты намеревался нам всучить! Это означает, что покупателю не достанется и малейшего кусочка собственности, где амазонки не надавали бы ему по шее! Пока они там, земля, которую ты пытаешься нам продать, не стоит и сестерция за квадратный стадий! Ею пользоваться нельзя. Разве что только на бумаге. Чтобы воевать в таких условиях, нужно вокруг территории амазонок иметь еще бóльшую территорию для маневра. Где она?

– Так вы покупаете всего лишь сто квадратных миль, а есть еще триста как раз вокруг этих ста.

– Гней, ты хоть прислушайся к своим же словам! Чистой воды бред. Ты же не предлагал нам ее купить для того, чтобы выдавить амазонок! Она твоя, и Александру рассматривать ее как территорию для противодействия амазонкам и в голову не придет. Бесполезный это разговор. Никакой драки с амазонками не будет. Разве только натравить на них пьяных сумасшедших. Так амазонки одним плевком сотрут их в порошок. Есть, правда, один способ удалить их оттуда, но…

– Какой способ? — в один голос воскликнули сенатор и юрист.

– У Александра поинтересуйтесь, как он без всякой драки за год выпер со своей земли кентавров. Но это его секрет.

Ульпиан подошел к Фульвию и стал что-то нашептывать тому на ухо. Наш хозяин только кивал в знак согласия. Потом Ульпиан обратился ко мне:

– Ты, Сергей, говорил, что вы готовы купить земли и больше ста квадратных миль. Гней согласен уступить Александру равноценные уже оговоренным земли. Те, которые по обе стороны от проблемной земли, занятой амазонками. За ту же цену, о которой уже договорились. Там амазонки жить не помешают. А для свободы маневра согласен уступить и оставшуюся половину всего владения за половину цены. Такая уступка — а то, что покупка этой половины носит вынужденный, стратегический и тактический характер. Кроме того, землю, занятую амазонками, Гней уступает тоже за половину от того, о чём договорились. Понятно, что сумма на выкуп всего владения в четыреста квадратных миль очень большая. Гней согласен на двухгодичную рассрочку оплаты половины земли. Вот такое у нас предложение.

– Всё владение?

– Всё.

– Это интересно. Дайте подумать. Если бы вы не начали ловчить, то я бы без раздумья согласился. А теперь вот приходится размышлять: нет ли там еще какого-нибудь подвоха? Дайте-ка карту.

Я взял развернутый свиток и погрузился в глубокие размышления. Фульвий с Ульпианом затихли.

– Так, хорошо, — пробудился я минут через пять. — В общем, я, а со мной и Александр вроде бы согласны с твоим предложением, Гней. Кроме одного.

– Чего именно?

– Цены за землю, занятую амазонками. Я прикинул, во сколько обойдется их выдавливание с насиженного места, и у меня концы с концами не сходятся. Да и неиз-

вестно удастся ли их вообще выдавить. Война отпадает. Она обойдется дороже стоимости всего владения. Мы согласны взять всё при условии, что земля с амазонками пойдет не за половину начальной цены, а за четверть. А рассрочка нам не нужна. Получишь сразу всё сполна. Хотя, честно говоря, я всё же в великом сомнении относительно выгоды для Александра в такой сделке. Куда ему такой громадный кусок? Он потом с меня шкуру спустит, несмотря на то, что друг.

Фульвий уставился на Ульпиана. Тот только руками развел.

– Я согласен, — с тяжелым вздохом произнес Фульвий. — Давайте считать.

Считали довольно долго. Больше из-за того, что я устроил торговлю из-за небольшого болота, за которое не желал платить по денарию за квадратный стадий. Предложил также выбросить из расчетов площадь реки, но особенно не настаивал. Согласился на реку по сестерцию за погонный стадий. Наконец сошлись на пятидесяти одной тысяче динариев.

– Ну, ладно — поеду за деньгами. Готовьте купчую и расписку.

– Скоро обед.

– Нет, поеду. Иначе мы сегодня сделку не завершим.

Кликнул Мара. Тот привел лошадей, и мы отправились домой.

*

К обеду, конечно же, опоздали. Но девочки нас голодными не оставили. Никаких вопросов, но все четыре смотрят на меня с ожиданием.

– Пока ничего не известно. Может быть, позже. Сегодня вечером или завтра утром. Астерия, тебе придется еще подождать. Антогора, у нас с тобой работа в библиотеке.

Шкатулка с золотом опять на столе.

– Вроде бы удалось уломать Фульвия продать нам

немного земли. Нужно отсчитать в два мешка по тысяче с небольшим золотых. Потом мы с Маром поедем обратно.

Отсчитали. Ого, каждый мешок килограммов по двадцать! Сколько выделить Ульпиану? Сто или двести? Пусть будет сто. Итак, получается два килограмма или около того. Отсчитываю сто в маленький мешочек.

– Ладно, зови Мара. Мы поехали.

Взгромождаем ценную поклажу на лошадей и отправляемся за добычей новых владений для Александра.

Оказывается, Юлиан уже ждет нас в дверях виллы Фульвия. Принимает от Мара звенящий мешок. Я беру другой, и тащим в покои хозяина. И здесь меня тоже ждут.

– Что-то мешки уж очень маленькие, — замечает Фульвий.

– Золото. Считайте.

– Золото? Тогда другое дело. И считать быстрее.

Фульвий забренчал монетами, а я углубился в чтение купчей. Вроде изложено подробно и верно. Только подписей не хватает и печати продавца.

– Всё правильно, — раздается через полчаса голос Фульвия.

– Если так, то подписывай.

С кряхтеньем и вздохами Фульвий подписывает купчую и расписку, ставит свою печать. Мы с Ульпианом прикладываемся как свидетели. Сворачиваю свитки, забираю и карту владения. Фульвий вызывает слуг, указывает им на мешки и уходит вместе с ними пристроить прибыток в свои закрома. Мы с Ульпианом остаемся с глазу на глаз. Достаю из сумки деньги.

– Вот, Домиций, твоя доля за работу.

Похоже, старикан не ожидал такого подарка, принимая от меня и взвешивая в руке звякнувший золотом мешочек.

– Щедро! Благодарю.

– Да ничего, ты вот лучше открой мне один секрет.

– Какой?

– Зачем Октавиану понадобилось сгонять амазонок с их насиженного места?

– Я не понимаю тебя.

– А мне кажется, что прекрасно понимаешь. Дарить кому-то земли, заселенные таким опасным племенем, как амазонки, можно только с умыслом. Свободных-то имперских земель кругом полно.

Ульпиан поежился, словно его застали на чём-то неблаговидном.

– Политика…

– Какая это к чёрту политика, если ее насквозь видно! Всё равно, кто будет гнать амазонок с места — Гней или Александр. Даже Александр, похоже, для вас предпочтительнее. Поставив племя в трудное положение, можно диктовать ему условия, при которых трудности у племени уйдут. Что за условия, Домиций? Молчишь? Ну, молчи, молчи. И так понятно, для чего можно было бы использовать амазонок. Натравить их на Антония, чтобы хватали его за пятки!

– Вот видишь — несмотря на молодость, ты сам всё прекрасно понимаешь.

– Понимаю, понимаю. Понимаю также и то, что мне домой пора двигать. Нет-нет, ни в какой оргии по поводу удачной сделки я участвовать не буду. Извинись за меня перед Гнеем. Хочу домой вернуться до темноты.

*

Я всё время поражаюсь остроте слуха амазонок. Издалека видно, что все четыре уже ждут нас в дверях, выходящих на дорогу. Мар уводит лошадей, а я молча поднимаюсь в библиотеку. Девочки за мной. Со вздохом облегчения разваливаюсь в кресле за столом. Вытаскиваю из сумки свитки и отдаю Антогоре.

– Астерия, утром можешь ехать в племя. Матери пе-

редай, что уходить никуда не надо. Никто вас больше беспокоить не будет. Разве что только сборщики налогов. Вот налоги платить всё же придется. В Империи они не такие уж обременительные.

– Это что же получается? — восклицает Антогора, просмотрев свитки. — Ты выкупил у Фульвия не только землю, на которой наше племя, но еще и далеко вокруг? Зачем так много?

– Вам всё же лучше держать других людей подальше от себя. Широкие границы владения этому помогут.

– Но это всё равно не наша земля, а Александра.

– Я хорошо знаю Александра. Да и вы тоже. Думаю, он не станет возражать против моего предложения передать всю эту землю вашему племени. Ну, хотя бы под видом купли-продажи. Как это принято в Римской империи.

– Но у нас в племени никогда не было таких больших денег, — заметила Астерия, держа в руках свиток купчей. Нам никогда не выкупить эту землю!

– А я разве сказал, что вам придется что-то выкупать? Антогора, я что-то такое говорил?

– Нет, ты сказал о передаче под видом сделки купли-продажи. Это значит, что нам ничего не надо будет платить.

– Эх, девочки, знали бы вы, какое вы сами по себе чудо и сокровище, которое надо оберегать! Какая тут может быть плата!

– Вообще-то мы сами себя всегда оберегаем, — высказалась Охота.

– Если бы всегда, то меня бы здесь сегодня не было, — тихо заметила Астерия.

– Ладно, нужно немного отпраздновать событие. Вы уже ужинали? Нет? Вот и хорошо. Накрывайте в большой столовой наверху. Кроме вина у нас что-нибудь есть? Я бы выпил чего-нибудь покрепче. Уж с такой публикой пришлось вчера и сегодня общаться, что… Да че-

го там говорить! Выпить хочется!

– В погребах есть граппа*, — сообщила Ферида. — Я как-то чуть-чуть попробовала, и мне понравилось. Если много выпить, то потом очень худо.

Антогора и Охота дружно захохотали.

– Тогда откуда ты знаешь о том, когда худо становится? Если ты только чуть-чуть.

– Да ну вас!

– Отлично. Тогда мне принесите граппы, а сами — что хотите.

Поужинали и отметили событие. Дьявольски устал от этой скачки туда-сюда. Отправился к себе, разделся, задул светильники, с блаженством завалился на кровать и мгновенно отключился.

Вдруг проснулся от того, что кровать качнулась. Зубейда? Вот я ее сейчас схвачу как всегда! Но тут же сообразил, где я нахожусь. На фоне окна чей-то силуэт. Кто-то молча сидит на краю кровати.

– Кто здесь?

– Это я — Антогора.

– О Господи, что тебе надо в такое время? Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего не случилось, — помолчала, словно собираясь с мыслями. — Мы вот с девочками посоветовались и подумали, что вдруг тебе может быть, ну, как бы это сказать… Скучно, что ли одному? Вот меня и послали.

– Час от часу не легче! А почему выбрали именно тебя?

– Девочки говорят, что ты мне больше внимания уделяешь. Значит, больше нравлюсь.

– Вы мне все одинаково нравитесь. А тебе больше внимания уделяю потому, что ты старшая и более сообразительная. Надеюсь, ты силой избавлять от скуки меня не станешь? Мне ведь от тебя будет не отбиться.

– Да ты что!

– Тогда иди и выброси все эти глупости из головы. Хотя нет, наклонись ко мне, — и я коснулся губами ее щеки. — Ступай.

Нет — надо же напа́сть какая! Поспать спокойно не дадут! А ведь если бы не Фелиция вчера, то мог бы и не устоять перед соблазном! Запросто.

*

После завтрака Астерия отправилась домой. Долго стояли на террасе и смотрели ей вслед, пока она не скрылась из виду.

– Что будем делать? — нарушаю я молчание.

– Может быть, купаться пойдем? — также вопросительно отвечает Охота.

Пока шли лесной тропинкой, Ферида отлучилась куда-то в сторону и догнала нас уже не одна, а в окружении нимф.

– В нашем присутствии, — тихонько пояснила мне Ферида, — фавны на нимф не нападают. Эти рогатые твари лесным и полевым девочкам просто прохода не дают. Только Клитию никогда не трогают. Понимают, что она с Александром. Хотя знаешь, Сергей, у меня почему-то сложилось впечатление, что между нимфами и фавнами вовсе не вражда и неприязнь, а какая-то древняя и привычная игра "кто кого догонит". Эти мохнатые, лесные чудаки наверняка уже поджидают нимф у озера.

И в самом деле! Только мы вышли на берег озерца — из кустов выглянули две рогатые физиономии. Мрачно посмотрели на амазонок, окинули вожделенным взглядом нимф и опять исчезли.

А амазонки, оказывается, отличные пловчихи! Антогора с Охотой наперегонки с такой скоростью разрезают воду, что мне по берегу пришлось бы бежать, чтобы быть им вровень. Нимфы же, брызгаясь, с удовольствием бултыхаются на мелководье. После купания начинается священнодействие расчесывания роскошных, длинных волос. Клития сосредоточенно заплетает воло-

сы Охоты в косички с цветами. После чего амазонка сама становится похожей на нимфу. Чем-то ужасно мирным, домашним и романтичным веет от всей этой сцены. Лежу на боку и мечтаю, чтобы это сказочное действо не кончалось никогда. Но…

На вилле, оказывается, нас уже ждут. Александр стоит на террасе и смотрит в сторону сада, через который мы с девочками возвращаемся с озера. Машет рукой. Встречаемся в библиотеке. Сердечные приветствия наперебой, после которых Ферида и Охота отправляются к Мару — помогать готовить праздничный обед по случаю явления хозяина местному народу. Антогора же, как обычно, представила обозрению свою изящную позу лежания на кушетке.

– Ну, что тут у вас интересного происходит?

– Да особо примечательного ничего, но вот кое-какие неприятности издалека нас не миновали.

– Рим?

– Он самый, но не относительно тебя лично.

– Непонятно. Давай подробнее и о неприятностях поосторожнее, чтобы не нанести мне душевной травмы. Сам знаешь — человека тонкой души вроде меня подготовить надо. Хотя и сам вижу. Дом стоит, все целы — стало быть, неприятности не катастрофические.

– Ладно, тогда и будем говорить о пустяках. Антогора, не ухмыляйся! В общем, Октавиан чуть не сделал тебя нищим.

– Вот-вот, правильно. Так-так, потихоньку, издалека и подводи.

– Пришлось применить все мои таланты интригана и лицедея, чтобы свести потери к минимуму. Означенный правитель удумал надавить на амазонок. И притом так, чтобы у них не осталось никакого выхода, кроме одного — согласиться стать на сторону Октавиана против Антония. Сам понимаешь, что амазонки нужны Октавиану не как политическая поддержка, а как активная, действую-

щая военная сила. Вряд ли его побеспокоили бы потери амазонок в стычках с Антонием.

Антогора перестала улыбаться, помрачнела и присела на кушетке.

– Эти сволочи друг друга стоят. Что один, что другой, — сквозь зубы процедил Александр.

– Антогора, расскажи Александру про визит Астерии.

Антогора хорошая рассказчица. Описала всё по порядку и ничего не упустила.

– Значит, — подвел итог Александр, разглядывая карту владения, — четыреста квадратных миль отличных земель за две тысячи золотых. По пять золотых за милю вместо как минимум десяти. Либо ты гениальный переговорщик, либо они круглые идиоты. Второго точно не может быть. Фульвия и Ульпиана я давно знаю. Не зря ты у нас в Доме нарасхват. Ладно — передачу владения племени Антиопы как-нибудь сделаем. Что ты сам думаешь по поводу развития событий?

– Ситуация может сложиться неважная в случае победы Октавиана. Он вряд ли простит провал своей затеи с амазонками. Даже если и идея была не его. Надо подстелить соломки. На оформление сделки с амазонками нужно пригласить Ульпиана. Пусть он убедится, что здесь не сговор с амазонками, а чисто меркантильное дело. Купили у Фульвия владение за пятьдесят тысяч денариев, а продали амазонкам за семьдесят или больше. Тогда Октавиану злиться не на кого. Случайная торговая сделка, а не умысел против него. Пусть злится на Фульвия за жадность. Взял да сразу продал подарок правителя!

– Пожалуй, и Ульпиан, если это его затея с амазонками или данное ему поручение, то он никогда не признает, что его обвели вокруг пальца. Следовательно, и меня начнет защищать. Ему некуда деваться. Сделку-то с амазонками он не сможет сорвать.

– Вот-вот.

– Отлично! Так и сделаем. Антогора, с утра отправь Фериду в племя с приглашением Антиопе. Через четыре дня она должна быть здесь на передаче владения. А ты, Сергей, напиши письмо Ульпиану, пока он не уехал из наших мест. Пусть посетит нас тоже через четыре дня. Мол, к этому времени я вернусь к себе на виллу. Фульвий его присутствие еще потерпит.

*

Антиопа в сопровождении Фериды, Астерии и еще двух охранниц — Миды и Фалестры — прибыла не через четыре дня после отъезда Фериды, а через два. Ферида встретила их на середине пути. Как только Астерия приехала домой с хорошими известиями, так ее мать мигом собралась и отправилась к нам без всякого приглашения.

Антиопа — женщина на вид лет сорока или чуть больше. Нельзя даже сказать, что сохранившая следы былой красоты. Нет — привлекательность как была, так и осталась при ней. И даже шрам через левую щеку ее не портит. Не знаю даже, как сказать. Просто черты лица слегка огрубели, что ли. Да и в поведении ощущается изрядная недоверчивость ко всему незнакомому. Но это понятно. Однако когда она изредка улыбается, то от ощущения суровости характера не остается и следа. Я бы не сказал, что она атлетического сложения. Такая же, как и все девочки. Стройная и тренированная.

С Александром они коротко обнялись.

– А это, как я понимаю, Сергей, — осторожно пожимая мне руку, утверждающе-вопросительно констатировала главная амазонка племени. — Астерия рассказывала. Да и других мужчин, кроме Маара, поблизости вроде не видно. Привет, Мар!

– Здравствуй, Антиопа. Тебя побаловать, как в прошлый раз? Ранние баклажаны есть.

– Это будет здо́рово!

Весь график питания в доме сбился. Завтрак прошел.

Для обеда слишком рано, а гостей накормить надо. Правда, гости без аристократических притязаний и с удовольствием устраиваются за нашим обычным столом рядом с кухней. Мар без церемоний загружает всех прибывших, включая Антиопу, работой по самообслуживанию. Мы оставляем их на попечение повара и все уходим в библиотеку. Наши девочки чем-то озабочены.

– Вы чем-то расстроены? — спрашивает Александр.

– Мида и Фалестра, — отвечает Охота.

– Что Мида и Фалестра?

– Они должны нас сменить. Это еще в прошлом году намечено.

– Но ведь вам еще два месяца осталось.

– Осталось. Но и Антиопа, наверное, не зря взяла их с собой, и Астерию тоже.

– Да и вообще, — добавила Антогора, — мы бы с удовольствием остались здесь и еще на год.

– Думаете, нам всем вместе не удастся уговорить Антиопу, чтобы она оставила вас здесь? — поинтересовался я.

– Не знаю. Порядки у нас строгие. Если Антиопа скажет слово, то отменять его никогда не будет. Она считает, что девочки здесь теряют подготовку. Потому и смена каждый год. А сейчас может произойти и раньше. Раз уж по обстоятельствам предводительница племени оказалась здесь.

– Давайте не будем расстраиваться раньше времени. Раз Антиопа своего слова никогда не отменяет, то нужно ее опередить и не дать чего-то безвозвратного произнести. Это с одной стороны. А с другой — нужно показать, что подготовку вы здесь не теряете. Тут что-нибудь придумаем.

– Я полагаю, — задумчиво произнес Александр, — если Сергей возьмется за дело, то непременно вас выручит. Только выполняйте все буквально так, как он говорит. Мне бы тоже хотелось, чтобы вы остались. При-

вык к вам.

Снизу послышались голоса поднимающихся в библиотеку закончивших трапезу амазонок.

– Антиопа, — начал Александр, — тебе придется задержаться здесь на несколько дней. Сергей объяснит, почему.

– Дело в том, — продолжил вступление Александра я, — что передачу владения вашему племени нужно представить как обычную сделку купли-продажи. Тогда у Александра не возникнут разногласия с Римом. Астерия тебе, наверное, сказала, что за давлением на вас кроется интрига Октавиана.

– Говорила. И Антогора тоже рассказала всё поподробнее.

– Вот и хорошо. Торговая сделка требует времени на подготовку. Скажем, на поездки между вашим племенем и домом Александра, чтобы договориться. Юрист, которого мы пригласили оформить и засвидетельствовать сделку, принимал участие в интриге против вас. У него не должно появиться ни малейшего подозрения о сговоре между нами. Поэтому и нужно выждать хотя бы пару дней. Ведь до вас должна была дойти весть, что владелец земли сменился. Потом вам нужно добраться до нас и договориться. Понимаешь?

– Конечно. Что делать, — подождем.

– Чтобы всё было еще убедительнее, Александр вместе с документом на владение передаст вам расписку, что получил от вас в оплату сделки семьдесят пять тысяч денариев. Надеемся, что всё пройдет гладко. Но этот юрист — Домиций Ульпиан — не знает, что здесь у Александра служат амазонки. И узнать этого Ульпиан не должен ни в коем случае. Поэтому Антогоре, Фериде и Охоте придется переодеться в одежду крестьянок. Вот вроде пока всё.

– Понятно, — со вздохом подтвердила Антиопа, — интрига против интриги. Я бы этому Ульпиану за его фо-

кусы…

– Я бы тоже, но придется отпустить с миром. И еще вот что. У нас с Александром к тебе большая просьба.

– Всё, что захотите, а мы сможем! Нам с вами никогда не рассчитаться за то, что вы для нас делаете.

– Нет, Антиопа, так дело не пойдет. Между нами могут быть только отношения чисто дружеской выручки. Поэтому ни о каких обременяющих дружбу долгах и обязательствах и мыслей не допускай! Иначе это будет уже не дружба. Согласна?

– Согласна.

– Так что просьба у нас есть, но совсем не обязательно ее выполнять. Смотри сама.

Антиопа искоса взглянула на Александра. Он кивнул ей, поддерживая мои слова.

– Так что за просьба? Что-то вы ее обставляете как-то странно.

– Ничего странного. Просто мы представляем ваши обычаи и порядки, и хотим попросить немного их нарушить. Твои девочки очень хорошо тут освоились и с хозяйством, и с делами, и с охраной. Мы с Александром просто не нарадуемся. Не смогла бы ты через оставшиеся им служить два месяца оставить их тут еще на год? И они вроде тоже не против.

– Еще бы им быть против! Здесь же отдых! Не то, что дома. Я бы нисколько не возражала, если бы они за год здесь не теряли силы и ловкости. Я о них же забочусь, а вовсе не потому, что какая-то вредная.

– Не знаю — глядя на их каждодневные тренировки, не сказал бы, что девочки могли бы потерять ловкость. Впрочем, можешь проверить. С тобой же есть три девочки прямо из дома. Пусть вшестером пробегутся наперегонки через лес. Для бега в лесу большая ловкость нужна. Сама знаешь. Если Антогора, Охота и Ферида отстанут, то и заберешь их.

Чёрт — Антогора чуть не давится от смеха. Не выда-

ла бы себя! Хорошо, что Антиопа стоит к ней спиной.

– А что — хорошая идея! И мне самой ничего решать не нужно.

Антиопа оборачивается к своим подопечным, но Антогора уже подавила веселье и состроила испуганную физиономию. Глядя на нее, и Охота с Феридой быстренько изобразили на лицах беспокойство. Но сказано — сделано. Все девочки в сопровождении Александра отправляются к выходу в лес, а мы с Антиопой устраиваемся в саду, где кросс должен закончиться. Видим, как Александр дает сигнал — и амазонки скрываются среди деревьев. Первой из леса в сад вылетает Охота и буквально вслед за ней — Антогора и Ферида. Мида и Фалестра отстали примерно на четверть дистанции, а Астерия вообще выходит к нам, прихрамывая.

– Вот, видали! Моя тренировочка! — раздается голос у нас за спиной.

Габор! Принесла его нелегкая! Стоит и радуется, несказáнно довольный собой. Антиопа удивленно на него оглянулась, а затем вопросительно уставилась на меня. Украдкой показываю фавну кулак.

– А я что — я ничего, — бормочет Габор и на всякий случай ретируется подальше.

– Что-то уж очень похоже, что ты, Сергей, меня как-то вокруг пальца обвел, — с подозрением говорит мне Антиопа. — Недаром, видно, девочки тебя хитроумным называют.

– Антиопа, ты не обижайся. Уж очень нам с Александром хочется, чтобы ты оставила Антогору, Охоту и Фериду еще на год. Серьезно — Александру без них трудно будет.

– Так меня уговаривать уже не нужно. Всё ведь решилось в беге. Правда, не совсем, кажется, само собой. Ты, похоже, где-то сжульничал, но уж пусть остаются. Ты лучше скажи мне, что это мохнатый и рогатый говорил про какую-то тренировочку.

– Всё очень просто. Фавны любят подсматривать за девочками, когда те по утрам занимаются гимнастикой. А твоим красоткам это не нравится. Вот они и гоняются за фавнами по лесу, чтобы их отлупить. Ну, и натренировались скользить между деревьями. У тех красавиц, что ты привела с собой, шансов победить просто не было.

Все амазонки с удивлением уставились на дико хохочущую предводительницу. Видимо, такого зрелища им раньше никогда наблюдать не доводилось.

– По какому поводу веселье? — нарисовался рядом с нами Александр. — Давайте-ка пойдем на озеро.

Ферида по пути опять забежала за нимфами. Так что живописность компании снова была на высоте. Амазонки смешались с нимфами, Александр с Клитией расположились в сторонке от всех, а Антиопа после купания улеглась рядом со мной всё еще изящными голыми ягодицами вверх.

– Знаешь, Сергей, что хотелось бы тебе сказать. Я была намерена забрать с собой Охоту, Фериду и Антогору совсем не только по причине утраты ими силовой формы. Нам ведь нужно думать и о продолжении рода. А девочки уже в том возрасте, когда им пора стать матерями.

– Да, я слышал о ваших своеобразных традициях на этот счет.

– Своеобразных? Может быть. Но очень давних и помогающих нам выжить. Осенью к нам на несколько дней придут мужчины, которых я отобрала и пригласила для совершения таинства продолжения рода. Охота, Ферида и Антогора должны бы были… В общем, и так сам понимаешь, что именно они должны бы были. Я тоже когда-то принимала участие в этом совсем не как предводительница племени. Кроме Астерии у меня еще три дочери здесь и два сына где-то далеко с отцами. Не знаю где.

– Так в чём беда? Пройдут это ваше таинство не в

эту осень, а в следующую.

– А я вот подумала: почему бы им через год не вернуться отсюда домой уже беременными? Чем ты и Александр хуже тех мужчин, которых я приглашаю на таинство продолжения рода?

Я просто обалдел и на некоторое время потерял дар речи. Когда язык снова обрел способность шевелиться, выдавил:

– Ты это серьезно?

– Конечно. Правда, на Александра надежда слабовата — у него Клития. Но ты-то ведь свободен.

– Извини, мне надо хоть немного прийти в себя. Не каждый день сваливаются на голову такие необычные и заманчивые предложения. А если они откажутся?

– Как это откажутся? Я им просто прикажу!

– Вот уж нет! Если я и приму твое предложение, то только на случай их добровольного согласия. Не надо их к чему-то принуждать. Я сам, когда подойдет время, их спрошу.

– Как хочешь, но я на тебя надеюсь. Вдруг и дети хитроумные в тебя или сообразительные в Антогору пойдут. Нам такое потомство очень нужно!

А я вспомнил недавний ночной визит Антогоры. Тогда было два месяца до конца срока их службы. Может быть, они и сами додумались до затеи, которую сейчас изложила мне Антиопа?

*

Два дня пролетели незаметно. На третий прискакал слуга Фульвия с письмом от Ульпиана. Правовед просит его извинить, если он прибудет не с утра. Когда прибудет — не уточняет. Ладно — это не так уж важно. Сидим после обеда с Антогорой на кушетке в библиотеке и наблюдаем, как Александр и Антиопа разбираются с лекарствами, которые притащены Александром из Питера. Много всего. Где он только их берет? Их же без рецепта не дают.

– Нет, так не пойдет, Антиопа. На каждой коробочке, на каждом пакетике своей рукой и подробно пиши, для чего и как принимать или применять. Чтобы уж никакой путаницы. Я, конечно, понимаю, что меч тебе ближе пера, но тут дело такое, что никому перепоручать нельзя. Антогора? Что Антогора? Ах, пусть Антогора пишет? Не знаю, просто мученье мне с тобой иногда. Ладно — пусть Антогора пишет, но ты мне вслух прочтешь каждую надпись. Я должен убедиться, что потом не получится, как в прошлый раз. Когда ты спутала мочегонное со слабительным.

– Но никто же не умер.

– Разве что. Но ты просила принести снадобья и для детей. А вот если их перепутаешь, то ребенка можешь и убить. И еще раз предупреждаю: не применяй снадобий, которые у тебя залежались больше года. Выбрасывай. Лучше я тебе свежих притащу. Некоторые снадобья если перележат, то становятся ядовитыми. Поняла? Надо бы кого-нибудь из вас научить делать уколы. Многое бы проще стало. Так, про хранение я тебе уже в прошлый раз говорил, и опять без толка. Хранить в земле — это не значит закапывать в землю. Просто в земле прохладнее. Для того и делают погреба. Что, Антогора?

– Кто-то едет. С дороги. Может, ваш Ульпиан?

Девушка по привычке резво соскочила с кушетки и чуть не грохнулась на пол, запутавшись в длинной женской одежде.

– Ну, что ты будешь делать! Не прыгай. Ходи медленно, степенно, а то Ульпиан не поверит, что ты крестьянка. И остальным это скажи. Вы и так ростом не очень-то на крестьянок похожи. Сутультесь, пригибайтесь. Впрочем, ваше присутствие вряд ли потребуется при разговорах с Ульпианом. Просто есть прислуга в доме и всё.

Это и в самом деле оказался Ульпиан. Оживленный и подвижный. Видно, неплохо отдохнул на вилле Фульвия!

– Аве, Александр! Аве, Сергей! Вот и я.

– Аве, Домиций! Как здоровье? Проходи в библиотеку. Присаживайся.

– Спасибо, Александр. Я как раз уже в Рим собирался, когда пришло письмо от Сергея. Отправлюсь теперь прямо от тебя. Давно не виделись. В Риме совсем не бываешь. Тем более приятно тебя встретить.

– А что там в вашем Риме делать? Ждать, пока одна или другая партия в борьбе за власть на всякий случай мне башку оторвет? Так, просто — чтобы вдруг к противникам не примкнул. Почему-то в Риме никто в нейтральность не верит.

– Да нет, иногда верят. Только вот держащихся в стороне всегда немного. Соответственно, они слабы и защищать их никто не будет. Очень заманчиво поживиться за счет слабого. На этом вся Империя держится.

– Узнаю твою откровенность, Домиций. Из твоих же слов следует, что в Риме мне появляться опасно. Кто угодно возжелает поживиться за мой счет.

– Присоединяйся к Октавиану — и тебе нечего будет бояться.

– Ты уверен? Впрочем, надо подумать. Ты сам вроде бы никогда не присоединялся к проигрывающим. Опытен и дальновиден. Завидую! Мне бы твои таланты, но у меня их нет. Так что приходится выкручиваться в силу собственного разумения. Да и мой друг Сергей, с которым ты уже знаком, иногда полезное подсказывает.

– Твой друг довольно толков и настойчив, Александр. Только в присланном им письме не сказано, что за сделку и с кем ты будешь заключать. Как-то туманно.

– Туманно? Как раз это-то понятно. Меня тут не было, и он не мог знать, соглашусь ли я на сделку, которую он затеял, или нет. В любом случае я рад бы был видеть тебя, Домиций. Хоть в качестве юриста, хоть в качестве гостя.

– Так что за сделка-то и с кем?

Ульпиан начал оглядываться, словно в поиске второй стороны в сделке. Его глаза наткнулись на тихо сидящую в углу Антиопу. Нетрудно распознать амазонку по одежде и осанке. У Ульпиана удивленно слегка приподнялись брови, но не более того.

– Познакомься, Домиций. Это Антиопа — предводительница амазонок, которых вы с Гнеем Фульвием подарили мне вместе с новым владением. Я не против. Сделка есть сделка. Она выгодна для меня, даже если земли, занятые племенем, исключить из пользования.

Тут другой вопрос. Слишком много земли. Мне столько не требуется. Сергей говорит, что он это сразу сообразил и даже высказал вам с Гнеем сомнение, что такое владение очень меня обрадует. Поэтому, как только вернулся от Фульвия домой, отправил в племя известие о смене собственника владения и необходимости переговоров о положении племени.

– Что же — вполне разумное действие.

– Я тоже так думаю. Когда я вчера вернулся домой, Антиопа меня уже ждала. Мы всё обсудили. Хотя что это я говорю "всё". Она приехала с предложениями со своей стороны. Их-то и обсуждали. Я почти согласился. Уж очень всё просто и выгодно для меня. Но вот ты сейчас напомнил мне о Риме, и я думаю, кое-что придется изменить в достигнутом вчера. Антиопа, тебе там в углу хорошо слышно? Может, пересядешь поближе?

Антиопа встала и пересела в кресло, стоявшее рядом с Ульпианом.

– Антиопа, — продолжил Александр, — предложила от имени племени выкупить у меня владение.

Ульпиан помрачнел и спросил:

– За сколько?

– За сто тысяч.

– За сколько!?

– За сто тысяч денариев. Ты что, плохо слышишь, Домиций?

– Нет, прекрасно слышу. Сумма удивляет. Думаешь, у них есть такие деньги?

– Я их уже получил. Только расписку еще не написал. Теперь, после твоих напоминаний о Риме и римском политическом идиотизме и подлости, думаю, речь в сделке с племенем амазонок пойдет о совсем других деньгах.

Антиопа вскочила в возмущении.

– Александр! Как ты можешь! Мы же вчера договорились!

– Подожди возмущаться, Антиопа. Я еще не закончил.

Послышались шаги, и в библиотеку, переговариваясь, ввалились Астерия, Мида и Фалестра. Антиопа шикнула на них и взглянула на Александра. Тот согласно кивнул.

– Можете присутствовать, но тихо, — сказала девочкам Антиопа и указала кивком головы на кушетки у стены.

Ульпиан проводил взглядом эту троицу, излучавшую здоровье и силу, и озадаченно повертел головой. Спросил Антиопу:

– У вас в племени все такие красавицы?

– Все.

– Поразительно. И вправду каждая может устоять против десяти солдат, как говорит молва?

– Нет, обычно только лишь против пяти. Против десяти — это уж если их очень разозлить. Александр, продолжай!

– Так, о чём я? Да, вчера мы договорились, что я вам уступаю всё владение целиком. Сегодня я хочу оставить себе небольшой кусочек от него. Две на две мили. Этого хватит и для дома, и для хорошего хозяйства.

– И только-то? — спросила Антиопа. Я уж было подумала, что речь пойдет о чём-то большем. Всё владение даже для нашего племени великовато. Ты меня успокоил.

– Вот и хорошо, но это не всё. За триста девяносто шесть квадратных миль земли я возьму с вас не сто, а семьдесят пять тысяч денариев. Двадцать пять вы увезете обратно как плату за пожизненную охрану моего соседства с вами. Пожизненная — это имеется в виду до моей смерти. А также я потребую от вас, Антиопа, послесмертного обязательства.

– А это еще что за штука?

– Простая и вполне доступная вам штука. Если я умру насильственной смертью, то вы обязуетесь наказать виновных в моей смерти.

– Месть, что ли?

– Она самая.

– Странные вещи ты говоришь, Александр, — удивилась Антиопа. — Договор на месть составить нельзя — противозаконно. Это даже я понимаю.

– Ты правильно понимаешь, — подтвердил Ульпиан и не преминул при этом уколоть: — Хоть и женщина.

– Неважно, — ответил Александр. — Мне достаточно твоего устного обещания. Ведь вы их никогда не нарушаете.

– Да, обещание я тебе могу дать, — подтвердила Антиопа, — и племя его выполнит.

– Очень хорошо. Вот тебе, Домиций, и забота — прямо сейчас составить купчую на землю, договор об охране и расписку. А мы с Антиопой посидим над картой и прикинем, где бы удобнее приткнуть мое новое поместье. Чтобы было удобно и не мешать друг другу. Придется-таки большое угодье искать в каком-нибудь другом, более спокойном месте.

– А зачем тебе искать в другом месте? Продавал бы не всё. Вот и Антиопа говорит, что и для них земли слишком много.

– Сергей этого делать не советует, а почему — не объясняет. Я же привык ему доверять.

Вопреки ожиданиям Ульпиан совершенно спокойно

уселся за составление документов. И в самом деле — чувствуется его большой опыт в составлении всяких заковыристых текстов. Меньше чем через два часа всё было написано и подписано. Получив свою мзду в пятьдесят золотых, крючкотвор засобирался уезжать.

– Домиций, а ужинать? Да и какая сейчас поездка в Рим, как ты собирался? Ты же до темноты не успеешь доехать до первого постоялого двора.

– Ничего, я сейчас вернусь к Фульвию. Забыл там кое-что у него.

Я вышел проводить его.

– Странная сделка, Сергей. Хотя и совершенно законная. Закон не запрещает быть стороной сделки любой группе непоименованных людей. Племени в том числе. Ты что — рассказал Александру о своих догадках относительно политики Рима и амазонках?

– Нет, конечно. Зачем ему это знать, а мне потом выслушивать его долгую ругань по поводу Рима? Да и мне совершенно наплевать на римские интриги. Я просто, как только с тобой и Гнеем расстался, намекнул через посыльного амазонкам, что мы не против поговорить об их будущем. И цену будущего обозначил. Но то, что они моментально прискачут, гремя деньгами в мешках, было для меня неожиданностью. Явно продешевил.

– А нанять целое племя в охрану не ты Александру подсказал?

– Какой же ты всё же недоверчивый, Домиций! Всюду тебе чудятся какие-то интриги. Это ты ему подсказал, заведя разговор о Риме. Тут Александру надо отдать должное — сам сообразил. Теперь, если он переберется поближе к амазонкам, к нему и с армией будет не подступиться. Не зря они договорились, что новое поместье Александра будет в середине земель амазонок. Видел, что за публика эти дамы? Если что, то от них не убережешься и за стенами императорского дворца!

– Однако надо же! Сто тысяч денариев с первого

слова! Откуда у них такие деньги? И почему они дали их вам, а не Фульвию? Ведь Фульвий первым посылал вестника в племя.

– Откуда деньги? Понятия не имею. Но вот легкость, с которой они с деньгами расстаются, позволяет думать, что там есть еще, и много. Досадно, что я мало запросил. Мне ведь в этой сделке достанется половина от прибытка. А что касается того, почему не Фульвию, то ты мог бы и сам догадаться. Всё очень просто. Фульвий послал в племя не предложение, а приказ. Амазонки же ничьих приказов не слушают.

– Да, наверное, ты прав. Ну, что ж, прощай, Сергей. Заходи если будешь в Риме.

Слуги помогли своему хозяину взгромоздиться на лошадь, и они отбыли. Что ж — будем надеяться, что в Риме оставят Александра в покое. В библиотеке ликование. Правда, без скаканья на одной ноге и ломки мебели от избытка чувств. Антиопа не может начитаться купчей. В который раз уже, наверное, перечитывает, шевеля губами. Девочки внимательно рассматривают карту, передавая ее из рук в руки. Александр, со сверх меры довольной физиономией развалился в кресле.

– Какой удачный сегодня день, однако, — пафосно возглашает он. — Надо бы принести жертву богам. Как ты на это смотришь, Антиопа? Не пригласить ли нам Диониса? Он тут устроит чего-нибудь.

– Нет, как-нибудь в другой раз. Мы поедем прямо сейчас — на ночь. В пути и перекусим. Поспешим обрадовать и успокоить племя. А то последние дни там все как на углях. Луна в небе. Так что с пути не собьемся. Астерия, Мида, Фалестра, собирайтесь!

И в самом деле, по-военному быстро собрались и ускакали. Только пыль за ними столбом. Правда, Антиопа на прощанье успела шепнуть мне на ухо:

– Не забудь про свое обещание. Я на тебя надеюсь.

Стоим на террасе и смотрим им вслед. Что-то у дево-

чек какой-то странно заговорщицкий вид. Охота с подозрительно невинным видом спрашивает меня:

– Сергей, а какие у городских людей бывают изъявления дружеской признательности?

– Ну, например, словесные. Такие как "спасибо" или "благодарю". Или ласковые — дружеские поцелуи…

– Знаешь, по части поцелуев мы, правда, не очень опытные, но всё же это нам больше подходит. Девочки, держите его! Не дергайся, Сергей! Больно не будет. Вот это — за меня. Вот это — за Фериду. Вот это — за Антогору. Вот это — за Антиопу. Вот это — за Астерию. Вот это — за…

Александр покатывается со смеху:

– Вы что, всё племя будете перечислять?

Охота угрожающе оборачивается в его сторону.

– Девочки, хватайте второго! Как бы он не удрал от нас.

Александр дернулся было бежать. Да куда там! От судьбы ведь не уйдешь!

*

Озерцо всё так же прекрасно, водопадик очарователен, а травка великолепна. Сегодня забрел сюда один, но недолго оставался в одиночестве. Приперся Габор и с независимым видом завалился в траву рядом со мной.

– Скучно что-то тут в последнее время, — посетовал он. Ни тебе событий интересных, ни праздников. Амазонки и те уехали поспешно, не угостив всех на радостях. Обидно.

– Так уж обстоятельства сложились. У них в племени дела важнее праздников здесь. Хочешь повеселиться? Тогда зови своего патрона Диониса. Он и повод найдет для веселья, и сам же его организует. Где он, кстати, сейчас, и как вы с ним общаетесь, если нужда возникает?

– Сейчас он на Горе*, наверное. Где же ему еще быть? До осенних праздников в его честь еще далеко.

Тогда он сам за нами придет. А нам до него не докричаться. Вот если какую-нибудь пирушку самим организовать, то он сверху сразу увидит и явится.

Габор тяжело вздохнул и уныло посочувствовал себе:

– Вот и праздник октября у фей и гномов тоже нескоро.

– Опля, — оживился я, — это ты хорошо сделал, что вспомнил об этом! Прошлый праздник был ведь около Багдада.

– Ну и что?

– Я удивился, увидев там не только вас, но и других волшебных, божественных существ. Однако в дороге мы никого из вас не встречали. Похоже, что в разные места мы попадаем разными путями.

– Ну и что?

– Как что? Расскажи, как вы ходите в далекие страны. Может быть, и нам будет проще там же ходить. Или это у вас секрет? Я тогда у феи Розы спрошу.

– Да от тебя не секрет, вообще-то. Только наш путь не каждого на себя пускает.

– Наш тоже. Далеко идти до вашего?

– Не надо никуда идти. Он в скале слева от водопада. Пойдем!

Подошли к скале. Ни малейших признаков какого-либо входа. Ни выступов, ни контура. Травинки растут кое-где в мелких щербинах камня. Ящерица пробежала по стене и скрылась в щели. Габор двинулся прямо на стену — как раз там, где только что пробежала ящерица, и… исчез. Исчез так, как исчезал передо мной "Морской ветер", когда вошел в проход между мирами.

Габор выскочил обратно.

– Чего ты стоишь? Идем же!

– Подожди. Мне надо кое-что проверить.

Я подошел к стене и протянул вперед руку. Рука стала исчезать. Выдернул.

– Вот видишь — он тебя пропустит.

– Понятно. Совсем почти как у нас, но разница есть. Только вот еще одно дело посмотрю.

Я взял небольшой камень и швырнул его в место прохода. Камень со стуком отскочил от скалы и упал к моим ногам. Я его снова поднял и вошел в скалу. Камень остался у меня в руке. Позади, как через чистое стекло, видно озеро и берег, но звуков снаружи не слышно. Впереди вниз идет пологая каменная лестница длиной метров шесть-семь. Внизу виден свет.

– Ну, что — может, всё же пойдем вниз? — подталкивает меня в спину Габор.

– Пойдем, — отвечаю я и бросаю камень за спину. Он не вылетел наружу, а со стуком, наткнувшись на "стекло", упал на площадку перед входом. — Ладно, на обратном пути подберу, — говорю я и спускаюсь по лестнице вслед за Габором.

Внизу довольно большой, метров двадцать в диаметре круглый зал с низким куполообразным сводом. Светлый желто-коричневый камень стен и пола. Пыльно так, что видны протоптанные следы. Воздух свежий. Значит, какая-то вентиляция должна быть, несмотря на наглухо автоматически запирающиеся входы-выходы. Несколько проходов по окружности, в которых просматриваются лестницы наверх. Странно. Довольно светло, но знакомых светильников не видно. Мягкий свет исходит от верхней, центральной части купола. Над каждым проемом словно вдавлены в камень цифры от единицы до девятки. Мы вышли из проема с цифрой восемь. Я уже догадываюсь, что означают эти цифры, но для интереса спрашиваю:

– И где тут Багдад, Габор?

– Вон там, — указывает он на проем с цифрой два. — Год назад входов-выходов было меньше. Как-то незаметно прошлым летом добавился еще один.

Всё верно. И я добавился, и Ахмед впереди — как самый старый житель Дома. Раньше него, под цифрой

один, может быть только вход в мир Генриха Швейцера. А в мой Верн, стало быть, ведет цифра девять.

– Сходим в Багдад, Габор?

– Нельзя. Перед входом нет знака приглашения. Значит, нельзя входить, как в чужой дом без ведома хозяев.

– Вот какой, оказывается, у вас здесь порядок! Похвально! Тогда можем сходить ко мне. Хотя лучше как-нибудь в другой раз. Я еще не знаю, куда в наших местах приводит лестница отсюда. Знаешь, что — ты можешь идти, а я тут еще поброжу, подумаю. Вижу знакомую вещь. Хотелось бы ее осмотреть.

– Ладно, тогда я пошел, — и Габор унесся наверх.

Не любопытен, однако, мифический фавн. Знакомая вещь стоит посреди зала. Вот, оказывается, куда уплыла часть машины Швейцера из нашего Дома в Питере. Та часть, от которой в Доме остались лишь ровнехонько обрезанные провода. Две стойки — две копии знакомого бронзового каркаса с шестью полками каждая. На одной из стоек все полки заставлены толстостенными стеклянными шарами со множеством электродов по всей поверхности. По двенадцать шаров на полке. На другой стойке — шесть широких медных ящиков или коробок, соединенных проводами со стеклянными шарами. Вроде больше ничего. Нет, есть еще высокая черная панель позади стоек, в которую уходят провода от приборов. Только вот обрезаны ли они там — в Доме — или же уходят в неизвестность, невидимость? Здесь они не обрезаны. Вся задняя часть панели занята рядами множества простейших и вроде бы пронумерованных выключателей. Цифр не различить из-за пыли.

Три группы стеклянных шаров тусклые, а три светятся ровным, не очень ярким и не очень ровным зеленым светом. Две работающие группы, понятно, — моя и Александра. И кто-то еще третий из нас в бегах от российской действительности. Не мешало бы и с этой части машины давно смести пыль. Так ведь ключа нет! Стойки

огорожены изящной и вычурной кованой решеткой в стиле конца девятнадцатого — начала двадцатого века, запертой на замок. Опять поражаюсь предусмотрительности Швейцера. Предвидел, что машина, возможно, будет работать без него, и тут может оказаться кто угодно. Решетка, конечно, не спасение от умышленного вторжения в машину. Но строгое предупреждение неглупому человеку, что лезть сюда не надо. Если уж машина выделяет избранных по разумному характеру, то уж, наверное, дурака к себе не подпустила бы!

Долго стою и как завороженный любуюсь зеленым мерцанием стеклянных шаров. Удивительно, как это гномы прошли мимо такой интересной штуки и не попытались разобрать ее? Странные миры и странные, непредсказуемые существа.

Так, с принадлежностью входов и выходов номер один, два, восемь и девять вроде бы ясно. Кому принадлежат еще пять? И почему их всех девять? У Анны Петровны, что ли, четыре? Мне кажется, вряд ли. А-а, забыл про бывшего военного и студентку, которые не вернулись. Значит, у Анны Петровны два своих мира. Она говорила, что пропавшие жили при ней. А сама Анна Петровна поселилась в Доме позже Капитана. Капитан в Доме с детства. Тогда номер три должен вести к пиратам. Посмотрим.

Поднимаюсь по лестнице третьего прохода. Смотрю, не выходя наружу. В самом деле. Узнаваемый порт и город. Похоже, я вижу его откуда-то с вершин хребта острова Альберта. Просовываю руку наружу. Здесь всё работает. Отлично! Возвращаюсь в зал. Проверю-ка я, куда выходит в Верне девятка.

Девятка выходит из подножья горы на самом краю леса. Локтях в трехстах от выхода — знакомая водяная мельница и красные черепичные крыши построек гномов. Понятно. Пешком до города добираться далековато.

Лестница номер четыре. Сквозь проход видна очень знакомая панорама здания Двенадцати коллегий. Булыжная мостовая. Слева — здание Сената и Синода. По набережной, наверное, громыхая, проезжает карета. За ней другая, всадники. Проходит публика в одеждах восемнадцатого века. Выход наружу почти на уровне земли. Получается, что он в основании Медного всадника. Ну и место! Ни войти, ни выйти. Анна Петровна или студентка? Маловероятно, что бывший военный. Хотя чёрт его знает! Нужно смотреть дальше.

Номер пять. Вдали видна Эйфелева башня. Еще один Париж. Но этот уж точно не Анны Петровны. У нее уже есть этот город. А раз башня, то достаточно современный Париж. Выходить не буду для уточнения. Хотя вот из-за деревьев, пыхая дымом и паром, вылетает паровоз с вагонами и снова скрывается. Только дым всё дальше и дальше плывет над кронами деревьев. Паровозик-то по виду где-то конца прошлого или начала этого — двадцатого — века. Студентка? Очень вероятно. Париж времен примерно "Фиалки Монмартра" вполне в духе студентки. Тем более что и репертуар Театра музыкальной комедии в Ленинграде во время пропажи студентки был в основном классический. Было где подцепить парижские романтические мечтания студентке института культуры!

Номер шесть. Лес. Дорога. Где — непонятно. Телега с бревном. Возница в коротких штанах. Франция? Точно Франция! Только в ней по дорогам шастают всадники в коротких голубых плащах с большими крестами на груди и спине. Здесь Анна Петровна и хозяйничает. Надо бы спросить у нее: не собирается ли их компания в ближайшее время. Я бы тоже подкатил. Симпатичны они мне. И при этом все такие разные.

Поднимаюсь по лестнице номер семь. Вечереет. Накрапывает дождь. Видно, какое-то зарево со всполохами. Пожар? Но что горит, не видно за кустами. Выхо-

жу. Выход у подножья какого-то заросшего травой и кустами обрыва. Прохладно. Вдалеке слышны взрывы и вроде бы пулеметные очереди. Огибаю кусты и километрах в двух вижу полуразрушенный и кое-где горящий город. Ну, уж это точно не студентка и не Анна Петровна! Кроме как отставному военному, такое никому не привидится. Зачем ему это понадобилось? Хотел хоть в воображаемом мире кого-то и что-то спасти, а сгинул сам?

– Подними руки и не дергайся, — раздается выше меня за спиной спокойный голос. — Повернись.

Поворачиваюсь с поднятыми руками. Вот же влип! Два автомата смотрят мне прямо в грудь. Два солдата внимательно меня рассматривают. Форма не наша и не немецкая. И на современную американскую не похожа.

– Кто ты такой и что тут делаешь? — следует вопрос тем же голосом.

Ляпаю первое, что приходит в голову:

– Местный житель — грибы собираю.

– Да? В начале июня и в таком виде? А корзина где?

В самом деле. Античная туника в этом месте и в это время выглядит по меньшей мере странно.

– Да шпион это! — говорит второй солдат. — Видишь, вырядился в бабскую одежду.

– Да, — подтверждаю я, — шпион и чтобы быть незаметным, так вырядился.

– Странный тип, — говорит первый, — отведем-ка его к майору.

– А что майор? Он всё равно прикажет его шлёпнуть на всякий случай. Так чего его куда-то тащить? Давай шлепнем прямо здесь.

– Лучше к майору, — говорю я. — Вдруг у меня есть ценные сведения?

– Поднимайся-ка ты, братец, к нам.

С поднятыми руками я пытаюсь вскарабкаться по скользкому склону. Балансировать, удержать равнове-

сие нечем. Через несколько шагов я, поскользнувшись, валюсь на землю, качусь вниз в самую грязь и останавливаю падение, грохнувшись о толстое дерево. Сверху доносится хохот довольной представлением публики. Но это, похоже, удача. Дерево-то рядом. Медленно, со стоном и как бы с трудом пытаюсь подняться, опираясь на дерево, и быстро прыгаю за его ствол.

– Брось, парень, вылезай! Мы тебя и там достанем!

Грохот автоматной очереди и дробный стук пуль по стволу. Стоит солдатам немного сместиться в сторону — и я буду открыт для стрельбы!

Дом, Дом, где ты, Дом, чёрт тебя побери!

Стою, трясясь от нервного напряжения в своей комнате в Питере. Грязь кусками и хлопьями сползает на пол. Закрываю глаза…

Знакомый и словно спасительный лес около виллы Александра. Быстро бегу к дому и у дверей натыкаюсь на Охоту.

– Сергей, где ты столько грязи нашел? Кто тебя обидел?

Отмахиваясь, пролетаю мимо нее и удивленного, вопросительно открывшего рот Александра.

– Потом!

Влетаю в бассейн и как есть плюхаюсь в воду. Долго барахтаюсь в воде, смывая грязь и снимая напряжение. Вся публика в доме собралась здесь и внимательно наблюдает за моим бултыханием. Ждут интересной истории, а Антогора стоит наготове с полотенцем и сухой одеждой. Вылезаю из воды, сбрасываю мокрую одежду, и стою неподвижно, пока Антогора, как заботливая мама, обрабатывает меня полотенцем. Одеваюсь в сухое и облегченно вздыхаю.

– Ужинать не пора? Ферида, стаканчик граппы принеси, пожалуйста.

Публика разочарована. Как же! Увидеть спектакль в действии и не услышать никаких реплик! Обидно. Только

когда тепло виноградной водки разлилось по жилам, почувствовал, что наконец-то отпустило. Нет, такие стрессы не для меня. Зато теперь я узнал, как может себя чувствовать добыча, а не охотник. Жуткое — нет, жутчайшее ощущение!

Как хорош мир и покой библиотеки! Ферида и Охота играют в шахматы. Суетятся и горячатся. А какой восторг от каждой взятой фигуры! Просто спектакль детской непосредственности! Мара тут нет. Он всё время в каких-нибудь хлопотах по дому. Трудолюбив и старателен бывший гладиатор. Антогора, как обычно, валяется на кушетке в царственной позе и прислушивается к нашему с Александром разговору. Хотя и мало что в нём понимает. Но ничего не спрашивает. Мол, не мое это дело — ваши секреты.

– Да, извозился ты где-то изрядно. Надо же! Тут в округе столько и такой грязи в это время не найти. Где был-то?

– На войне, — мрачно ответил я.

Антогора насторожила уши.

– Ты это серьезно? — забеспокоился Александр, как-то сразу почувствовав, что тут шуткой и не пахнет. — Только войны нам и не хватает.

– Война не здесь и сюда не выйдет, дай Бог, но сам по себе факт тревожащий. Помнишь, что у нас в Доме в машине не хватает некоторых узлов? Тех, где провода как ножом обрезаны?

– Конечно, помню.

– Я нашел эту пропажу.

– Здесь?

– Ну, здесь-то, наверное, не здесь, но отсюда ход к пропаже имеется.

– Надо скорее посмотреть!

– Не сейчас же, Александр. Поздно уже куда-то идти. Да и уборку там нужно сделать. Завтра с утра уж. Девочек с собой возьмем.

– Вот незадача! Завтра должен вестник из Рима приехать. Нужно его принять.

– Оставим здесь Фериду и Мара. Пусть придержат посланца до нашего возвращения. Антогора, ты слушаешь?

– Да.

– Завтра ты и Охота пойдете после завтрака с нами. Работа будет большая. Возьмете палки и тряпки для мытья полов, бадьи для воды, щетки для пыли. В общем, всё, что нужно для уборки.

– Понятно.

– О том, что вы там увидите, никто не должен знать. Даже Антиопа. С Феридой только можете поделиться. Слушай, а твои подруги не передерутся из-за шахмат? Я вижу, у них что-то уж очень горячий спор пошел из-за белого слона.

– А у них всегда шахматы шумом кончаются. Кто бы ни проигрывал. Я всё поняла, Сергей. Завтра утром большая уборка не дома.

– Вот-вот, именно — не дома.

*

Громыхая бадьями и цепляясь палками для половых тряпок за деревья и кусты, наш отряд благополучно прибыл утром к подножью водопадной скалы.

– Вот сюда, — сказал я и ткнул рукой в скалу.

Девочки ахнули и поежились, увидев, что у меня не стало половины руки. Но оживились, убедившись, что рука-то на самом деле цела. Охота потыкала пальцем в скалу и чуть не сломала ноготь.

– Да, — подтвердил Александр, — без нас вам туда не войти.

Взял Охоту за руку и исчез вместе с ней в скале. Антогора вцепилась мне в плечо и зажмурила глаза. Так и вошли.

– Можешь открыть глаза и посмотреть назад.

Антогора посмотрела вниз на лестницу, обернулась,

увидела выход к озеру и, машинально сделав два шага к нему, уперлась лбом в невидимую преграду.

– Храните меня, Боги! Ну и чудеса!

– Вот видишь? Будешь себя плохо вести — брошу тебя здесь, и умрешь с голоду.

– А кто же тогда после купанья тебя обтирать будет?

– Тоже верно — значит, не брошу. Идем!

Александр и Охота рассматривают кусочек чуда техники за оградой и саму ограду. Антогора присоединяется к подруге, а я оттаскиваю Александра в сторону.

– Видишь эти номера над проемами? Первый ведет в мир Швейцера, а девятый — в мой. Если по порядку, то за Швейцером идет Ахмед, потом Капитан, Анна Петровна, пропавшая студентка, снова Анна Петровна и вот седьмым — исчезнувший военный. Туда-то я вчера заглянул и чуть не поплатился своей драгоценной шкурой за любопытство.

Поднялись с Александром по лестнице. Всё тот же моросящий дождь. Дым невидимого за кустами пожарища вроде бы стал еще гуще. Впереди несколько больших грузовиков стоят у дороги. Двойная цепь вооруженных солдат проходит мимо и скрывается из вида. Меня, что ли, со вчерашнего дня ищут?

– За кустами горящий город. Судя по тому, что вчера я слышал взрывы и стрельбу не только по себе, война идет нешуточная и со случайными визитерами там не склонны разбираться и церемониться.

– Может, замуровать этот проход, чтобы никто туда случайно не выскочил? — спросил Александр, когда мы спустились в зал.

– Я тоже об этом подумал.

– Слушай, а как ты обнаружил это место?

– Габор показал. Я же тебе как-то упоминал, что волшебные существа разных миров как-то могут собираться вместе. Вот через это место и ходят друг к другу.

– А Клития мне ничего не рассказывала.

– С чего бы ей рассказывать? Ты для нее обычный человек. С некоторыми странностями, но человек. А это место — их секрет.

– Пожалуй. Что делаем-то?

– Девочки, мы сейчас с Александром принесем чистой воды, а потом будем уносить грязную. Начинайте с лестниц. Если увидите что-то странное, то не пугайтесь. Сюда никто из людей снаружи войти не может. Кроме некоторых — слабых и безобидных вроде нас с Александром. Которых можно безнаказанно целовать без их согласия. Пошли, Саша, за водой, а потом будешь чистить ограду, а я схожу за слесарем. Машину почищу сам.

Гном Арзон попался мне навстречу, как только я прошел мимо мельницы. Удивленно уставился на меня, даже забыв поздороваться.

– Ты что, Серж, пешком гуляешь по лесам? Не от дороги идешь. За музыкой?

– Здравствуй, Арзон. Нет, не гуляю и не за музыкой. Помощь твоя нужна. В подземном зале нужно открыть, а потом закрыть замок.

Арзон сразу понял, о каком замке речь.

– Ты уверен, что можно?

– Не только можно, — отвечаю, — но и нужно. Только не убеждай меня, Арзон, что проходя мимо такой странной штуки, у тебя не появлялось искушения поковыряться в ней. Ты уже, наверное, прикидывал, как бы можно было и решетку открыть.

– Появлялось, — лукаво улыбнулся старый гном, — но фея Роза настрого запретила. Она всегда знает, чего ни в коем случае делать нельзя. Но ты, похоже, знаешь, что делать можно. Постой здесь. Я инструмент возьму.

Через минуту появился с небольшим сундучком в руке.

– Пошли.

Замок сдался взломщику буквально за две минуты.

Арзону бы с Багдадским вором посоревноваться! Интересно, кто бы победил?

– Есть еще одно важное дело, Арзон. Видишь этот проход с цифрой семь?

– И что? Мы туда не ходим. Знака приглашения нет.

– И не будет, слава богу! За этим проходом идет война. Большая война. Люди убивают друг друга.

Арзон помрачнел.

– Война — это очень плохо.

– Плохо. Нельзя допустить, чтобы кто-то хотя бы и случайно туда зашел.

– Понимаю. Ты хочешь, что бы мы как-то закрыли выход туда?

– Да, нужно его наглухо замуровать. В той стране нет волшебных существ, и гости оттуда никогда не придут. Если хочешь, можешь взглянуть, но выходить нельзя.

Всё тот же моросящий дождь. Машины уже уехали. Солдат не видно. Арзон долго смотрел на столбы дыма. Потом всё же решился. Осторожно выглянул наружу, прислушался и принюхался.

– Что там горит?

– Большой город.

– Зловещее место. Нужно звать и эльфов. Пусть камни таскают. Я пошел за помощью, — и Арзон исчез в проходе номер девять.

На всю работу ушла почти половина дня. Зато зал и лестницы блистали чистотой, а лестницу номер семь скрыла свежая каменная кладка. Блистала и машина, и ограда вокруг нее. Когда я чистил панель позади машины, то обнаружилось, что пронумерованных маленьких выключателей на ней рядами ровно шестьсот и один побольше — в сторонке от рядов. Мы с амазонками и эльфы с гномами собрались в середине зала. Ждали, пока Арзон налюбуется машиной вблизи. Гномы и эльфы с интересом и опаской поглядывали на огромных по сравнению с ними амазонок. Арзон несколько раз обо-

шел вокруг машины и даже приложил ухо к медным ящикам.

– Интересная штука, — заключил он, — а для чего она нужна, Серж?

– Если машина перестанет работать, то этот зал исчезнет. Так что фея Роза совершенно права. Трогать в машине ничего нельзя. Запирай ограду, Арзон. Расходимся по домам.

Пока шли к вилле, я размышлял о странности проходов между нашими мирами. Здесь обычный и даже не совсем обычный, вроде амазонок, человек в проход войти не может. А вот между вернскими и пиратскими морями ходи, сколько хочешь, туда-сюда беспрепятственно. Странно как-то. Может, дело в том, что здесь находится сама машина, и это так организована ее защита?

Гая — посыльного из Рима — слушали на кухне за едой.

– Ну, что, Гай, какие гнусные вести привез ты нам из гнусного Рима? — спросил Александр.

– Разные, хозяин. Ваша любимая кошка спуталась с каким-то соседским ублюдком и принесла шестерых будущих уродов. Утопили.

– Вот, видал, Сергей, ради каких важных известий у нас шлют гонцов за несколько дней пути? Всё твои шуточки, Гай? Давай, что ты там привез на самом деле.

– Твои друзья, хозяин, — Марк Ювенций и Ливий Флакк просили передать, что политический перевес сейчас образовался у Октавиана, а военный пока так и остался у Антония. Они оба, похоже, не знают, как в такой ситуации поступить, и не делают против друг друга ничего. Есть сведения, что между ними идут переговоры о совместном правлении. Когда я проезжал через Абруццо, то не увидел вокруг лагеря Антония обычных постов. Это может означать, что легионы Антония не ждут нападения и сами не собираются на кого-то нападать.

– Это всё?

– Нет. Ливий просил еще передать, что по слухам в переговорах Октавиана и Антония велась речь о проскрипциях*. Правда, неизвестно в отношении кого.

– Вот хуже такой новости трудно что-нибудь придумать.

– А в чём дело с этими проскрипциями? — поинтересовалась Антогора.

– Видимо, противники решили расчистить политическое поле. Сторонников друг друга в эти списки смертников они включить не могут — альянс не состоится. Но вот могут включить кого угодно другого из соображений, чтобы тот не примкнул к противнику. Тогда политическое равновесие сохранится. Со многими так можно расправиться чужими руками. Слава Суллы* не дает им покоя, что ли? Очень скверная ситуация складывается. Хочешь или не хочешь, а в Рим ехать придется. Надо как-то не дать довести дело до проскрипций, а то и нам несдобровать! Можно было бы, конечно, скрыться в краях амазонок, но ведь это поместье разорят вчистую! Ты со мной, Сергей?

– Без Антогоры и Охоты я не поеду.

– Хорошо. Тогда себе я возьму Мара и Фериду. А кто будет дом охранять, если мы всех заберем?

– Двери запрем, а фавнов попросим, чтобы снаружи присматривали. Или, может, дать им ключи? За доступ к кладовкам они что угодно для тебя сделают!

– Антогора, поговори с фавнами и дай им ключи, если согласятся охранять дом. Нас не будет с неделю, если не больше. Ладно — завтра утром выезжаем.

*

Утренние сборы были короткими. Впрочем, и собирать-то было почти нечего. Александр выдал каждому по две горсти серебра. Мало ли — вдруг понадобится. Вот и все сборы. Амазонки осмотрели свои доспехи. Если называть доспехами длинные кольчужные рубашки, подшитые кожей, которые они взяли с собой. Взяли и

почти всё оружие, а прочее — нательное железо и щиты — оставили дома.

Через два дня Вечный город встретил нас теснотой и многолюдьем узких улиц. Охота ехала впереди, рассекая с невозмутимым видом своим громадным конем суетливую толпу и прижимая людей к домам сразу по обе стороны улиц. Нам вслед за ней уже проталкиваться легче. До улицы Аргилет, где стоит дом Александра, казалось, невозможно было бы вообще проехать верхом из-за обилия народа. Однако пробились под возмущенные крики сбитых с ног и помятых людей. По сравнению с римской рыночной кашей, восточный базар показался бы почти безлюдным.

– Эта улица — центр римского рынка, — пояснил Александр. — Здесь всегда так в первой половине дня, когда народ выходит за покупками. Там дальше — Форум и императорский дворец. А вон и мой дом. С улицы к нему сейчас трудно подступиться. Обычно заезжаем через проулок во двор. Так и конюшни там. С улицы подъезжают гости.

– А я вот вижу и громаду Колизея. Хотя он должен бы появиться лет на пятьдесят позже. А, Александр?

– Какая разница, когда он должен бы появиться? Главное, что он есть при мне. Рим без Колизея — не Рим! Сводить тебя на гладиаторские бои?

– Еще этого не хватало! Не понимаю: что может быть привлекательного в созерцании смертоубийства.

– Это не только зрелище, но и место важных встреч и разговоров. Однако вот мы и дома.

Нас встречает Панкратий — управляющий. Городской дом Александра под стать вилле. Правда, не такой большой, но комфортный и богатый. Не знаю, как его друзья и гости смотрят на нетрадиционный антураж убранства, необычную мебель, но, наверное, принимают как данность. Удобно ведь!

– Панкратий!

– Да, хозяин?

– Оповести Марка и Ливия, что я в городе. Пусть приходят вечером.

– Это твои римские друзья?

– Друзья и не только. Еще и партнеры по всяким торговым и другим предприятиям. Как ты думаешь, откуда у меня деньги?

– Кто тебя знает. Римские дороги славятся своим качеством. Может, ты на них промышляешь по ночам? Шутка!

– Я так и понял. В Империи ночного разбоя нет потому, что ночью никто в путь не выходит. А предприятия могу показать. Только они не в городе. Будет время — съездим. Может быть, присоветуешь что. Если хочешь — можем пойти погулять по городу. Только кошелек либо оставь дома, либо всё время держись за него. Воров тут полно. Хотя возьмем с собой кого-нибудь из девочек. У них на воришек чутье необыкновенное.

Охота впереди, а Ферида сзади. Так и гуляем по улицам. Теснота неимоверная. Если улица метра четыре шириной — то это уже чуть ли не проспект. Очень людно, хотя с рыночных улиц мы ушли. Ребятне несказанно нравятся амазонки, выделяющиеся ростом и одеждой среди окружающей публики. "Амазонки, амазонки!" — кричат бегущие впереди Охоты мальчишки, и люди расступаются, с интересом оглядывая наше шествие. Смотрят вполне доброжелательно, за редким исключением.

Какой-то местный франтоватый и нахальный даже по взгляду парень, стоявший в компании приятелей, показал Охоте, видимо, очень неприличный жест. Девушка, проходя мимо него, не поворачивая головы, коротко выбросила левую руку в сторону. Парень так и сел на землю, схватившись рукой за окровавленный рот. Окружающие зааплодировали в восторге от бесплатного зрелища.

Форум просто поразителен — если не своими разме-

рами, то архитектурой. Арка Константина, Сенат, Курия Юлии, Храм Антония и Фаустины, Тетрархические Колонны, Храм Сатурна, обилие скульптур и еще много разного и великолепного. Я уже и не разберу, что тут относится к текущему времени, а что — нет, но всё это производит на меня восхитительное впечатление. Девочки же абсолютно спокойны, равнодушны. Похоже, их занимает совсем другое.

– Александр, а в харчевню Василия пойдем?

– Пойдем, пойдем, — и уже мне: — Я как-то показал им одну забегаловку неподалеку. Теперь без визита в нее не обходится ни один их приезд в Рим.

"Забегаловка" и действительно примечательная. У нее нет фасадной стены, и сидишь, словно на улице, но под крышей. В огромном камине жарятся сразу две бараньи туши. Повар поливает их каким-то настолько ароматным соусом, что даже только от запаха можно сойти с ума. За столом сидит Антогора и нетерпеливо стучит по нему ручкой огромной вилки.

– Ты же дома оставалась?

– Да, ждите! Будто я не знаю, где вы, в конце концов, окажетесь. А я дома сиди? Хозяин, не ногу мне, а целого барана нам и поскорее!

– Поскорее — не будет вкуснее, — слышится в ответ. — Охота, Ферида, — и вы тут? Ваша подруга очень уж нетерпелива. Александр, а ты уж совсем про Василия забыл! А когда-то частенько наведывался. Какое вино вам подать?

– Сладкое, Василий, — и толстый, как бочка, хозяин харчевни вперевалку удалился.

– У Василия неплохое вино с медом делается. Девочки с удовольствием пьют. Да и мне тоже нравится. Вот, несут. Попробуй.

Вино и в самом деле очень достойное. А уж мясо — не баранина, а мечта! Сочная и рассыпающаяся во рту. Мару такое не удается. Как-то незаметно и усидели впя-

тером целого барана. Небольшого, правда. Девочкам вроде даже тяжеловато стало, но похоже, довольны они безмерно.

– Теперь бы вздремнуть немножко — и было бы полное счастье, — мечтательно произнесла Ферида. — Отличная была прогулка!

*

Вечерние гости — Марк и Ливий — оказались молодыми мужчинами, вряд ли старше Александра. Лет по тридцать пять каждому. Самые молодые сенаторы Империи. Первый из них — сторонник Октавиана, а второй — Антония. Хотя, как выяснилось позже, на самом деле всё оказалось не так просто.

– Ты всё так же великолепна, — восхитился Марк, поприветствовав нас с Александром и подходя к сидящей в кресле Антогоре.

– Аве, Марк. Ты тоже неплох, — ответила она, и, обернувшись ко второму гостю, добавила: — Аве, Ливий. И ты, я вижу, здоров и энергичен. Рада вас видеть.

– Охота и Ферида тоже здесь? — поинтересовался Ливий.

– Устали и спят.

– Втроем вы весь Рим разнесете вдребезги. Стоит только вспомнить…

– Не надо вспоминать. Мало в том было хорошего. Сейчас, как я понимаю, у вас проблемы посерьезнее.

– И не говори, Антогора, — много серьезнее.

– Ливий, Марк, — напомнил о себе Александр, — кончайте любезничать. Что тут у вас за последние дни?

– Антоний в Риме, — ответил Марк.

– Значит, всё-таки альянс?

– Значит, альянс, — со вздохом подтвердил Ливий.

– И что будем делать? Похоже, наша затея с вступлением тебя, Марк, в ряды сторонников Октавиана провалилась. Аналогично и с тобой, Ливий. Ничего нам эта хитрость не дала. Кроме кое-каких сведений из вторых

рук. Сначала Октавиан с Антонием сожрут всех, кто к ним не примкнул, а потом от страха начнут крушить и всех остальных. Пока и друг другу глотку не перережут. С себя бы и начинали. Так что проскрипции, раз о них между Октавианом и Антонием зашла речь, маячат на горизонте в любом случае. Сначала для людей, соблюдающих нейтралитет, а затем и для сторонников любой из партий. Только никто не может заранее сказать, для сторонников, какой именно партии. Что-то со времен Суллы у правителей пошла мода без вины назначать жертвы. Чуть что — резня устраивается.

– Легионы из Британии и Галлии еще не встали ни на чью сторону, — сказал Марк. — Как только они определятся, возникнет и чей-то перевес.

– Однако этого перевеса Октавиану и Антонию не нужно ждать, чтобы устроить ночь длинных ножей среди нейтралов, — заметил Ливий.

– Тогда возникает вопрос о том, что или кто может предостеречь Октавиана и Антония от применения проскрипций? Цицерон? Октавиан к нему прислушивается.

– А Антоний — нет. Более того, Цицерон для Антония — как красная тряпка для быка. Октавиан не будет сейчас ссориться с Антонием и поэтому слушать Цицерона не станет.

В комнате повисло тягостное молчание. Антогора зашевелилась, и кресло под ней жалобно заскрипело.

– А угроза при угрозе к ситуации не подходит? — поинтересовалась она.

Александр и Марк с Ливием с недоумением уставились на нее.

– Антогора имеет в виду, — пояснил я, схватив ее мысль, — что угроза с чьей-то стороны иногда может создать угрозу и для самого угрожающего.

– И что? Какое это имеет отношение к нам? — поинтересовался Марк.

– Самое прямое, но не к вам, а к Октавиану или Ан-

тонию. Или к ним обоим сразу. Умница, Антогора! Напомни потом мне, чтобы я тебя поцеловал! По-дружески, разумеется!

– Можешь прямо сейчас.

– Нет, не сейчас. Хочу растянуть предвкушение удовольствия.

– Ну, тогда ладно — потом.

– Что тут происходит? Перестаньте дурачиться! — возмутился Александр. — О чём это вы?

– Понимаете, ваша ошибка в том, что вы обдумываете между собой способы защиты, а нужно рассматривать способы нападения. Уж кому как не Антогоре это лучше всех понимать! Это одна из основ их воспитания с детства. Вот представьте себе, что, например, перед Октавианом или Антонием лежит список намеченных жертв. Они готовы его подписать, но вдруг им доносят или они сами догадываются, что их подпись под списком означает и смертный приговор им самим. Причем почти мгновенный и неизбежный. Станут ли они что-либо подписывать? Ты это имела в виду, Антогора?

– Верно.

Опять повисло молчание. Присутствующие осваиваются с идеей.

– Логически тут что-то есть, — в раздумье произнес Марк. — Сначала нужно создать что-то, способное угрожать. Потом как-то уведомить о существовании этой силы, способной нести опасность. И, наконец, донести до заинтересованных лиц, при каких условиях эта сила может быть применена к этим лицам. Я правильно понял?

– Правильно, — подтвердила Антогора. Только вот достаточно грозная сила уже есть. Вы это сами знаете.

Марк внимательно посмотрел Антогоре в глаза.

– Допустим, есть. Как донести о ее существовании?

– Это уже не наша забота, — ответил я. — Ее наверняка возьмет на себя известный вам Домиций Ульпиан. Только нужно подождать денек-другой, пока он доберет-

ся до Рима и возьмется за дело. Мы его обогнали по дороге.

– Домиций? — поразился Ливий. — Да ты что! Каким это боком?

– Займется. Просто вы еще не знаете о некоторых событиях, которые недавно произошли у Александра в поместье. Александр, расскажи о сделке, договоре охраны и послесмертном обязательстве.

Пока он занимал Марка и Ливия интересным рассказом, я подобрался к Антогоре и поцеловал ее в щеку.

– Мало, — требовательно заявила она.

Пришлось поцеловать ее еще и в губы.

– Да-а, — выслушав Александра, признал Ливий, — возразить нечего. Ситуация своеобразная, и обернуть ее в нашу пользу возможно. Есть одно досадное обстоятельство. Всё касается только Александра. Ну, не внесут его в список жертв — и всё. А других-то эта затея не защитит.

– Совершенно справедливо, — согласился я. — Александра, может, и не тронут, а с другими могут сделать что угодно. Из этого следует, что нужно создать коалицию, в которой нападение на кого-либо из ее участников приравнивалось бы к нападению на любого другого. В том числе и на Александра. Но этого мало. Разговоры о существовании какой-то потенциальной силы не идут ни в какое сравнение с ее демонстрацией в натуре. Нужно такую демонстрацию как-то организовать.

– А что — коалиция, где каждый защищает не только себя, но и каждого другого, — неплохая мысль, воодушевился Александр. — А вот с демонстрацией силы неясно. Устроить шествие амазонок по Риму? Так это будет развлечение для толпы, а не угроза для правителей. Да и привести их сюда в большом количестве сложно. Причем, как я понимаю, угроза должна быть скрытой. То есть понятной и явной для каких-то конкретных лиц и совершенно неощутимой для остальных. Скопление же

амазонок в Риме даст возможность кричать об угрозе для всех. Как раз обратное тому, что нужно.

– Гладиаторский бой в Колизее, — спокойно произнесла Антогора и получила еще один дружеский поцелуй в шейку.

– Нет, вы только подумайте, — опять после минутного замешательства всех воскликнул Марк, — как складно тогда всё получается! Антогора, ты сокровище! Переходи ко мне на службу. Уж как я буду тебя холить и лелеять!

– Надо подумать, Марк. Подумала. Нет. Слишком дикие вы тут, в Риме.

– Ладно, хватит болтать всякую ерунду, — вмешался Александр. — Марк, Ливий за вами сколачивание коалиции. Времени у нас на это — два дня. Вступает в коалицию любой и в любое время и только с одним обязательством — взаимовыручка. Дальше. Что будем делать по предложению Антогоры?

– А что тут делать? — ответил вопросом на вопрос Ливий. — Ничего другого у нас нет. Гладиатора может выставить любой и в любое время. Но очередные бои тоже через два дня, а нужно еще дать заявку, и если не откажут, то поспешить с объявлениями. Это всё я беру на себя. Бойцов выставляешь ты, Александр. А мне с заявкой не откажут, и объявления, подготовку в Колизее тоже организую, а Марк в это время будет заниматься коалицией. Антогора, как я понимаю, вы втроем будете биться.

– Нет, я одна. Объявляй, что мои противники будут иметь острое оружие нападения, а я — нет.

– Не рискуешь?

– Посмотрим.

– Один на один?

– Нет, два боя. Одна против пятерых и одна против семерых.

Заговорщики из Рима просто опешили.

– Хорошо, Антогора, тебе виднее, — согласился Александр. Пусть будет так.

– Постой, постой! Это же самоубийство!

– Напрасно ты так думаешь, Марк. В прошлый раз ты видел, на что они способны, — расчет и ловкость. Но видел ты немногое. Давайте за дело!

*

Через два дня весь Рим гудел в предвкушении грядущих гладиаторских боев в Колизее. Стоило девочкам выйти из дома, как за ними увязывалась целая толпа ликующего народа. Да и Ливий хорошо постарался. Чуть ли не на каждом углу на стенах красной краской были наспех намалеваны объявления о предстоящих боях с участием амазонок. О количественном противостоянии решили не оповещать. Пусть будет сюрпризом для публики! Ливий договорился в Колизее и о порядке боев, их участниках и вооружении. А также о сопровождении Антогоры.

Марк за эти два дня из напуганных и уже заранее собравшихся куда-то бежать людей сколотил что-то отдаленно напоминающее группу не желающих ни во что вмешиваться. Большего и не требовалось. Ведь реальным защитником этой группировки будет только Александр. А остальные — лишь пользующийся этой защитой балласт. Правда, подавалось это довольно солидно, как коалиция самозащиты от произвола. Никто не мешал, но интересовались затеей фигуранты из обеих правящих партий. Так что Октавиану и Антонию о какой-то странной коалиции донесут.

Вчера в Риме появился Ульпиан. По словам Марка, он сразу удостоился долгой аудиенции у Октавиана. О чём шел между ними разговор, никто не знает.

Вот вроде бы и всё, что предшествовало тому, что мы сейчас идем узкими улочками в Колизей. Антогора налегке. Охота и Ферида с мечами и в кольчугах, а Мар только с коротким мечом. Им на всякий случай придется

стоять у ворот на арену и приглядывать, чтобы не случилась какая-нибудь не нужная нам гадость. Мы с Александром будем наблюдать за боями из ложи Марка. Ливий молодец! Умудрился договориться о последней очереди нашего боя. Так что предшествующее побоище уже в разгаре. Рев толпы из чаши Колизея доносится до улиц, а мы еще только идем. Это хорошо. Крови до нас все насмотрятся уже досыта, а возбуждение будет на пике. Молча расходимся в нижнем этаже Колизея. Девочки ныряют куда-то вниз, а мы с Александром топаем по ступеням наверх. Марк и Ливий нас заждались.

– Ну, что же вы так, — встречает нас хозяин ложи. — Всё интересное пропустили.

– Сергей крови не любит, да и я, вы сами знаете, не в восторге от таких развлечений.

Весь амфитеатр забит до отказа. Чуть наискосок от нас и чуть ниже — императорская ложа. Октавиан совсем юн. Ему на вид едва ли двадцать лет. Антоний же — коренастый здоровяк зрелых, если не перезрелых годов. Говорят что-то друг другу, пересмеиваются. Ульпиан и еще несколько неизвестных мне лиц сидят и стоят позади них.

Звучит гонг, заревели трубы. Судья объявляет амазонку Антогору. Та спокойно выходит на середину, поднимает вверх правую руку, делает легкий поклон императорской ложе и затем публике на три другие стороны. Волосы девушки завязаны в хвост. На левом запястье на кожаной петле висит трехлезвийный кинжал для захвата оружия противника. На правом запястье болтается длинная — наверное, не меньше локтя в длину — дубинка, обшитая кожей. На теле никаких доспехов.

Судья объявляет ее противников. Гул голосов стих на третьем объявленном участнике, а на пятом установилась полная тишина. Похоже, такого неравного боя здесь еще никогда не проводили. Все пятеро противников Антогоры с одним и тем же оружием. Короткий меч,

маленький щит, шлем и нагрудные доспехи. То есть почти обычное вооружение римского солдата. Внимательно рассматривают противницу. Легенды об амазонках, конечно, все слышали, но как-то уж очень опасной Антогора в натуре не выглядит, несмотря на рост. Цена же правдивости легенд известна. Да и Александром объявлена награда в десять золотых за победу над амазонкой.

Судья ударяет в гонг — и опять рев труб. Самый шустрый гладиатор устремляется вперед. Антогора спокойно ждет. За миг до столкновения она делает неуловимый по быстроте шаг в сторону и бьет пролетающего мимо противника дубинкой по затылку. Тот зарывается носом в песок. Антогора небрежно оглядывается и пожимает плечами. Остальная четверка уже приблизилась плотной группой, и Антогора налетает на них сама. Скученность мешает гладиаторам сразу всем применять оружие. Да они, похоже, и не успевают ничего сделать. Что происходит в этой закрутившейся мешанине, которую устроила амазонка, разглядеть невозможно. Только слышатся лязг перехваченных клинков и глухие удары дубинки. Вихрь борьбы распадается на три лежащих на песке тела и одно сидящее и мотающее головой. На весь бой ушло не больше тридцати секунд. Гонг оповестил окончание схватки. Антогора отошла в сторону и ждет, пока приберут арену и уволокут бесчувственные тела. В амфитеатре гробовая тишина. Словно публику надули и она усиленно старается понять, в чём же тут обман.

Судья зачитывает имена следующих противников. Эти семеро вооружены по-разному. Меч и щит, копье и щит, какая-то кривая железяка и кинжал, секира, трезубец и еще всякое такое, чему я и названия не знаю. И снова рев труб вслед за гонгом судьи. Тактика свежей семерки гладиаторов совсем другая. Они рассредоточиваются по арене и начинают сходиться в центре, беря Антогору в кольцо. Амазонка бросается вперед, а глади-

аторы сжимают строй в направлении ее броска, растянув тем самым кольцо окружения по бокам. Антогора делает резкий рывок в сторону и кубарем прокатывается по песку между двумя гладиаторами, отбивая по пути их оружие. Вскакивает на ноги уже за пределами кольца-ловушки. Вот тут и начинается избиение младенцев…

Гладиаторам нужно стать фронтом к амазонке, чтобы действовать вместе, а Антогора не дает им этого сделать. Ее стремительное перемещение на правый или левый фланг группы противников похоже на какой-то дьявольский и вместе с тем легкий и изящный танец. Гладиаторы, как ни стараются вертеться побыстрее, всё время оказываются перед Антогорой стоящими друг за другом, а не фронтом. Действовать может только один из них — передовой. Вот она и выбивает их поодиночке. Звон захвата оружия, скрежет вырывания его из рук, свист полета отброшенного в сторону оружия противника, глухой удар дубинки и снова прыжок смены позиции. На лице последнего гладиатора уже написана безнадежность, однако он не сдается. Замахивается сетью, но Антогора с легкостью ускользает и наступает ногой на сеть. Всё это уже похоже на игру кошки с мышью. Чувствуется, что Антогора нарочно медлит, словно поддаваясь. Гладиатор пытается ткнуть ее трезубцем, и Антогора лениво перехватывает его своим тоже трезубым кинжалом. Дубинка даже не потребовалась. Пинок коленом в живот и резкий рывок чужого оружия. Гладиатор падает на спину, а его трезубец, пролетев чуть ли не половину арены, со звоном врезается в мрамор парапета императорской ложи и падает на песок. Еще бы на локоть выше — и этим трезубцем попало бы Октавиану прямо в лицо! Звучит гонг окончания схватки. Боевой танец Антогоры продолжался не больше минуты. Девушка поднимает вверх правую руку. Легкий поклон императорской ложе. Тряхнув своим роскошным хвостом волос, Антогора снимает с запястий кинжал и дубинку,

перебрасывает их через плечо и уходит с арены. И только тут раздается восторженный рев толпы.

*

Антогора сегодня как именинница. Все разговоры и внимание вокруг нее. Заслуженно!

– Ну, что, нами вроде всё сделано. Остается только ждать, как развернутся события, — в конце вечера подвел итоги Марк.

– Только вот сколько нам ждать? — сам себя спрашивает Александр. — Не сидеть же нам в Риме до бесконечности. Скучно. Вон девочкам спокойно даже до харчевни Василия не дойти. Поклонники и обожатели у дверей дома стерегут. Сергей, давай-ка мы с тобой прогуляемся завтра с утра по нашим предприятиям. Посмотрим, как там Марк с Ливием ведут дела.

– Нормально там дела, — чуть не обиделся Марк, — Тебе же твою долю денег подвезли. Чего еще? Плохие дела будут, если Октавиан с Антонием наших намеков не поймут.

– Сергей инженер, и при этом инженер хороший. Может подсказать что-нибудь толковое в хозяйстве. А вот если Октавиан и Антоний намеков не захотят понять, то…

– То я этого крысеныша собственными руками задавлю! — закончила за Александра Антогора.

– Вот, слышал, Марк, голос народа? И у их племени есть, что спросить с Октавиана. Так что крайняя мера всегда в наших руках. Только пользоваться ею можно лишь от безвыходности.

На следующий день без приглашения к обеду в шикарных носилках прибыл Ульпиан. Мы уже вернулись с ревизии имущества компании Александра, Марка и Ливия. Очень обширное и разнообразное хозяйство — от обработки железа до изготовления сыра. Посмотрев на выделку кож и изготовление пергамента, я сказал Александру, что, может быть, если заняться производством

бумаги, то это будет проще и выгоднее. Надо будет посмотреть литературу по бумажным технологиям.

Да, Ульпиан. В Риме, вообще-то, не такой уж криминал явиться с визитом без приглашения. Особенно среди хорошо знакомых людей. Поэтому юриста и правоведа приняли достаточно радушно. Было понятно, что он прибыл неспроста. Александр подал девочкам незаметный знак молчать за столом. Разговор, конечно же, начался издалека — с восторгов мастерством Антогоры.

– Слушай, Александр, ты ведь большие деньги можешь получать на боях. Победа-то всегда будет твоя.

– И что? Это будет понятно каждому, и против амазонок ставки будут низкие. Да и, вообще, Домиций, я им не хозяин, а наниматель, и заставить участвовать в гладиаторских боях не в моих силах.

– Но вчера же — то ли заставил, то ли уговорил.

– Ничего подобного. Антогора сама выразила желание поразмяться. Я не возражал.

– Сама? Поразмяться? Никогда не поверю. Если и она сама, то смысл всё равно должен быть.

– Смысл не сложный. Амазонки не хотят, чтобы их беспокоили. Антогора очень просто дала понять, что́ будет с тем, кто их тронет. Ты представь, что было бы, если бы она вышла на арену с острым оружием, а бой был бы до смерти.

– Представляю. Октавиан и Антоний вчера были просто поражены. И даже выразили интерес к тому, чтобы нанять амазонок на службу.

– Ты же, Домиций, понимаешь, что это невозможно. У племени договор со мной, и никому больше они служить не будут. Ты попробуй, Домиций, вот эту баранью ножку. Антогора сама готовила по рецепту трактирщика Василия. Не совсем как у него получилось, но всё равно очень славно.

– Да, в самом деле, мясо недурственное. И я понимаю, что на службу амазонок уже не взять. Тебе здо́рово

повезло. Такую мощную и преданную армию получить в свое личное распоряжение не каждому дано. И на содержание этой армии ты, казалось бы, не потратил ни асса. Теперь и в Рим будешь безбоязненно приезжать. Почему бы тебе всё же не примкнуть к Октавиану?

– А зачем? Вы здесь, а я там. Какое мне дело до ваших политических махинаций! Вы здесь передеретесь, а хлопоты достанутся мне? Нет уж.

– Ты сам себе противоречишь, Александр! Говоришь о наших римских махинациях, а сам со своими приятелями состряпал тут какую-то коалицию с туманными целями. Как я понимаю, из вашей затеи вытекает, что каждый член коалиции может оказаться под защитой твоих амазонок.

– Может-то может, да вот зачем? Коалиция политических целей не преследует, никаких притязаний на власть не имеет, политических деятелей не выдвигает и не поддерживает. То есть никому и ничем не мешает. Не трогайте там никого, и никакая защита не потребуется. Это просто компания людей, которые дают понять: "Идите вы все на фиг! Если сунетесь, то мы будем кусаться". Вот и всё. Не надо приплетать сюда политику. Вот, Домиций, попробуй и вино от того же трактирщика Василия. Необычное и приятное.

– Да, хорошее винцо. Зря мы ходим вокруг да около, Александр. Ты ведь прекрасно понимаешь, что и почему в Риме происходит. А я так же прекрасно понимаю, что и почему ты делаешь. И вот сидим за одним столом и морочим друг другу головы. Я как увидел вчера вашу Антогору на арене, так и понял, как ловко твой друг Сергей обвел меня и Гнея Фульвия вокруг пальца. Поздравляю, Сергей! Быть тебе великим политиком. Или великим мошенником. Что, в общем-то, одно и то же.

– Благодарю, Домиций. Твоя оценка моих способностей дорогого стоит. Как понял-то? Вспомнил, что видел Антогору на вилле Александра?

– Именно. В крестьянском платье. Мельком, но память у меня хорошая. Мне вчера сразу стало ясно, что с амазонками вы знаетесь давно и приехал ты к Фульвию вовсе не за землей под поместье, а за свободой для амазонок. А я-то гадал всё время: откуда у амазонок вдруг такие деньги? Племя-то изолированное от остального мира, и больших денег там не может быть.

– И к какому выводу ты пришел? — поинтересовался Александр.

– К тому, что ты владение им просто подарил. Я же не видел тех денег, которые они якобы тебе привезли. А амазонки в благодарность за это просто в клочья разорвут любого, кто стал бы тебе чем-то угрожать. С тобой связываться опасно. Слава Юпитеру, что у тебя нет политических амбиций.

– Знаешь, Домиций, меня не покидает ощущение, что тебе очень хочется предостеречь Октавиана и Антония от некоторых опрометчивых поступков.

– Я вчера уже предостерег. Кто знает подноготную происходящего, тот понимает и суть происходящего. Мне с тобой портить отношения незачем.

– Ну что ж — спасибо тебе за это известие! Тогда я могу спокойно возвращаться на свою виллу.

Ульпиан отбыл в своих шикарных носилках, а девочки защебетали как птички.

– Ой, как хорошо-то! — воскликнула Охота.

– А я уже по купанию соскучилась, — поддержала ее Ферида.

– Интересно, а что за наше отсутствие натворили в доме рогатые сторожа? — задумчиво произнесла Антогора. — Пойду скажу Мару, что мы уезжаем.

– Не спеши, — остановил ее Александр. — Выезжаем завтра утром. Ты деньги от Марка и Ливия приняла?

– Да.

– На всякий случай четверть оставь здесь, а остальное заберем с собой.

– Поняла. Но я их не считала.

– Сергей поможет.

Денег оказалось много. Три тысячи денариев и тысяча шестьсот ауреусов.

– Оставим здесь серебро, а золото заберем. В дороге будет легче. Антогора, а за какое время эти доходы?

– Не знаю, но в последний раз забирали полгода назад.

Посмотрев вчера предприятия римской компании, можно удивиться таким большим доходам при таком большом, но всё равно примитивном хозяйстве. Ведь не все же деньги здесь. Вдвое больше, наверное, отходит Марку и Ливию. Впрочем, мне-то какое до этого дело!

*

Утром Александр написал записки Марку и Ливию о визите Ульпиана, приказал Панкратию их доставить и мы отправились в поместье.

Дом встретил нас тишиной и запертыми дверями. В саду тоже ни души. Фавны обнаружились в глубине леса. Опять помог необыкновенный слух амазонок. Ферида как-то среди общего шума и разноголосья леса различила отдаленные звуки свирели. Пошли на них и наткнулись на мохнатых и рогатых. Все в стружках и опилках. Заняты изготовлением и настройкой этих нехитрых музыкальных инструментов. Хорошо сделанный инструмент и ма́стерское исполнение фавнами музыки издавна способствовали грехопадению не одной нимфы, очарованной игрой на свирели. Забираем ключи и наконец попадаем в дом.

Вопреки беспокойству Антогоры внутри всё в порядке. Правда, кладовки изрядно опустели и две винные бочки утратили свое содержимое, но и нам что-то из продуктов питания осталось на разживу.

– Ферида, ты купаться хотела, — напоминает ей Александр. — Нас возьмешь с собой? Кто останется готовить обед?

– Да вы уж идите. Я один справлюсь, — говорит Мар. — Только очень-то не опаздывайте и гостей сегодня не приводите. Вот пополним запасы — и тогда будет можно.

По берегу озерца тут и там разбросаны обнаженные тела нимф и амазонок. Нежатся после купания. Антогора избрала в качестве изголовья мой живот. Я тихо перебираю пальцами ее роскошные волосы, а она благодарно и блаженно улыбается. Рядом со мной сейчас лежит вовсе не решительная и жесткая воительница, а просто красивая, романтическая и мечтательная девушка.

Фавны тоже присутствуют в полном составе. Правда, на противоположном берегу, но и они мокрые после купания. Уселись в кружок, о чём-то посовещались — и над озером поплыла нежная и мелодичная музыка только что сделанных свирелей. Я опять погрузился в сонное, ставшее уже как-то привычным, сказочное забытье…

*

– Ты, помнится, сетовал на то, что мира Швейцера нам никогда не видать, — расхаживая по библиотеке и искоса поглядывая на опять очень уж эмоциональных игроков в шахматы, говорит мне Александр. — Теперь же мы знаем, где в него вход. Может, сходим посмотрим?

– Сходить-то можно. Посмотреть с толком нельзя.

– Почему это?

– Потому, что Швейцер немец.

– А-а, ну да, конечно. А вдруг?

– Какое может быть "А вдруг?", если он и прислугу из Германии выписывал. Нам в мире Швейцера без переводчика делать нечего. Антогора, ты немецкий язык знаешь?

– Кого-кого? — донеслось с кушетки.

– Вот, видишь, даже Антогора нас не выручит, если мы ее с собой возьмем. А, впрочем, почему бы и не

взять? Наверняка в мире Швейцера нас ждет куча сюрпризов. А у нее нервы дай боже какие!

– А "нервы" — это что такое? — опять донеслось всё с той же кушетки.

– Нервы — это то, чего у тебя нет, Антогора.

– Чего, чего это у меня нет? — с угрозой в голосе спросила девушка, приподнимаясь со своей любимой кушетки.

– Нет-нет! — пошел я на попятный. — Есть, конечно, и у тебя, но, пожалуй, совсем немного и неизвестно где.

– Как это неизвестно? Можете все мои вещи осмотреть и меня тоже. Если есть хоть немного, то найдем. А зачем они вам?

– Нервы, Антогора, — это то, что позволяет тебе чувствовать. Например, боль или радость, горе или страх.

– Душа, что ли?

– Что-то вроде этого.

– Тогда в вещах мы этого точно не найдем, — и, немного подумав, добавила: — И на мне, наверное, тоже. И зачем тебе мои нервы? Тем более что, как ты говоришь, у меня их и так мало.

– Понимаешь, мы с Александром хотим сходить в одно интересное место через тот подземный зал в скале, который недавно прибирали. Я вот и подумал: а не взять ли…

– Взять, взять! Там и мне интересно!

– Вот, пожалуйста, — и договорить не даст! Тебе там может оказаться страшно и непонятно.

– А почему мне будет страшно, если и вы там будете?

– Действительно, почему? Такой аргумент, что и крыть нечем. Берем, Александр?

– Антогора нас никогда не подведет. Только вот во что ее одеть? Не в этом же виде.

– Крестьянские платья мы еще так и не вернули в село. Длинная женская одежда, где бы то ни было, паники

и возмущения не породит.

– Точно! А мы свое оденем.

– Саша, а ты хотя бы какие-нибудь немецкие слова-то знаешь? Я — нет. Кроме "хенде Хох" и "бите".

– Так, кое-какие и смутно. Школа-то давно была. Деньги на всякий случай не забыть бы! Золото и серебро везде деньги. Поменяем, если что.

– Отдай башню! — донеслось из-за шахматного столика. — Так нечестно!

– Всё честно! Ты сама ее прозевала.

– Не ври! Эта пешка не там стояла.

– Да на тебе! Подумаешь, башня!

– Когда-нибудь они всё же подерутся, — вздохнул Александр.

– Никогда не подерутся, — засмеявшись, успокоила его Антогора.

– Уверена?

– Если подерутся, то их изгонят из племени. Хуже наказания у нас нет. Так что не обращай внимания. Споры между ними — тоже игра.

– Ладно, пошли переодеваться. Может быть, к ужину и вернемся.

Взяв Антогору за руку, я вошел в скалу вслед за Александром. Постояли немного в середине зала, наблюдая за мерцанием стеклянных шаров, и стали подниматься по лестнице номер один. За проходом солнечный день и не очень ровная местность, беспорядочно усыпанная вросшими в землю большими и маленькими валунами. Усыпанная, но, правда, не вся. И порядок кое-какой тут имеется. Порядок — это прямое как стрела шоссе, которое, сужаясь в перспективе, ведет к какому-то городу. Город совсем рядом. Наверное, и двух километров не будет. Урбанистических строений из стекла и стали не видно.

Откуда-то как бы у нас из-за спины вылезает странная машина — огромный продолговатый ящик на восьми

членистых ногах — и резво ковыляет к дороге. В ящике сидят два человека, и один из них держит руками какие-то рычаги. Достигнув дороги, ящик опускается на полотно, ноги втягиваются в корпус. Под днищем-то, оказывается, есть колёса! Тоже восемь. Еще момент — и машина, рванув с места, стремительно уносится к городу, оставляя за собой небольшое белое облачко.

– Антогора, осторожнее, ты мне плечо сломаешь!

Хватка ослабла. Оборачиваюсь. Антогора бледна, как покойник.

– Я же говорил, что может оказаться страшно. Может, останешься?

– Мне не страшно. Мне удивительно, — судорожно сглотнув, соврала девушка. — Не останусь.

– Ну-ну, вот то, что ты сейчас ощутила при виде этой штуки, — и есть нервы. Значит, они у тебя всё-таки есть.

– Лучше бы всё же их не было, — призналась она, уже слегка порозовев, — как у вас.

– У нас тоже есть, но мы были готовы к неожиданностям.

– Ну что, будем выходить? — спрашивает Александр.

– Так мы же не стоять сюда пришли, — и я, опять взяв Антогору за руку, шагнул наружу.

Да, шагнул и вышел из большого, поросшего мхом валуна. Антогора и Александр за мной.

– Нам надо как-то место заметить, — побеспокоился Александр, — а то ландшафт однообразный. Как бы проход не потерять.

– Надо. Аварийной возможностью выхода пользоваться как-то неспортивно, когда опасности нет.

– А ее в самом деле нет? — с сомнением в голосе поинтересовалась Антогора.

– Пока не видно.

– А этот громадный железный жук с людьми?

– Это не жук, а такая повозка без лошадей. Ею люди управляют. Смотрите, вот справа от камня большая раз-

двоенная сосна, а слева кривая береза. Хорошие приметы. Если вдруг случайно разминемся, то встречаемся именно здесь. Город недалеко. Минут за двадцать дойти можно. Пойдем к дороге.

Пока стояли, осматривались и шли сто метров до дороги, по ней прошли три машины. Две к городу и одна от него. Они много больше похожи на известные нам машины, чем "жук". Если сделать скидку на отсутствие привычного капота и время лет на пятьдесят-шестьдесят назад. Разноцветные и шумят совсем не так, как наши. И колес не четыре, а шесть или восемь. Зачем столько колес? Полотно шоссе похоже на крупнозернистый асфальт, но только коричневого цвета.

– Тормознем кого-нибудь до города? — спрашивает Александр.

– Почему бы и нет. Чего стесняться-то? Антогора, не испугаешься поехать на такой повозке?

– Испугаюсь? За кого ты меня принимаешь? — храбрится амазонка. — С вами мне не страшно. Но только вы первыми.

Стоим у дороги с жаждущим перемещения видом. Две машины пролетают мимо нас, не останавливаясь.

– Может, оставим Антогору одну, — предлагает Александр, — а сами за камушек спрячемся. Не может быть, чтобы на Антогору не клюнули.

– Я не буду оставаться одна! — решительно заявила потенциальная приманка.

– Может, всё гораздо проще? — предположил я и поднял руку.

Первая же машина остановилась рядом с нами. Открытая, темно-красного цвета. Хорошо отделана внутри.

– Надо же, и здесь всё как у людей, — прокомментировал событие Александр.

Сидящая за обычным автомобильным рулем женщина средних лет что-то спросила у нас. Понятно, что по-немецки, но непонятно, что именно спросила. Александр

собрался с мыслями и выдал на-гора:

– Вир нихт ин дойч ферштейн*, мадам. Пардон, — фрау.

Женщина озадаченно посмотрела на нас и кивнула на заднее сидение.

Александр открыл дверцу и нырнул внутрь. Антогору пришлось подтолкнуть. Усевшись, она ухватила меня под руку и прижалась к моему плечу. Машина плавно пошла с места. Звук двигателя — не рокот, а тихое и частое пыхтенье одновременно с жужжанием, а позади остается белый, быстро исчезающий шлейф. Паровая машина? Допустим. А где тогда дым сгорающего топлива? На приборной доске внимание привлекает вертикальная у-образная трубка, явно показывающая уровень или состояние какой-то жидкости. Остальные приборы как копии некоторых наших. Чем быстрее машина разгоняется, тем сильнее Антогора прижимается ко мне. На лице ее удивление и одновременно восторг. Это понятно. Лошадь до такой скорости не разгонишь!

Город рядом, и буквально через минуту мы уже въехали на улицы и замедлили ход. Архитектура примерно начала двадцатого века. Чисто, довольно людно, но моды начала века в одежде людей не наблюдается. Значит, жизнь идет сама по себе. То есть Швейцер не лепил для себя ни сказку, ни фантастику. Наверное, просто привычный мир, в котором ему никто и ничто не мешает заниматься тем, чем он считает нужным и интересным для себя. Но почему восьмиколесные машины?

Наш кабриолет остановился перед одним из перекрестков. Светофор двуцветный. Нет желтого. Понятно. Вместо желтого сигнала мерцание света перед переключением. Почти как у нас. А машин-то, и притом довольно разных, вокруг порядочно. Вон и автобус среди них, а вот и такси. Женщина обернулась к нам, указала пальцем на себя, а затем налево.

– Предупреждает, что ей сейчас сворачивать. Давай-

те выходить, — понял Александр. — Данке шен, фрау. Походим теперь пешком. Город вроде не маленький, но и не мегаполис. С шоссе-то было видно, что он занимает далеко не весь горизонт. Интересно, как он называется? Генрихштадт или Швейцерштадт?

Оказалось, что ни то и не другое. Шли мимо почты и из таблички у двери путем дедукции выудили название города — Гешвиг. Антогора энергично вертит головой. Ей всё удивительно. И широкие улицы, и чистота, и высота домов, и одежда прохожих, и особенно предметы в витринах. Велосипеды на улицах привели Антогору просто в неописуемый восторг. А вот механического дворника всё же немного испугалась. Маленькая, но опять-таки членистоногая машинка толкает перед собой по мостовой вдоль бровки тротуара кучку мусора. Дотолкала до какой-то дыры в бровке, затолкала мусор в дыру и сама исчезла в ней.

К украшениям она равнодушна. А вот всякие незнакомые бытовые вещи ей интересны. Увидев, как внимательно амазонка рассматривает витрины, Александр наконец сообразил, что нужно бы изыскать для нас какие-нибудь платежные средства. Пока она еще только смотрит, а скоро ведь начнет и спрашивать о неведомых ей вещах.

– Знаете, что — давайте искать меняльную контору. А то мы здесь как некредитоспособные дикари.

– А что ее искать-то? Город очень даже цивилизованный. Пойдем прямо. Где-нибудь по пути и наткнемся на финансовое учреждение.

И в самом деле. Вышли, похоже, на центральную площадь с каким-то памятником и оказались перед пятиэтажным зданием с вывеской над первым этажом: “Teutonic der Bank“.

– Тевтонский банк, что ли? Зайдем?

– Зайдем.

Солидная контора! Всё как в настоящем банке. Прав-

да, в не очень большом банке. Огляделись. К какому окошку подойти? На всех что-то непонятное написано. Пихаю Александра локтем и указываю на сейф с пачками бумажных денег за окошком с надписью: “Bargeld*”.

– Наверное, туда.

– Попробуем.

Подходим, и Александр пытается завязать знакомство с человеком при сейфе.

– Э-э, мы, это самое, издалека. Как же это сказать-то. А, вир ауслендер*, — человек кивнул — значит, понял и, ожидая дальнейших откровений, замер. — Руссиш. — Человек не понял и пожал плечами.

Может, в мире Швейцера понятия о России вообще не существует? Александр полез в карман, добыл несколько золотых монет, положил на перегородку перед служащим и ткнул пальцем в сторону открытого сейфа.

– Банкнот, — просительно произнес наш полиглот и повел пальцем туда-сюда от монет к сейфу.

– Айн момент, — ответствовал служащий и нажал какую-то кнопку.

– Сейчас нас сцапают и посадят в каталажку, — предположил я. — И всё потому, что некоторые плохо учат в школе немецкий язык.

Но не угадал. Появился еще один служащий с усами а-ля кайзер Вильгельм. Состоялось небольшое совещание. Второй служащий внимательно осмотрел монеты. достал откуда-то несколько банкнот и, глядя Александру в глаза, проделал перед ним жесты, словно меняет монеты на банкноты.

Я, я*, — на чистом немецком языке обрадовался тот.

Откуда-то появились весы. Взвешивание — и усатый согласно кивает кассиру. Тот что-то прикидывает на механической счетной машинке и начинает отсчитывать банкноты. Много банкнот разного достоинства. Совсем не хиленькая пачка. Александр облегченно вздыхает.

– Ты меня просто поразил своей способностью к кон-

тактам с иными цивилизациями, — признался я, когда мы вышли из банка и принялись рассматривать купюры. — Особенно когда в самом конце заговорил на чистом немецком языке.

– А то!

На всех бумажках повторяющаяся надпись: “Teuton Republik“.

– Смотри-ка ты, Тевтонская республика. Не очень-то оригинален, однако, здесь наш Генрих Швейцер. Ладно, если ты, Александр, еще умудришься и накормить нас на эти деньги, то я окончательно поверю в твой гений специалиста по контактам.

– А это и в самом деле деньги? — спрашивает Антогора, вертя в руках ассигнацию в 20 марок.

– В самом деле, и Александр это нам сейчас докажет. Давайте искать забегаловку для проверки.

А ее и искать не надо. На другой стороне площади вывеска: “Café Heinrich”. Ну, что ж — Генрих, так Генрих. Переходим площадь мимо памятника. Останавливаемся и глазеем на него. Импозантный бронзовый мужчина. Левая рука в кармане, а правая опирается на колесо со спицами. Позади него какая-то машина, смахивающая на "жука", которого мы уже видели. На постаменте надпись: “Heinrich Schweizer“.

– Монумент солидный, однако, поставили благодарные жители, — с уважением в голосе произнес Александр. — Ладно, идем дальше. Так уж и быть — накормлю я вас.

Переступив порог кафе, Антогора оробела. Белоснежные скатерти на столах, невиданная посуда, играющая музыкальная машина, шикарно одетая публика и безукоризненные официанты, смахивающие на балетных танцоров. Никто и взглядом не намекнул на неуместность здесь наших заношенных и странноватых одежд. Проводили и усадили. Официант придержал Антогоре стул, когда она садилась. За что она с опаской

посмотрела на него. Александр изучает меню, а официант терпеливо ждет. Наконец Александр находит нужную картинку и тыкает в нее пальцем.

– Вас ист дас? — спрашивает официанта.

– Дас ист вюрстхен, — следует ответ.

– Отлично. Тогда драй бир унд вюрстхен.

– Айн момент.

Угадал наш переводчик. Сосиски великолепные, а пиво превосходное! Антогора, поначалу растерявшись от множества вилок, ложек и ножей перед ней, внимательно следит, какими инструментами мы оперируем с сосисками, и всё в точности повторяет. Пиво ей очень понравилось. Сидит и наслаждается, как пузырьки щекочут в нос. Немного послушали музыку и повторили заказ.

– И как мы будем искать следы деятельности Швейцера? — спрашивает Александр.

– Никак. Мы зашли просто на разведку. Искать будем с Анной Петровной. Я при случае с ней договорюсь. После кафе купим девочкам подарки и двинем домой. Мы и так узнали многое. Мир Швейцера существует, жив и доступен. Не враждебен, цивилизован и с известным языком. И даже сам Швейцер славен здесь. Раз ему памятники ставят. А отсюда вытекает, что велика вероятность сохранности его бумаг. Возможно даже, что есть и музей Швейцера. Нужно покопаться в библиотеках, архивах, поискать нужных людей. Это работа как раз для Анны Петровны.

– Смотри-ка ты — и впрямь немало. А, казалось бы, что просто прошлись туда-сюда.

Антогора уже освоилась с обстановкой и оживилась. В чём ей помогло хорошее и крепкое пиво.

– А я почему-то германцев себе совсем не такими представляла.

У Александра отвисла челюсть. У меня не отвисла лишь потому, что я в этот момент прикусывал сосиску.

– Сергей, я не ослышался?

– Вроде нет.

– Мы с тобой о германцах что-нибудь упоминали?

– Не было такого.

– Так, Антогора, почему ты решила, что эти люди — германцы?

– Они так похоже говорят.

– Похоже на кого?

– Похоже на старую германку, которая у нас в племени занимается шитьем одежды.

– Вот оно что! Германцы разные бывают. Эти, наверное, из другого племени. А мы уж понадеялись, что ты их язык знаешь, но скрываешь. Огорчила ты нас. Очень огорчила. Придется тебя наказать.

– Меня? Как наказать?

– Пойдем искать тебе и твоим подругам подарки.

Александр предоставил официанту выбрать из пачки денег понравившиеся тому банкноты. Добавил еще двадцать марок на чай. Получил устную благодарность, и мы отправились в обратный путь.

Косметика, как я понимаю, амазонкам и нафиг не нужна. Поэтому мимо нее проходим не останавливаясь. Кухонные принадлежности тоже побоку. Зашли в шикарный магазин женского белья. Александр остался на улице — постеснялся. Побродили с Антогорой среди нательного изобилия. Чулки не впечатлили. Панталоны и комбинации тоже. Остановились перед манекеном в симпатичном купальнике-двойке.

– Я вот думаю, — произнесла в размышлении Антогора, — а для чего бы эта штука была бы нужна?

– Какая штука?

– Вот эта.

– Наверное, чтобы грудь не провисала, а выглядела бы задорно и боевито.

– Не знаю, не знаю, а мне, как ты думаешь, она нужна?

– Понятия не имею. Чтобы иметь об этом представление, потрогать надо.

– Ну, так потрогай.

Трогаю не спеша и обстоятельно. Продавец отвернулась и издает какие-то всхлипывающие, сдавленные звуки. Видно, ее совсем скрутил приступ какой-то внезапной болезни с судорогами.

– Нет, тебе не надо. Во всяком случае, сейчас.

– Я тоже так думаю. Но, вот такую штуку я бы взяла.

Кое-как втолковал девушке-продавцу, что нам нужна не пара трусиков, а шесть дюжин и желательно разного цвета. Забрали пакет и вышли. На пороге Антогора обернулась, окинула взглядом зал, покачала головой и произнесла:

– Надо же.

– Куда дальше? — спрашивает Александр.

– В верхнюю одежду.

Здесь события развивались стремительно. Антогора сразу увидела на манекене комплект-двойку. Короткую, кожаную курточку на молнии. Рукав до локтя и много-много всяких карманчиков внутри и снаружи. К курточке идут еще и шортики тоже с карманчиками и широким поясом. Глаза разгорелись. Да и нам с Александром тоже понравился этот костюмчик. Вопрос только в одном — размерах. Наши девочки-то не мелкие. Однако повезло. В наличии оказались всякие размеры. Я посоветовал брать на размер больше. Обомнется и будет впору, без сковывания движений. Взяли темно-красный, темно-синий и коричневый. Примерили один. На Антогоре сидит просто замечательно. Спрашиваю ее:

– Обувь будем смотреть?

– Не будем. Темнеет уже, а нам еще сколько идти.

За полчаса добрались пешком до кривой березы и нырнули в замшелый валун. Зря мы только Антогору в крестьянское платье переодевали! В мире Швейцера сейчас такая мода, что обычная одежда амазонки из ко-

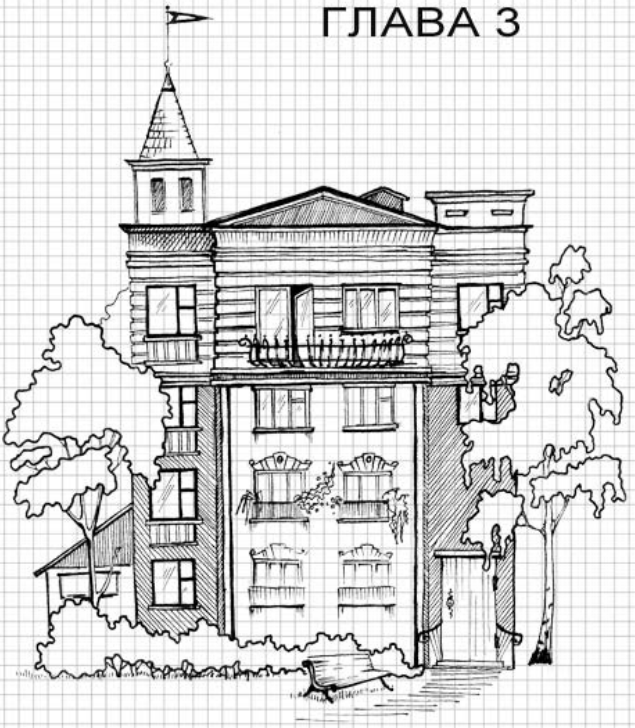
жаной жилетки и короткой юбки была бы очень даже к месту.

Охота и Ферида забыли про шахматы и прохаживаются по библиотеке, слегка поскрипывая обновками. Мы же с Александром провожаем красавиц взглядом и отпускаем в их адрес все известные нам восторженные эпитеты. И даже придумываем новые. Антогора опять завалилась на свою любимую кушетку и посмеивается. Мир и покой в доме. Просто не хочется покидать эту компанию.

Однако баланс моих каникул не очень утешителен. Месяц основного отпуска уже прошел. Остался месяц отгулов, а я еще не был ни в Багдаде, ни в Париже. Да и поиски наследия Швейцера еще неизвестно сколько времени займут. Завтра, пожалуй, вернусь в Дом и разузнаю, что и где происходит.

*

ГЛАВА 3



Арабские ночи

ГЛАВА 3: Арабские ночи

Вернувшись домой, первым делом занялся уборкой грязи в своей комнате, которая натекла с меня при побеге из-под расстрела. За этим занятием меня и застал Ахмед, затрезвонив в квартиру. Я успел только выглянуть в коридор. Дверь ему открыла соседка. Впустил Ахмеда к себе.

– Салам отпускнику!

– Здравствуй, Ахмед. С новостями?

– Не без них. Синдбад в прошедшее воскресенье вернулся опять из Китая. Вот разгрузится, и можно будет устроить что-нибудь такое-этакое.

– А как…

– Ждет, конечно.

– Скучаю я по ней.

– Немудрено. Такое бесценное диво подобрать на базаре всего за пятьдесят динаров! Даже я тебе завидую.

Мы переглянулись и дружно расхохотались.

– Я в подвал еще не заглядывал. Как там?

– Склад переехал, контора расширилась, а будущую квартиру Стеллы заканчивают расселять.

– Нам бы вот как-нибудь весь Дом расселить. Тогда у меня на сердце спокойнее было бы. Что ты думаешь по этому поводу?

– А тут и думать нечего. Это был бы предел мечтаний. Забаррикадировались бы, как Генрих Швейцер. Только, как понимаю, доходов с нашей торговли на это не хватит.

– Хватить-то может, но в долгом времени и это плохо. Темп расселений и переселений в городе возрастает. Если он захлестнет и наш Дом, то квартиры в нём начнут уходить в чужие руки. Выцарапать их оттуда будет трудно. Мы же не можем весь прибыток от торговли пустить на жилье. Иначе сам "Электрон" мигом вылетит в трубу.

– И какие тогда у тебя, Сергей, мысли на этот счет?

– Мысля одна. Натаскать сюда золота и за счет него быстро выкупить Дом.

– Думаешь, пропустит?

– Но пропускал же понемногу. Только вот раскошеливаться придется старым и богатым фантазерам. У меня еще больших запасов нет.

– Это как раз не вопрос.

– Ахмед, а Капитана не видел?

– Утром был здесь.

– Вот его-то я и озадачу добычей золота.

– У него что, золотые копи, что ли?

– Вроде того.

– Значит, мне не тащить?

– Пока нет. Счет ведь пойдет на сотни килограммов.

– Ого! И он…

– Я видел сокровищницу халифа Багдадского. Пожалуй, халиф будет победнее нашего Капитана.

– Даже так?

– Так. Пойдем к нему?

– Звони.

Капитан и в самом деле оказался дома и сказал, что гости его не отяготят.

– Капитан, тогда ставьте чайник — мы идем.

– А это самое…, — напомнил Ахмед.

– Обязательно! — и направились в гастроном за фруктовым тортиком.

Для приличия поболтали о пустяках, а после второй чашки Ахмед завел разговор о цели прихода.

– У Сергея появилась интересная идея…

– Ага, само по себе появление у Сергея идеи не криминал, но у меня такое предчувствие, что по сценарию этой идеи мне придется попотеть и попыхтеть.

– Откуда такое предчувствие, Капитан? — возмутился я.

– Оттуда — из опыта общения с тобой. Иначе ты

пришел бы уже с готовым результатом, а не идеей.

– Всегда восхищался вашей прозорливостью, Капитан.

– Давай, выкладывай.

– Нужно расселить весь наш Дом.

– Согласен, — подумав, ответил Капитан, — резон есть, и внушительный.

– Это четыре тысячи квадратных метров основного здания и три тысячи шестьсот квадратных метров флигелей. Если это делать за счет доходов "Электрона", то всё может затянуться не на один год. Нам это не подходит. Может помимо нас начаться стихийное расселение — и тогда столкнемся с проблемой новых собственников в Доме, от которых будет трудно избавиться.

– Да, такая опасность есть.

– Я прикинул, что по нынешним ценам на жилье для расселения потребуется где-то четыре миллиона долларов.

– Что-то уж много очень. Вряд ли наш Дом столько стоит.

– Это не стоимость Дома, а стоимость площади, которую нужно предложить нынешним жильцам взамен той, которая у них сейчас в Доме. Эта площадь должна быть привлекательней, чтобы за наше предложение хватались, не раздумывая.

– Понятно. Нет возражений.

– С учетом расходов на будущий ремонт нам на всё потребуется не меньше пяти миллионов долларов. Вот я и подумал: а почему бы не пустить на это благородное дело ваш балласт цветных металлов? А то как бы ваш корабль с пальмами не пошел на дно от перегрузки!

– Очень трогательная забота о моем корабле. Я так и думал, что мне попотеть придется. И сколько же нам нужно этого… м-м… балласта?

– По моим прикидкам четверть тонны.

– Да уж, и всё перетащить на руках.

– Если что, то я помогу.

– А Дом, думаешь, пропустит?

– В этом и загвоздка. Когда мы понемногу таскали, то пропускал ведь. Если большим весом не пройдет, то будем таскать понемногу из разных мест. У Александра сейчас под рукой килограмм пятьдесят есть. У тебя, Ахмед, сколько?

– Тоже полсотни наберу, пожалуй.

– Я могу на время в Верне тоже взять в долг. Анне Петровне скажем, чтобы тащила в меру возможностей. Вариант с вами, Капитан, — самый простой для всех.

– В принципе у меня возражений нет. Надо попробовать. У меня под рукой там есть немного. Ты видел шкатулку. Сколько там может быть?

– Килограммов пятнадцать-двадцать, наверное.

– Сейчас я за ними схожу. Если в Дом пройдет, тогда завтра можно будет протащить и то, что требуется. Сидите здесь.

Капитан вышел в соседнюю комнату. Мы с Ахмедом понимающе, как заговорщики, переглянулись и замерли в ожидании. Когда за дверью стихло, набросились на торт, уничтожив при этом и вторую законную порцию Капитана. Успели как раз вовремя. Капитан вошел в комнату и грохнул на стол знакомую мне шкатулку.

– Вот, пропустил-таки Дом! — с облегчением сказал он и тут узрел пустую коробку от торта. — Батюшки, как же я об этом не подумал! Мой торт сожрали без зазрения совести! В этой компании и на минуту отвернуться нельзя. Мигом разденут.

– А что делать, Капитан, мне же надо подкрепиться! Завтра ведь с вами сокровища таскать.

– Да ну тебя! Как-нибудь сам справлюсь. У тебя самого и здесь хлопот хватит. Но вот мне всё же интересно: почему сейчас Дом пропускает большие ценности, а раньше не пропускал?

– Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, — сказал Ах-

мед.

– Может, и узнаем. Должен вас обрадовать. Мир Генриха Швейцера нашелся. И мы с Александром в него уже краешком глаза заглянули. Не исключен шанс, что мы позже и бумаги Швейцера увидим. Если он их сам не уничтожил, разумеется. Капитан, мешочка какого-нибудь не найдется? Заберу я от вас этот презренный металл.

Вернувшись домой, нашел визитку директора комиссионки и снял трубку.

– Аркадий Семенович? Я по поводу сувенирных монет из цветных металлов. Да. Не совсем. Другая партия. Нужно обсудить. Понял. В кафе через полчаса.

С директором магазина мне прежде встречаться не приходилось. Договаривались об обмене по телефону, а деньги за золото приносил посредник — продавец этой комиссионки. Директор оказался дородным человеком лет пятидесяти с уже обширной лысиной и как бы аристократическими манерами. Видимо, видел меня со стороны, когда я заглядывал в комиссионку. Когда я вошел в кафе, он поднял руку и помахал.

– Аркадий Семенович?

– Он самый. Присаживайтесь. А к вам как обращаться, молодой человек? Впрочем, мне говорили, что вы своего имени не называете. Пусть так и будет. Я не против, учитывая сомнительную легальность наших с вами отношений.

Я очаровательно улыбнулся и спросил:

– А результат наших отношений у вас сомнений не вызывает?

– Нисколько. Я готов продолжать и дальше, но вы что-то давно не давали о себе знать.

– Так уж обстоятельства сложились. Но зато за это время и изделий на обмен поднакопилось. Возьмете увеличенную партию?

– Конечно и моментально. Всё те же изделия?

– Такие же, но не те же, — и я положил на стол бу-

мажку с дублоном, луидором и совереном.

Мой собеседник осторожно развернул бумажку, пощупал монеты пальцами, полюбовался блеском и опять завернул.

– Можете взять их для проверки или просто на память, — предложил я.

– Спасибо. И сколько штук будет?

– Не знаю, в этот раз счет на килограммы.

– И сколько килограммов?

– Четверть тонны на пять миллионов долларов.

Мой собеседник на минуту застыл, а потом совсем не аристократически начал скрести пальцами лысину.

– Я понимаю ваши затруднения, — продолжил я, — и готов рассрочить сделку. Ну, скажем, на три месяца. Хотя лучше было бы всё провести за один раз. Хоть через неделю, хоть через месяц. Вы можете сделать свои накопления, а потом произведем обмен.

– Да-а, партия хорошая и перспектива замечательная, но сумма неожиданная. Мне нужно время, чтобы оценить возможности.

– Разумеется. Но это не значит, что мы не можем сделать что-то и сейчас. Пятнадцать килограммов поднимете?

Он прикинул что-то в уме и ответил:

– Пятнадцать подниму.

– Отлично. Тогда ваш знакомый мне помощник и триста тысяч завтра здесь и в это время.

– Договорились.

– Что же касается остального, то я вам позвоню в течение недели-двух. Надеюсь, что к тому времени у вас что-то прояснится.

Я встал, пожал собеседнику руку и ушел.

Так, теперь нужно пообедать и поговорить со Стеллой. А можно и совместить. Подхожу к дому — и вот так сюрприз! Натыкаюсь на Александра.

– Я же только утром тебя там оставил.

– Дурацкая штука получилась. Я Стелле обещал сегодня прийти и совсем забыл за римскими событиями. Думал отдохнуть там немножко, а пришлось мотаться в Рим. Все дни сбились. Когда тебя проводил, то посмотрел на календарь и вот, немного погодя, двинул вслед за тобой.

– Стелла обойдется и без тебя. Тут новая работка для нас образовалась. Взвалим ее на твои плечи, пока каникулы. А Стелла мне и самому нужна. Пойдем.

Стелла оказалась на месте, одна и тоже не обедавши.

– Здравствуйте, ребята, с чем пожаловали?

– С приглашением на обед, Стелла. Или, если хочешь, то нас можешь пригласить. Главное, чтобы все сыты оказались или хотя бы червячка заморили.

– Тогда тут два варианта. Или идти в кафешку в соседнем доме, или курьера послать в эту кафешку, чтобы принес чего-нибудь сюда. Я склоняюсь к первому. Кто платит?

– Александр. Пусть рассчитается хотя бы частично за выпитый за счет фирмы кофе.

– Тогда идем.

Стелла выбралась из-за стола, надела на плечо сумку и зазвенела ключами от кабинета.

В заведении народу не очень густо. Стандартное обеденное время уже прошло, и мы удобно устроились в углу у окна. Заказанное принесли довольно быстро.

– Гм, а тут неплохо готовят, — удивился я, — даже как-то неожиданно. А зашли мы к тебе, Стелла, поговорить об одной небольшой идейке.

– Да? И что за идейка? У меня тоже есть кое-какая. Насчет развития фирмы. Пора бы уже кончать с подвальной жизнью и выбираться на свет с нашей конторой. Я уже и зданьице подходящее присмотрела. Не очень дорого, и мы потянули бы в рассрочку. Владелец на двухгодичную согласен.

– Это просто замечательно, что наши идеи совпадают. В нашей идее тоже есть место и для новой конторы "Электрона". Мы намерены расселить весь наш дом. Один из флигелей при этом пойдет под контору, а второй — под квартиры для сотрудников, испытывающих жилищные трудности.

– Грандиозно! С такими проектами мне со своими хилыми идейками тягаться трудно. Беда в том, что "Электрон" не потянет такую крупную затею. Нужно несколько миллионов долларов в короткий срок. У нас таких денег нет. Так что…

– Деньги будут не из бюджета фирмы, и они уже есть.

– Так-так, а я-то как дура гадала: почему это не услышала ваших восторгов по поводу выхода фирмы на чистую прибыль? Оказывается, что полунищие инженер и учитель где-то в неведомых далях ворочают такими невероятными суммами, которые мне и не снились!

– Ну, как бы да, иногда и при случае, связанном с необходимостью. В общем, деньги есть, задача есть и надо задачу решить. Не забивай себе голову всякими догадками.

– Так что от меня-то тогда нужно?

– Надо организовать у тебя в конторе отдельчик, который займется расселением и последующим ремонтом здания. Понятно, что расселение будет идти по пути расчетов наличкой и твоей бухгалтерии касаться не будет. На ремонт для расчетов с подрядчиками мы средства легализуем. Вот Александра и поставим во главе этого проекта, как держателя средств. У него еще два месяца каникул, а там что-нибудь придумаем с заменой.

– Меня бы хоть кто спросил, интересно ли мне это, — как всегда начал упираться Александр.

– Могу спросить — и что от этого изменится? Можешь назвать человека, у которого сейчас свободное время как у тебя и которому мы можем доверить несколько миллионов наличных долларов? Вот, то-то и оно! Мо-

жем, конечно, отменить затею, но тогда укажи причину.

– Да брось ты — нет у меня причин. Уж и поворчать немножко нельзя в свое удовольствие!

– В конторе сейчас места достаточно. Я выделю кабинет для Александра и комнату для сотрудников, если таковые понадобятся. Затея мне по душе, а всё прочее на вашей совести, — Стелла поднялась. — Плати, Александр, за обед и приходи — поговорим.

– Энергичная дама, — посмотрев Стелле вслед, констатировал Александр. — Я ее даже как-то побаиваюсь.

– Честно говоря, я тоже.

– И давно тебе пришла в голову идея о выкупе Дома?

– Сегодня утром. Когда Ахмед заговорил о выкупе квартиры для Стеллы.

– А деньги откуда?

– У Капитана оказались лишние деньжата на карманные расходы. Вот и решил вложиться в общее дело. Завтра я принесу тебе первые триста тысяч. Сообрази, где будешь держать. Сейфовую ячейку в банке или даже несколько? Юрист для сопровождения сделок у нас есть. А вся наличка подойдет попозже. Покупателям карманных резервов Капитана на такие суммы не так просто мобилизоваться. Все покупки оформляй на кого-нибудь из нас пятерых. Доверенности собери. А я, наверное, исчезну на несколько дней.

*

Пятница. Утром сходил в кафе напротив комиссионки и обменял сувениры цветного металла на зеленые бумажки. Отнес Александру.

– Вот. На авансы по сделкам пока хватит.

Взял Капитана и Ахмеда, и вместе сходили к нотариусу за доверенностями для Александра. Отнесли ему. Анну Петровну пусть сам ловит. Договорились, что Капитан золото пока сложит у себя дома. Отпустили Капитана восвояси и заперлись в каморке у Ахмеда.

– Ну что — пойдем?

– Пойдем!

Переодеваемся. Опять мечеть, улица, базар. Около лавки Ахмеда всё так же идет игра на Зубейду. Азарт не угас за несколько месяцев. Зато игроков прибавилось.

– Ахмед, а как ты смотришь на этих игроков напротив твоего магазина?

– А чего на них смотреть? Пусть себе. Это даже торговле помогает. Потому мои приказчики им знаки и подают.

Один из игроков, видимо, узнал меня. От досады махнул рукой и плюнул себе под ноги. Понятно. Вся игра сейчас будет сорвана. Оборачивается и что-то говорит другим игрокам.

Зубейда опять летит ко мне и повисает на шее. Какое же она всё-таки чудо! Мне просто от нее не оторваться даже здесь, среди чужих глаз. Как в устоявшемся ритуале, целую ее в лобик, носик, губки... Слегка подумав, добавляю еще в ушко и шейку. Ахмед, Али-баба и приказчики, скорчив умильные рожи, смотрят на нас и улыбаются. Когда мы с Зубейдой выходим из лавки, то игроков и след простыл.

Подходим к дому Ахмеда. Сейчас на стук в дверь выскочит чертенок и начнет нас третировать своими безобидными, но очень важными заботами. Зубейда прикладывает палец к губам и откуда-то из недр своих одежд выуживает ключ. Тихонько входим и поднимаемся на второй этаж, подходим к двери моей комнаты.

– Ага, — раздается позади звонкий голосок, — попались! Крадетесь, как воришки, без всякого "здрасте". Взрослые люди! Стыдно должно быть.

– Нам очень стыдно, Джамиля, — с угрызениями совести в голосе признаётся Зубейда. — Ты нас простишь?

– В последний раз, — и чертенка уже нет перед нами. Растворилась, словно и не было.

Заходим в мои апартаменты. Всё словно я только что

вышел отсюда на минуту и вот-вот вернусь. Зубейда толкает меня на оттоманку и со смехом падает на меня сверху.

– Наконец-то! Как я тебя заждалась, Сержи-сахеб. Теперь так просто ты от меня не отделаешься. Уж что я с тобой сделаю, что сделаю, пока никто не видит!

И можете мне поверить — сделала-таки. И не раз. И не два. Или это я с ней сделал? Или сделала сначала она, а потом сделал я? Не пойму что-то. Но, в общем, всё было сделано бесподобно и с восторгом. Потом мы просто лежали и ничего не делали. Нет, вру, делали. Прижимались друг к другу и молчали. Чем не дело?

*

Ахмед зашел за нами уже под вечер.

– Я днем предупредил Синдбада, что мы в Багдаде. Так что он, наверное, уже всех собрал. Пора идти.

– Я не иду, — ошарашила нас Зубейда.

– Это как это? Почему? — удивился я.

– Вы же приключения начнете искать.

– И что? Вон Шехерезада приключений не боится.

– И я с тобой, Сержи-сахеб, тоже ничего не боюсь. Но здесь всё кругом во власти халифа. Вдруг опять с ним столкнетесь, а мне не нравится, как он на меня смотрит. Мы лучше пойдем вместе на вашу встречу перед отъездом. Там-то уж халифа не будет.

– Мне тоже не нравится, как Гарун на тебя смотрит.

– Может, Зубейда и права, — сказал Ахмед. — Не то, чтобы была для нее какая-то опасность от присутствия Гаруна, но мне, например, не нравятся его повадки в отношении женщин. Может выкинуть любой фокус.

– Хорошо, оставайся дома и скучай за нас двоих.

– Слушаю, мой повелитель! Всем от меня привет передайте.

Я поцеловал Зубейду в носик, и мы с Ахмедом отправились в порт. Корабль Синдбада стоит у того же причала, что и в прошлый раз. У борта скучают он сам и Абу.

– А Зубейда где? — в один голос, даже еще не поздоровавшись, вопрошает эта пара.

– Здравствуйте, ребята. Ее сегодня не будет, — отвечает Ахмед. — В следующий раз увидите.

– Салам, Ахмед. Салам, Серж. Огорчили вы нас. Не случилось ли что? — поинтересовался Багдадский вор.

– Нет, всё хорошо.

– Хвала Аллаху! А то уж мы собрались испугаться. Проходите, все уже собрались, — подталкивает нас Синдбад к двери в свою каюту.

– А Зубейда где? — хором воскликнули Аладдин, Али-Баба и Шехерезада.

– Да успокойтесь вы все! Будет вам Зубейда в следующий раз. Жива, здорова и всем привет передает. Не смогла сегодня составить нам компанию.

Поцеловали Шехерезаду в щечку, и все расселись за столом.

– Мальчики, кто объяснит, почему стоит только мне прийти сюда — и меня сразу начинает мучить голод? Синдбад, где еда?

– Несут, несут. Не дадим тебе пропасть.

И в самом деле — матросы начали заносить синдбадовы яства. Опять же, чего тут только не было! И фазанчик специально для Шехерезады, и пловчик для всех, и рыбка для любителей, и снова грибки соленые из северных стран. Где только Синдбад их достает, плавая-то исключительно по южным морям? Грибки наводят на воспоминание.

– Синдбад, а как ты пристроил старика джинна?

– Еще никак. Так в шкафу и сидит. Я в последнее время хожу такими путями, где подходящего безлюдного места не встречается. Как попадется, так и выгружу. Ничего. Пить-есть не просит — и ладно. Пусть пока здесь и будет. Под присмотром же.

– Всё-таки жалко, что лампа прохудилась, — пожалел Аладдин. — Джинна можно было бы о чём-нибудь по-

просить.

– Еще этого не хватало! — воскликнула Шехерезада, — Знаю я, о чём ты стал бы просить. Без джинна влез в брак с Будур, без джинна из последствий и вылезай. В следующий раз будешь слушать старших. Я тебя предупреждала, чтобы ты не лез в халифскую семью. Сам теперь и расхлебывай.

– А что там у них? — поинтересовался Ахмед.

– Денег на все причуды Будур не хватает.

– И много надо?

– Даже не думай, Ахмед. В эту прорву со свистом улетит любое сокровище, и следа не останется!

– Но выручить-то Аладдина как-то надо!

– Как его тут выручишь? Дело-то семейное. Вот ты самый умудренный и семьей обремененный — подскажи.

– А что я-то тут могу значить со своим скромным опытом, — отнекивается Ахмед, — когда среди нас есть один человек, который блестяще решает семейные дела даже халифов.

– А ведь верно, — согласилась Шехерезада, и все уставились на меня.

– Не надо буравить меня взглядами. Проблема давно известная в мире, — начал я, — и решение ее известно. Только вы о нём забыли. Нужно просто заставить Будур работать — и все капризы как рукой снимет.

– Точно! Как всё просто на первый взгляд. Остался пустяк. Сообразить, как заставить Будур работать. А, Серж?

– Этого я прямо так не могу сказать. Всё от обстоятельств зависит. Надо подождать. Может быть, нужные обстоятельства и подвернутся.

– Ты хотя бы скажи, какие это могут быть обстоятельства.

– Разные. Ну, например, если Аладдин вдруг куда-то надолго уедет, а Будур останется без денег. Всякое же

может быть. Но голод кого угодно заставит взяться за работу.

– Ладно, — решила Шехерезада, — будем ждать обстоятельств. Только ты, Аладдин, не вздумай им сопротивляться! А то мы тебе больше никогда помогать не будем.

В дверь каюты постучали. Заглянул вахтенный матрос.

– Капитан, опять пришел скороход из дворца.

– Пусть подождет! — и уже обращаясь к нам: — Вот же напасть какая! Как только я приплыл, Гарун каждый вечер шлет слуг узнать, когда мы соберемся вместе. И просит нас всех либо посетить его во дворце, либо разрешить ему самому прийти сюда.

– Смотрите-ка, какой вежливый и обходительный стал! — удивился Ахмед.

– Значит, ему от нас что-то нужно, — решила Шехерезада. — Что будем делать? Пойдем или его подождем? Пренебрегать не следует. Халиф всё-таки. Серж, что ты думаешь?

– С одной стороны, на своей территории разговаривать легче. А с другой стороны, сама же сказала — халиф всё-таки. Да и у нас к нему свои вопросы могут возникнуть. Злить его не стоит. Он и так вон какую уступку делает! Вроде как и следить перестал, и просит, а не приказывает.

– Серж прав, — поддержал меня Ахмед, — надо идти во дворец.

– Вахтенный, — взревел Синдбад, — зови скорохода! — И когда тот вошел: — Передай халифу, что мы скоро придем.

– Зубейда как в воду глядела. А, Серж? — заметил Ахмед.

– Что Зубейда? В какую воду? — поинтересовался Абу.

– Зубейда не пришла потому, что опасалась столк-

нуться с Гаруном, — пояснил я. — Не нравится он ей. И вот — права оказалась, что не пошла с нами.

– Умница твоя Зубейда, — вздохнула Шехерезада. — Сразу раскусила Гаруна Багдадского.

Халиф принял нас, как и в прошлый раз, в своих покоях. Мы обменялись приветствиями и расселись на оттоманках напротив его кресла. Чувствуется, что Гарун в некотором замешательстве и не знает, с чего начать. Тогда нужно его подтолкнуть.

– Ваше величество, — начал я…

– В этой обстановке просто Гарун, — прервал он меня. — Я же в прошлый раз говорил об этом.

– Хорошо, Гарун, как ваши семейные дела? — и халиф просто расплылся в широчайшей улыбке удовлетворения.

– Великолепно, Сержи-сахеб, великолепно. Сверх всякого ожидания.

– А вот у нас не очень. Вернее, не у нас, а у Аладдина сложности в семье по вашей вине.

– По моей?

– По вашей, по вашей. У вашей дочери скверное воспитание, а это ваша вина.

– Да? И чем же это она досадила мужу?

– Мотовка.

– Да, — помрачнел Гарун, — это за ними водится. И за моими женами, и за моими дочерьми. Пусть Аладдин разведется.

– Он не хочет. Любит Будур.

– Тогда я выхода не вижу.

– Выход есть — перевоспитать.

– Да ты что, Сержи-сахеб, об этом и думать нечего! Я не могу перевоспитывать чужую жену.

– Этого не требуется. Вам, Гарун, нужно только не вмешиваться и немного помочь, а уж с Будур мы сами справимся.

– Так что ты от меня хочешь?

– Пошлите в дом Аладдина человека с приказом Аладдину выехать из Багдада по вашим делам на какое-то время.

– И куда я его пошлю?

– На самом деле никуда. Просто Аладдину нужна серьезная причина оставить дом. Он скроется у кого-нибудь из друзей, оставив жене достаточно денег на хозяйство во время его отсутствия. Будур, естественно, сразу пустит их на ветер и явится к отцу за помощью. Вы, Гарун, должны ей отказать.

– Понимаю. Попав в трудное положение по своей вине, Будур в дальнейшем станет бережнее относиться к деньгам. Я правильно понял?

– В общем, да. Там будет несколько посложнее, но это уже вас не должно заботить. С вашей стороны нужен только решительный отказ в помощи дочери. Почему — придумайте сами. Сделаете это для нас?

– Отказать я всегда готов кому бы то ни было. Даже дочери ради ее же блага. Только тебе, Сержи-сахеб, я отказать не смею.

– Почему, если не секрет?

– Зачем же я буду сук под собой пилить?

– Понятно. Значит, у вас опять проблемы?

– Опять.

– Мы слушаем.

– Мне страшно по ночам. Уже недели две приходят какие-то ужасные сны. Снится, словно я ночью плыву по Тигру вверх по течению. На чём плыву, непонятно. Проплываю Шахтиярский лес, а навстречу мне вниз по течению плывут бочки. Много бочек. Впереди, у подножия гор мелькают во тьме какие-то огоньки и движутся тени. Я в ужасе просыпаюсь.

– Гарун, — заметил Ахмед, — но мы ведь не толкователи снов. Если бы речь шла о том, что можно потрогать или хотя бы увидеть не во сне, то это к нам. А так уж

уволь. Со снами мы сражаться не можем.

– В самом деле, Гарун, — поддержал Ахмеда Синдбад, — что-то тебя не туда повело. Оторвать нас от дружеской трапезы, чтобы рассказывать свои сны…

– Если бы только сны, Синдбад, — возразил халиф. — Как раз перед тем, как эти сны начались, утром в Тигре выловили бочку, а в ней человек в беспамятстве. На следующий день еще одну. И тоже, когда человек очнулся, то не помнил ни кто он, ни откуда, ни как в бочке оказался. А три дня назад выловили бочку с женщиной.

– И тоже ничего не помнит?

– Ничего. Я вот и подумал: а сколько таких бочек могло проплыть мимо Багдада незамеченными? Один Аллах ведает.

– Не пытались узнать, не пропадал ли кто-нибудь с их приметами в Багдаде? — поинтересовался я.

– Пытались. Никто несчастных не признал.

– Понятно. Вернее, ничего не понятно. Нам нужно подумать. Мы пойдем, пожалуй.

– Что делать — идите. Только вот еще что. Очнувшись, несчастные испытывали довольно сильный голод. Значит, бросили их в реку не так уж близко отсюда. И еще одна интересная вещь. Память они потеряли, а речь и навыки ремесла, похоже, нет. По разговорам, один из них, наверное, ткач, а другой — чеканщик серебра и золота.

– А женщина?

– Женщина? Просто женщина, но по одежде из стран восточнее халифата. А самое интересное, что при каждом оказался кошелек с почти одной и той же, немалой суммой денег. Да, факельщиков вам в провожатые дать? А то еще заблудитесь среди ночи, добираясь до порта.

– Не надо, — отказался Синдбад. — До безлуния еще три дня. Как-нибудь разглядим дорогу.

На обратном пути Шехерезада спросила:

– Серж, а когда это тебе пришла в голову мысль ис-

пользовать Гаруна, чтобы выручить Аладдина из беды с Будур?

– Когда он замялся с началом разговора. Надо же было как-то его сдвинуть, а в голове больше ничего не было, кроме того, о чём мы с вами перед этим говорили.

– Ловко! Мы говорили, что нужно ждать благоприятных для Аладдина обстоятельств. А ты взял и эти обстоятельства создал.

– Хорошо, что ты об этом напомнила, Шехи. Аладдин!

– Да.

– Когда будешь уходить из дома по приказу халифа, то забери с собой все драгоценности. Якобы для сохранности от воров, пока хозяин в отъезде. А то твоей жене может прийти в голову что-нибудь продать в трудную минуту.

– Понял.

– И еще. Кого Будур знает из твоих друзей, к кому могла бы пойти за помощью в твое отсутствие?

– Только Али-Бабу.

– Прекрасно. Али-Баба!

– Я тут, Серж.

– Если Будур обратится к тебе за деньгами, то откажи и предложи работу. Любую. Хоть подметальщицей или помощницей Зубейды. Это на случай, если Ахмеда здесь не окажется, а то он сам ею займется.

– Непременно, — давясь от смеха, ответил Али-Баба.

– Как тебе повезло с друзьями, Аладдин, — заметила Шехерезада. — Будет у тебя жена шелковая. — И, подумав, добавила: — Если ты сам всё не испортишь.

– Не испорчу, — с решимостью ответил тот.

Так за разговорами незаметно и добрались до порта. Выпили вина за успех семейного воспитания и задумались.

– Что же это за сны начали посещать нашего не очень уважаемого Гаруна? — словно про себя пробормотал Абу.

– Совершенно непонятная история, — подтвердил Ахмед. — Кому это понадобилось пихать беспамятных людей в бочки и сплавлять по реке?

– Притом пихать в бочки довольно далеко отсюда, — что-то прикидывая в уме, говорит Синдбад. — Если верить сну Гаруна, то он видел горы. А ближайшие горы в ста пятидесяти фарсахах* от Багдада. И притом не по течению Тигра, а по его притоку Диале. А Диала впадает в Тигр справа чуть выше Шахтиярского леса. Если смотреть против течения Тигра. Понятно, почему люди из бочек ощущают сильный голод. От гор по Диале и до Тигра плыть течением, наверное, целый день. Правда, если людей в бочках не морили голодом перед тем, как бросить в реку. Тогда бочки могли свалить в Тигр хоть перед самым Багдадом. Но тогда где горы? Может, сон Гаруна врет?

– Может и врет. Но ничего другого для опоры у нас нет, как только верить словам Гаруна, — вступил в разговор я. — А Гаруну вроде врать-то незачем. Я склонен принять сон в расчет. Но история крайне странная и при этом вдвойне.

– А почему вдвойне? — поинтересовалась Шехерезада.

– Наличие кошельков с деньгами не вяжется с насилием.

– Точно!

– Да вроде ничего другого и не остается, как отправиться вверх по Диале и посмотреть, что там, в предгорье, есть. Бочки могут нам и не встретиться. Нет подтверждения, что их сплавляют регулярно, — подвел итоги Ахмед. — Синдбад, как на Диале с судоходностью? Твое судно пройдет?

– Трудно сказать. Место безлюдное. Большим судам туда незачем ходить. Но хотя бы за половину пути до гор на моем судне ручаться можно. А дальше нужно смотреть. Днем, конечно. Если что — то пересядем в лодки.

Да и время года такое, что ветер будет благоприятный идти к горам на лодках под парусом. За сутки или даже меньше мы вполне можем добраться до гор. Ну, что? Снимаемся прямо сейчас или утром?

Снялись утром, немного вздремнув по углам. Корабль Синдбада отлепился от причала и сначала медленно, а затем быстрее и быстрее пошел вверх по Тигру. Ветер не очень благоприятный, но когда повернем в Диалу, будет самое то. Синдбад стоит наверху, у рулевого бревна, а мы с Шехерезадой с правого борта смотрим, как мимо нас проплывает берег. Вот и Шахтиярский лес показался и приближается.

– Ты этого рогатого без хвоста больше не встречал? — спрашивает сказочница.

– Нет, почему же. Вижу иногда, а бывает и часто.

– Как он?

– Тебя как-то вспоминали. Я напомнил, что у него перед тобой должок остался по части танцев.

– Да? — и замолкла.

Шахтиярский лес кончился и ушел за корму.

– Когда вообще ничего нет, то и рогатый и мохнатый подарком покажется, — вздохнула Шехерезада. — Никогда бы не подумала, что паду до такой степени.

– Ну, насчет падения ты не совсем права. Да, вид у фавнов странен и необычен для человека. Но они не меньше люди, чем мы с тобой. В своем мире они почитаются добрыми и веселыми божествами природы. Да они такие и есть, несмотря на страшноватый вид. Не самыми главными божествами почитаются, но всё же божествами для людей. Там их уважают, и даже есть праздники в их честь.

– Правда?

– Правда. Умеют угадывать желания. Наверное, тогда на поляне он угадал твое.

– К повороту! — послышалась команда Синдбада.

Сбросили часть парусов и, плавно поворачивая

направо, вошли в устье Диалы. Довольно широкий и полноводный приток. Дальше пошло унылое однообразие слегка холмистой, сухой степи. Видно, здесь земля неплодородная, несмотря на близость воды. Вот люди и не селятся. Или просто еще не распространились с земледелием сюда. Время-то здесь какое! Багдад еще молодой город, а людей в мире, вообще, считай, что раз-два и обчелся, по сравнению с двадцатым веком. Хотя скорее всё же первое — бесплодная земля. Междуречье всегда было густо заселено, а тут вдруг пустота.

Синдбад, оказывается, невольно только попугал нас и суточным плаванием до гор и половиной пути на лодках. Хорошая, удобная для судоходства река, и корабль неплох. Но река скучная. Унылые берега на всех навевают дрему. Вот все и выспались днем. К вечеру показались вершины не таких уж высоких, но скалистых гор. Когда они выросли над горизонтом так, что можно было увидеть верхушки деревьев у подножия, Синдбад приказал остановить судно.

– Дальше или пешком, или на лодках. Корабль могут заметить, а нам нужно скрытно понаблюдать за местностью перед горами. До них осталось недалеко. Фарсахов тридцать — не больше. Так что на лодках к ночи мы будем на месте. Кто идет? Нет, Шехи, ты останешься здесь. Не с добра людей сбрасывают в реку. А вдруг драка? Хотя если ты лишние тряпки скинешь и пойдешь с нами в шальварах, то тогда можно будет надеяться, что удирать ты будешь не медленнее нас.

– Сброшу.

– Тогда поплыли.

Мы и десять вооруженных до зубов матросов погрузились в две лодки. Не забыли на всякий случай и мешки с провизией. Под небольшими парусами довольно резво двинулись вперед вдоль берега.

Уже совсем стемнело, когда мы выгрузились на берег шагах в семистах от подножия гор. Обычно подножие —

это более или менее полого поднимающийся вверх склон. Здесь же отвесные каменные стены по обе стороны ущелья, из которого вытекает река. Ущелье не стесненное, а довольно свободное для потока, и течение медленное, не бурливое, как у горных рек. Пространство вдоль каменных стен шагов на двести-триста поросло высоким кустарником и редкими деревьями, среди которых тут и там торчат валуны самых причудливых форм. Спрятаться для наблюдения есть где.

Почти в полной темноте, рассеиваемой немного слабым светом месяца, приблизились к скалам и расположились за одним из валунов ступенчатой формы. Удачное место нам попалось! Если влезть на валун, то вся окрестность видна как на ладони. И влезли: Синдбад, Абу и я. Четвертым был бинокль Синдбада.

"Тиха украинская ночь…" Так, кажется, у Гоголя? Арабская ночь здесь еще тише — собаки не тявкают со скуки. Камень подо мной, накалившись за день, источает тепло, как грелка. Разговаривать нельзя — чтобы не вспугнуть неизвестно кого. Спать нельзя — чтобы не упустить неизвестно кого. А может, и нет никого, и бочки плывут совсем не отсюда? А может, сегодня отправка не планируется и тогда никакие ночные огоньки мы не увидим. Надо же припереться сюда лишь потому, что Гаруну что-то приснилось! Мы, наверное, совсем сумасшедшие. Чего это Абу пихается?

– Проснись, Серж, — гудит голос Абу прямо в ухо. — Твой храп на всю округу слышен.

– Тихо вы, там, — шикает на нас Синдбад, — на той стороне реки вроде что-то происходит.

Ничего там не происходит, кроме появления слабого источника света в одном месте. Просто шагах в ста пятидесяти от реки вроде бы светится кусочек скалы за кустами. Свет слабоватый и размытый ветвями высоких кустов, сквозь которые и пробивается. Причем свет неровный, слегка колеблющийся, как от костра, и время от

времени почти прерывающийся, словно мимо него кто-то проходит. Так, и свет, и тени есть, как в сне Гаруна. Значит, будут и бочки. Нужно смотреть на берег. Толкаю Синдбада и знаками прошу бинокль. В бинокль ту сторону реки видно отчетливо и резко даже в слабом свете луны.

А вот и действие. В одном месте кусты зашевелились и на берег выкатилась небольшая тележка, запряженная ослом. Вместе с ней вышли из кустов и две неясные фигуры. Всё это двинулось к реке и остановилось у кромки воды. С тележки скатили бочку. Две фигуры стащили с тележки какой-то крупный предмет, запихнули его в бочку и осторожно, чтобы не зачерпнуть воды, сволокли бочку в реку и пустили по течению. Затем тележка и фигуры скрылись в кустах, а через некоторое время медленно угас и свет в скале. Словно задернули занавеску.

Когда рассвело, вернулись к лодкам и развязали мешки с провизией.

– Как-то совсем не похоже всё это на избавление от свидетелей после разбоя, — высказался Ахмед, держа в руках кусок копченого мяса и бурдючок с вином.

– Верно, не похоже, — подтвердила Шехерезада. — Это вообще ни на что известное не похоже. — И подсунула под Ахмедов бурдючок свой серебряный стаканчик для вина.

– Вы правы, — согласился Синдбад, откусывая лепешку,– и эта непонятность и неизвестность возбуждает во мне сильное любопытство. Я не в состоянии противиться этому любопытству. Поэтому корабль никуда не пойдет, пока…

– И пусть себе твой корабль никуда не идет, — поддакнул Али-Баба, запихивая в рот горсть изюма. — Ибо никто никуда плыть и не собирается. Разве что на тот берег.

Погрузились в лодки, подплыли к другому берегу и выгрузились у начала зарослей.

– Синдбад, ты хорошо заметил место?

– Вроде бы чуть ближе вон того дерева. Смотрите, следы повозки-то должны быть.

– Земля слишком твердая для того, чтобы на ней оставались какие-нибудь следы, — заметил Ахмед. — Полезем в кусты наугад.

И полезли. Хотя что там полезли — пошли. Это только издали заросли кажутся густыми. На самом деле между кустами вполне может проехать и не очень маленькая повозка. Только петлять сильно придется. Попетляли и уперлись в каменную стену. Посмотрели в одну сторону, в другую.

– Что-то уж очень просто всё у нас получается, — засомневалась Шехерезада. — Никакого "сим-сим", никаких потайных камней для нажимания или рычагов. Не нравится мне такая простота. Этак и приключения никакого не получится. Или, наоборот, что-нибудь вдруг так внезапно нас прихлопнет, что не успеем и понять, что за приключение с нами приключилось.

И в самом деле. Если смотреть вдоль каменной стены, то вход в нее мгновенно обнаруживается, как какой-то выступ из стены. Подбираемся к нему. Оказалось, что это огромный, метра три в диаметре каменный жернов, стоящий на ребре и плотно прилегающий к стене. Так и просится, чтобы его откатили в сторону. Основание под жерновом и его ребро гладенько обтесаны. Понятно и в какую сторону его нужно толкать — влево. На основании выступы, ограничивающие качение жернова в ту или иную сторону. Никогда мне не приходилось видать более странных дверей. Или ворóт? Просто так, ради интереса уперся руками в ребро этой круглой, весом в пару-тройку тонн махины и надавил. Она неожиданно легко тронулась с места и снова застыла, как только я убрал от нее руки.

– Стой, Серж, стой, — засуетился Синдбад, — так нельзя. Прежде, чем соваться в неизвестность, нужно

подготовить отступление. Ребята, — обратился он к матросам, — расстановка привычная для вас. Четверо остаются у лодок и при малейшем шуме держат их наготове. Шестеро скрываются здесь, снаружи у ворот и прикрывают отход, если мы будем удирать от преследования. Мы же пойдем внутрь. Если мы не вернемся за два дня, то возвращайтесь в Багдад и расскажите халифу, что видели. Пусть приходит сюда с войском.

– А если ночью опять выйдут те, с бочками? — спросил один из матросов.

– Не трогать. Пропустить беспрепятственно, словно вас тут и нет. И еще одно. Если нас там схватят, то могут догадаться, что мы не одни. Как только почувствуете, что из горы выходят по вашу душу, то в драку не вступать, а нестись как можно быстрее в Багдад, к халифу.

– Слушай, Синдбад, может, не полезем никуда? — спросил я. — Уж больно устрашающе звучат твои напутствия команде.

– Обычная предусмотрительность.

– Если обычная, то ты должен бы предусмотреть и возможность преследования нас по воде.

Синдбад с недоумением глянул на меня, на секунду задумался и воскликнул:

– Точно! Как это я сразу не сообразил! Жить у воды и не плавать? Обшарить берег! — скомандовал он матросам.

Обшарили прибрежные кусты и обнаружили две большие лодки, стоящие на катках. Весла на месте. Паруса свернутые лежат. Чтобы спихнуть лодки в воду, не потребуется и минуты. Старательно понаделали дырок в днищах там, где их сразу не увидишь, и вернулись к входу в скалу.

– Ну, что? Двигаем? — вопросил Синдбад.

– Двигаем, двигаем, — оживилась Шехерезада, — а то я уже совсем извелась от нетерпения. Очень уж тянет попасть в какую-нибудь заварушку.

Дверь-жернов легко откатилась в сторону, открыв зев длинной и довольно широкой пещеры. Гулкая пустота и запах сгоревшего масла. По обеим стенам куда-то идущего прохода, коридора — ряды погасших или потушенных факелов. Хотя, похоже, что это не факелы, а масляные светильники в виде факелов. Свет, падающий снаружи, позволяет разглядеть ровный пол впереди и что стены от пола и выше человеческого роста гладко обтесаны и покрыты красивой росписью — фресками совсем не в арабских религиозных традициях. Очень красивые, реалистично и колоритно написанные сцены с участием людей и животных. И этот коридор тянется куда-то далеко вглубь, теряясь в темноте.

Аладдин зажег несколько ближайших светильников, снял их со стен и раздал нам. Синдбад крикнул матросам, чтобы те задвинули, вернее закатили дверь, и осмотрел ее изнутри. Есть углубления в камне, чтобы ухватиться руками и сдвинуть дверь. Но есть и два горизонтальных углубления и задвижки в стенах, чтобы запереть дверь изнутри. Почему они оказались незапертыми? Потеря осторожности? Иллюзия безопасности?

– Пошли!

Ахмед поднял повыше свой факел-светильник и двинулся вперед. Мы — следом, разглядывая по пути диковинные картины на стенах. Тихонько спрашиваю Синдбада:

– Почему ты вооруженных матросов оставил снаружи, а не взял с собой?

– Неизвестно, с чем столкнемся. Если с чем-то очень враждебным и мощным, то сабли нас не спасут. Надо сдаваться без боя, а потом выкручиваться. Если с чем-то настороженным, то мы без оружия, не считая моей сабли, не вызовем нападения на нас от страха. Если с чем-то доброжелательным, то к добру с саблями и ножами не идут. Для нас защита от явной враждебности — это быстрые ноги. Всё остальное не опасно. Риск, конечно, есть, но на то оно и приключение.

– М-м-да-а, психолог ты, Синдбад, однако.

– Психолог — это как?

– Не как, а кто? Знаток человеческих душ.

Слышавшая наш разговор Шехерезада рассмеялась и сказала:

– Знаток, знаток! Знал бы ты, Серж, во сколько совсем лишних драк влип Синдбад прежде, чем он стал таким знатоком душ. Печальный опыт кого угодно сделает мудрецом.

Коридор слегка повернул направо, а потом обратно. Справа и слева попалось несколько проемов в сторону. Заглянули — каменные дебри. Остановились перед одной из стенных фресок и долго глазели на нее. Похоже, сюжет принесения какой-то клятвы то ли кого-то перед народом, то ли самого народа кому-то или чему-то. Живописная толпа, жрец или какой-то предводитель на возвышении. И всё это — на фоне огромного каменного лика с ассирийской бородой, вырубленного в скале. Краски довольно свежие.

Впереди показался дневной свет. Незапертые кованые ворота, а за ними долина между расширяющихся вдаль почти отвесных скальных стен. Складываем светильники у стены, с легким скрипом отворяем ворота и выходим на ровно мощеную дорогу, идущую мимо группы каких-то строений явно не жилого вида и назначения. Шагах в пятиста от нас в скале вырублен огромный лик с ассирийской бородой, который мы уже видели на фреске

в коридоре. Под ликом открытые двери входа куда-то внутрь каменных стен.

Между стенами ущелья напротив лика — обширная, ровная, мощёная причудливым рисунком площадь с пятью строениями, похожими на храмы, но явных признаков культового назначения зданий не видно. Строгая, больше римская, чем арабская архитектура, чуть желтоватый камень кладки стен и колонн. Все здания одинаковые и расположены как бы в вершинах пентаграммы. В центре площади между зданиями — какая-то большая, групповая скульптура светло-коричневого камня на темном, красноватом постаменте, блистающая в лучах солнца полировкой. По краям площади разбросаны скамейки. Довольно оживленно. Люди поодиночке и группами бродят по площади и сидят на скамейках. Издали не очень хорошо видно, но похоже, что там больше молодежь обоего пола. Одеты, как и мы. Всё вместе создает впечатление какого-то культового, культурного или образовательного комплекса.

Дальше, за этим ансамблем видны обычные городские дома, а за ними и до пределов видимого пространства расстилаются поля и сады. В общем, какая-то крошечная, тайная страна.

Спрашиваю:

– Что думаешь по этому поводу, Ахмед?

Он оборачивается к Синдбаду:

– Ты нам вроде бы рассказывал про что-то такое, — и тот не стал отпираться.

– Про похожее рассказывал, но это было очень далеко отсюда, а тут совсем рядом с Багдадом. В то, что я видел раньше, мне не хотелось бы попасть опять. Вроде бы всё красиво, но там такие злющие колдуны! Если и здесь тоже, то нам лучше сразу убраться подобру-поздорову.

– Ага, знать бы вот только, есть тут колдуны или нет. Шехи, сходи узнай про колдунов, а мы тут подождем.

– А что это вдруг я, Ахмед? У нас тут есть любитель знаться с колдунами. Аладдин, ну-ка пробегись до людей и разузнай.

– А почему чуть что — так сразу Аладдин? Вон Абу больше моего с колдунами знался. Ему и кости в руки!

– Ну да, конечно, прямо так взял и побежал! Вон у Синдбада с колдунами разговор короткий. Сабелькой взмахнул — и нет колдуна.

– Ну, всё, нет больше отважных людей на земле, — подытожил Ахмед. — Я старый и немощный. Али-Баба в прошлый раз, еще до тебя, Серж, жертвовал собой. Так что тебе, Серж, и идти.

– Вот-вот, — поддержала Шехерезада, — и это его первое страшное и опасное приключение. Пусть идет. Начинать-то когда-то каждому надо. Серж, как встретишь злого колдуна — крикни нам.

– А как я узнаю, злой это колдун или не злой? — поддержал я игру.

– Очень просто. То, что он вредный и злобный, у него на роже должно быть написано. Они уж такие. Своей сущности не стесняются. Ладно, ребята — постояли, поболтали, никто на нас не накинулся. Пошли накинемся сами, что ли, — и Шехерезада двинулась вперед.

И пока шли до площади около каменного лика, на нас тоже никто не накинулся. На площади и внимания особого не обратили. Так, проводят взглядом — и всё. Издали верно нам увиделось. И в самом деле на площади в основном молодежь. Несколько стариков тоже есть, а вокруг них — стайки юношей и девушек, как обычно бывает в общении учеников с наставниками.

Обошли площадь кругом, читая надписи на зданиях. Надписи довольно примечательные: "Храм знаний", "Храм ремесел", "Храм красоты и совершенства", "Храм отваги", "Храм ловкости и хитрости".

– Интересная религия, однако, в этих местах, — признал Ахмед. — Понятно, что не ислам. А памятник в цен-

тре площади, наверное, поставлен святым или пророкам этой религии.

Памятник, к которому мы подошли, и в самом деле очень любопытный. Фигуры в шесть-семь локтей высотой на постаменте еще в два локтя. Внушительно. Смешанная группа. Сидящая женщина в окружении четырех стоящих мужчин. Все как живые, а не монументальные. Это так притягивает взгляд, что не сразу обращаешь внимание на надпись на пьедестале.

– Вот этот воинственный хорошо получился, — похвалил Ахмед. — Совсем как живой. И этот, который с книгой, мне тоже нравится.

Взгляд Ахмеда скользнул по фигуре того, который с книгой, и наткнулся на предмет, стоявший у его ног. Ахмед изумленно замер.

– А мне вот женщина очень нравится, — поделился своим впечатлением Аладдин. — Вылитая Шехи.

– Ничего удивительного, — отреагировала та. — Тебе нравятся все женщины поголовно. А что касается сходства между этой фигурой и мной, то я никогда не сижу в такой вот неприличной, непристойной позе.

– Вы бы прочли надпись на основании, — внезапно охрипшим голосом произнес Ахмед.

– "Медресе Шехерезады", — послушно прочла вслух Шехи и осеклась.

С минуту она недоуменно оглядывалась по сторонам. Впрочем, и мы все тоже.

– Ребята, мне срочно нужно присесть. У меня что-то с ногами приключилось. Я не верю. Это какое-то совпадение.

– А лампа у ног того, что с книгой, тоже совпадение? — спросил Ахмед. А топор у ног другого? А сабля на боку у третьего и мешок в руках четвертого? Совпадений что-то слишком много.

– Это получается, что Храм красоты и совершенства посвящен мне. Храм знаний — Аладдину. Храм ремесел

— Али-Бабе. Храм отваги — Синдбаду, а Храм ловкости и хитрости посвящен Абу. Ну и дела-а! — очарованно протянула наша сказочница.

Пока стояли у памятника, я краем глаза заметил, что по дороге в сторону пещеры прошли пятеро вооруженных людей. Скрылись в ней, через некоторое время вернулись, заперли ворота — и вот теперь они стоят у края площади и наблюдают за нами.

– За последние пять минут здесь произошло три великих события, — констатировал я. — Мы поняли, что вы пятеро в этом мирке — что-то вроде святых или пророков. Правда, пока только как имена. Тела ваши еще не удостоверены здесь, как принадлежащие обожествленным именам. Натурное сходство с фигурами памятника есть только у Шехи, но все красивые женщины, так или иначе, похожи друг на друга.

Второе событие — это то, что мы попали в мышеловку. Ворота в пещеру заперли.

А третье событие — это то, что те, кто запирал ворота, стоят на дороге и смотрят на нас.

– Хоть бы не всё вдруг! — с досадой воскликнула Шехерезада, глянув на дорогу. — Что-то уж чересчур много и сразу падает на наши головы. Не дадут мне спокойно насладиться свалившимся из ниоткуда положением божества! Что будем делать?

– Надо, пока нас не сцапали, хотя бы узнать, куда мы попали и какие тут порядки, — ответил Ахмед. — Подойдем вон к тому старцу. Может, он нам что-нибудь объяснит.

Подошли к ближайшей скамье с сидевшим на ней пожилым человеком. Увидев нас, окружавшая скамью молодежь вежливо попрощалась и разошлась. Шехи присела рядом со стариком.

– Салам алейкум, почтеннейший э-э…

– Сулейман-ага, — представился тот. — А как ваше имя, ханум?

– Шехерезада.

– Чудесное имя. Покровительницу нашего медресе и Храма красоты тоже зовут Шехерезада. Но в отличие от вас, нашей Шехерезады, к сожалению, на самом деле нет. Да, что я говорю! Вы это сами должны знать.

– Откуда мне знать, и как это нет вашей Шехерезады?

– А и никогда не было. Это красивое предание.

– Как же она может быть покровительницей, если ее никогда не было?

– Ах, ханум, для воспитания и передачи знаний чьему-либо покровительству достаточно быть в сердцах. Тут и хорошая легенда как божественный промысел. Потому и девиз нашей религии: "Пытливость и знание". Что может быть интереснее, полезнее и примернее красивой и образной легенды Шехерезады? Посмотрите вокруг. Люди сами тянутся сюда. А вон тот старый храм слепой веры и страха наказания стоит пустым. Если не секрет, кто ваши спутники?

– Это мои друзья.

– Я вас всех должен бы знать, а не помню. Старость, наверное.

– Вы нас не можете знать, Сулейман-ага. Мы только что пришли через пещеру.

– Через пещеру? — удивился он. — Значит, вы из внешнего мира?

– Да.

– Вам не следовало приходить.

– Почему?

– Теперь вам обратно не вернуться.

– Вы имеете в виду, что нам могут помешать люди, стоящие на дороге?

Сулейман-ага повернулся и глянул на дорогу.

– Не только помешать. Они просто не дадут вам уйти обратно.

– Но почему не дадут?

– Таков закон. Наш мир закрыт и не хочет быть открытым. Слишком много зла во внешнем мире.

– Понятно. А как называется ваш мир и кто им правит?

– Наша долина называется Хал, а правит вазир. Сейчас пятилетний срок правления вазира Ахмата. Но самые важные дела решает Совет старейшин. В Совет входят вазир и пять Главных смотрителей Храмов. Я один из них — Главный смотритель Храма ловкости и хитрости.

– И что же, Сулейман-ага, каким образом поступают у вас с теми, кто попал сюда из внешнего мира? Убивают, чтобы сохранить тайну?

– Что вы, как можно! У нас никогда никого не убивают. Вы просто останетесь здесь навсегда или…, — и Сулейман-ага замолк.

– Что "или"?

– Потом узнаете. А тех, которые на дороге, можете не опасаться. На площади и в храмах все неприкосновенны. Но как только сойдете с площади — так неприкосновенность и кончится.

– Благодарим вас за беседу, Сулейман-ага, — и мы отошли.

– Вот попали-то! — прокомментировал ситуацию Абу.

– Ничего, — успокоил его Синдбад, — бывало и хуже. Выкручивались же.

– А меня Зубейда дома ждет, — проговорил я.

– Вот — видал, Абу? Его Зубейда ждет. Больше ничего нам и не требуется при таком раскладе. Чтобы вернуться к Зубейде, Серж нас всех отсюда мигом вытащит. Так что бояться нечего. Хуже было бы, если Зубейда оказалась бы с нами.

– Раньше мы не сталкивались с тем, что дырка на свободу только одна и такая маленькая.

– Мы каждый раз сталкиваемся с тем, чего раньше не было, — припомнил Ахмед. — Заглянете в свои храмы

или пойдем искать обед? Хотя и так ясно. Любопытство не порок. Мы с Сержем вас тут подождем.

Ждали с Ахмедом почти час, пока наши стали выходить из своих храмов. Аладдин сказал коротко:

– Мне бы тут поучиться.

Синдбад воскликнул восторженно:

– Хорошие бойцы будут! С этими, что на дороге стоят, в драку лучше не ввязываться при нашем составе.

Шехерезада высказалась скрытно:

– Не буду ничего рассказывать. Всё равно не поймете, но у меня есть чему здешних девушек поучить.

Али-Баба произнес деловито:

– Тут много полезного делается.

Абу выпалил возмущенно:

– Здесь воровать совсем не учат!

– Ладно, — предложил перспективу на будущее Ахмед, — пойдем узнаем, что там нас ждет на дороге.

Подошли к дороге, остановились в шаге от нее, и Ахмед завел светский разговор:

– Нас ждете, уважаемые?

– Вас.

– Это ничего, что мы немного подзадержались? Вы могли бы и позвать.

– Ничего, мы не в обиде.

– Очень хорошо. Мы на вас пока тоже.

– А на нас-то вам за что обижаться?

– Вы выходную дверь-то заперли. Ну и ладно. Мы пока обратно уходить не собираемся. Так что?

– Вазир Ахмат хочет вас видеть и приглашает на беседу.

– Мы бы с радостью, но вот еще не обедали. А какая может быть беседа, когда в животе бурчит? Может, по пути заглянем в какую-нибудь чайхану? И вас приглашаем, а раз приглашаем — то и платим.

Местные стражники отошли в сторону, о чём-то пошушукались и сообщили:

– Мы согласны.

В общем, неплохие, покладистые и компанейские ребята. Вполне дружелюбно отобедали, и даже чайханщик без возражений принял от Ахмеда плату. Хотя и повертел в руках наши серебряные монеты. Похоже, монеты знакомы ему.

Вазир же Ахмат оказался крепким сорокалетним мужчиной с умными, проницательными глазами. Предложил нам кофе, сласти и кальяны. Видно, что он чем-то озадачен и затрудняется начать разговор. Стражники, наверное, доложили ему о наблюдении за нами. Сначала Ахмат обратился к Ахмеду, как к самому старшему. Но тот мигом спровадил его ко мне, сославшись на свой возраст и несуществующее косноязычие.

– Уважаемый Ахмат-ага! — начал я наступление. — Попав в вашу благословенную долину, мои друзья были очень удивлены. Их почему-то здесь считают несуществующими и никогда не существовавшими. Это очень странно и обидно. Им бы очень хотелось, чтобы это недоразумение как-то разрешилось.

– Подождите, подождите, какое недоразумение? Как ваших друзей могут заранее считать несуществующими, если их здесь никто никогда не видел и о них никто не слышал?

– Вот здесь вы ошибаетесь, Ахмат-ага. Первое верно, а второе — нет. Видеть — не видели, а вот слышали такое, что в их честь поставили памятник и построили храмы совершенства. Я вам сейчас представлю своих друзей, и вы всё поймете. Вот эту женщину зовут Шехерезада, а мужчин — Синдбад, Али-Баба, Аладдин и Абу по прозвищу Багдадский вор. Меня зовут Сержи-сахеб, а нашего самого старшего товарища — Ахмед-ага.

Пауза была довольно долгой.

– Невероятно! Этого не может быть! Какая-то ошибка или вы вводите меня в заблуждение. Когда мы народным собранием выбирали символы национальной рели-

гии, то приняли как раз те, которые имеют отклик в народе и уже являются символами в сердцах. Легенды — как раз то, что близко каждому из нас.

– Согласен. Но у вас возникла путаница. Скорее всего, между самой легендой и носителем легенды. Поучительные истории, которые рассказывает Шехерезада, — это легенды. А она сама — живой человек, ставшая одновременно и живой легендой в историях о ней самой. На самом же деле Шехерезаду вы видите сейчас перед собой. Она сказочница при дворе халифа Багдадского. Этого у вас, наверное, не знали из-за изолированности вашей долины. Посчитали, что раз легенда, предание — то это давно и выдумка. А легенды ведь рождаются каждый день из действительных событий и при участии живых людей. Таких как Синдбад, Абу, Али-Баба и Аладдин. Вы понимаете? Я уверен, что прямо сейчас Шехерезада уже сочиняет легенду о путешествии к вам. Случай-то тоже невероятный. Если она начнет эту легенду рассказывать, то это не значит, что вас и меня не существует.

– На словах у вас, Сержи-сахеб, вроде складно, но просто так отбросить сомнения я тоже не могу.

– Понимаю. Наше неожиданное появление в долине может вызвать возбуждение в народе. Вам нужны доказательства, что мы — это именно мы?

– Неплохо бы.

– Пожалуйста. Вы же наверняка знаете, что джинны никогда не лгут?

– Конечно.

– На корабле, на котором мы прибыли и который нас ждет на Диале, есть волшебная лампа Аладдина. Можно доставить ее сюда, и вы сами спро́сите джинна о том, кто мы.

– На корабле? — упавшим голосом переспросил вазир Ахмат.

– На корабле, — подтвердил я. — Что это так вас

обеспокоило? А, понимаю. Вы думали: как бы половчее преподнести нам новость, что не выпустите нас из долины. Но оказывается, это бессмысленно. О том, что мы ушли к вам, знают те, кто не здесь и вам не доступен.

– Не знаю, что и сказать. Весь наш многолетний покой рушится с вашим появлением.

– Вряд ли источник такой беды — именно наше появление.

– А что же еще?

– Бочки с беспамятными людьми, плавающие по рекам. Именно они привели нас сюда, и этого уже никто не в силах изменить. Вы сами раскрыли тайну своего существования.

– Я был против, но старейшины настояли.

– Вы знаете, Ахмат-ага, нам очень нравится ваша маленькая страна Хал. Красиво, народ трудолюбивый и благожелательный. Было бы очень досадно видеть это разрушенным. Вы совершенно правы. Если сделать ваш маленький мир доступным большому внешнему, то всё благополучие рухнет. Зло извне потечет сюда.

– Вот видите! И вы это понимаете.

– Но мы также понимаем и то, что раскрытую тайну обратно не загнать. Можно попытаться сохранить вашу недоступность в условиях известности. Трудности тут есть. Однако полной и бесповоротной невозможности нет. Если вы не будете принимать нашу компанию за враждебную силу, то мы вам попытаемся помочь. Для начала расскажите всё о бочках.

– О бочках…, — задумчиво начал вазир Ахмат. — Это произошло недавно. Когда Совет Старейшин решил упразднить ограничение свободы покинуть Хал по воле любого желающего. Существовавший запрет покидать Хал кому бы то ни было, по мнению Совета, нарушает права людей. Значит, любого желающего покинуть Хал нужно отпустить. С другой стороны, те, кто остается здесь, имеют право на сохранение в тайне своего ме-

стонахождения как защиты от вторжения извне.

Спорили долго и пришли к тому, что оба условия не будут в противоречии, если уходящий во внешний мир будет оставлять память о Хале здесь. В долине растет трава, выпитый отвар которой усыпляет на день-два и лишает человека памяти, но не лишает речи и умений. Всё делается добровольно. Уходящий заявляет Совету, что он покидает Хал и готов принять питье для потери памяти. Также он должен предъявить деньги, которые он берет с собой. Ему ведь нужно на что-то жить, пока он не закрепится в новом окружении. Совет установил и минимальную сумму, с которой можно уходить.

Бочка и река показались самым подходящим средством отпустить человека и при этом не указывать на место, откуда он. Потому бочки и отправляют ночью. До Тигра они доплывают за сутки и тоже ночью начинают плыть уже по нему. Ничто не указывает, откуда они. Вот, в общем-то, и всё о бочках.

– А ведь очень даже неглупое решение вашей проблемы, Ахмат-ага. Зря вы были против. Может, как раз это и помешало принять полностью уравновешенное решение.

– Что вы имеете в виду, Сержи-сахеб?

– Вас подвело слишком частое появление бочек в Тигре. Если бы вы ограничили исход одним в месяц, то этого никто и не заметил бы. А длительность ожидания своей очереди уйти, возможно, привела бы некоторых и к отказу от ухода.

– Вполне возможно, что вы правы.

– Нам нужно подумать над возникшим положением и устроиться с ночлегом. Поздновато уже. Если вы не возражаете, то продолжим завтра. Конечно, при условии, что нет препятствий нашему нахождению здесь и свободному уходу туда, откуда пришли. Мои друзья не будут пользоваться здесь своими именами, чтобы не возбуждать беспокойства. Пусть всё остается как есть.

Чувствуется, что вазир Ахмат всё еще колеблется, однако, взвесив всё сказанное, решился:

– Договорились. Рядом живет вдова, у которой пустует почти весь дом. Думаю, она не откажет вам в ночлеге и приготовлении пищи. Я пошлю с вами слугу.

– Раз мы договорились, то мы хотели бы обратиться к вам с одной просьбой или предложением. Это уж как угодно.

– Я вас слушаю.

– Дело касается лампы Аладдина, которую я тут упомянул. Это очень опасная штука в недостойных руках. Сами понимаете, какой она может быть разрушительной.

– Конечно.

– Мы уже давно решили, что ее нужно спрятать куда-нибудь подальше от людей. Не попадается подходящего места. Вот я и подумал: а не будет ли таким подходящим местом очень достойный для преклонения религиозный культ Шехерезады? Они ведь связаны, как ни крути. Если вы сможете обеспечить неприкосновенность лампы кем бы то ни было, то мы передадим ее вам на вечное хранение. Это очень серьезная реликвия.

– Видеть, но не трогать? Такую бесценную вещь? Непростая задача. Но, пожалуй, ее можно решить, если поместить реликвию в Храм знаний. Религиозную реликвию там никто не посмеет тронуть. Да и не позволят. А как ее доставить сюда?

– Капитан Синдбад сейчас напишет записку своим людям, чтобы передали лампу вашему посланцу. Выберите надежного человека, у которого не возникнет мысли по пути побаловаться с лампой. Когда он выйдет из горы, то пусть крикнет: "Я от капитана Синдбада!" и отдаст записку.

– У меня есть такой человек.

– Отлично. Синдбад, пиши!

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — пробурчал

Синдбад, пересаживаясь за стол, и пробуя калам* на запястье.

– Знаю, знаю — пиши!

– Я не о лампе, а о моем занятии писанием.

– Думаешь, твой боцман не разберет твои каракули?

– Не знаю. Вот, получите!

– Ты себя принижаешь. Вполне разборчиво получилось. Некоторые буквы даже на себя похожи. Будем надеяться, что твоему боцману знаком почерк капитана.

– Подожди, я печатку поставлю. Печатку он точно узнает.

Вдова, к которой нас отвели, оказалась женщиной добродушной и расторопной. Уже через полчаса мы сидели за вполне приемлемым ужином на скорую руку. Шехерезада выразила восторг моими речами на приеме у вазира.

– Это просто верх неподражаемого красноречия и убедительности. Особенно когда ты вещал об очень достойном для преклонения религиозном культе Шехерезады. Я чуть слезами не залилась от избытка нахлынувших вдруг восторженных, религиозных чувств к самой себе.

– Я же говорил: просто прекрасно, что сегодня Зубейды с нами нет! И вот результат! — воскликнул Синдбад.

– Серж, и как ты намерен решить теперешнюю задачу с недоступностью Хала извне? — поинтересовался Ахмед.

– Ай, придумается чего-нибудь! Одно ясно прямо сейчас. Без вмешательства Гаруна тут нам не обойтись. Всё ведь происходит в его государстве.

*

Утром после завтрака пошли прогуляться по городу. Чистенькие мощеные улочки, двух- и трехэтажные каменные дома. Уютные маленькие площади, украшенные цветниками и фонтанчиками. Оживленная суета дня,

приветливые лица и уличные посиделки жителей, как в маленьких городках Франции или Италии. Чувствуется благополучие не изнуренного поборами народа. Такую красоту нужно сохранить!

В резиденции вазира сегодня оказалось многолюдно. Ахмат собрал и Главных смотрителей храмов. Познакомил нас с этими жрецами Шехерезады. Посматривают на нас недоверчиво, включая Сулеймана-ага. Хотя Ахмат наверняка передал им суть нашей вчерашней беседы. На столе кожаный мешок. Ахмат показал на него:

– Вот, мы не трогали.

Развязываю. Она, родная! Ставлю на стол и тихонько стучу костяшками пальцев в бок.

– Выйди на минутку, — и джинн высовывается из горловины.

– Вы же обещали оставить меня в покое. Что за безобразие! Тащат лампу куда-то, стукают. Где необитаемый остров-то? — джинн огляделся вокруг. — Что-то многолюдно сегодня. Это вместо необитаемого острова? Салам, Синдбад, Шехи, Аладдин и все остальные. Привет, ворюга! Чего тебе, Серж?

– Два дела у меня к тебе. Ты про праздник октября не забыл? Будешь?

– Про праздники я никогда не забываю. А второе?

– Мы нашли тебе место для спокойного пристанища.

– Да ну? — джинн выкарабкался из горловины и уселся на ее край. — И где же это?

– В местном Храме знаний. Твоя лампа будет там священной реликвией.

– В храме? Реликвией? Значит, мне будут поклоняться и молиться? И никаких приказов? Это интересно и приятно. Мне еще никогда не молились! Я согласен. При условии, что будут оберегать лампу от дураков, желающих ее потереть.

– А защиту мы с тобой сейчас сами организуем. Только пообещай хоть время от времени нестрашно показы-

ваться публике, чтобы не забывали о твоем существовании.

– Это можно. Так что там ты придумал про защиту, хитроумный Сержи-сахеб?

– Сооруди вокруг лампы стеклянный купол, который невозможно разбить, и подставку с ручками для него. Не забудь только себе для выхода где-нибудь дырочку оставить.

– Запросто! Это же мечта всей моей жизни! Да вот сам для себя я не могу того пожелать и выполнить. Потри лампу! — и нырнул в горловину.

Я потер с той стороны, которая еще не протерта до дыр. Столб дыма — и джинн с воем упирается головой в потолок.

– Приказывай, хозяин!

– Ты же всё слышал — делай!

С тем же воем джинн втянулся в лампу, и она сразу же оказалась под сферическим прозрачным колпаком на подставке с ручками. Теперь ее не потрешь! Золота и драгоценных каменьев джинн для себя не пожалел. Я взялся за ручки и покачал сооружение. Лампа внутри стоит неподвижно. Отлично.

– Синдбад!

Синдбад вытащил саблю и с размаха рубанул по колпаку. Хоть бы что. Только жалобный звон стали, встретившей неодолимое препятствие. Я обернулся к старейшинам.

– Можете забирать.

Потребовалось некоторое время, чтобы они пришли в себя от изумления увиденным. Но старики крепкие! Никто в обморок не упал по ходу дела. Расселись для беседы.

– Мне думается, Ахмат-ага, — начал я, — вам придется отбыть вместе с нами в Багдад. Тайна Хала раскрылась. Это означает, что теперь придется жить по законам халифата, на территории которого находится Хал.

– Но это для нас гибель! — воскликнул вазир.

– Не обязательно. Постараемся, чтобы халиф Багдадский Гарун-аль-Рашид подписал фирман с привилегиями для Хала. Туда нужно бы включить полное самоуправление Хала с возможностью запрета доступа извне кому бы то ни было, включая имамов и муфтиев. Но налоги тогда платить придется. Сейчас нам нужно определиться, в каких пределах можно будет поторговаться о налогах. Ахмат-ага, какое население в долине?

– Почти десять тысяч человек.

– А плодородных земель?

– Где-то половина из восьмидесяти квадратных фарсахов.

– Теперь самый главный вопрос. Сколько вы готовы выплачивать в год за сохранение свободы и недоступности?

Последовало оживленное совещание шепотом среди местного руководства.

– Три тысячи золотых динаров в год. Это мы сможем выплачивать, не очень обеднив население.

– Вы что — смеетесь, Ахмат-ага?

– Ну, четыре тысячи — наш предел возможного. За ним уже просто не будет свободы, как ни отгораживайся от внешнего мира.

– Вы меня совсем не понимаете, Ахмет-ага. Если такие суммы мы огласим за пределами Хала, то вашей долине просто крышка. Подумают, что тут у вас золотые россыпи. Ахмед, Шехи, какой подушный и земельный налог в халифате?

– Подушный — два таньга со взрослого и один таньга за ребенка от двенадцати лет и меньше. Земельный не знаю, — ответил Ахмед. — Шехи, ты про землю чего-нибудь знаешь?

– А как же! Во дворце разговоры о налогах — самые частые из всех. За квадратный фарсах возделываемой земли берут четыре таньга в год.

– Ну, что ж — посчитаем. Подушный за четверть детского населения будет две тысячи пятьсот таньга. За три четверти взрослого — пятнадцать тысяч таньга. Всего семнадцать с половиной тысяч таньга. В золотом динаре сто таньга. Получается, в год подушный налог — сто семьдесят пять динаров.

Теперь сорок фарсахов обрабатываемой земли по четыре таньга дают сто шестьдесят таньга. Но сборщики налогов любят считать обрабатываемую землю, а пускать их сюда вам нежелательно. Лучше заплатить налог за всю землю, и считать будет нечего. Получается, за землю платить всего три динара, а полностью за всё вместе — меньше двухсот динаров. А вы говорите: четыре тысячи! С ума сойти!

Так что в торговле за все налоги постараемся удержаться в пределах трехсот-четырехсот динаров.

– И это всё?

– Вряд ли, Ахмат-ага. Штрафы за неуплату налогов могут потребовать или еще за что-нибудь. В Багдаде обобрать кого угодно могут. Но штрафы — дело разовое. Нам же нужно добиться невысоких постоянных налогов. Но это уже наша забота. Вы вряд ли будете участвовать в разговоре с халифом. Удостоитесь только целования его руки при передаче фирмана. Вот вроде и всё, что я хотел сказать. Да, карта долины нужна обязательно, и с указанием размеров.

– Когда отправимся?

– Хоть сейчас, но вам нужно будет какое-нибудь судно на обратный путь.

– У нас есть хорошие парусные лодки.

– Были. Мы над ними поработали, не зная еще, с чем придется иметь дело, войдя в пещеру. Ремонт займет время.

*

Утром следующего дня мы уже причалили в порту Багдада. Двигаясь по течению, добрались довольно

быстро, несмотря на не очень благоприятный ветер. Пока плыли, мы расспрашивали вазира Ахмата о традициях, укладе, хозяйстве, образовании в Хале. Всё оказалось устроено просто и рационально.

– Ахмат-ага, а что это за лик, вырубленный в скалах? — поинтересовалась Шехерезада.

– Не знаю. Он достался нам от прежних обитателей долины, которых мы не застали. Мы-то в долине всего лет триста. Куда делись предшественники — загадка. Может быть, мор какой-нибудь? Хотя вряд ли. Внутри под каменной головой в скале вырублен храм. Но туда почти никто не заходит, несмотря на незапертые двери. Мрачно, пусто и неуютно. Удобное бы место для хранения зерна и масла, но храм же! Нельзя осквернять. Статуй божеств нет, но, судя по местам для них, когда-то были.

– А мне вот любопытно: как вы выходите во внешний мир, не раскрывая себя? Деньги у вас те же, что и в Багдаде. И вы, Ахмат-ага, угощали нас кофе, который в долине не растет.

– У долины два выхода в противоположных концах, Сержи-сахеб. Второй выходит неподалеку от горного караванного пути. Покупаем что-нибудь у караванщиков. Оттуда и деньги у нас. Караванщики с удовольствием берут у нас кожи, ткани, некоторые пряности, растущие в долине. При этом не интересуются, откуда всё это среди камней. Наверное, думают, что поблизости от тропы есть обычные селения.

Во дворец идти рано. Там еще не проснулись. Сходить домой, что ли? Договорились о встрече во дворце и разбежались кто куда. Я домой, а Ахмед и Али-Баба — прямо в лавку. И Зубейда как раз тоже собиралась в лавку, но поцеловать меня всё-таки успела. Ого, а у меня в комнате обновка — вполне европейский круглый обеденный стол и стулья. Почти такой же, как у Ахмеда, но чуть поменьше.

– Гюльнара-ханум распорядилась и здесь тоже поставить. Говорит, что ты к такому больше привык.

– Надо будет поблагодарить ее.

Пошли на базар вместе.

– Что-то вы в этот раз загулялись, Сержи-сахеб. День нет, второй — и я уже забеспокоилась. Бегу в порт, а корабля Синдбада не видать.

– Пришлось вот отлучиться из Багдада. А ты права оказалась. С халифом пришлось-таки столкнуться.

– Но хоть интересно было?

– Очень. Потом расскажу.

Игроков напротив лавки еще нет. Ахмед распивает чаи. Я присоединяюсь, и мы оба с удовольствием наблюдаем за работой Зубейды.

– Нет, чудо есть чудо, и ничего тут не попишешь, — со вздохом говорит Ахмед. — Часами можно сидеть и любоваться, как она, словно рыбка, плавает по лавке.

Грохот распахнувшейся двери. В лавку влетает запыхавшийся помощник Мустафы и прямо от двери орет:

– Хозяин, беда! Одна из кукол ожила!

Бред какой-то, но мы быстро бежим к фарфоровой лавке. Мустафа топчется перед лавкой, боясь в нее зайти.

– Что случилось, Мустафа?

– Страшно сказать, хозяин. Мы разбирали последний привоз от Синдбада. Открываю крышку одного из ящиков, а она поворачивает голову и как глянет на нас!

– Точно, точно, — поддерживает его помощник, — совсем живая! Не иначе как колдовство какое-то. Мы боимся.

Захожу в лавку и присаживаюсь перед стоящим торчком небольшим ящиком с какими-то надписями, иероглифами на боку. Ахмед стоит у меня за плечом. И в самом деле — из ящика на нас смотрит миленькое фарфоровое личико с широко раскрытыми голубыми глазами. Не китайское личико. И это самая настоящая кукла, а

не статуэтка. Трогаю личико пальцем. Внутри что-то тихо и коротко прожужжало, и голова куклы чуть дернулась.

– Остатки завода, — раздался за плечом голос Ахмеда. — Такое бывает у заводных игрушек. Вроде пружина раскрутилась, а оказывается не совсем. Тряхнешь — и дернется. Посмотрим остальные.

Остальных нераспакованных немного, и везде обычные китайские статуэтки. Закрываю крышку ящика и беру его за специальную веревочную ручку. Тяжеленький. Ахмед успокаивает Мустафу и его помощника:

– Она не живая. Просто у нее внутри разные колесики и рычаги, которые позволяют вертеть головой и двигать руками. А как устроены открывающиеся глаза, вы сами на некоторых китайских статуэтках уже видели.

В торговую резиденцию уже не заходим, а топаем прямо домой. Ставлю ящик на стол, и начинаем осторожно извлекать из него механическое чудо. Кукла вместе с бронзовой подставкой — сантиметров пятьдесят высотой. Изумительная работа, но явно не новая. Бронза слегка потемнела, но цвета́ пышного шелкового платья европейской девушки где-нибудь восемнадцатого века, яркие и сочные. Сбоку в подставке — отверстие для ключа и рычажок — наверное, для пуска и остановки. Спереди ящичек и в нём ключ.

С некоторым трепетом начинаю заводить. Кукла сразу дергается. Перевожу рычажок пуска в положение стопа, завожу до упора и отстраняюсь. Ахмед двинул рычажок — и кукла ожила. Плавные, без рывков движения рук, туловища, головы просто завораживают своей пластикой, грацией. Глаза не просто открываются и закрываются, а и зрачки под приспущенными ресницами тоже перемещаются влево, вправо, вверх и вниз, словно кукла осматривается вокруг. Всё это сопровождается тихой и мелодичной музыкой колокольчиков. Сказка, а мне почему-то вспомнился железный "жук" из города Гешвига.

– Что скажешь?

– А что тут скажешь, Ахмед? Синдбад приволок нам откуда-то очередную загадку. Я не антиквар, но кукла точно не китайская. Да и такие игрушки характерны для семнадцатого-восемнадцатого века. Совсем не то время, что здесь. Кукла сделана минимум на семьсот лет позже. А качество движений вообще, нетипично ни для каких механических кукол. Видел, какая свобода и плавность движения? Двигаются не только руки целиком, но и сгибаются в локтях и запястьях. Такие непростые механически и притом работающие системы я видел только в одном месте.

– Где?

– В мире Генриха Швейцера.

– Да-а, интересная связь: Швейцер и наш Китай. Нужно Синдбада допросить с пристрастием. А не пора ли нам во дворец?

Пришлось немного подождать в верхнем саду дворца, пока соберутся все. Синдбад пришел последним вместе с вазиром Ахматом. Почти сразу подошел слуга и пригласил в покои халифа. Ахмата мы оставили в саду.

– Как здоровье, Гарун? — сразу после приветствий поинтересовался Синдбад. — Дурные сны всё еще посещают?

– Посещают, будь они прокляты Аллахом!

– Вот это уже странно, Гарун, — сказал я. — Бочек в последние дни не было и больше не будет. Попробуйте, никого не предупреждая, переночевать не в своей спальне. Если кошмаров не будет, то значит, на вашу личную спальню кто-то навел порчу.

– Ладно, попробую. А вам, выходит, удалось найти источник бочек?

– Удалось. Ничего особо интересного и увлекательного. Мы разочарованы и подумываем, что за такую скуку надо потребовать с вас награду. Тем более что для выдачи награды не придется истощать казну.

– Вот это уже интересно. Я очень люблю рассчиты-

ваться тем, что мне ничего не стоит. Рассказывайте.

– Всё очень просто. Мы нашли вам новый источник доходов. Правда, небольшой, но зато постоянный, если его аккуратно использовать. Нас попросили с вами об этом поговорить.

– Так-так, продолжай, Сержи-сахеб. Рассказы о доходах я очень люблю.

– Да? А нам они кажутся скучными. Так вот: лет триста назад какие-то люди наткнулись на небольшую горную долину в глубоком и недоступном ущелье. Вход в долину возможен только через длинную пещеру. Люди обжились и размножились в долине, никогда не выходя за ее пределы. О них никто не знает и не беспокоит их.

– Дальше можно о чём-то и догадаться, Сержи-сахеб. Налогов они не платили триста лет и не платят сейчас. Вот их-то вы и накрыли. Замечательно!

– Совершенно верно. Но слушайте о бочках. Это интереснее. Плодородная земля в долине есть, но не очень много. В конце концов рост населения привел к тому, что земля уже не может прокормить всех. Тогда они решили, что при каждом рождении ребенка из долины должен уходить кто-то взрослый.

– Понятное решение.

– Понятное-то понятное, да вот как тогда сохранить секрет существования долины и свой уклад и религию, которые они не хотят менять? Они стали поить уходящих людей зельем для потери памяти. А в бочках сплавлять подальше от долины. Через сто-двести фарсахов уже не поймешь, откуда плывет бочка.

– Да, в сообразительности им не откажешь. Теперь понятно, откуда и зачем в выловленных нами бочках оказывались и деньги. На какое-то время новой жизни беспамятному.

– Правильно. Мы попали в эту долину и узнали, что правит этой крошечной страной избираемый на пять лет вазир. А религия у них своя — не ислам. Поговорили и с

вазиром. Он пришел в сильное беспокойство, что их тайна теперь раскрыта. Но он умный человек и не стал противиться неизбежности. Они готовы платить налоги, если их никто не будет трогать, сохранятся их уклад и религия.

– То, что они готовы платить налоги, — хорошо, но то, что позволяют себе ставить условия, — плохо. Мне ничего не стоит послать войско — и все их условия развеются как дым.

– Можно и войско послать. Но тогда надежды на получение денег в казну и нашей награды тоже развеются как дым. Пещеру, ведущую в долину, просто засыплют. С чем будете воевать? Со скалами? Они жили триста лет без Багдада — проживут и еще столько же. Ограничат рождение детей — и плевать им на Багдад. Затеять большую войну с преодолением гор? Сколько она будет стоить? А они снимутся и уйдут в соседнюю страну через другой конец долины. Завоюете только груду камней, которые и так принадлежат вам. И ни одного таньга добычи. Весь арабский мир будет потешаться над такой победой!

– И что вы предлагаете?

– Шайтан с ними! Пусть живут, как хотят. Вот, Гарун, смотрите карту.

– Так долина-то совсем крошечная! Что с них возьмешь?

– В любом случае больше, чем ничего.

– Разве что. Думаю, ваша компания уже и прикинула, что можно взять.

– Прикинула. Можно взять за всю землю, а не только за ту, которую обрабатывают. Вместе с подушным налогом это даст сто восемьдесят золотых динаров в год неизменно. Ведь ни население, ни земля там прирастать не могут. Что еще с них можно потребовать, Гарун?

– Солдат в войско.

– Сколько?

– По три с тысячи. Сколько их там всех?

– Десять тысяч.

– Значит, тридцать солдат на пять лет. Или нет — пусть платят военный налог и не надо никаких солдат.

– Сколько?

– Для ровного счета пятьдесят… нет, семьдесят динаров — и ладно. И еще пятьдесят за неприкосновенность религии. И еще пятьдесят за… За что бы еще пятьдесят взять?

– Может быть, хватит? И так вы, Гарун, уже триста насчитали. Не переходите границы разумного! Это постоянный налог, который нужно будет указать в фирмане о вазирстве долины Хал. Пусть его платят и живут, как хотят. Можно пощипать их разовым штрафом за неуплату налогов.

– Пощипать — это мне нравится! Особенно пощипать бы за триста лет.

– Эка хватили! Триста лет их не десять тысяч было. Да и халифата не было. Возьмите штраф в размере годовых налогов.

– Двух годовых налогов!

– Не много ли? Я знаю, что вазир, который прибыл с нами, захватил с собой какие-то деньги. Но будет ли это девятьсот динаров…

– Ничего не знаю! Фирман в обмен на девятьсот динаров сейчас и триста каждый год — и точка!

– Хорошо. С вами трудно спорить, Гарун. Да я и не буду. Чем больше вы получите с них, тем больше будет и наша награда с вас. Пополам, я думаю, будет справедливо.

– Пополам?! — взвился халиф. — Это же четыреста пятьдесят динаров! За полчаса нашей беседы?

– Не за полчаса разговоров, а за решение проблемы и добычу денег для вашей казны из ничего. Если вас такое не устраивает, то мы не настаиваем. Решайте свои проблемы сами и к нам больше не обращайтесь. А

то мы перечислим еще и все ваши прошлые долги нам, — и я стал приподниматься, как бы собираясь уходить. Остальные тоже зашевелились.

– Ладно, ладно, я погорячился. Признаю. Я эти девятьсот динаров уже почувствовал своими. С тобой, Сержи-сахеб, тоже трудно спорить. Чуть что — за горло хватаешь. Пополам так пополам.

– Зовите писца и казначея. Синдбад, бери вазира Ахмата и быстро за деньгами!

– Мы мигом.

Составление фирмана не заняло много времени. Я просто диктовал заготовленный текст, а Гарун поддакивал и вставлял пустяшные замечания. Подписал без звука. Только недоверчиво покачал головой, словно его обманули, но он так и не понял, как. Поставили большую государственную печать. Пришел казначей и получил высочайшие распоряжения о получении денег от вазира, выдаче нам и занесении в налоговые книги вазирства Хал.

– Ладно, ждите меня все в тронном зале, — распорядился халиф и ушел, забрав с собой фирман.

Запыхавшись, пришли Синдбад с вазиром Ахматом. Мешок при них. Шехерезада повела обоих во владения казначея. Вернулись сначала Шехерезада с Ахматом, а чуть позже — и казначей с Синдбадом. Синдбад опять с мешком, но поменьше. Все двинулись в тронный зал.

Это, наверное, традиция — ждать высочайшего халифа по полчаса, чтобы было время проникнуться уважением к его персоне. Наконец вошел и взошел. Взглянул на казначея. Тот кивнул. Тут же появился и визирь Джафар. На нас не смотрит. Быстро отбарабанил что-то о воле Света солнца к народу вазирства Хал. Вазир Ахмат подошел к руке, покорно облобызал ее и получил для своего маленького народа свободу делать что угодно в пределах долины Хал. Вышли из тронного зала и подождали, пока вазир Ахмат пару раз прочтет получен-

ный документ.

– То, что надо? — спросил Ахмед.

– Еще бы! Честно говоря, не думал, что такое будет возможно. Как вам это удалось?

– Странный вопрос, Ахмат, — ответила Шехерезада, — ведь мы — боги-хранители долины Хал. Вы забыли что ли, что сами нас ими выбрали?

– А ведь и в самом деле боги-хранители! Значит, вход в Хал будет для вас всегда открыт.

Уже когда лодка вазира Ахмата собралась отчаливать от борта корабля, Шехерезада вдруг вспомнила:

– Синдбад, Синдбад, про мешок-то забыли! Бросай скорее!

Ахмат едва поймал зазвеневший мешок.

– Что это?

– Это ваши же деньги на поддержание религии Хала в мою честь, — засмеявшись, ответила Шехерезада.

Постояли, посмотрели, как лодка скрывается вдали.

– Вы не находите, что уже пора ужинать, а мы сегодня за этой всей суетой даже не обедали? — словно очнулся Синдбад.

– Да-да, — подтвердил Ахмед, — и ужинать будем у меня. Мы с Сержем вам одну любопытную штуку покажем.

Только вошли ко мне, как Синдбад, увидев куклу, воскликнул:

– А я совсем и забыл про нее! Это же моя месть Ахмеду.

– Месть мне? За что?

– За бинокль.

– Во-первых, из-за твоей забывчивости эту вещь чуть не продали неизвестно кому. А во-вторых, месть, Синдбад, не бывает половинчатой. Или она есть, или ее совсем нет, — начал дразнить Синдбада Ахмед.

– Ты что — хочешь сказать, что эта кукла — только половина куклы? Друзья, наш уважаемый предводитель

с ума сдвинулся.

– Перестань, Синдбад, я говорю не о половине куклы, а о том, что у бинокля две штучки для глядения — пара. А эта кукла не парная. Только девочка. А где мальчик? Так что твоя месть не считается. Она неполновесная.

– Неполновесная? Так я… так я ее и заберу обратно! — задыхаясь от возмущения, заявил Синдбад.

– Не выйдет. Месть ты заявил сейчас при людях, а это обязательство! Предмет забирается в залог выполнения этого обязательства полностью. Так что где хочешь бери, а мальчика мне вынь да положь без всяких разговоров!

– Вот видели, — обратился к обществу обескураженный капитан, — что он со мной делает? Вымогательство чистой воды! Но не на того напал, Ахмед! Я с тобой мигом рассчитаюсь. Развинчу бинокль и половину верну тебе. Вот и будем в расчете. Что, съел?

Общий хохот долго не стихал, а когда поутих, то кое-кто вытирал глаза от выступивших слёз.

– Здравствуйте, — донесся мелодичный голосок от двери.

– Зубейда, Зубейда, иди скорее сюда, — позвала Шехерезада, — смотри, какая прелесть на столе! Нравится?

– Да, очень!

– Ахмед, а Гюльнара видела?

– Нет еще. Надо ее позвать.

– Я сейчас схожу, — откликнулась Зубейда и вышла, вернувшись через минуту с хозяйкой дома.

– Смотри, Гюльнара, какая вещь!

– Какая прелесть, Ахмед! Похоже, очень непростая кукла.

– Вот-вот, именно непростая, и ты это заметила, а другие — нет.

Ахмед передвинул куклу в середину стола, завел и щелкнул рычажком. Все замерли как зачарованные,

наблюдая за грациозным кукольным танцем. Ахмед завел и запустил игрушку еще раз.

– Мне, конечно, такую куклу никогда не подарят, — раздался мечтательный голосок неслышно подкравшейся Джамили.

– Ты всегда сможешь посмотреть ее со взрослыми, — успокоила чертенка бабушка. — Но сама не смей трогать. Ахмед, эта прелесть останется в доме?

– Я подумываю подарить ее тебе, Гюльнара.

– Не надо. Зачем старухе кукла? Даже такая чудесная. Пусть просто стоит здесь — у Сержа с Зубейдой. Вазу с цветами переставить на стол, а тумба от вазы для куклы как раз подойдет. Давайте-ка переходите все к Ахмеду. Там уже накрыли.

– Сейчас идем. Синдбад, где ты ее добыл?

– В Шанхае у старьевщика.

– Не спросил, откуда она у него?

– Нет. Я как увидел ее в действии — так всё на свете забыл.

– Жаль. Ладно, пошли ко мне за стол.

*

Все порядочные молодые пары спят в обнимку. Утреннее солнце, заглянувшее в окно, удостоверилось, что мы с Зубейдой вполне порядочные и поэтому нас пора будить. Непорядочная одиночка уже давно встала и с нетерпеливым ожиданием созерцает заводную куклу.

– Я, конечно, понимаю, что нарушаю ваш покой и уединение и это очень нехорошо, — укорил сам себя чудо-ребенок, заметив, что мы открыли глаза, — но и меня тоже поймите. Я же всю ночь честно терпела и сейчас вас будить не стала.

– Мы понимаем твои трудности, Джамиля, и очень сочувствуем твоим мучениям, — ответила Зубейда, вставая, зевая и заводя куклу.

– Спасибо. Только вы с Сержи-сахебом и входите в мое сложное положение в этом доме. Какая же ты кра-

сивая, Зубейда, когда голая. Вдвое красивее, чем в платье! Я вот вырасту и тоже такой буду, — и девочка замолчала с раскрытым ртом, любуясь танцем куклы. А когда тот закончился, молча вышла из комнаты.

– Мне в лавку пора, — глянув на солнце, сказала Зубейда. — Только-только успею позавтракать. А ты, Сержи-сахеб, опять за приключениями отправишься?

– А что мне остается делать? Надо же как-то время скоротать до твоего возвращения. Я, пожалуй, провожу тебя на базар. Похожу, посмотрю, что и где продают.

У фарфоровой лавки Ахмеда столпотворение. Мустафа, делая страшные глаза и вздымая руки, рассказывает окружающим страшную историю об ожившей вчера кукле. Оказывается, что она чуть не набросилась и не загрызла их с приказчиком. Окружающие сочувственно покачивают головами и поеживаются, представляя себе картину чуть не состоявшегося среди бела дня людоедства на базаре. Приказчик же под шумок энергично принимает деньги и отпускает товар пораженным и от того потерявшим бдительность покупателям. Если у Мустафы хватит фантазии и сил до вечера, то лавка сегодня полностью опустеет.

Спрашиваю у прохожего, где тут старьевщики. Ага, вот они. Конечно же, я тут не ради поиска чудес вроде заводной куклы. Кукла редкая — очень редкая удача. Просто самое интересное и необычное на любом рынке всегда именно в таком месте. Меня больше всего заинтересовали бы старинные механические устройства или навигационные приборы для коллекции Капитана, но их не видно. Обломки бытовых вещей, металлические статуэтки самых разных размеров. Странно, что статуэтки в большинстве изображают животных и людей. Либо они сделаны еще до того, как это стало под религиозным запретом, либо местный ислам — не совсем строгий ислам. Впрочем, Ахмед при сотворении своего мира многое обременительное из него убрал.

Вот какой-то то ли бронзовый, то ли латунный жук размером побольше чем в две ладони, потемневший от времени. Вроде похож на жука-скарабея. Надкрылья почти как у жука — очень выпуклые, но вот тело, если посмотреть снизу, уж какое-то несусветное. Искривленное и лапок нет. Вместо лапок — два поперечных выступа, на которых жук ровно и стоит. На надкрыльях какой-то непонятный узор. Или нет — не узор, а несимметричный рисунок с точками и обрывающимися линиями. Не очень тяжелый — значит, пустотелый. В брюшке дырка. Странный предмет.

Старьевщик, увидев мой интерес, запросил, судя по его плутовским глазам, совершенно несусветную цену в шесть таньга.

– За пару — десять.

– А что, есть пара?

– Вот, — и из кучи хлама выуживается еще один экземпляр.

Такой же уродливый, но рисунок на надкрыльях другой. Странная пара.

– Может быть, есть еще?

– Нет, больше нет.

Старьевщик поражен, когда я без торга выкладываю десять таньга. Кладу жуков в сумку и только когда уже вышел из ряда старьевщиков, соображаю, что спросил не всё. Возвращаюсь.

– Скажи, уважаемый, а откуда эти жуки? Где ты их взял?

– Да я разве помню! Давно, наверное, не меньше года валяются. То ли кто-то принес. То ли сам где-то откопал….

– А раньше такие жуки были, попадались?

– Попадались, но очень давно. Года два назад мне попался один, и его купил по виду очень ученый человек. И еще раньше до этого, тоже года за два, был один жук.

– А его кто взял?

– По виду и речи какой-то разбойник.

– А имена?

– Так кто же на базаре имена-то спрашивает!

– Ладно, и на том спасибо.

Пожалуй, мне понадобится помощь Багдадского вора. Может, у него найдется подходящий инструмент? Дырки-то в брюхе у жуков неспроста. Значит, нужно идти к Синдбаду. Он подскажет, где Абу.

Синдбад сидит у себя в каюте и рассматривает какие-то карты, напевая что-то себе под нос.

– А-а, привет! За делами или за приключениями?

– Еще не знаю, Синдбад. Был на базаре и наткнулся на какие-то странные штуки. Купил. Хочу, чтобы Абу помог мне с ними разобраться. Как мне до него добраться?

– Растолковать путь к Абу сложнее, чем послать за ним. Сейчас я кого-нибудь сгоняю. Это рядом. Если дома, то прибежит быстро.

Синдбад на минуту вышел, а вернувшись, сказал:

– Штуки-то показал бы. Ужас как всё странное люблю!

Выкладываю на стол странных жуков. Вижу, что не только жуки странные, но и с Синдбадом что-то странное творится. Не стал жуков рассматривать, а что-то хмыкнул под нос и принялся рыться в своих сундуках. Рылся долго, но всё-таки до чего-то дорылся.

– Ага! — победно возвестил он и хлопнул на стол третьего жука.

– Так, это, значит, о тебе старьевщик сказал, что одну такую штуку года четыре назад утащил к себе какой-то разбойник?

– Разбойник? Вот спасибо!

– Это не я. Это старьевщик так сказал. Я же считаю, что даже райские гурии — и те гораздо агрессивнее и опаснее тебя.

– То-то же!

Мы уселись за стол и разложили жуков в ряд. Все одинаковые, кроме рисунков на надкрыльях.

– Да, четыре года назад, — задумчиво протянул Синдбад. — Ты, наверное, уже догадался, почему я купил тогда этот вроде бы хлам?

– Надкрылья — это части карты.

– Вот-вот, и мне это показалось интересным, но из моих кусочков понять ничего не удалось. Может, сейчас что-то станет яснее.

– Салам. Зачем звали? — послышалось от двери.

– Салам, Абу, заходи. Вот Серж с тебя что-то хочет получить.

– Что можно получить с нищего мелкого воришки?

– С нищего? Ага, видел я как-то твою нищету! Мне за скромность и аскетизм халифа стыдно стало.

– Так видимая роскошь и прикрывает досадную нищету.

– Дом менялы Алима на прошлой неделе — твоя работа? Всего каких-то пустяшных полторы тысячи динаров.

– Не доказано!

– И долго вы так можете трепаться? — спрашиваю я.

– А что этот мелкий воришка прибедняется! Стукнуть его, что ли, по-дружески? Ладно, садись, дело есть. Давай, Серж.

– Вот три штучки, Абу, и мне кажется, что они как-то должны разбираться на части. Посмотри, что скажешь?

Абу начал разглядывать жуков со всех сторон. Подергал надкрылья, попытался разглядеть что-нибудь через дырку в брюхе.

– Что-нибудь тонкое вроде шила есть?

– Ломаная вилка.

– Давай.

Абу сунул единственный сохранившийся зуб вилки в дырку на брюхе жука, на что-то нажал — что-то тихо щелкнуло, и надкрылья упали на стол. Другие два жука распались на детали так же просто. На внутренней части каждого надкрылья какие-то непонятные знаки, письме-

на.

– Как я понимаю, — сказал Синдбад, вертя в руках две очень выпуклые детали, — из надкрыльев можно собрать шар, на поверхности которого окажется карта.

– Похоже на то, — согласился Абу. — Иначе для чего бы вот эти сцепления? Попробуй так, чтобы линии совпадали. Вот-вот — эти сходятся и эти тоже. А из этих сюда ничего не подходит. Не хватает еще одного жука. А то был бы шар! А если брюшки жуков соединить вот так, то получается подставка под шар. Но тоже одной части не хватает. Нужно искать четвертого жука.

– Старьевщик говорит, что года два назад такого жука унес какой-то ученый человек.

– Эва, и как его искать этого ученого? В Багдаде их куча. Подходить к каждому и спрашивать? Да и неизвестно, выйдет из этого для нас какое-нибудь приключение или нет. Хотя, с другой стороны, вещь очень необычная. Надо бы Шехерезаду спросить. Может, она вспомнит о странной вещи, странно пропавшей?

– Узнать у Шехи — это хорошая мысль, — ухватился Синдбад за идею Абу. — А ведь мы забыли про отца Зубейды. Он ведь ученый человек и тоже может что-то знать или предполагать, кто знает.

– Точно! Бахтияр-хаджи нам нужен так же, как и Шехи. Правда, переться к нему в медресе со всем этим металлом не очень удобно. Попрошу Зубейду или Ахмеда пригласить его в гости. Там и поговорим.

– Тогда собирай и забирай жуков. Пусть все у тебя будут. Думаю, ты понял, что с ними нужно делать.

Собираю жуков в свою торбу и топаю опять на базар. Тотализатор у резиденции Ахмеда работает вовсю. Мое появление вызывает небольшую панику, вызванную опасением, что я уведу Зубейду. Подхожу и к игрокам и говорю:

– Здравствуйте, уважаемые!

– Салам, Сержи-сахеб, — отвечают двое из дюжины.

Смотри-ка — некоторые уже и по имени меня знают!

– За Зубейдой пришел?

– Да нет, по делам. Зубейда до вечера работает, — на лицах игроков облегчение. — Хотел вот у вас спросить кое о чём.

– О чём?

– Очень интересно всё это?

– Весело!

– Значит, приятно?

– Приятно.

– А сделать что-нибудь приятное и девушке вам в голову не приходило? — и я удалился в лавку, оставив игроков стоять с разинутыми ртами.

Приказчики заняты с покупателями. Зубейда тоже сидит с какой-то покупательницей на оттоманке в углу магазина и что-то сосредоточенно втолковывает той. Ахмед дремлет на подушках. Встрепенулся при моем появлении и спросил:

– Ну как, удачно погулял?

– Да как сказать. Еще не известно.

Я выложил на стол одного из жуков и вкратце обрисовал Ахмеду ситуацию.

– Думаете, Бахтияр может что-то знать об этих жуках?

– Не обязательно. Но он общается с коллегами, у него бездна знакомств, доступ к архивам и библиотекам. Он может многое знать или догадываться. Поспрашивать его не мешает.

Через дверь видно, что клиентка Зубейды уходит. А сама Зубейда заглядывает к нам.

– Ахмед-ага, а нам обедать не пора? Я сейчас всё приготовлю.

– Да, наверное, пора.

Зубейда подходит к столу и видит жука.

– Ой, а у нас дома такая вещь тоже есть.

Мы с Ахмедом переглянулись.

– Нет, ты только подумай, Ахмед, какая подлая штука — судьба. Как в самом дешевом и глупом романе — всё происходит само собой. Совершенно ничего делать не надо. Ни стараться, ни искать, ни добиваться. Да что там — я думаю, если что и сложится, то, по ходу дела, даже самой захудалой потасовки — и той не будет. У нас только два варианта. Или мы выбрасываем эти железяки и забываем о них напрочь, или подсылаем Абу в дом Бахтияра. Пусть он украдет жука и закинет его куда-нибудь подальше. Я уже настроился на трудную работу, а тут как назло всё в руки так и прет. Добром это не кончится.

– Я могу сказать, что ошиблась, — заметила Зубейда. — Тогда можете еще немножко помучиться, если это вам удовольствие доставит.

– Не выйдет, Зубейда, — ответил Ахмед на эту попытку хоть как-то спасти ситуацию. — Тебя отец выдаст. Я как раз хотел его вечером в гости пригласить, чтобы поговорить именно об этих вещах. Попроси отца сегодня вечерком заглянуть к нам.

– Хорошо, попрошу.

*

Бахтияр пришел очень возбужденный, со своим жуком и какой-то огромной книгой под мышкой.

– Зубейда сказала, что у вас еще один жук Давида появился, — начал он прямо с порога моих апартаментов.

– Нет, — ошарашил его Ахмед, — она ввела тебя в заблуждение. У нас не один жук, а целых три. Не знаем, Давида или нет, но довольно странные. Давай сюда твоего. Будем сравнивать.

Бахтияр даже малость опешил от такой новости, но беспрекословно отдал мне свое сокровище. Немного придя в себя, обрел дар речи:

– Да вы знаете, что это такое? — спросил он, с беспокойством глядя, как я разделываю жуков на части при

помощи кончика лезвия тонких ножниц.

– Не знаем, но узнаем от тебя. Давай начинай — или подождем, когда Серж закончит?

– Подождем, — ответил Бахтияр, внимательно глядя, как я складываю головоломку сферы и подставки.

– Вот, пожалуйста, вроде бы всё по линиям сошлось, — сказал я, кладя шар сантиметров двадцати в диаметре в углубление подставки, где он легко и свободно вращается. — Интересная карта. Явно не мира, а какого-то места. Из-за шарообразности по ней трудно ориентироваться. Перенести бы на бумагу.

Зубейда подкралась ко мне сзади, обхватила руками за шею и прижалась щекой к моему виску.

– Я перенесу, — пообещал Бахтияр и раскрыл книгу, принесенную с собой. — Перед нами карта Давида, утерянная еще четыреста лет назад. Ее история, происхождение туманны и неясны. Есть только старый рисунок со слов видевших ее. Вот он. Видите? И шар, и жук. Говорится, что карта состоит из четырех жуков, хранящихся у четырех жрецов, и указывает на место, где скрыт вроде бы какой-то арамейский* храм. Что за храм, зачем, кому посвящен — неизвестно. Кто обладает этой картой, может беспрепятственно войти в храм, и хранители его не тронут. Что за хранители — тоже неизвестно. Два года назад я сразу узнал жука и купил его у старьевщика. Откуда эти жуки в Багдаде — тоже непонятно. Когда они пропали, Багдада еще не было. Последнее, о чём упоминается в этой книге, — так это то, что на карте должны быть письмена, а я их не вижу. Может быть, я рано обрадовался и это не та карта?

– Та, Бахтияр-хаджи, письмена внутри, — успокоил я его. — После того, как вы перерисуете карту на лист, можете разобрать шар и прочесть письмена, — и я показал ему, как шар и подставка разбираются.

– Ахмед, я тогда беру карту и бегу домой изучать ее.

– А ужин?

– Какой тут может быть ужин? Приходите завтра ко мне.

Мы уложили всё в мешок, и Бахтияр умчался, словно за ним по пятам гнались неведомые, но злющие арамейские жрецы.

– Теперь всю ночь не приляжет, — посочувствовала отцу Зубейда. — Ахмед-ага, вы с нами ужинать будете?

– Давайте с вами. Вот досада-то! Куклой-то мы перед Бахтияром так и не похвастались, — заводя механизм, с сожалением пробормотал Ахмед. — Хотя ему сейчас совсем не до кукол, пожалуй.

*

Бахтияр поработал на славу. И карту аккуратно и точно перерисовал, и письмена перевел. Письмена и в самом деле оказались арамейскими. Правда, толку от перевода вроде никакого. Как пересказал Бахтияр, в письменах всё какое-то путанное. Похоже на не раз переписанное разными людьми предание. Когда каждый пересказчик переосмысливает предыдущего и добавляет что-то свое. Получилась бессмысленная для нас словесная каша с упоминаниями каких-то подземных дворцов и то ли веселых, то ли веселящихся богов. У арамейцев не было веселых богов. Да и подземных дворцов они не строили.

– Бахтияр-хаджи, а нет ли каких-нибудь рисунков арамейских храмов? — поинтересовался я и получил посмотреть два свитка с картинками.

Внушительные строения без декоративных излишеств. Вот, оказывается, где истоки конструктивизма в архитектуре! Если не считать барельефов лиц и фигур, которых в конструктивизме нет.

Карта на бумагу скопирована отлично. Есть реки, горы, группы деревьев и даже поселения. На краю гор какой-то знак, обведенный квадратиком. И относительно карты больше ничего. Нарисованный фрагмент местности слишком мал, обрезан со всех сторон, и нет никаких

ориентиров, чтобы понять, где эта местность находится. С равным успехом она может находиться в Египте или Китае. Единственное, что привязывает карту Давида к Передней Азии, — так это арамейские письмена. Так и Азия, хоть и Передняя, но всё равно необъятна.

– Да, вот и всё, — с сожалением произнес Бахтияр, — что удается извлечь из карты Давида. Совсем мало. Вот внизу ее есть еще какой-то план. Похоже, не строения — стены не показаны. Это характерно для планов подземелий. План-то подробный, но это нам ничего не дает. Жаль. Что делать, Сержи-сахеб, не всегда везет в поисках интересного. Вы и моего жука тоже забирайте. Пусть всё вместе будет. И карту тоже берите. Вдруг что-нибудь похожее вам всё же встретится. А мне не нужно. У меня память хорошая.

– Ну, что, Ахмед, — выйдя из дома Бахтияра, обратился я к спутнику, — приключение-то, наметившееся на базаре у старьевщиков, на грани срыва. Надо собрать всех и подумать. Вдруг кого-нибудь осенит счастливая мысль?

– Ты давай иди тогда к Синдбаду и скажи, чтобы позвал Абу, а я пошлю Али-Бабу к Аладдину и Шехи. Встретимся у Синдбада.

*

Стою у рулевого бревна и со скукой глазею по сторонам. Ахмед давно здесь и в капитанской каюте проводит среди Багдадского вора разъяснительную работу. Абу решил вложить ворованные деньги в легальный бизнес. И теперь Ахмед втолковывает ему, почему он в свою торговлю краденых денег никогда не пустит.

Вон Аладдин показался. Машет рукой. Отвечаю тем же. Из-за угла показались носилки мощностью в две негритянские силы. Шехерезада решила прибыть сегодня с шиком. Али-Баба идет рядом и о чём-то переговаривается с нашей новоявленной богиней долины Хал.

– Что это за штука? — интересуется Шехерезада по-

ставленной в середину стола картой Давида, с любопытством вращая шар пальчиком.

– Это карта Давида, как утверждает Бахтияр-хаджи. Она указывает на местонахождение какого-то древнего храма или чего-то такого вроде храма. Не так-то всё было гладко, когда я собирал ее по частям в разных местах. Предначертания судьбы всё время мешали мне осуществить ожидания и намерения.

Синдбад громко, скептически хмыкнул.

– Ты что, Синдбад, сомневаешься, что существуют предначертания судьбы?

– Нет, нисколько не сомневаюсь. Продолжай про непосильные трудности.

Описание всего, что произошло вслед за моим посещением старьевщиков, не заняло и часа.

– Вот мы на сегодня и имеем карту, которую неизвестно к каким землям приложить. Имеем и вот эту бронзовую штуку, которую хранители храма могут потребовать предъявить на входе. Имеем также малопонятный перевод с арамейского о каких-то подземных дворцах и смеющихся богах.

Карта пошла по рукам.

– Шехи, мы тут подумали: а может, среди твоих преданий и легенд найдется какое-нибудь упоминание о карте Давида, подземных дворцах и смеющихся богах?

– Сейчас поищу. Вот. Есть история про двух дервишей.

Встречаются два дервиша — старый и молодой — на берегу Тигра как раз посреди пути между Басрой и Багдадом. Старый идет сверху реки, а молодой — с низовья. И вот между ними произошел следующий разговор:

"– Откуда идешь? — спрашивает молодой.

– От храма Давида, — отвечает старый.

– Что-то я не слышал о таком храме, — признаётся молодой дервиш.

– Это еще что, — получает он в ответ, — я не только

о нём не слышал, но и не видел никогда. Мне вдвойне обиднее.

– Как же так? Не слышал и не видел, а говоришь, что от него идешь.

– Эх, молодежь, куда бы ты ни пошел, ты всегда будешь оставлять за спиной то, что никогда не видел и о чём никогда не слышал".

– Вот такая история к чему-нибудь подходит?

Все по старой привычке обернулись было к Ахмеду, но мигом опомнились и по новой привычке уставились на меня.

– Побойтесь Аллаха, друзья! Что вы на меня смотрите? Самим трудно догадаться, что ли? Старый дервиш, видно, из тех мудрецов, которые знают о том, что Земля круглая. Откуда ты ни иди — у тебя за спиной всегда будет что-то, чего ты никогда не встречал и о чём не слышал. Впрочем, перед тобой будет то же самое. А храм Давида наверняка в мире какой-нибудь найдется, и даже не один. Слышал ты о нём или нет — в любом случае ты будешь идти от какого-нибудь из них.

– Когда ты объяснишь, Серж, действительно, всё оказывается очень просто. Но не у всех же твоя голова. Ты уж постарайся не возгордиться, — укорила меня Шехерезада.

– Не беспокойся. Не возгоржусь. Это я вас просто подразниваю. Так что в этой истории храм Давида либо совершенно ни при чём, либо храм Давида выше по течению того места, где встретились дервиши. Это если старый дервиш слукавил, что о храме Давида ничего не знает.

– Выше, выше по течению, — пробормотал про себя Синдбад, всё еще разглядывая лист с картой. — Нет, нету ничего похожего. — И тут же напрягся, словно узрел перед собой что-то небывалое. — Шайтан меня побери! Ну и жулики же эти арамейцы!

– Что, что? — засуетились все.

– Они карту вывернули наизнанку.

– Как наизнанку?

– Эту карту нужно в зеркале смотреть. Вот, глядите, — и Синдбад, подойдя к окну каюты, повернул лист лицевой стороной к солнцу и ткнул пальцем в просвечивающийся рисунок. — Вот здесь будет Багдад.

– Надо же! — воскликнул Ахмед. — Шайтан и меня тоже побери! Мы ведь только что оттуда! Вот Шахтиярский лес. Вот Диала, а квадратик со значком как раз на долине Хал.

– Значит, храм с каменным ликом. Там вроде бы больше ничего нет.

– Может, и да, — согласился Ахмед, — но вазир Ахмат говорил, что он пустой и даже статуй богов нет.

– Ладно, есть статуи или нет статуй — всё равно нужно узнать, арамейский это храм или нет, — подытожил я, устраиваясь с блокнотом и карандашом за столом.

Рисунок скалы с ликом и распахнутыми дверьми получился по памяти вроде бы похожим на то, что мы там видели. Шехерезада стоит за спиной и дышит мне в затылок.

– Ну, как? Похоже?

– Очень. А зачем это?

– Покажу Бахтияру-хаджи. Вы никуда не расходитесь, а я схожу и дам посмотреть ему.

Бахтияра дома не оказалось. Пришлось искать медресе Акбара. Путем расспросов нашел. Бахтияр оказался занятым с учениками, но увидев меня, сразу понял, что что-то случилось, и подошел.

– Мы, кажется, нашли храм, Бахтияр-хаджи. Карта оказалась хитрая. Она — зеркальное отражение того, что есть на самом деле. И даже больше того — мы знаем, где храм, и даже сами видели его снаружи. Вот, посмотрите. Это то, что мы видели. Оно может быть арамейским?

– Вырублен в скале? Это необычно для арамейцев,

но скальные храмы не противоречат никакой религии. А вот такое каменное лицо у них очень часто встречается. Интересно было бы посмотреть, что там внутри.

– Ничего. Храм заброшен сотни лет назад. Мы в него не заглядывали, но местные жители говорили, что там пусто, мрачно и даже статуй нет. Хотя по всем признакам, когда-то были.

– Тогда там и смотреть нечего. Место точно совпадает с картой?

– Точно.

– Тогда под подземным дворцом, наверное, и имеется в виду вырубленный в камне. Он тоже не построенный на поверхности. И далеко он от Багдада?

– День пути по воде.

– Далековато, а то я с удовольствием посмотрел бы, хотя бы и на пустой.

На корабле Синдбада всё готово к обеду, и у всех хватило терпения дождаться меня. Поскольку обед не был запланирован для гостей, то нам пришлось довольствоваться обычной матросской пищей. Ничего, вполне даже сносная еда.

– Похоже, что приключение в этот раз обошло нас стороной, — со вздохом сожаления произнес Аладдин. — А я с удовольствием бы развеялся.

– Да? А у меня вот ощущение, что во всей этой истории не сходятся концы с концами, — ответила на это Шехерезада. — Веселящихся богов что-то нет, о которых говорится в письменах на жуках.

– Верно, — подтвердил Ахмед, — Бахтияр говорит, что у арамейцев таких богов не было и стало быть, в храме под каменным ликом их не существовало. Где они тогда?

– И у меня есть некоторые сомнения, — добавил я. — Вряд ли у арамейцев храм и дворец были одним и тем же понятием. Слишком разные это вещи. В письменах на жуках речь о подземном дворце или дворцах, а не о

храме.

– И еще есть одно странное обстоятельство, — добавила в кучу сомнений Шехерезада. — Жуки, жрецы и хранители. С одной стороны, жрецы — это служители храмов, а не дворцов. С другой стороны — ты, Серж, говорил, что в книге Бахтияра упоминается, что карта Давида открывает вход в храм. В том храме, который мы видели, открывать нечего. Он и так открыт. Это наводит на мысль, что должна быть и еще другая дверь — закрытая, и около нее должны быть какие-то хранители. Каша какая-то. В книге Бахтияра — храмы, а в письменах на карте Давида — дворцы. В непонятной мешанине всегда есть шанс ухватиться за ниточку приключения. Правда, Синдбад?

– Когда отплываем? — спросил он.

– Можно прямо сейчас, — ответил Ахмед, — но мне нужно сходить распорядиться о делах и сказать, что нас с Сержем какое-то время не будет. Аладдину и Али-Бабе тоже нужно домашних предупредить.

– Учтите, что луны уже нет.

– Так сегодня успеем дойти до Диалы. Там станем на ночь, а завтра еще засветло будем в Хале.

– Давайте, но только по-быстрому. А я пока команду расшевелю. Да, Зубейду не забудьте. Сейчас халифа не встретим.

*

К скалам Хала приблизились до вечера следующего дня. Синдбад умудрился довести свой корабль аж до самых гор. Глубина Диалы и здесь подходящая, но вот с шириной реки как раз не очень здорово — едва будет две длины корабля. Не развернуться с помощью руля и парусов. Привязали канаты к носу и корме. Матросы, таща канаты по берегам в разные стороны, развернули судно почти на месте и зачалили за ближайшие деревья. Только после этого мы двинулись к пещере.

Жернов ворот пещеры задвинут, но не заперт изнут-

ри. Откатили, вошли и закатили обратно. Зажгли пару светильников и пошли вглубь. Зубейда с интересом рассматривает картины на стенах. Ворота на выходе заперты, но перед ними снаружи поставлен караул из двух стражников. Погремели воротами — и стражники подошли. Один из них нам уже знаком и нас он тоже сразу признал. Отпер ворота — и мы вошли в долину.

– Вазир Ахмат предупредил всю стражу, чтобы вас и тех, кто с вами, впускать и выпускать беспрепятственно, — сообщил наш знакомец.

– А почему караул внутри, а не снаружи перед скалами?

– Вот построят будку для стражи — и переберемся туда. Но на ночь мы всё равно ходим и запираем наружные ворота.

Вечер. В долине тишина и покой. Площадь перед храмами совершенства пуста и таинственно прикрыта тенью гор. Сидим на скамейках и умиротворенно молчим, глядя, как в городских домах зажигаются разноцветные окна. Зубейда бродит по площади и читает надписи на храмах. Хотя они уже едва видны. Потом долго стоит перед скульптурой.

– Шехи, как это здорово, — тихо говорит Зубейда, присаживаясь рядом с божеством долины Хал.

– Мне тоже так кажется, — без ложной скромности соглашается наша сказочница. — А ты обратила внимание, как моя поза в камне изящна и утонченна?

И опять молчание путников, очарованных долиной.

Первым делом добрались до дома знакомой нам расторопной вдовы и устроились с ночлегом и пищей. Ужин нам подали опять буквально через полчаса.

*

Утро началось с того, что в дом пожаловал вазир Ахмат и составил нам компанию за столом.

– Как старейшины восприняли события последних дней? — поинтересовался у него Ахмед.

– Стоически и с удовлетворением, — улыбнулся Ахмат. — Можете на них положиться.

– Вопрос еще и в том, как люди отнесутся к вдруг ожившим символам религии. Одно дело, когда это абстрактный символ, а другое — когда живое существо.

– Вот это нас тоже беспокоит, — признал Ахмат. — Не будем ничего торопить. Ведите себя не как символы, а как обычные люди. Постепенно всё само утрясется.

– Мы так и собирались делать. Но вас, вазир, вроде бы еще что-то беспокоит?

– Да. Ведь мы расстались всего два дня назад — и вот вы опять здесь. Не случились ли чего?

– Нет-нет, всё хорошо. Просто нас заинтересовал древний храм в скале. Мы показали рисунок каменного лица нашим учёным, и они сказали, что это арамейский храм. Но арамейские храмы, вырубленные в скалах, никому еще не встречались. Мы хотели бы этот внимательно осмотреть, зарисовать, описать.

– Нет никаких препятствий. Я распоряжусь, чтобы в храм доставили факелы, светильники и несколько кувшинов масла для них.

Двери в храм противно заскрипели, когда мы их распахивали настежь. Массивные кованые петли створок почти сгнили, но еще держатся. Древесина тоже носит следы давнего времени. Стала рыхлой и ноздреватой, но еще не рассыпалась в пыль — может быть, лишь потому, что это, вероятно, ливанский кедр. Да и растет он не так уж далеко отсюда.

Внутри буквально в нескольких шагах от дверей уже темно. Видны только несколько ближайших колонн. У входа грудой свалены факелы. Стоят несколько медных светильников и больших кувшинов с маслом. Зачем столько масла приказал принести сюда Ахмат? Хотя позже нам его оказалось и маловато.

Запалили два факела, несколько взяли с собой и двинулись вперед, осторожно ставя ноги, чтобы сильно

не поднимать пыль. Колонны, колонны, колонны… Здоровущие и украшенные узорной вязью. Кое-где между колонн — возвышения, где, наверное, раньше стояли статуи. Шагов через пятьдесят уперлись в стену, вдоль которой целый ряд возвышений. Вдоль стены также и несколько напольных каменных светильников высотой метра по полтора. Масло в них давно сгнило, а фитили истлели. Статуй-то нет, а вот барельефы остались, ибо вырублены прямо в стене. Сцены на барельефах изображают какие-то бурные, но, похоже, не военные события. Нам их суть непонятна. В правом и левом концах стены проходы куда-то дальше.

– Нам надо зажечь светильники здесь, а потом уж пойдем в проходы, — высказал ценную идею Ахмед. — Али-Баба, возьми с собой Аладдина и сходите к вазиру, попросите толстых фитилей побольше и щеток или больших кистей с короткими и длинными ручками. Надо с изображений пыль смахнуть.

Пока посланные бегали с поручением, мы с Синдбадом подтащили кувшины и залили в светильники масло. Абу с Ахмедом таскали за нами свет, а Шехи ахала по поводу запущенности помещения. Зубейда бездельничала. Посланцы оказались быстроногими, вазир — скорым на снабжение, а фитили — как раз такими, какие нужны. Стена осветилась по всей длине, но ненадолго. Только тронули вековую пыль, как ее облако прямо-таки поглотило ближайшие светильники. Али-Баба с какой-то метлой пронесся вдоль стены, сбивая шапки пыли с барельефов. После чего нам осталось лишь поскорее выскочить наружу и ждать, когда пыль осядет на пол. Вряд ли от этого на полу пыли станет заметно больше.

От дверей света у стены вообще не видно. Зато рядом с нами появилась любопытствующая стайка мальчиков и девочек из медресе. Через полчаса пыль осела и стена осветилась желто-красным светом. Еще раз прошлись щетками по барельефам. Теперь наружу не

выбегали. Перетерпели очередное — не такое уж и ужасное — возникновение серого облака.

Появился вазир Ахмат в сопровождении двух старейшин. Постояли, полюбовались на стену, посмотрели через мое плечо на наброски, которые я делаю в блокнот, и, посовещавшись между собой, удалились. Не прошло и получаса — подъехали две повозки с большими бочками воды. Вслед за ними целая армия мальчиков и девочек, вооруженных метлами, тряпками и ведрами, ринулась на штурм храма. Внутри сразу стало людно, шумно и совсем не мрачно. Загорелись еще светильники в разных местах громадного зала. Видимо, мобилизовали подчистую всё медресе. Кроме стариков. Хотя нет. Вот один из них идет к нам — Сулейман-ага. Обращается к Шехерезаде:

– Шехерезада-ханум, мы все пристыжены вами и вашими друзьями, а мне стыдно вдвойне как наставнику молодежи. Чему мы можем учить, если не понимаем, что за своей историей нельзя забывать чужую и пренебрегать ею. Вы нам об этом напомнили. В медресе не будет занятий, пока мы не приведем этот древний храм в порядок. Располагайте нами, как вам будет угодно.

– Мы очень тронуты вашими словами, уважаемый Сулейман-ага, и с благодарностью примем вашу помощь, — ответила наша премудрая Шехи, и мы двинулись дальше вглубь.

Боковые проходы ведут в залы поменьше. Это как бы цепь из трех залов, параллельных барельефной стене главного зала. За ними еще одна такая же цепь. Барельефы или горельефы есть везде, но только на одной стене. Похоже, что восточной. Всего шесть малых залов и один большой. Статуй тоже нет и в малых залах, но светильники есть. Масло уже кончается. Нужно просить еще. Да и уборка вряд ли закончится сегодня. Хотя молодежь с метлами и тряпками уже начала перетекать из главного зала в малые.

– Знаешь что удивительно здесь, — говорит мне Ахмед, — воздух. Замкнутые помещения, а воздух свежий. Масло горит, а копоть куда-то уходит, и дышать труднее не становится. Как это может быть?

Поразительно предусмотрительный и энергичный человек вазир Ахмат. Мы выбрались наружу передохнуть, а тут уже расставлены столы и суетятся кухарки, чтобы накормить армию молодых и прожорливых трудящихся. День уже перевалил за половину, но при такой организации уборку могут закончить и сегодня.

– Мы, похоже, сейчас тут лишние, — предположил Синдбад. — Может, не будем путаться под ногами, а завтра придем и спокойно обшарим весь храм?

*

Так и сделали. Пришли завтра и принялись обстоятельно шарить. Зажгли везде светильники. Но как ни шарили, так ничего нового и не нашарили. Никаких признаков ни дворцов, ни хранителей, ни смешливых богов. Погасили светильники, вышли на площадь и уселись перед памятником некоторым из нас.

– Да-а, — протянул Ахмед, — было интересно и приперлись мы сюда не зря, но всё же, как ни крути, а ждали мы большего.

– Ждали, — подтвердила Шехерезада, — но всякое бывает. Хранители могут уйти, смешливых богов можно куда-нибудь утащить. Только вот дворцы вряд ли куда утащишь. Не понимаю. Арамейцы нас надули, что ли? Или это мы сами себя надули предположениями и догадками?

– Что делать — пошли домой собираться, — со вздохом сказал Синдбад.

Поблагодарили вдову серебряными монетами за кров и стол. Я складываю в сумку жуков, а Шехерезада свертывает карту. И тут она этак спокойненько нам говорит:

– Арамейцы-то, похоже, — всё же честный народ. Были. Это мы сами себя чуть не надули, собираясь сей-

час домой. Считать совсем разучились.

И в самом деле — на плане подземелья на карте ясно видна наша полная несостоятельность в арифметике.

– На карте-то десять залов, а мы видели только семь. Как это мы с вами обмишурились, мальчики? А? Вот большой зал, а за ним не два, а три ряда по три зала. Причем если два ряда залов, которые мы видели, можно бы назвать малыми по сравнению с главным, то залы третьего ряда должны быть подлиннéе малых. Нам никому и в голову не пришло пересчитать залы на плане. Сколько есть — столько и есть. Только сейчас мне бросилось в глаза, что рядов на плане вроде бы больше, чем мы видели в натуре. Вот видите? По плану проход в третий ряд залов находится в последнем, среднем зале, в котором мы были. Надо опять идти шарить.

Мы не стали доказывать Шехи, что видимое ею на карте — оптический обман зрения, и послушно пошли обратно в храм. Захватили с собой запас осветительных приборов и питания к ним и двинулись вглубь, зажигая по пути светильники. Вот и средний зал из последних. Барельеф какой-то церемонии наверху, а под ним три арочные ниши высотой метра два и глубиной сантиметров по тридцать. На фронтальных стенках ниш — замысловатые, вдавленные изображения в форме солнца. Между нишами из стены выступают на полметра два постамента примерно метровой высоты и примерно также метр в ширину. Прикрыты невысокими плитами такой же длины и ширины.

– Если хранители стояли здесь, то, наверное, как раз на этих постаментах. Мальчики, надо двигать стену.

В самом деле — стену в центральной нише, по обе стороны которой постаменты, наверное, можно сдвинуть. Фронтальная стенка ниши не монолит с горой. Есть щель по всему периметру, в которую можно просунуть лезвие тонкого ножа. Пихаем туда-сюда — не шелохнется. Однако Шехи сегодня просто в ударе.

– Мальчики, а мы с вами что-то уж совсем поглупели. Нам сказано, что хранители пропустят обладателя или обладателей карты — жрецов, а мы жуков в доме у вдовы оставили. Правда, я не вижу, куда можно было бы их приткнуть, но надо поискать. Мне что-то подозрительны вот эти плиты, которые зачем-то лежат на постаментах. Попробуйте-ка вот эту подвинуть.

Двигаем. Тяжелая, зараза, но сдвигается! За ней в вертикальной стене два углубления, а в постаменте перед ними по две продолговатые ямки. Причем пары ямок не на одной линии относительно друг друга. Под второй плитой обнаруживается то же самое.

– Вы знаете, — говорит Ахмед, — я думаю, Храм ловкости и хитрости нужно забрать из покровительства Абу и передать под покровительство Шехи. Толку больше будет. А то он совсем потерял навыки в разгадывании секретов. Всё равно его не устраивает, что в Храме ловкости не учат воровству.

– Ты что, Ахмед, упал что ли? Лишить меня признанного духовного наследия? — возмутился Багдадский вор.

– Тогда беги за жуками. Чтобы хоть какая-то польза от тебя была.

– Так бы и говорил. А то, видишь, запугивать принялся!

Абу унесся за жуками, а Синдбад сунул руку в углубление в стене.

– Там что-то ходит туда-сюда, — сообщил он.

– Наверное, жуки играют роль выступов и впадин бородки ключа, — предположил я. — От того насколько глубоко жук надавит на это "туда-сюда", зависит, откроется замок или нет. А углубления на постаменте фиксируют положение жука.

Конечно же, я не проговорился, что такие глубокие познания в замочных делах древних храмов я почерпнул из голливудских приключенческих фильмов. Не мешает

лишний разок показать себя шибко умным!

Гремя жуками в мешке, принесся Абу. Бронзовые мошки точно стали на свои каменные места. Ничего не произошло. Ни скрипа, ни грохота, ни шелеста, и стена тоже не поехала в сторону, как в кино. Голливудские сценаристы и режиссеры совершенно не знают правды жизни древних тайников. Синдбад пихнул стоящую в нише плиту — и она спокойно покатилась влево. Совсем как жернов у входа в пещеру. Только вот этот жернов катается в глубокой щели в полу. Поэтому, когда дверь закрыта, и не видна ее дисковая форма. За дверью открылся темный зев входа в таинственную неизвестность. Зубейда вцепилась мне в руку и прижалась к плечу.

Зажгли факелы и, затаив дыхание, мы влились в темноту. Сказать, что мы замерли от увиденного, было бы сильным приуменьшением действительного. Нет — мы просто на какое-то время окаменели. А когда очнулись, то бросились оживлять напольные светильники, стоящие тут и там. Тогда зал метров двадцати в ширину, метров сорока в длину и метров семи высотой предстал перед нами во всём своем красочном великолепии и блеске золота. Нет, не золота в виде сокровищ. Золота в виде декора стен, колонн и украшения статуй. Пыли почти нет. Да и откуда ей взяться в запертом помещении?

Да, это не храм. Это и в самом деле дворец или, вернее, кусочек дворца. Вы видели когда-нибудь в храме хохочущего от души Будду? А Шиву? А вообще, кого-нибудь из улыбающихся, смеющихся и хохочущих двуруких и многоруких буддийских, индуистских божеств? Не видели! А они вот — перед нами! Хотя насчет отсутствия известных улыбающихся богов я, наверное, малость погорячился. Многие статуи религий юго-восточной Азии загадочно улыбаются, но не более того. Нигде вы не встретите изображения Будды, осклабившегося настолько, что все зубы можно пересчитать. А здесь он есть, и при этом в золотых одеждах. Лицо, открытые

части тела мастерски выполнены в телесном цвете. И так все скульптуры. Мужские и женские. Не все в золоте, но это их не портит. Краски сочные, словно только что нанесены. Красота стен, потолка и колонн — это отдельный разговор о роскоши и изяществе одновременно.

Мы бродим среди этого сказочного великолепия, совершенно позабыв о времени и внешнем мире. Может быть, мне и в самом деле посчитать зубы у Будды? Вдруг в их количестве и кроется его божественность? Не достать, пожалуй! Подбородок Будды расположен выше моей головы где-то метра на три. Но в зале не только статуи. Тут множество и других предметов. Столы и столики с инкрустацией, стулья и кресла, шкафы и шкафчики, ширмы и ширмочки, посуда и статуэтки. Взять или не взять что-нибудь с собой? Взять или не взять? Вот в чём вопрос! Я возьму — и другие начнут брать. Вопросительно взглядываю на Ахмеда. Тот качает головой. Не будем брать, но потрогать и рассмотреть можно. Не музей, чай, и мы не экскурсанты, а естествоиспытатели. Говорю громко:

– Трогать можно, но только осторожно и в карманы не совать.

Абу обиженно бурчит в ответ что-то неразборчивое. В конце концов всё-таки собираемся в середине зала.

– Какая чарующая красота, — шепчет мне на ухо Зубейда.

– Куда пойдем? — спрашивает Синдбад, — направо или налево?

– Давайте налево.

И двинулись в левый проход, таща с собой кувшины с маслом и фитили.

Вы видели когда-нибудь хохочущего до колик в животе каменного фараона? А веселящегося, как и Будда, от души Осириса — бога возрождения? А его сестру и жену Исиду, стыдливо прикрывающую ладонью смеющийся

рот? А бога умерших — Анубиса с шакальей ухмылкой во всю оскаленную пасть? Противное, кстати, зрелище с Анубисом-то! А сидящую и нагло улыбающуюся черную кошку величиной с тигра? Не видели и никогда не увидите! Такая картина доступна только пытливым и отважным. Да и то не всем. Но всё удивительное, конечно, перебивает лукаво подмигивающий сфинкс. Вот уж, действительно, судьбы отгадчик! Дает понять, что судьба такая штука, что ее предначертаниям не очень-то можно верить.

Стены зала до самого потолка покрыты красочными изображениями сцен жизней и казней египетских, а также бесконечной вязью иероглифов. И здесь тоже полным-полно предметов быта, культа и искусства. Ходим и рассматриваем эти богатства. Вот красивая и внешне прочная табуретка. Присесть, что ли? Потрогал — и она жалобно заскрипела. Нельзя, мол. Ну, нельзя, так нельзя. Потерпим.

– Ну, как впечатление? — спрашивает всех Ахмед.

– Сам понимаешь, что тут больше, чем впечатление, — отвечает Шехерезада. — Слов для выражения этого еще не придумали. Идем дальше?

Вы видели когда-нибудь не кого-нибудь, а самогó грозного Зевса высотой с двухэтажный дом в состоянии "зашелся от смеха"? Что его рассмешило, непонятно, но и его жена Гера вторит мужу без стеснения. Что уж тут говорить об остальной олимпийской компании, ржущей впокатуху! Нет, конечно, античные боги были где-то и иногда веселыми, но не до такой же степени, чтобы чуть не валиться с ног! Зал здесь тоже великолепен и насыщен предметами. Греческий орнамент пола с картиной моря и весельных кораблей с глазами, выложенной из мозаики. Расписной потолок и многоцветные фрески стен, розовый и белый мрамор, тонкость обработки деталей скульптур создают колорит покруче, чем на вилле Александра или Фульвия! Правда, моим спутникам не с

чем сравнивать.

Усаживаемся на мраморные кушетки и наконец даем отдых ногам, любуясь окружающей прелестью.

– И что будем со всем этим делать? — интересуется Али-Баба.

И в самом деле. Вся эта фантасмагория и гротеск не может быть предметом культа. Не зря же увиденное нами не повторяется нигде. Кто, когда, и как создал всё это? Какие же колоссальные возможности потребовались! Даже просто для того, чтобы доставить нужные материалы со всех концов света. Зачем?

– Ничего не будем делать. Это всё не наше. Пусть себе живет как есть.

– Я имею в виду, что опять запрем и уйдем?

– Вряд ли это разумно. Такой красотой люди должны любоваться. Хотя бы и не очень многие.

– Согласен с Сержем, — поддержал меня Ахмед. — Пусть смотрят. Народ в долине хороший и обычаи добрые. Надо позвать сюда вазира и старейшин. Пусть примут это добро и присматривают за ним. Свет гасить не будем.

После прохлады подземелья на скамеечках храмовой площади даже и жарковато. Аладдин побежал за вазиром Ахматом. Тот не заставил себя ждать.

– Мы тут, вазир, — сказала ему Шехерезада, — случайно обнаружили еще три подземных зала, и они не совсем пустые. Нам бы хотелось, чтобы вы со старейшинами взглянули на них.

– Не совсем пустые?

– Да, там есть кое-какие интересные мелочи.

– И совершенно случайно вы их обнаружили?

– Ну, как бы да.

– Понятно. Сейчас я всех соберу, — и Ахмат резво побежал по храмам.

Минут через двадцать мы ввели местную власть, науку и одновременно служителей культа в зал Будды, а

сами удалились в греческий зал. Всё-таки сидеть лучше, чем стоять. Ждали мы их больше часа. Успели даже обсудить, рассказывать ли об этом чуде света Бахтияру или нет.

– С него будет достаточно и моих рисунков в храме. А то, что находится здесь, культового, религиозного значения не имеет. Мне даже почему-то кажется, что, несмотря на старину, и исторического тоже. Если мы расскажем Бахтияру об этом, то он будет в полном замешательстве. А если увидит — то и в помешательстве.

– Вот этого не надо, — попросила Зубейда.

– Чего не надо?

– Замешательства и помешательства. Достаточно и того, что я в замешательстве и чуть не в помешательстве от увиденного.

– Значит, не говорим?

– Не говорим.

Оглядываясь по сторонам, в греческий зал вошла местная элита с выражениями одновременных восторга и растерянности на лицах.

– Нет слов! Мы поражены! И что вы со всем этим богатством намерены делать? — спросил нас Ахмат.

– Ничего, — ответила Шехерезада. — Оставим вам для сохранения и любования. То, что вы видите, не предметы религии, хотя в чём-то на них и похожи. Но вот красота необыкновенная! Она может быть предметом преклонения. Так что берегите ее. Неплохо было бы сделать и здесь, во дворце красоты, уборку, как вчера там — в храме религии. Только очень осторожно. Предметы очень старые, и от небрежного обращения некоторые могут рассыпаться. Пойдемте, мы покажем вам, как открываются и закрываются двери.

Показали, получили уверения, договорились, что можем приходить сюда полюбоваться с друзьями, и отправились к вдове опять — собираться домой. Хотя что собираться-то? Уже всё было собрано, и жуков не нужно с

собой тащить. Проходя через храмовую площадь, я остановился и сказал:

– Вы, пожалуй, идите к вдове за нашими вещами, а я загляну в Храм науки, попрощаюсь с джинном. Встретимся здесь на площади.

Джинна не пришлось даже искать. Его защитная колба стоит на самом видном месте в пустой комнате, на которую мне указали ученики медресе. Прикрыл за собой дверь и постучал костяшками пальцев в стекло. Никакого ответа — не слышит. Достал монету и постучал позвучнее. Выглянул из горловины. Что-то спрашивает. Я показываю знаками, что ничего не слышу. Пришлось ему вылезать наружу в виде благообразного старичка.

– Что тебе опять нужно, хитроумный, но докучливый Сержи-сахеб? Чего тебя так тянет ко мне? До осени терпения не хватает?

– Да вот, понимаешь, какая штука. Мы тут рядом в подземном храме обнаружили три комнатушки, до верха набитые самыми разными смеющимися богами. Твоя работа?

– Комнатушки, говоришь? И притом доверху? Было такое дело, но очень давно. Лет с тысячу тому будет. Владел лампой один чудак. Путешествовать любил и много где побывал и чего повидал. Повелел мне вот такое сделать для него на память о виденном, но чтобы весело было. Я сделал. Доволен он был ужасно. Жил, кстати, этот чудак здесь, в долине.

– А карта Давида?

– Какая карта? Какого Давида?

– Понятно. Значит, карту Давида этот чудак сам состряпал. Карта Давида — это такая штука, по которой веселые комнатушки найти можно.

– А-а, я тут ни при чём. Может, ты хочешь, чтобы я всё убрал, раз хозяина нет?

– Нет-нет! Ни в коем случае! Разве можно такую красоту уничтожать? Так здорово у тебя получилось! Пусть

люди любуются!

– Плохо не делаю, — самодовольно заявил джинн.

– Но вот тысяча лет — это всё-таки очень много для сохранности красоты. Там некоторые предметы совсем обветшали. Подновил бы.

– Ну, это несложно. Загляну как-нибудь — освежу. Всё, что ли?

– Всё.

– Суетливый же ты однако, хитроумный Сержи-сахеб. И всё не для себя. Прощай. До осени, — и растворился в воздухе.

На площади меня уже ждут. Вазир Ахмат проводил нас до самого выхода во внешний мир. Погрузились на корабль и в середине следующего дня прибыли в Багдад. Когда Багдад уже показался в виду, Ахмед сказал:

– Не знаю, как ты, а мне уже пора бы вернуться в Питер. Уже два дня прогулял на работе. Ничего не скажут, но всё же как-то неудобно. Сегодня уж ладно, но завтра утром я уйду.

– Тогда и я с тобой. Ты вот что скажи. Почему ты так держишься за жилконтору?

– Сам не знаю. Всё-таки, наверное, где-то я человек прошлого и привычки. Трудно объяснить. Мир наш питерский, советский и российский — это наш родной мир. Несмотря на все его издержки. Не знаю. Пойдем-ка скажем всем, что вечером встречаемся у меня.

Ахмед, Али-Баба и Зубейда отправились с корабля прямо в лавку, а я решил занести свои рисунки Бахтияру-хаджи.

– Очень, очень интересно, — произнес он, разглядывая рисунки. В самом деле — арамейский храм. Вы рисунки мне оставите?

– Конечно, но вот жука вашего я не могу вернуть. Так уж получилось. Хранители у храма теперь есть, и они упросили оставить жуков им в качестве реликвии. Мы не смогли им отказать.

– Ну и хорошо. Так, наверное, и надо.

На том и расстались. Придя домой, я сразу же подвергся решительному нападению.

– Это безобразие! Сколько времени вас обоих дома нет! Бабушка всего два раза мне куклу заводила. Вчера вечером и сегодня утром. Я не могу так долго терпеть!

– Ладно, ладно, Джамиля! Чтобы ты не расстраивалась, я заведу тебе куклу два раза подряд.

– Вот это очень правильно, Сержи-сахеб. Как же это называется? Дед как-то говорил. Ага, вспомнила! Искупление вины. Вот Зубейда домой вернется — пусть тоже два раза искупляет. Или искупывает? — и когда уходила, насмотревшись на танцующую куклу, сказала сама себе:

– Удачный сегодня будет денек.

Зубейда вернулась не просто так. Распахивала двери, а Ахмед и Али-Баба тащили за ней большой горшок с роскошным розовым кустом. Поставили его на террасе около двери в комнату Зубейды.

– Вот, пожалуйста, приходим в лавку — а там это стоит. Приказчики говорят, что куст приволокли игроки на Зубейду. Втащили в лавку и попросили передать Зубейде. Заявили, что ты разрешил. Было такое?

– Было, Ахмед, — спрашивали, можно ли сделать девушке что-нибудь приятное? Я разрешил.

– Тогда всё в порядке. А то в Багдаде с подарками чужим женщинам очень строго. Можно большие неприятности на свою голову накачать.

Вечернее пиршество ознаменовалось небольшой дискуссией по поводу того, можно ли наш поход считать приключением.

– Какое же это приключение, если ни трудностей, ни опасностей не было? — горячится Синдбад.

– Синдбад, трудности и опасности не есть единственная суть приключения, — пытается разъяснить ему Шехерезада. — Суть приключения — интересность, необычность.

– Тогда скажи: вот если на меня ночью на улице нападут грабители, то это приключение? Интересности-то тут нет никакой.

Шехерезада задумалась.

– Пожалуй, тоже приключение. Обычным делом грабеж не назовешь. Знаешь что, Синдбад, не дури мне и другим голову! Считай приключением хоть любую драку. А для меня приключение — всё, что заставляет сердце замирать, хоть от опасности, хоть от восторга. Второе предпочтительнее. Давайте я лучше вам какую-нибудь историю расскажу. Хотите про сметливого башмачника?

– Нет, про башмачника не надо, — отказался Аладдин. — Ведь нам теперь поклоняются, как богам. Расскажи что-нибудь божественное.

– Божественное? Божественное всегда скучно. Там шутки неуместны. За них можно и плетей отведать. Нет, не буду рассказывать про божественное, — и вдруг громко рассмеялась, словно вспомнила что-то свое, связанное с богами.

Когда расходились, Шехерезеда отозвала меня в сторонку.

– Мне нужна твоя помощь, Серж. Только вот не знаю, как начать.

– Напомнить мохнатому божеству о танцевальном долге?

– Вот-вот, именно. О танцевальном долге. С тобой, Серж, очень легко разговаривать. Ты без слов всё понимаешь.

– Какое время тебя устроит? Может быть, завтра после полудня на поляне?

– Давай завтра от полудня и часа два-три.

– Лодку достанешь?

– Конечно.

– Если что-то не сложится, то и послезавтра после полудня. Вдруг я его на месте завтра не застану.

– Хорошо. Спасибо.

Шехерезада чмокнула меня в щеку и ушла.

*

Утром мы с Ахмедом проводили Зубейду до лавки. Присели на дорожку, выпили чайку. Я поцеловал свое сокровище в лобик, носик, губки, ушко, шейку, и мы с Ахмедом нырнули в базарную толпу.

– Слушай, Ахмед, давай заглянем на минутку к старьевщикам. Вдруг опять что-нибудь интересное обнаружится.

– Давай зайдем.

Интересное обнаружилось. Везет мне что-то последнее время на старое барахло. Великолепная арабская астролябия*. Чего на ней только нет! Капитан будет в восторге.

Прибыв в Дом, мы разделились. Ахмед натянул рабочий комбинезон и отправился в свою жилконтору, а я поднялся к себе домой. Правда, ненадолго. Оставил астролябию и перенесся в Римскую империю.

Как бы на девочек не натолкнуться! А то сразу будет не уйти. Не выходя из леса, двинулся к саду и, само собой, по закону подлости вместо Габора наткнулся на Антогору! Лежит на скамейке с закрытыми глазами и шевелит губами.

– Можешь не подкрадываться. Я тебя уже больше минуты слышу, — говорит она, раскрывая глаза.

– Я и не подкрадываюсь, — отвечаю я, целуя ее в щеку. — Ты что тут делаешь?

– Пытаюсь сосредоточиться. Пробую считать в уме.

– Получается?

– Получается. Надолго, Сергей?

– Думал, что минут на пять по делам.

– Да ты что! Разве так можно?

– А что делать? Обстоятельства заставляют. Но я без вас очень скучаю.

Помрачневшая было Антогора заулыбалась.

– Умеешь, Сергей, сказать приятное. Нам без вас то-

же не очень весело.

– Знаешь, Антогора, мне бы как-то поскорее Габора найти. Очень нужен.

– Я его только что шуганула отсюда. Сосредоточиться мешал. Он к озеру пошел.

– Тогда и я к озеру.

– Значит, тебя не ждать?

– Не ждать, — и пошел к озерцу.

Габор в компании приятелей валяется на берегу.

– Привет, ребята!

– Аве, Сергей! Надолго?

– На минутку. Габор, есть дело. Отойдем.

Мы пошли по направлению к вилле.

– Я тут недавно видел Шехерезаду.

– Да? И как она там?

– Ничего, хорошо. Требует от тебя выполнения обязательства по части танцев.

– А что я-то? Я всегда готов! Это же вы тогда ушли раньше времени.

– Это неважно. Завтра после полудня в течение двух часов на той поляне. Дождись, а то мало ли что. От Багдада-то еще добраться надо.

– Понял. Но ведь знака приглашения там внизу нет.

– Знак приглашения в подземном зале ставится для всех. А для тебя одного знак приглашения — мои слова.

– Понял. Спасибо, Сергей.

– Тогда всё. Пока, неисправимый бабник! Не вздумай обидеть женщину.

И я углубился в лес, сопровождаемый веселым смехом фавна.

Вернувшись домой, снимаю телефонную трубку.

– Капитан, приветствую. Примете гостя? Иду.

Пряча астролябию за спиной, захожу вслед за Капитаном в его апартаменты.

– Кофе будешь?

– С удовольствием, — и пока он стоит отвернувшись, ставлю инструмент на стол.

Капитан оборачивается и сразу забывает о кофе.

– Что это? Ну-ка, ну-ка, вот так штука! Это мне, что ли?

– От нас с Ахмедом.

– Подожди-ка — я поближе рассмотрю. Арабские знаки. Так-так, уникальная вещь! Мне еще не встречались сферические астролябии с Востока. Вот это понятно — для широты и долготы, а вот это для чего? Да нет, это я не тебя, а себя спрашиваю. А вот это характерно для китайских инструментов тысячелетней давности. Главное, что она плавает в подставке и ее не нужно подвешивать для горизонтальности. Сложная конструкция. Сколько же ей лет?

– Да, наверное, с тысячу и будет.

– Просто чудо. И где это вы нашли?

– Сегодня утром на багдадской барахолке.

– Поразительно! Самые ценные вещи очень часто обнаруживаешь только в мусоре. Вот уж потешили страсть коллекционера! Вот уж потешили! Мне в отместку вам трудно будет что-нибудь равноценное придумать.

– Да ладно, там еще и не такое можно увидеть. Восток, сами понимаете. Я-то ведь еще и с деловым вопросом.

– Это там, в той комнате.

В той комнате груда мешочков. Пинаю слегка носком башмака — звенит.

– Отлично. Я телефончиком воспользуюсь? Аркадий Семенович? Да, я. Как у вас? У меня всё нормально. Хорошо. Понял. Через полчаса.

– Вроде там порядок. Есть пять миллионов. Надо незаметно мешочки к Стелле спустить. Не отсюда же отгрузкой заниматься! Я сейчас схожу на встречу, договорюсь о времени и месте обмена, а потом потихоньку потаскаем.

– Хорошо, договаривайся, а я схожу в подвал — место подготовлю.

Когда захожу в кафе, Аркадий Семенович уже там. Не один. С ним сухощавый мужчина лет шестидесяти. Представляется как Пётр Петрович. У меня имени не спрашивает. Видимо, предупрежден.

– В прошлый раз вы меня очень озадачили суммой, — начал Аркадий Семенович. — Так что пришлось привлечь партнеров. Иначе нужную сумму за короткий срок было бы не собрать.

– Странное дело, господа, — замечаю я, — по слухам, казначейство Соединенных Штатов печатает тысячи тонн своих банкнот специально для России. А у нас их всё равно острый дефицит. Русский феномен? Как думаете?

Посмеялись для приличия, и мой собеседник продолжил:

– Вы не против увеличения числа партнеров, участвующих в сделке?

– Мне это совершенно безразлично. У нас же прямой обмен — партия на партию, а как вы будете потом разбираться между собой — не мое дело.

– Тогда нет никаких препятствий, кроме само́й процедуры обмена.

– А здесь-то что? Чем вас не устраивает простая процедура, которой до сих пор пользовались? Разница только в весе товара.

Аркадий Петрович скосил глаза на своего партнера.

– Всё же сумма очень приличная. Требуются взаимные гарантии.

– Аркадий Семенович, я вас не понимаю. Какие гарантии? Кому и зачем? Мне, например, от вас никакие гарантии не требуются. А вам от меня зачем гарантии? Разве речь о кредитах и отсрочках? Вы получаете товар прямо в руки. Смо́трите качество и принимаете. Где тут место для истребования каких-то гарантий? О чём? Или,

может быть, вы думаете сделать не выборочный, а полный анализ каждого из поставленных экземпляров? А их там будет десять-пятнадцать тысяч. Или думаете, что я буду рассматривать каждую полученную от вас бумажку на свет? Да мне всё равно. Я могу не глядя принять от вас хоть старые газеты. Только вы даже не представляете, с какой стремительной скоростью они вернутся опять к вам, а мои железки — ко мне. О последствиях вы, конечно же, догадываетесь. Поэтому я и не требую никогда никаких гарантий и не завожу никогда никаких разговоров о доверии. Там, где начинается об этом болтовня, почти всегда назревает какая-нибудь афера. Или вы хотите вернуться к мелким, карманным сделкам?

Пётр Петрович наделанно кашлянул.

– Нет-нет! Как мы это обставим?

– Как можно проще, обыденнее и прилюднее. Ваш магазинный микроавтобус пусть и стоит у вашего магазина на улице. Подъедет мой транспорт — и перебросим коробки из него в ваш автобус. Хотите проверяйте содержимое, а хотите — нет. Мы забираем привезенное вами — и всё. Кому придет в голову интересоваться тем, что за товар перекидывается туда-сюда у магазина? Где всё время что-нибудь да перекидывается.

Оба дельца переглянулись.

– Мы согласны.

– Значит, завтра в десять, — закончил я и поднялся.

Когда я попытался вернуться к Капитану, то оказалось, что его нет дома. Спустился в подвал и застал там и Капитана, и Ахмеда, и Александра. Стелла выделила-таки Александру комнатушку под кабинет.

– Мы тебя ждали-дали и не дождались, — сообщил Капитан. — Так и пришлось без тебя всё перетащить. Ты, наверное, специально где-то болтался, чтобы не бегать с тяжестями по этажам.

Врет Капитан. Не ждали они меня совсем. Что-то последнее время они все меня как-то неназойливо опека-

ют. Избавляют как бы случайно от тяжелой работы и всё такое. Может, я заболел чем-то в тяжелой форме? Сам не знаю, а они знают?

– Я вас всех насквозь вижу, — заявляю я. — Решили довести меня до мышечного истощения отсутствием физических нагрузок. А сами себе бицепсы накачаете. Ладно, завтра в десять обмен. Нужно всё распихать по коробкам килограммов по десять. Ахмед, я видел, у вас в жилконторе есть большая платформенная тележка. Можешь взять ее утром?

– Конечно.

– Ну и ладно — будем считать, что мы готовы.

*

Утром мы с Ахмедом набросали на ржавую и скрипучую телегу беспорядочную кучу разномастных коробок и коробочек. Я проинструктировал его, куда и к какому моменту с шиком подкатить. Коричневый полугрузовой автобус стоит у магазина. Тут же топчутся два типа гангстерского вида. Влезаю в салон автобуса. Оба партнера здесь.

– Здравствуйте, господа. А что, обязательно нужно привлекать к себе внимание? Скажите им, чтобы в магазин зашли, что ли.

Петр Петрович высунулся наружу и что-то скомандовал гангстерам. Те зашли в магазин и смотрят на улицу через окно. Из-за угла показался Ахмед с телегой.

– Где же ваш транспорт? — поинтересовался Аркадий Семенович.

– На подходе. Я его уже вижу.

Как только Ахмед со скрипом и дребезжанием подкатил к машине, я распахнул дверь и вылез на улицу. В один момент мы с буханьем перекидали коробки внутрь. Гангстеры было дернулись выскочить на улицу, но поняв, что происходит, остались за окном.

Я вытряхиваю мешочки из коробок. Аркадий Семенович мигом их взвешивает на компактных весах, а Петр

Петрович развязывает некоторые из них и внимательно рассматривает монеты. Пять минут — и всё готово.

– Здесь на десять килограммов больше, — заявляет весовщик.

– Это ужасно, — заявляю я, — но я обратно эту тяжесть не потащу. Где мои бумажки?

Петр Петрович пододвигает мне две порядочные коробки. Заглядываю в верхнюю. Они! Открываю дверь, выпихиваю их на телегу и опять закрываю дверь. Смотрю, как Ахмед скрывается за углом. За ним никто не последовал.

– Ну вот, и мне пора. Всего доброго, господа!

– А десять килограммов?

– Да бросьте вы! Нашли о чём говорить при такой сделке!

Дохожу до угла. Ахмеда в виду уже нет. Разворачиваюсь и иду обратно. Они еще не уехали. Прохожу мимо и на перекрестке сворачиваю налево. Проходные дворы. За мной никого. Иду в нашу контору. Коробки уже здесь. Не только здесь, но уже и раскрыты, осмотрены Александром и Ахмедом. Всё вроде, как и должно быть.

– Ну, что — надо поделить всё это между вами. Александр, ты себе возьми три с половиной миллиона, а Ахмеду в резерв полтора. Сколько и каких сейфовых ячеек вам понадобится под такой объем бумаги, сообразите сами.

– Тут есть кое-какие сложности, — посетовал Александр.

– А именно?

– Банковская система хранения еще только зарождается. Частные банки можно по пальцам пересчитать, и неизвестна их устойчивость. В Питере всего два банка, где оказывают услуги хранения. Боюсь, что клиентов для ячеек там больше, чем самих сейфовых ячеек.

– Скверно! В конторе же их не будешь хранить.

– Придется тогда на время их за шкаф спрятать или в

подпол, — подсказал Ахмед.

– Верно! Только как-то не по душе мне хранение денег около машины. Словно святотатством пахнет. А из бункера доставать трудновато. В сейфе Стеллы хранить посторонние деньги нельзя. Дома в наших коммуналках только сумасшедший станет прятать деньги. Договориться с Анной Петровной и поставить сейф у нее в квартире? Ерунда! Это значило бы превратить ее мирок в проходной двор! Надо подумать

– Ага, вот я вас и накрыла! — говорит, входя, Стелла. — Ой, батюшки, сколько деньжищ-то! Вы меня под монастырь-то не подведете?

– Не подведем. Деньги украдены давно и далеко отсюда. Следы их потерялись. А если серьезно, то расклад такой. У Ахмеда будет резервный фонд налички в полтора миллиона долларов. Они понадобятся не очень скоро, и поэтому, если Ахмед будет в хорошем настроении, то он даст тебе попользоваться этими деньгами. Скажем, под видом беспроцентной ссуды от частного лица. Возвращать будешь уже на банковский счет.

– То есть я буду отмывать ваши неизвестно откуда взявшиеся деньги?

– Вот именно. Только это не отмывание, а легализация, и ты это сама понимаешь. Отмывание подразумевает доказанно криминальный источник. Ахмед же, слава богу, не обязан ни перед кем отчитываться, откуда у него деньги. Единственный криминал здесь — то, что деньги не местные и ввезены в страну не через таможню.

– Ладно, так уж и быть — ввяжусь в вашу авантюру исключительно ради того, чтобы не платить проценты банковским живоглотам, — и она заглянула в коробку. — Поразительно. Можно взять пачечку? Так, на разживу!

– Возьми две-три.

– Да я шучу!

– Возьми, возьми. В конторе наверняка бывает, что

наличка нужна позарез. Когда через бухгалтерию оформлять долго и сложно.

Стелла нерешительно выудила из коробки две пачки стодолларовых купюр и теперь вертит в руках, не зная, что с ними делать.

– Так я пошла?

– Иди, если ничего больше не надо.

– Да вроде ничего. Или я от увиденной картины забыла, зачем пришла, — и Стелла выскользнула за дверь.

– Да, задачка, однако, — пробормотал я, продолжая размышлять о сейфах. Никто Анну Петровну не видел?

– Она вчера приносила мне доверенность на совершение сделок с недвижимостью, — складывая вынутые пачки обратно в коробку, откликнулся Александр.

– Я ее утром видел, — сообщил Ахмед, — но она шла на работу. Так что дома ее нет.

И тут меня осенило.

– Мужики, гениальная идея! Мы тут маемся, где бы деньги хранить! Банки, сейфы, ячейки, доступ… Ерунда всё это, когда мы можем запросто создать свое собственное хранилище ТАМ, — и мужики сразу схватили мысль.

– Точно!

– Только нужно всё культурно, душевно оформить. Чтобы было приятно зайти. Александр, у тебя это хорошо получается. Представьте себе, например, каменную башню на берегу синего-синего, теплого моря. Лучше всего круглую башню. Нет ни входа, ни выхода. Наверху башни — большая комната с широкими окнами во все стороны и вокруг — никого. Только желтый песок уходящего вдаль берега и зелень нетронутых человеком лесов и лугов. Можно тропических. В комнате стол, мягкие стулья и шкафчики для денег, набитые так, что из них всё вываливается. Старинная чернильница с гусиными перьями. По полу тут и там разбросаны золотые и се-

ребряные монеты. Это обязательно нужно для пущего романтизма. Сидишь этак развалившись на стуле у раскрытого окна. Легкий морской бриз ласкает кожу. Крики чаек и шелест волн… И ты послюнявленными пальцами тихо и размеренно пересчитываешь банкноты в толстой пачке денег. А на душе — райская благость…

Дикий хохот Ахмеда и Александра не дал довести до конца описание идеального хранилища.

– Ну, ты и даешь, Сергей! — восхитился владелец сказочной латифундии в Древнем Риме. — Классная идея! Сегодня же сделаю! И доступ любому из нас простой. И попасть туда можно будет в любое время и из любого места. И деньги не нужно делить между собой по назначению.

– Делай. Только туалет не забудь и куда мусор бросать.

– И еще вот одно по твоей части, Саша. Я собираюсь поговорить с Анной Петровной о мире Швейцера. Если она согласится поработать там, то мы с тобой вряд ли сможем сопровождать ее всё время. Первый раз-то я с ней схожу, а потом нужно будет дать в помощники и охранники кого-нибудь из твоих девочек.

– Так Антогора пусть и ходит с ней!

– Отлично. Я тоже о ней подумал. Оставшиеся деньги оттуда у тебя где?

– В столе.

– Тогда пока всё. Я пошел. Башню для денег мне давайте!

Вылетел из подвала и забыл позвонить Капитану. Придется зайти домой. Снимаю трубку и набираю номер.

– Это я. Когда? Иду.

Судя по голосу Капитана, произошли или происходят какие-то касающиеся меня события.

– Я сегодня ходил позавтракать в твой Верн. Подошел Жозеф и попросил нас обоих, как только сможем, заглянуть во дворец.

– А мы, наверное, сейчас можем. А что случилось-то?

– Ничего не сказал. Но судя по всему, беды никакой нет. Иначе он не улыбался бы.

– Ну, так что — пойдем? Заодно и пообедаем.

– Пойдем.

*

В Верне, как всегда, тепло и тихо. Всё в цвету. Я имею в виду не деревья, которые отцвели уже давно, а окна, балконы, дворики и скверики. Там, где посажены цветы. Разные ароматы идут со всех сторон. Не говоря уж о бесконечном многоцветье. Мой дворик тоже одна сплошная радуга — благодаря Жанне.

Половина женщин и девиц на улицах щеголяют в брюках. Месяц назад была совсем другая картина. Теперь словно прорвало. Но самое удивительное, что нет и двух одинаковых нарядов! Различия в цвете, покрое, украшениях… Совсем ничего общего с нашим однообразием.

Королевская площадь не отстает в многоцветье от моего дворика. Непривязанная лошадь стоит у дома королевского волшебника. Значит, Жозеф дома. Стучим к нему. Открывает сам. В халате. Обычные приветствия.

– Вы нас звали, Жозеф?

– Да-да, я сейчас, — и появляется полностью одетым буквально через две минуты.

– Идемте во дворец. Вас там заждались.

– Что случилось-то?

– Сейчас всё узнаете.

На стук нас впускает служанка.

– Вы, Серж, с капитаном Виком поднимайтесь в гостиную, а я зайду за Герцем.

Капитан опять прилип глазами к картине со всадницей. Хотя это и не удивительно. Есть чем полюбоваться!

– Здравствуйте, синьоры, — опять как-то неожиданно раздается голос Виолетты.

– Здравствуйте, Ваше величество.

– Здравствуйте, Виолетта.

За ее плечом высится Казимир с улыбающейся физиономией. А за ними в гостиную входят и Герц с Жозефом. Герц притащил большой поднос с какими-то коробочками и поставил на стол. Здороваемся с мужчинами за руку.

– Прошу всех за стол, синьоры, — приглашает Виолетта. И когда все сели, приступила к делу: — Казимир и синьор Герц уговаривали меня придать нашей встрече форму официального приема. Я не согласилась, и Жозеф меня поддержал. Мы друзья, и хочу, чтобы вы расценивали то, что я вам вручу, именно как дружеский подарок на память, а не награду. У нас нет наград, которыми можно было бы соизмерить то, что вы для нас сделали.

Виолетта на мгновение смешалась и замолкла.

– Всё равно я ерунду какую-то говорю. Хотя и пытаюсь показать, что всё это от души и сердца. Видно, слова здесь вовсе не нужны. Давайте я вам подарки раздам, а потом просто, как всегда, поболтаем за обедом. Герц!

Герц пододвинул Виолетте три коробочки. Она посмотрела на них какие-то пометки и раздала коробочки нам.

– Так, это Сержу, это — капитану Вику, а эту передадите капитану Грегори.

В коробочках оказались самые настоящие и очень шикарные золотые ордена на нашейных красных лентах. Многолучевая звезда в восьмиконечнике. Темно-красная и белая эмаль. В центре — фарфоровая миниатюра тонкой работы, изображающая кораблик, палящий из пушек. Вокруг миниатюры надпись: "Охотникам на пиратов от благодарного Верна". На обороте ордена выгравированы мои здешние имя и фамилия.

– Виолетта, Казимир, мы с капитаном Виком очень тронуты вашим добросердечием, и всё такое. Может, и в

самом деле плюнем на эту нелепую болтовню. Мы же и без слов понимаем и любим друг друга. Вы лучше покажите, что там в коробочках поменьше.

Виолетта рассмеялась:

– Серж, с вами почему-то всегда себя как-то легко и просто чувствуешь!

В коробочках оказались восемьдесят четыре медали для матросов. Уменьшенные копии орденов на нагрудных ленточках. На обороте выгравированы номера.

– Капитан Вик сказал ведь, что хорошо бы иметь что-нибудь на память о походе. Вот мы и сделали на память. Идемте обедать.

Обед, конечно же, был выше всяких похвал. А Жозеф рассказал о работах по засыпке прохода.

– Любопытство — неодолимая сила. Да и вы не предупреждали, чтобы мы не заглядывали на ту сторону. Заглянули. Кое-кто испугался соскочившего со своего места солнца. Но обошли вокруг острова. Заглянули в бухту. Ни души. Только горелый остов какого-то большого судна и два корабля с пушками, покинутые командами. Так и должно было бы быть?

Капитан искоса глянул на меня. Я кивнул, и Капитан немножко соврал:

– Это запасные корабли пиратов, которых мы отправили на дно. Вот они и остались без хозяев.

– Мы немного испугались, — продолжил Жозеф, — когда, обойдя вокруг острова и пройдя проливчик, мы не вернулись в свое море. Правда, быстро сообразили, что где мы вышли — туда нужно и входить обратно. Проход мы загородили каменной засыпкой толщиной сорок локтей и высотой чуть ниже уровня прилива. Никакое судно над ней пройти не может. Разве что лодка. Всё оказалось не так уж сложно. Но какие ужасные потери предшествовали этому!

– Капитан Вик, — спросила Виолетта, решив сменить тему на менее печальную и более животрепещущую, —

дела делами, а вы обратили внимание, как изменились женщины в Верне?

– Обратил, Ваше величество, — похорошели.

– А ведь всему виной мой портрет в гостиной, который вам так нравится!

– Этот портрет всем нравится, дорогая, а не только капитану Вику, — поправил жену Казимир.

– Пусть так, но мало кто знает, что с этого портрета началось…

"А ведь она и в самом деле увлечена этой новой модой", — подумал я. Как прекрасно, когда самой печальной темой разговоров является ниточный шов, разошедшийся в самый неподходящий момент на каком-нибудь пикантном месте женского тела.

– Серж, Серж, — услышал я голос Виолетты, — вы где?

– Где-то здесь. А что?

– Вас что-то беспокоит?

– Беспокоит.

– Что именно?

– Фонтан на королевской площади. Такие высокие струи. Никак не пойму, за счет чего он работает.

– Ну, это даже я знаю, — рассмеялась Виолетта, — за счет воды. Не ломайте себе голову, Серж. На самом деле всё очень просто. Вода не из реки, а с гор. Еще когда мой отец был молодым, от горных источников и до королевской площади провели трубы.

– Но ведь горы так далеко.

– Далеко. Синьор Герц каждый год приходит в ужас от расходов на содержание хозяйства подачи воды.

– И всё только ради фонтана?

– Нет, почему же. Вода идет еще и во дворец, ратушу и дом королевского волшебника.

– И в самом деле просто. Теперь я буду спать спокойно. Однако нам с капитаном Виком пора по своим делам. Мы так рады были повстречаться со всеми вами,

что словами не передать! Но позвольте нам откланяться.

– Я понимаю, — с сожалением в голосе сказала Виолетта, — надо было бы дождаться, когда у вас было бы больше времени. Но уж так получилось. У меня терпения не хватило. Хотелось хоть чем-то вас поскорее порадовать!

Когда мы уже вышли из дворца, Капитан спросил:

– Что это ты так вдруг с места сорвался?

– Жозеф заскучал. Самый верный признак, что нужно расходиться, чтобы не разрушить прелесть встречи. Дворец всё-таки. Если бы сидели в "Морском драконе", то могли бы позволить себе любое сумасбродство и веселиться как угодно долго. Во дворце такое невозможно, и это тяготит Виолетту.

– Понятно. Ну, что ж — двинем домой, а я тогда схожу к себе, порадую ребят подарками, — и Капитан потряс мешком с медалями.

Мы еще с полчасика молча посидели во дворике, любуясь многоцветьем на клумбах и вдыхая тонкие ароматы. Прибежала Жанна и подставила мне щеку для поцелуя.

– Я вас увидела, когда вы мимо "Морского дракона" проходили. Подумала, что может быть, что-то будет нужно. Можно, я тут с вами посижу?

– Конечно, этого и спрашивать не надо! Ты же тут за хозяйку. Знаешь, Жанна, я всё как-то не решаюсь или забываю тебя спросить. С кем ты живешь? Колин говорил мне, что отец у тебя умер. Дядю твоего я видел, а кто еще есть?

– Есть еще старшая сестра. Она присматривает за нашим домом, стирает для кого-нибудь, а я вот в "Морском драконе" и здесь у тебя. Но сестра скоро выходит замуж.

– И переедет к мужу?

– Нет, ее муж переедет к нам. У него семья большая.

Родители, братья и сёстры. Тесно в их доме, а у нас свободно. У меня своих две комнаты и у сестры тоже.

– Ну, а как дети у них пойдут?

– Это, наверное, еще не сразу. Придумаем что-нибудь.

– Не забывай, что мы все вместе можем что-то попридумывать. Помни про друзей-то! Скинемся все вместе и купим тебе свой домик. Вон, даже капитан Вик поучаствует, наверное. Как, капитан, — поучаствуете?

– Без раздумий!

– Вот видишь!

– Спасибо. Я подумаю.

Повисло странное молчание. Жанна что-то уж очень нервно ерзает на противоположной скамейке.

– Жанна, перестань мяться! Что ты в самом деле! Случилось что-нибудь?

– На днях эльфы и гномы в городе лавку открыли.

– И что?

– Продают эти, как их…

– Граммофоны, что ли?

– Да, но очень дорого, — и Жанна тяжело вздохнула.

– Не расстраивайся. Везер и Арзон обещали сделать один специально для меня. Если тебе не очень трудно, спроси в их лавке, не готова ли музыка для Сержа. Если готова, то пусть привезут — и ты заберешь. Пластинки купи, какие понравятся.

– Я тогда прямо сейчас и сбегаю, — и Жанну словно ветром сдуло.

– Чудо-то какое, — тяжело вздохнул Капитан, посмотрев ей вслед.

– Чудо, — согласился я. — Только вы, Капитан, как-нибудь поаккуратнее восторгайтесь чудесами-то. Чудо — девушка благонравная. А у вас какой-то подозрительный интерес к вернским портовым притонам. Не хотелось бы, чтобы такое чудо попало в грязные лапы старого развратника. Даже если он и скрывается под личиной

респектабельного моряка. Не забывайте, на сколько вы старше чуда.

– Такое разве забудешь! — и Капитан вздохнул еще тяжелее. — Пойдем, что ли?

И мы ушли в Питер.

Капитан отправился в пиратские моря радовать своих ребят орденами и медалями, а я попытался поймать здешних ребят. Интересно, куда они все подевались? Ну, понятно, что Анна Петровна, может, еще с работы не пришла. А вот Ахмеда и Александра нет ни дома, ни в подвале — кабинет заперт. Куда они провалились?

*

ГЛАВА 4

Амазонки в Париже

ГЛАВА 4: Амазонки в Париже

"Ребята" самообнаружились на следующий день. Только я встал — а они тут как тут. И Александр, и Ахмед. Оба с загадочными физиономиями.

– Хватит дрыхнуть! Труба зовет! — продудел в кулак Александр.

– А сколько времени-то?

– Уже почти одиннадцать.

– Да, пожалуй, пора и привстать! Зачитался вчера допоздна. Перекусить-то хоть можно? Или хотя бы как минимум лицо сполоснуть.

– Насчет позавтракать мы и сами не против. Иди мойся, а мы тут чего-нибудь уж сами сообразим. У тебя есть из чего соображать-то?

– Вчера в магазине был. Вы куда-то испарились, а я тогда от нечего делать по хозяйству подсуетился.

– Мы не испарились, а творчеством занимались и перемещением ценностей.

– Что, сделали-таки башню?

– Сделали, сделали. Иди, давай.

Булочка, маслице, колбаска... Шпротики, чаек, печеньице — всё пошло в ход.

– И как? Получилось?

– Получилось. И при этом вполне достойно.

– Ну так пошли!

– Пошли, — и они подхватили меня под руки.

И в самом деле — башня из больших нетесаных камней. Круглая, расширяющаяся книзу. Глядя вниз через окна, никаких входов-выходов не обнаруживается. Голубое море, песчаный берег и зелень зарослей вглубь суши. Кроны деревьев немногим ниже окон башни. Шум волн и крики чаек. Легкий бриз ласкает лицо.

– А как же выйти, если искупнуться захочется?

– Сигай в окно! Сам же так заказал, и вообще, это деловое сооружение, а не для туризма!

– Понятно. А эта лесенка вниз куда ведет?

– В туалет.

– Отлично. О, да тут не просто чернильница, а целый прибор! И перья имеются. Шкафчики симпатичные. Вы уже и денежки сюда переместили? Похвально, похвально! А вот эта надпись на стене — "Если чего-нибудь отсюда взял, то чего-нибудь сюда и принеси" — для кого? Для забывчивых? Или это намек на меня, что я ничего еще не принес? Разумно, разумно, но бестактно. Стульчики симпатичные и — смотри-ка — мягонькие. Зад не отсидишь! Эй, друзья, а монетки-то золотые и серебряные, по полу разбросанные где?

– Это ты свои монетки принеси и разбрасывай, сколько хочешь. Я свои кровные, чужим рабским потом заработанные денежки разбрасывать не собираюсь. А ты, Ахмед, будешь свои монетки разбрасывать по полу для Серегиного романтизма?

– Ни в жисть!

– Ладно — принесу свои, но добьюсь полного соответствия идеалу. Поработали вы на славу. Надо будет только как-нибудь сюда Капитана и Анну Петровну завести для освоения ими пространства. Надо же, как-то сразу не заметил! Сундучки-то какие симпатичные! Небось, под звонкую монету подготовлены?

– Под нее самую.

– Ишь ты, и не все пустые, — восхитился я, пропуская через пальцы звенящие монеты. — Откуда бы им тут взяться? Ага, понятно. Наш латифундист уже на всякий случай подсуетился и непреходящий резерв завел. Дальновидно, дальновидно. Смотрю, вы даже чуть ли не амбарные весы притащили для суперточного взвешивания драгоценных металлов. Цена деления — один килограмм? Да? Ну, что ж, господа, принимаем объект в эксплуатацию?

– Принимаем.

– Вот и ладно! Разбегаемся по своим делам.

Анна Петровна сегодня оказалась дома.

– Вот, Сережа, печенье берите. Хорошее. Подбавить чайку горячего?

– Нет, спасибо. Всего достаточно. Как там Луиза, Арман, остальные… и Антуан, конечно?

– Всё благополучно. Вас вспоминаем при каждой встрече. Антуан жениться собирается и покинет материнский замок. Война с Ла-Рошелью всё же началась. Король и кардинал с армией, а в Париже спокойно.

– Значит, Гастон Орлеанский всё же затих?

– Затих.

– Я вот что хотел спросить. Вы все вместе собираетесь хоть иногда? Мне бы хотелось посидеть как-нибудь с вами. Нравится мне вся ваша компания!

– Почему бы и не посидеть? Собрать всех несложно, но заранее нужно оповестить. Хотя бы за неделю.

– Так давайте и устроим посиделки на следующей неделе, если вас, Анна Петровна, ничего не стесняет.

– Хорошо. Я разошлю письма. Но вы ведь, Сережа, мне кажется, не только за этим пришли. Может, деньги нужны на расселение? Правда, Александр сказал, что пока их у вас достаточно. Но запас никогда не помешает.

– Пока достаточно. Но мы для хранения наших финансов соорудили кладовку. Нужно вас туда сводить, показать, чтобы вы в курсе были, куда складывать или откуда при надобности что-то можно брать.

Кладовка Анне Петровне понравилась.

– Удобно, практично, — и засмеялась, увидев надпись на стене. — Принесу, принесу!

– Вот бумажные деньги. Пока что только доллары. Сами видите, что с рублем-то сейчас начинает твориться. Можно брать по необходимости, а рублей потом сюда добавим.

– А драгоценности?

– Не знаю, хранить можно, но для нас практичности в них нет. Для обмена ювелира нужно привлекать.

– Понятно. Ну, пойдемте чай допивать.

Чай остыл, и Анна Петровна захлопотала, заваривая новый.

– А, знаете, Анна Петровна, мы ведь нашли и часть машины, которой не хватает в Доме, и мир Генриха Швейцера тоже.

– Неужели? Это очень интересно!

– Мало того, мы с Александром даже заглянули туда.

– И какой он?

– Швейцеровский.

– Исчерпывающая характеристика, — и опять засмеялась.

– Вот о нём я и хочу с вами поговорить. Это город, который называется Гешвиг. Там немецкий язык, а вы его знаете в совершенстве. Нам ведь нужно как-то найти бумаги Швейцера, касающиеся машины. Совершенно ведь не знаем, как она управляется и действует. Из-за этого уже была одна очень неприятная история. Погибли люди. Я сейчас об этом рассказывать не буду. Вы смогли бы изыскать время и поработать там?

– Вряд ли это в наших обстоятельствах вопрос желания. Скорее — необходимости, раз могут погибнуть люди. У нас в издательстве затишье. У меня работы почти нет. Так, всякая несрочная мелочь. Так что я могу договориться, чтобы меня недели две не беспокоили.

– Великолепно! Вы попадете в город, внешне похожий по архитектуре на города начала двадцатого века. Однако техника и социальные отношения там современные, но не всегда схожие с нашими. Враждебности мы не наблюдали. Вам нужно как-то влиться туда и адаптироваться. Может быть, даже снять жилье, купить или арендовать машину и всякое прочее, что посчитаете нужным. Что делать дальше, вы знаете лучше кого бы то ни было. Как обстоятельства подскажут. Если попадется что-то интересное, то скопировать и перевести. Но во многом я полагаюсь на ваши рассказы.

– Если это развитый город, то там должны быть библиотеки, архивы и другие культурные учреждения. Как я понимаю, это наша главная цель.

– Да. Но мы просто пробежались по главной улице и библиотек не видели, а единственное культурное учреждение, которое посетили, было большим магазином женского белья.

– Женского белья? — удивилась Анна Петровна. — Что это вас в такую культуру понесло?

– С нами была женщина, вернее девушка. Она же будет и с вами в качестве помощницы и защитницы.

– Защитницы? Там нужна защита?

– Скорее всего, нет, но помощница вам будет превосходная. Побаивается машин, но это пройдет. Всё-таки она из другого времени. Да и сами всё увидите. Оденьте что-нибудь неброское и не стесняющее. Скажем, повседневный брючный костюм, что ли, и туфли на низком каблуке или вообще без него. Есть такое?

– Разумеется! Тогда я сегодня схожу в замок, отправлю письма с приглашениями через неделю. Утром можно будет пойти к Швейцеру.

– Отлично. Часов в девять я за вами зайду. Как раз успеем к завтраку.

*

Утром в девять мы с Анной Петровной уже вышли из леса к вилле Александра и вроде бы совершенно незамеченными проникли в дом. Нас никто не встретил. Охрана совершенно распустилась. Бить в гонг я не стал.

– Что, они спят еще, что ли? — ругнулся я и предупредил спутницу: — Здесь нет обращения на "вы". Так что с этого момента ты просто Анна.

– Переживу.

– Пойдем на кухню. Может, они уже там.

И в самом деле. Девочки сидят в ряд за столом с ложками в руках.

– Мы вам тарелки поставили, — сказала Ферида, ука-

зывая на два прибора напротив них.

– Садитесь, садитесь, — суетится Мар, — сегодня очень вкусная каша. На всех должно хватить.

– Антогора, что это с вами? Могли бы и встретить, раз услышали нас.

– С чего бы это мы пошли встречать? — заявила Охота, — Может, ты опять тайком и без "здрасте", как в последний раз? И второй из вас точно такой же. Позавчера принесся, когда мы были в конюшне, схватил деньги — и был таков. Ни здравствуйте, ни до свидания. Только от Мара и узнали, что он тут был. Мар видел, как Александр прошмыгнул по двору. А шкатулку с деньгами так на столе и бросил.

– Вы что — обиделись, что ли? Честное слово, мне было очень некогда. Вот, лучше познакомьтесь — это Анна. Она погостит у Александра несколько дней.

– Ферида.

– Охота.

– Антогора.

– Немедленно перестаньте дуться! Ну ладно, я знаю, что с вами надо делать.

Я обошел девочек с тыла и поцеловал их в щечки.

– А за прошлый раз?

Пришлось повторить.

– Так бы и всегда, — удовлетворилась Охота.

– Вот видишь, Анна, как они из нас с Александром веревки вьют. Это прислуга называется!

– Прислуга? — с недоумением переспросила Анна. Машинально зачерпнула ложку кашки, отправила в рот и даже не поморщилась от такого простонародного кушанья.

– Прислуга, — подтвердила Ферида. — Делаем всё, что только потребуется: от стирки до сборки урожая — и никакой благодарности! Нас разве что только не бьют.

– Невозможно поверить!

Девочки рассмеялись.

– Мы шутим, конечно. Ты надолго, Анна? Отдохнуть или по делу?

– По делу, а надолго ли, еще не знаю.

Все замолкли. Слышится только стук ложек и кружек.

После завтрака девочки пошли заниматься гимнастикой, а мы с Анной поднялись на террасу второго этажа.

– Где мы, Сергей?

– В Древнем Риме примерно начала новой эры, на вилле Александра.

– Странная прислуга даже для этого времени, — наблюдая за упражнениями девушек, сказала гостья.

– Что же ты хочешь — амазонки.

– Да ты что! Настоящие?

– Самые что ни на есть. Здесь вроде как бы на службе от племени, а на самом деле не понять, в каком качестве. Близкие друзья, оберегающие Александра, что ли. Ну, и меня заодно.

– И насколько они близкие?

– Трудно сказать. Я подозреваю, что им приказано защищать нас даже ценой собственной жизни, и они с этим тоже согласны. Сама понимаешь — такое отношение очень дорогого стоит. Я ими просто восхищаюсь и поражаюсь. С одной стороны, непосредственны и ласковы, как дети, а с другой — смертоносные машины невиданной физической силы и ловкости. И смотри — вместе с тем, какие грациозные и изящные! Видела бы ты Антогору в гладиаторском бою против семерых профессиональных воинов, вооруженных намного лучше ее. Она в минуту с ними разделалась. А нас с Александром обихаживает, как любимых детей. Материнский инстинкт, что ли? Но почему применительно к нам? Ты просто не представляешь, какое неповторимое сокровище эти девочки!

– О, Господи! А это еще кто там вылез из леса?

– А-а, это фавны. Частенько приходят посмотреть на этот спектакль. И есть ведь чем полюбоваться.

– И фавны настоящие?

– И фавны.

И опять привычная библиотечная мизансцена. Охота с Феридой за шахматами. Антогора валяется на кушетке. А я ввожу Анну в курс местных порядков.

– Здесь ни у кого ни от кого нет секретов. Ни недоговоренностей, ни тайн. Поэтому в сложных положениях девочки полностью владеют ситуацией, сами знают, что делать, и никакие команды им не нужны. Если они слышат что-то им непонятное или их не касающееся, то просто пропускают мимо ушей как несущественное. Я, правда, иногда позволяю себе приврать, чтобы потом удивить всех, но они не обижаются и даже верят моему вранью. Антогора!

– Что?

– Ты нас слушаешь?

– Про твое вранье, что ли? Слушаю, конечно.

– Мимо ушей пропускаешь?

– Еще как!

– Антогора самая старшая из девочек и самая сообразительная. Очень любит, когда ее хвалят. Просто хлебом не корми!

– Это я тоже слышу и мимо ушей не пропускаю, — доносится с кушетки. — Давай еще.

– У нее прекрасная память и схватывает всё буквально на лету. Поразительная девушка! Такое чудо одно на тысячу даже среди амазонок! Ну, может быть, я чуточку и преувеличиваю, но одна на пятьсот — это точно.

– Одна на тысячу звучит всё-таки лучше, — и с кушетки послышался вздох морального удовлетворения.

Но вот что, Анна, — то, что я сейчас скажу, выруби у себя в сознании как дважды два. Если рядом возникла какая-нибудь заварушка, опасность — ты должна мгновенно оказаться за спиной у Антогоры! Никаких попыток содействия ей, вмешательства, суеты, призывов на помощь! Стоишь и ждешь, когда всё кончится. Понима-

ешь?

– Не совсем, но буду делать так.

– Сергей, а к чему этот разговор? — спросила Антогора, присев на кушетке.

– Будешь помощницей и защитницей Анны там, куда мы недавно ходили втроем.

– Где железные жуки, что ли?

– Да, там.

– Это мне интересно. А ты?

– Я с вами только сегодня схожу, а потом будете ходить вдвоем.

– Так мне что — идти переодеваться?

– Иди.

В углу опять разгорелся скандал.

– Я тебя сейчас столиком тресну!

– А столик-то тут причем? Играть надо уметь.

– Что-то ты уж очень быстро заумела! Третий раз подряд выигрываешь. Когда такое было?

– Значит, теперь будет.

Возвращается Антогора, одетая в темно-красные кожаную курточку и шортики. Дивное зрелище!

– Эй, курицы, вы что так разошлись?

– Ферида жульничает!

– Неправда! Всё по-честному.

– У вас всё время одно и то же. Кто выиграл — тот и жулик. Ну, как — Сергей, Анна, идем, что ли?

– Присядь на минутку. Я тебе волосы приберу. Все мужчины в городе с ума сойдут.

Антогора послушно присаживается. Я собираю ее роскошную гриву в конский хвост. Расчесываю его, чтобы волосы стали гладкими, пышными, и защелкиваю красным, блестящим, пластмассовым зажимом. Охота и Ферида мгновенно забыли о шахматной распре и внимательно наблюдают за моими манипуляциями. Переглянулись между собой и вопросительно уставились на меня. Как бы нехотя, с муками жадности на лице и вздохом

сожаления извлекаю из кармана еще два зажима для волос — синий да коричневый — и отдаю им. Антогора тряхнула хвостом, проверяя, как держится в волосах такая странная штука.

– А как ее снять?

Снимаю и показываю, как она работает.

– Да-а, удобнее, чем веревочки. Спасибо, — и зажим водружается на место. — Нужно что-нибудь брать с собой?

– Нет. Только деньги.

Лезу в стол и, покопавшись, нахожу пачку марок. Делю ее пополам и раздаю дамам.

– Вот вам. Анна, мы с ценами там еще не определились. Надо бы подробнее разузнать, что почем, и Антогору научить пользоваться бумажными деньгами. Ну, там расплачиваться в магазинах, нанимать такси и всё такое прочее.

Антогора распихала банкноты по карманчикам своей курточки, а Анна Петровна внимательно изучает купюру.

– Тевтонская республика. Надо же! Швейцер-то, похоже, бунтарь. В его время Германия была монархией.

– Мы пошли. Охота, к обеду нас не ждите.

Озерцо вызвало обычную реакцию.

– Какое дивное местечко! А кто это на том берегу?

– Нимфы, — и я помахал им рукой.

Вошли в зал без проблем. Я увидел, что добавился еще один проход с номером десять. Анна принялась осматриваться.

– Так это и есть та, пропавшая часть машины?

– Она самая. Из этого зала можно попасть в мир любого из нас. С номером один — это как раз Швейцер. Твой царский Петербург под номером четыре, а твои французские владения — под номером шесть. Можно взглянуть.

– Давай, взглянем.

Мы поднялись по лестнице.

– Я знаю это место. Там, где выезд от замка выходит на парижскую дорогу, есть большой камень. Такой вид, если смотреть от него.

– Мы смотрим из него.

– А если выглянуть?

– Пожалуйста.

– В самом деле — прямо из него.

Вернулись в зал.

– А этот почему замурован? — удивилась Анна Петровна.

– Пришлось заложить. Там война.

– Война?

– Самая настоящая. Я как-то сгоряча сунул туда нос и чуть было не остался там навсегда в виде трупа. Наследство пропавшего военного.

– А студентка?

– Она как раз между твоими проходами.

– Загляну?

– Делай, что хочешь.

– Интересно, — вернувшись, проговорила Анна Петровна, — почему-то всех женщин тянет в Париж. Куда она там могла пропасть?

– Интересно не только это. Интересно, как машина распознаёт, что человек из своей мечты, фантазии уже никогда не вернется? Она же освобождает от пропавшего свои ресурсы. Иначе в тайнике у Ахмеда мы наблюдали бы два омертвленных перехода, а их там нет.

– Может, и раскроем эти загадки, если Швейцер оставил на них ответ.

– Ну, и последние — это девятка, которая ведет в мой мир, и десятка — в созданную вчера кладовую. А что касается Швейцера, то мне думается следующее. Вероятность того, что хоть какие-то бумаги целы, всё-таки есть. В мире Швейцера об этой машине никто не знает. Это очевидно. Иначе мы наткнулись бы на гостей оттуда. Но это не стопроцентная уверенность. Есть кое-

какие необъясненные странности. Однако ему не было особого смысла уничтожать записи, которые ни к чему конкретному и осязаемому пристегнуть нельзя. Они могут быть в каком-нибудь архиве как просто нераспознанное по смыслу наследие известного ученого. Швейцер там довольно популярен, и это нам на руку. Антогора, ты еще не заскучала? Что ты там увидела интересного?

– Вот эти зеленые бутылки. Некоторые из тех, которые светились в прошлый раз, сейчас не светятся. А другие, наоборот, загорелись.

– Ты очень наблюдательна. Выходим.

Выйдя из камня, остановились, давая Анне освоиться с обстановкой.

– Монстры какие-то, — высказалась она относительно пробегающих мимо многоколесных машин. — Куда им столько колес?

– Необычно, верно, но, тем не менее, они немногим больше привычных для нас машин. Какой-то смысл в этом должен быть.

Мы вышли к шоссе, я поднял руку — и первая же машина остановилась.

– Анна, пора тебе выходить на сцену. Нам в центр города.

Анна открыла дверцу и заговорила с водителем.

– Он отвечает, что подвезет нас, но ему по пути нужно будет на минуту свернуть и заменить двигатель.

– За минуту сменить двигатель? Едем!

Впихиваю Антогору назад, влезаю сам, и трогаемся с места. Очень интересно бы взглянуть, что толкает машины в мире Швейцера. Очень кстати подвернулась смена двигателя. Посмотрим. Но за минуту? Что-то не очень верится, если представить себе му́ки вокруг наших автомобилей. Однако на переднем сиденье идет оживленная беседа.

– Водитель говорит, что смена двигателей паромобилей прямо перед городом. Вон то здание.

Мы сворачиваем к длинному одноэтажному зданию и въезжаем в широко распахнутые ворота. Водитель выходит, и мы тоже. Наш извозчик идет к застекленной будке у стены, что-то говорит в окошко и вроде бы расплачивается, достав бумажник. Возвращается, открывает дверь и дергает какую-то ручку. Мигом позже к машине подходит служащий в униформе и с каким-то хитрым крючком на длинной рукояти. Он цепляет свой крючок за что-то позади машины и без особых усилий тянет на себя. Машина разделяется на две четырехколесные части. Заднюю часть — двигатель — сразу куда-то утаскивают. Вместо него прикатывают другой мотор и в секунду состыковывают с передом. Только защелки где-то там внутри лязгнули. Водитель показывает нам жестом, что можно ехать. Интересный технический оборот! Ничего рассмотреть не удалось.

– Анна, спроси: а как часто нужно менять двигатель?

– Он говорит, что примерно каждые пять-шесть тысяч километров. Станции замены двигателей разбросаны по всей стране через каждые пятьдесят километров, а вода хоть в каждой канаве есть. Замена двигателя сто́ит в среднем пятьдесят марок. Есть за двадцать, а бывает и за сто. Плюс к этому учитывают состояние шин и повреждения, если они есть.

– Теперь понятно, почему у них столько колес. Упрощение эксплуатации разъемных автомобилей. Да и другие попутные преимущества есть. Жаль, что не удалось увидеть сам двигатель.

Мы остановились на площади с памятником и выгрузились. Антогора, вылезая из машины, чуть не наступила на механического дворника и, взвизгнув, отскочила в сторону.

– Антогора, ты совсем перепугала этого бедного маленького железного жучка.

– А чего он под ноги лезет! — и попыталась пнуть ни в чём не повинный механизм. Тот внезапно ловко увер-

нулся, и Антогора от неожиданности опять взвизгнула. Правда, уже тише.

– Оставь машину в покое! Она же тебя не трогает. Анна, вон в том банке можно поменять золото на банкноты. Посреди площади — памятник Генриху Швейцеру, а на той стороне — вполне приличная столовка. Нам понравилась. Может, пойдем там посидим и пособображаем, что дальше делать?

– Пойдем.

Пересекаем площадь мимо бронзового Генриха и заходим в кафе "Генрих". Свободный столик в середине зала, и пока к нему идем, все мужские головы поворачиваются вслед за Антогорой.

– Что это все на меня так смотрят?

– Любуются.

– Вот еще! — и отворачивается от сторонних глаз к окну.

Официант стоит и ждет, пока Анна просмотрит меню.

– Я бы посоветовала кёльнские котлеты. Замечательная вещь! Ну и, скажем, салат под названием "Веселый". Сейчас спрошу у официанта, из чего он. Ага, говорит, что можно есть.

– Тогда всем котлеты и нам с Антогорой легкое, светлое пиво.

– А я буду кофе, — и Анна диктует заказ официанту.

– Как ты сказала? Кёльнские котлеты?

– Кёльнские. А ведь и в самом деле. Здесь же вроде не должно быть Кёльна. Откуда название? Нужно спросить у официанта.

Клиентов в кафе, как и в прошлый раз, немало. Так же играет тихая музыка. Мужчины вроде бы поуспокоились, но всё равно время от времени бросают любопытствующие взгляды в нашу сторону. Официант приносит заказ, и Анна расспрашивает его о чём-то.

– Он говорит, что котлеты делаются по рецепту самого Швейцера, и он их так называл. Почему именно такое

название, официант не знает. Так что города Кёльна в этом мире нет.

– Вкусно-то как! — говорит Антогора, обкусывая котлету на вилке со всех сторон. Потом видит, что Анна делает совсем не так. С виноватым видом опускает котлету обратно в тарелку и начинает расковыривать ее на части ножом и вилкой. Покончив с котлетой, гарниром и салатом, с облегчением берется за высокий стакан с пивом и с блаженством наслаждается напитком.

– Тебе нравится здесь? — спрашиваю я.

– Нравится. Только привыкнуть надо. Музыка какая-то странная у германцев, и музыкантов не видно. Как такое может быть?

– У германцев? — заинтересовалась Анна.

– В племени амазонок, — пояснил я, — живет старая германка. Антогора уловила в здешнем языке что-то слышанное раньше.

– Поразительно! Связь немецкого языка с древнегерманским настолько отдаленная, что сходство уловить крайне трудно. Особенно не зная немецкого языка.

– Так что мы будем делать дальше? Надо как-то сориентироваться в обстановке. Библиотеки искать еще рано.

– Почему рано? — поинтересовалась Анна.

– Сначала нам нужно найти источник информации обо всём в городе. Проще всего получить любые сведения в отеле. Можем спросить у официанта о хорошем отеле. А в отеле уже — обо всём, что может интересовать приезжих. Вам нужно стать постоялицами отеля, и тогда служащие отеля будут к нам лояльны. Но возникает вопрос: какие документы нужны для регистрации в отеле? Ведь у нас нет никаких. То же самое с библиотеками и архивами. Наверное, нужны документы, удостоверяющие личность. Если в отель вас не возьмут, то нужно искать аренду жилья, где хозяин документов не потребует. Где и как? Гида бы толкового найти. Ему

наши документы не потребуются. Хотя кто его знает, какие тут порядки. Как ни крути, а первым советчиком и притом лояльным будет официант или метрдотель.

Анна, рассчитываясь за котлеты, устроила небольшой допрос официанту.

– Он говорит, что отель "Швейцер", наиболее популярный у приезжих издалека, находится за углом на Генрихштрассе. Это откуда мы ехали. Никакие документы при поселении не требуются. Карточка постояльца заполняется со слов, а документы может потребовать полиция или их нужно будет предъявить при каких-нибудь финансовых конфликтах. У нас финансовые конфликты вряд ли будут. У меня в сумке и в карманах Антогоры, похоже, денег хватит, чтобы купить чуть ли не половину этого кафе.

Понятно, почему мы не заметили отель "Швейцер", когда проходили мимо него. Огромные буквы вывески — на крыше, а у входа лишь маленькая табличка. Мы же смотрели по сторонам, а не вверх. Анна заполнила две карточки и одну из них пододвинула Антогоре.

– Вот здесь поставь свою подпись. Я тебя записала как Антогору Амазонскую из Рима, — и, обернувшись к портье, ответила на какой-то его вопрос.

– Он спрашивает, нужен ли номер и мужчине. Я сказала, что нет, а нам нужен самый верхний этаж и балкон в номере.

Портье всё озирался в поисках багажа постояльцев, пока Анна не посулила, что багаж будет попозже. Малый оказался словоохотливый и услужливый. Подозвал кого-то из помощников, оставил за себя и сам отправился сопровождать постоялиц в номер, пожирая по пути глазами бесподобные формы Антогоры. Двухкомнатный номер из гостиной и спальни с двумя кроватями вполне уютненький. В спальне еще три дверки. Наверное, гардероб, туалет и ванная. Так и есть. Именно они.

– Анна, попроси, пожалуйста, портье, чтобы он нашел

нам гида для знакомства с городом и местными порядками, — и Анна начала что-то втолковывать нашему сопровождающему. На что он в ответ кивал и о чём-то спрашивал.

– Он говорит, что гид не проблема. Прислать прямо сюда или пусть ждет в вестибюле? Только вот про Россию в мире Швейцера никто и слыхом не слыхивал, и русский язык тут неведом.

– Понятно. Зачем нам гид здесь? Всё равно сейчас пойдем вниз. Да, вот еще что попроси. Чтобы гид либо был со своей машиной, которую мы оплатим, либо умел водить — и тогда возьмем машину в прокат. Если здесь есть прокат.

– Сейчас уточню. А вообще-то у меня есть водительские права, — призналась Анна. — Понятно, что здесь они не действительны, но если что — то с машинами как-нибудь управимся.

– Тогда нам лучше прокат и гид-водитель.

Портье и тут согласно покивал головой Анне и удалился, а мы вышли на балкон. Панорама очень даже недурственная. Воздух чист, прозрачен и свеж. Не то что в наших городах, отравленных бензином. Весь город в поперечнике, похоже, не больше семи-восьми километров. Почти равные по высоте здания, и только в двух местах возвышаются ажурные вышки явно радиосвязи. Много скверов и аллей. Дорога, по которой мы приехали, уходит за горизонт, а за противоположной окраиной города сразу же начинается лес.

– Внешне приятный город, — оценил я.

– Мне тоже нравится, — поддакнула Анна. — Антогора, а ты что скажешь?

– Не знаю, я ничего такого еще никогда не встречала, но интересно. Вот если бы еще эти жуткие железные жуки под ноги не бросались…

Гидом оказалась молодая женщина лет тридцати по имени Элиза. Серые брюки, голубая блузка и обручаль-

ное кольцо на левой руке. Пришлось несколько минут подождать, пока Анна с Элизой утрясут вопросы, связанные с нашим обслуживанием.

– Всё в порядке, — сообщила Анна. — Сорок марок в день Элизе за восьмичасовой день и десять марок за час переработки. А прокат машины будет стоить пятнадцать-двадцать марок в сутки и двести марок — залог на случай аварии по вине водителя. Залог вернут при возврате машины невредимой. Гараж здесь рядом, на соседней улице. Можно пройти дворами.

Дворами и пошли. Машин много. Выбирай, какую хочешь.

– Антогора, какая машина тебе больше нравится?

– Вон та, темно-красная.

– Понятно. Под цвет твоего костюма.

Красная оказалась шикарным лимузином. Элиза что-то обеспокоенно заговорила Анне.

– Эта машина обойдется в пятьдесят марок в сутки, а залог — четыреста, — услышали мы с Антогорой перевод.

– Кто выбрал, тот пусть и платит. А заодно и учится платить. Антогора — вперед! Вот тебе и случай потренироваться в счете! Оплатим пока четыре дня, а там уж сами посмо́трите, как быть дальше.

Чёрта два Антогора стала что-то считать! Когда они с Элизой подошли к кассе, Антогора сунула несколько банкнот нашему гиду, и когда та расплатилась, запихнула лишнее обратно в карман.

– Куда поедем? — поинтересовалась Анна.

– Да никуда, наверное. Пусть Элиза на свое усмотрение повозит нас по городу и покажет местные интересности, а мы посмотрим по сторонам.

Город как город. Как и любой другой непровинциальный и незнакомый город другой страны. Со своими оригинальностями и странностями. Автомобили, конечно, по части экологии и дешевизны эксплуатации намного пре-

восходят наши. Зато с другой стороны, в этом мире и понятия не имеют о микроэлектронике и персональных компьютерах. Электроника здесь где-то на уровне 40–50-х годов нашего мира. Это на первый взгляд, по товарам в магазинах. Но, с другой стороны, хотя бы те же механические дворники на улицах должны быть очень сложными машинами с электронным управлением. Эти дворники ведь очень компактны и как машины разумны. Странное несоответствие довольно низкого общего уровня техники и таких работающих отдельных устройств, какие еще нескоро будут в нашем мире.

Проехали мимо местной оперы и оперетты, большой библиотеки и нескольких кинотеатров. Есть даже цирк и парк с аттракционами. В музей искусств решили сегодня не заходить. Это было бы слишком надолго — наверное, на целый день. Проехали мимо тюрьмы, свидетельствующей, что и здесь имеются сложные проблемы общества. Остановились на полчаса перед открытым гоночным треком для автомобилей и посмотрели, как носятся наперегонки шестиколесные и восьмиколесные монстры. Антогоре понравился один пестренько раскрашенный восьмиколесник, и она все полчаса следила за ним. Очень огорчилась, когда по сумме состязаний он оказался всего лишь третьим.

Анна что-то спросила у Элизы, и та махнула рукой чуть в сторону от трека.

– Элиза говорит, что тут рядом есть автодром для начинающих водителей. Есть и большая, ровная площадка, и дорога с препятствиями. Поедем? Я попробую себя в качестве водителя.

В самом деле, автодром рядом и при этом совершенно пуст. Элиза поговорила со служителем у шлагбаума, и наш лимузин за пять марок пропустили на этот полигон. Ровная площадка больше похожа на аэродром, чем на наши российские, куцые пятачки для начинающих. Здесь роскошное, покрытое всё тем же коричневым ас-

фальтом поле метров двести в ширину и километра два в длину. Есть и яркая разметка в виде разных кругов, восьмерок и зигзагов. У края поля около шлагбаума несколько машин. Наверное, их можно брать для тренировки.

Анна посовещалась с Элизой, и мы все вылезли из машины, оставив нашу переводчицу наедине с неведомым нам паромобилем. Как я заметил, управление здесь простое. Выключатель запуска, педаль тормоза и педаль скорости. Переключателя скоростей нет. Сцепления почему-то тоже. Ну, и руль, конечно же, и рычаг заднего хода. Вот и всё, чем нужно оперировать, чтобы машина сдвинулась с места и пошла куда надо. Анна плавно двинулась с места, прошлась по большому кругу, затем по малому, по восьмерке, и всё ускоряясь, унеслась вдаль по прямой. Вернулась обратно, объехала вокруг нас и остановилась. Подумала и проехала зигзаг задним ходом.

– Очень легкая в управлении и послушная машина, — вылезая из-за руля, сказала она. — Думаю, и Антогора с ней очень просто сладит. Лошадью управлять, мне кажется, гораздо сложнее.

Антогора слегка попятилась и прижалась ко мне.

– Может быть, всё же попытаешься? — спрашиваю я, поглаживая Антогору по руке. — Вместе рискнем.

– Мне как-то не по себе, но если вместе, Сергей, то давай попробуем. Интересно-то как! А у меня что-то руки и ноги дрожат. Это нервы? Да?

– Нервы, но они успокоятся. Садись за руль, а я рядом.

Уселись. Элиза и Анна с интересом наблюдают, а я провожу инструктаж. Хотя сам ни разу за рулем автомобиля не сидел.

– Ты уже поняла, что вот это колесо нужно вертеть, если хочешь повернуть направо или налево. Колесо называется "руль". Чем больше поворачиваешь руль,

тем круче поворот. Ну, совсем как у лошади. Сильнее тянешь повод — круче поворачивает лошадь.

Вот эти две штуки у тебя под ногами называются педалями. Правая педаль прибавляет скорость бега, как подстегивание лошади. А левая делает то же самое, как если ты натягиваешь поводья.

– Лошадь, то есть машина, останавливается? Да?

– Правильно. Останавливается. Самое главное — не путать педали: какая подстегивает, а какая останавливает. Запомнишь? Если ты разгонишься и отпустишь обе педали, то через некоторое время машина сама остановится, как если бы ты у лошади бросила поводья.

– Поняла.

– Отлично. Вот если ты эту ручку оттянешь назад, то машина после этого тоже будет ехать назад, как если бы ты у стоящей лошади потянула поводья назад. Чтобы опять поехать вперед, ручку тоже нужно двинуть вперед.

– Так просто?

– Так просто. И пока на сегодня последнее. Вот спереди перед тобой ключик. Если ты повернешь его направо, то машина оживет, а если повернешь налево, то машина не тронется с места, какие педали ни нажимай.

– Как это — оживет? Ты имеешь в виду, что начнет урчать и пыхтеть?

– Вот именно. Урчание и пыхтение говорит тебе, что машина готова ехать, куда ты ее поведешь. Давай попробуем. Поворачивай ключик.

И Антогора повернула ключик.

– Заурчала!

– Замечательно. Теперь тихонечко, понемножку начинай нажимать на правую педаль. Вот, вот, осторожненько.

– Она поехала! Она поехала, Сергей! Ой, она поворачивает!

– Руль чуть-чуть поверни направо. Вот видишь — те-

перь она едет прямо. Отпусти педаль. Вот и остановились. Теперь давай поедем прямо до самого конца. Потихоньку нажимай педаль и одновременно поворачивай туда-сюда руль, чтобы направить машину прямо. Так, хорошо. Нажимай педаль чуть посильнее. Вот и поехали быстрее. Теперь отпускай правую педаль и потихоньку нажимай на левую. Видишь, как мы быстро останавливаемся? Теперь опять нажимай правую педаль и поворачивай руль налево. Поедем обратно. Вот и приехали. Поверни ключик и вылезай.

– А еще?

– Не сегодня. Вон, ты вся дрожишь от возбуждения. За рулем нужно быть спокойной. А сегодня ты избавилась от страха перед машиной, и это уже очень хорошо. Завтра будет уже легче. Куда двигаем дальше?

Рассаживаемся, и Элиза опять повезла нас по городу, оживленно болтая о чём-то с Анной.

– Ой! — вскрикнула Антогора. — Смотрите, школа гладиаторов!

На стене трехэтажного здания висит большой щит с изображением рыцаря в доспехах и с мечом.

– Это клуб и школа фехтовальщиков, — засмеялась Анна и что-то спросила у Элизы. — Она говорит, что можно зайти и посмотреть. Пойдем, Антогора?

– А кто это — фехтовальщики?

– Это мастера состязаний с оружием, но без крови. Развлечение такое.

– Давайте посмотрим. Мне интересно, — и Антогора вопросительно взглянула на меня.

– Конечно, пойдем, раз интересно.

Элиза быстренько всё разведала. Прямо сейчас идут дружеские соревнования без всяких призов. Но многие местные знаменитости фехтования здесь. В том числе и чуть ли не бессменный чемпион Михаэль Рюгер. Главный тренер клуба — Франц — оказался знакомым Элизы. Провел нас в большой фехтовальный зал, устроил у

самой площадки и остался с нами. На площадке двое здоровяков лупят друг друга саблями под подбадривающие возгласы публики. Оба уже тяжело дышат, но, как видно, перевеса ни у одного из них так и нет. Гонг. Судья объявляет ничью. А Анна переводит комментарии тренера:

– На этом состязания на саблях кончаются. Сейчас померяются силами бойцы на шпагах. Будет всего три боя на выбывание. Соревнования дружеские, и поэтому бойцов мало. Михаэль Рюгер в синей рубашке. Вон он разговаривает с остальными тремя фехтовальщиками. Сегодня все одеты не в форму, а фехтуют в своей повседневной одежде. Такова традиция дружеских встреч.

– А что такое шпага? — тихонько спрашивает меня Антогора.

– Это такие длинные, тонкие и гибкие мечи для колющих и режущих ударов. Вон видишь, лежат. Можем попросить посмотреть.

– Попроси.

– Анна, спроси у Франца, нельзя ли посмотреть спортивную шпагу.

– А что значит "спортивную"? — пытает меня Антогора.

– Спорт — это состязание на ловкость и выносливость, а не на увечье или смерть. Ты же наверняка слышала про Олимпийские игры в Греции.

– Слышала. Понятно. Это и есть шпага? — спросила любознательная амазонка, принимая из рук Франца оружие. — Тупая и шарик на конце. Конечно, это оружие не для боя, а для игры. А как гнется здóрово! Очень интересно. А кто становится победителем?

– Тот, кто первым коснется противника кончиком шпаги.

Звучит гонг, и первая пара соперников в защитных масках начала бой. Антогора внимательно следит и за движением шпаг, и за движениями бойцов.

– Победит, скорее всего, тот, кто справа, — говорит Антогора.

Анна передает слова Антогоры тренеру. Тот удивленно смотрит на амазонку.

– Почему?

– Он больше другого старается не дать коснуться себя кончиком шпаги. Это уже половина выигрыша. А случайность, что противник откроется, у обоих равная. Так что преимущество у правого бойца.

Так и вышло. Через минуту левый боец пропустил выпад в плечо. Против победителя вышел Рюгер. Этот бой затянулся. Оба соперника, казалось, равны. Но противник Рюгера стал быстрее уставать после шестой минуты схватки.

– Что скажешь? — спрашиваю Антогору.

– Хорошие бойцы для такого легкого оружия. Мне бы больше чем против троих таких не устоять.

Услышав через Анну такое нахальное заявление, Франц рассмеялся.

– Троих противников подряд может выдержать только Михаэль, — передал он.

– Антогора говорит о трех противниках не подряд, а одновременно, — уточнил я.

Франц перестал смеяться и внимательно посмотрел на девушку.

– Она занимается фехтованием?

– Не совсем фехтованием, но вооруженными схватками с любым холодным оружием.

Франц задумался. Между тем гонг возвестил, что противник Рюгера уже вышел из строя. Третий бой был скоротечен, и Рюгер в тридцать секунд завершил его своей победой. Публика эмоционально приветствовала своего кумира. Между тем Франц на что-то решился и передал через Анну:

– Сегодня дружеская встреча, и в ней может участвовать любой желающий. Не согласилась бы ваша спутни-

ца продемонстрировать свое мастерство в паре с нашим чемпионом? Я попробую его уговорить.

Михаэль Рюгер с любопытством взглянул на Антогору и отрицательно покачал головой. Тренер начал ему что-то настойчиво объяснять. В конце концов чемпион сдался и с недовольной миной на лице кивнул, соглашаясь.

– Всё в порядке, — сообщил Франц, подходя к нам, — можно выходить на площадку.

Судья начал что-то говорить во всеуслышание. Я понял только два слова: "Антогора" и "Рим". Начавшая было расходиться публика вернулась на места. Все (и особенно женщины) с пристальным вниманием разглядывают вышедшую на площадку Антогору. Михаэль, однако, не спешит. Антогора переминается с ноги на ногу, уткнув кончик шпаги в носок своей сандалии. Франц подносит ей маску, но девушка отрицательно мотает головой. Тренер пожимает плечами и отходит. Выходит Михаэль и, увидев противницу без маски, свою тоже отбрасывает в сторону. Джентльмен-таки!

Антогора стоит свободно и небрежно, вполоборота к Михаэлю, зацепив большой палец левой руки за пояс шортиков. Шпага в полусогнутой руке. Михаэль пробует реакцию противника на касание клинков. Реакции никакой. Антогора даже не шелохнулась. Похоже, чемпион слегка озадачен. Это у противника такая тактика или отсутствие какой-либо стойки у новичка, впервые вышедшего на площадку? Михаэль предлагает обмен ударами, и клинки зазвенели во всё ускоряющемся темпе. Похоже, что неподвижность стойки Антогоры всё сильнее озадачивает Михаэля. Она не трогается с места и одновременно не дает к себе приблизиться. Сразу чувствуется, что она далеко не новичок. Но с другой стороны, неподвижность вроде бы делает даже опытного противника уязвимым для выпада. Ведь он не готов движением тела уйти от опасности. Михаэль пытается проверить это, сделав сильный удар по клинку Антогоры, чтобы

раскрыть ее. Получилось совершенно обратное. Клинок нападающего оказался отраженным с такой силой, что сам Михаэль оказался открытым и получил небрежный шлепок плашмя шпагой Антогоры по левому плечу.

Чемпион поражен, а Антогора покачивает шпагой, призывая продолжать. Касания кончиком шпаги ведь не было! Публика замерла. Михаэль всё же оправился от неожиданности и решил повторить атаку — видимо, не только с сильным ударом, но и нажимом на оружие противника. С полминуты противники просто звенели клинками. Вдруг Михаэль сделал полшага вперед и нанес сильный удар справа налево. Однако там, где ожидалось встретить клинок Антогоры, его почему-то не оказалось. Удар был нанесен в пустоту. Не встретившего сопротивления Михаэля по инерции развернуло вокруг оси на четверть оборота, и он получил ощутимый шлепок шпагой Антогоры по спине. Бой остановился. Публика замерла, и в зале наступила мертвая тишина. Михаэль просто побагровел — то ли от досады, то ли от обиды, то ли от возмущения. Бросил оружие на пол и сошел с площадки. Антогора удивленно посмотрела ему вслед и подошла к нам. Франц принял от девушки шпагу и о чём-то заговорил с Элизой. А мы под рокот голосов ожившей публики пошли к выходу.

У машины нас догнал Михаэль Рюгер и начал что-то виновато и сбивчиво объяснять.

– Он извиняется за свое недостойное поведение на площадке, — перевела Анна, — и просит простить его. Ему следовало принять поражение как факт существования более сильного соперника, а не демонстрировать обиду.

Михаэль между тем поймал руку Антогоры и приложился к ней губами.

– Что это он? — поразилась она. — С ума сошел, что ли?

– Это так мужчины здесь выражают уважение к жен-

щинам, — пояснил я. — Только к некоторым, разумеется, вроде тебя.

– Уважение? Это хорошо. Уважение мне нравится. Анна, скажи ему, пожалуйста, что я не в обиде.

Подошла Элиза с Францем и передала через Анну:

– Франц просит вашу спутницу об уроке ее техники. Если это возможно и когда ей будет удобно.

– Передайте Францу, — ответил я, — что мы благодарны за его интерес и гостеприимство. Если у Антогоры будет свободное время и желание, то она заглянет в клуб. Но насчет уроков вряд ли. Для того чтобы воспользоваться опытом Антогоры, нужна специальная физическая подготовка с раннего детства. Без нее уроки бессмысленны и невыполнимы, — я взглянул на Антогору, и она кивнула в подтверждение моих слов.

Михаэль стоит рядом, внимательно слушает и вполголоса как бы про себя что-то бормочет. Затем обращается к Анне.

– О чём он там? — спрашиваю я.

– Сожалеет, что у него нет такой подготовки. А также предлагает помощь, если в чём-то потребуется. Он работает в муниципалитете, и в будни его всегда можно там найти.

– Поблагодари. Вот совершенно случайно мы обзавелись и полезными доброжелателями.

Я пожал Михаэлю и Францу руки, и мы погрузились в свой экипаж.

– Вы знаете, — сказала Антогора, — со всеми этими событиями и переживаниями у меня что-то неожиданно возникло чувство голода. К чему бы это?

– К ужину, наверное, — предположила Анна.

– И в самом деле, — поддержал я, — дело уже к вечеру. Однако ужинайте вдвоем или втроем, а мне пора домой. Подкиньте меня до камушка.

Анна что-то сказала Элизе, и мы двинулись к дороге из города. Буквально через пять минут мы уже доехали

до нужного места. Я вышел под удивленным взглядом нашего гида, подождал, пока Элиза развернет машину, отъедет, и нырнул в замшелый булыжник. В подземном зале околачивается Габор. Стоит у загородки и созерцает мерцание стеклянных шаров.

– Ты что тут делаешь?

– Возвращаюсь из Багдада и вот засмотрелся.

– Из Багдада? Ты же должен был сходить туда вчера.

– Я и был вчера.

– Видел?

– Видел.

– А теперь и сегодня?

– И сегодня.

– Вот даже до чего дошло? Ну, это ваше дело.

– Она веселая и добрая.

– Это верно.

На кухне меня благосклонно покормили и поинтересовались, куда подевались остальные. Не продал ли я их в рабство?

– Продал в чужие края, но только на время. На днях отдадут обратно.

– С подарками?

– Не знаю. Чего бы нам тут с вами поделать, чтобы со скуки не погибнуть? А?

– Можно к нам в племя съездить, — предложила Охота. — Там точно скучать не придется. Антиопа кому угодно работу найдет.

– А можешь, Сергей, и в римский лупанарий* прогуляться, — посоветовала Ферида. — Там веселья хоть отбавляй. А мы с Охотой тем временем к Василию заглянули бы — вкусной баранинки поесть. Далековато, правда.

– А чего-нибудь поближе не придумаете?

– Можно фавнов погонять, — буркнула Охота. — Но тебе это вряд ли интересно и не по силам, пожалуй, будет. И, вообще — почему ты нас об этом спрашиваешь?

Для Антогоры ты сам развлечения находишь, а нас с Феридой в другие страны не берешь.

– Вы что, обижаетесь? Этого еще только не хватало! Не ждал я этого от вас. Антогора-то по делам ходит, а не ради развлечений. Да, одновременно ей там и интересно, но это уж так, попутно.

– Мы тоже хотим по делам и интересно. Пусть даже и попутно.

– Это безобразие. Вы же не маленькие, чтобы капризничать как дети. Что вам Антогора нарассказывала?

– Что там какие-то странные штуки, которые ты называешь машинами. Сначала побоишься немного, а потом становится интересно. И люди там совсем другие, и дома тоже интересные, и лавки совсем не такие, как в Риме.

– Вот-вот, и лавки тоже очень интересные, — поддержала Ферида подругу, легонько похлопав себя по ягодице. — Вот там, что у меня, принесенное Антогорой? Как называется?

– Трусики.

– Я же и говорю, что лавки интересные. И название "трусики" тоже интересное. Только Антогоре все интересности и достаются, а мы от скуки страдаем. Нам обидно и огорчительно.

– Ладно, ладно, есть одно место, куда я собирался сходить когда-нибудь. Возьму вас с собой. Только, чур, бояться недолго, слегка и без криков.

– Мы вообще не будем бояться, если с тобой.

– Только вот во что вас одеть?

– Как во что? А наши обновки?

– Обновки хороши здесь и там, где сейчас Анна с Антогорой. А там, куда я собираюсь, одеваются совсем по-другому. Нельзя очень сильно выделяться. Вот что — с утра пораньше пойдем к Анне с Антогорой и попробуем в интересных тамошних лавках найти что-нибудь подходящее.

*

Не очень-то ранним утром мы втроем уже стояли у коричневого шоссе и смотрели, как мимо пробегают шестиколесные и восьмиколесные машины. Но за полчаса до этого мне пришлось поработать парикмахером. Девочки потребовали, чтобы я их причесал так же, как Антогору. Пришлось подчиниться. Не без удовольствия, естественно. Великолепные волосы амазонок скользят между пальцев, как струя воды. Гребень не встречает ни малейшего сопротивления.

– Вот видите, — говорю я, — эти повозки просто без лошадей. А люди внутри не съедены этими повозками, а сидят и управляют повозками, как лошадьми.

– А как же они могут ехать, если повозки никто не тянет и не толкает? — вполне законно поинтересовалась Ферида, как бы невольно, как и Охота, держась ко мне поближе. — Как-то непонятно и жутковато это.

– Жутковато потому, что непонятно. Ты же заводишь в библиотеке часы, которые Александр откуда-то притащил?

– Завожу.

– И тебя ведь не удивляет, что внутри что-то тикает, крутится и двигает стрелки? Хотя часы никто не тянет и не толкает.

– Не удивляет. Мы привыкли. Хочешь сказать, что повозки заводные?

– Не совсем, но вроде того. Только заводятся эти повозки, называемые машинами, не как часы.

– Тогда и в самом деле не страшно, — отважно успокоила себя Охота.

– Конечно, не страшно, — поддержал я девушек и поднял руку.

– Генрихштрассе? — спросил я у водителя, и он кивнул головой, с интересом оглядывая двух красавиц в курточках и шортиках.

Девочек всё же пришлось слегка подпихнуть к ма-

шине для придания решительности. Остановились прямо у отеля "Швейцер". Высадились мгновенно, и пока мы шли к дверям, девочки всё оглядывались на зверя, на котором приехали. Водитель же не отъезжал и чуть ли не с восторгом смотрел им вслед. Портье оказался тот же, что и вчера. Узнал меня и с сожалением развел руками, показав на доску с ключами. Не стал дожидаться непонятных для него вопросов и показал жестами, что пара постоялиц с гидом отправились завтракать минут пятнадцать назад.

– Девочки, нам нужно поскорее их догнать. Если упустим, то Анна и Антогора не вернутся до вечера, и мы зря сюда пришли.

Понеслись чуть ли не бегом к площади с памятником Швейцеру. Слава богу, красный лимузин стоит у кафе. Заходим. Наши сидят опять в середине зала и удивленно смотрят на вошедшую компанию. Охота и Ферида чуть ли не разинув рот осматривают кафе, не имеющее ничего даже отдаленно схожего с заведением Василия в Риме.

– Вот, решили позавтракать вместе с вами, — обронил я сидящим за столом.

Мигом появились еще стулья и приборы.

– Надоело, что утром всё каша да каша. Нужно потешить организм, а заодно и вас проведать.

Элиза, смеясь, что-то прошептала Анне.

– Она говорит, что вчера познакомилась с одним чудом в шортиках, а сегодня видит сразу три. Просто не верится.

И действительно, если бы не разный цвет костюмчиков, то девушек было бы трудно различить.

– Анна, закажи, пожалуйста, и нам по котлетке и легкое пиво. Вообще-то мы здесь, как и вы, не просто так.

– Что-то случилось? — забеспокоилась Антогора.

– Нет, просто девочки обижаются, что тебе вот поручается интересная работа, а им нет. Дело я им, может

быть, найду в другой стране, но только вот одеть их нужно примерно так, как там одеваются люди.

– Понятно. Надо так надо.

– Если не секрет, куда вы собрались? — заинтересовалась Анна.

– К пропавшей студентке.

– В Париж, стало быть?

– В него, родимый. Правда, по моим прикидкам, момент для этого там может оказаться не самый удачный.

– Почему?

– Если учесть время, прошедшее от пропажи студентки, то там сейчас где-то начало двадцатых годов. Если студентка изначально не ставила определенных положительных условий, то там может оказаться повторение того, что было у нас.

– Ты имеешь в виду послевоенное нашествие больших масс русских эмигрантов? — догадалась Анна. — В том числе и воинствующих? Это было бы скверно. Полиция будет свирепствовать, и без документов там придется трудно. Хотя, с другой стороны, обилие русских в Париже было бы и на руку. Впрочем, русских там всегда оказывалось много и без эмиграции.

Принесли котлетки, пиво, и мы с девочками набросились на них. Правда, они всё время несколько растерянно оглядываются по сторонам. Однако непривычность обстановки не помешала им по достоинству оценить и кёльнские котлеты, и светлое пиво.

– Антогора!

– Да.

– Как у тебя с настроением? Не испугаешься опять сесть за руль машины?

– Хоть прямо сейчас. Ты правильно говорил, что нервы успокоятся. Будем ездить?

– Будем. Нужно Охоте и Фериде показать, что машин бояться не нужно. А то они не смогут нормально себя чувствовать в мире с машинами. Потом пройдемся по

лавкам и поищем для твоих подруг подходящую одежду. После этого мы уйдем домой.

Ёмкая штука — лимузин. Нас шестеро, и еще для троих место осталось. Элиза села за руль, и мы отправились на автодром. Снова за пять марок перед нами подняли шлагбаум. Сегодня мы тут не одни. Еще двое новичков пытаются освоить премудрости вождения. Но свободного места столько, что помешать друг другу надо умудриться. Элиза и Анна вышли из машины, а я спрашиваю у Фериды и Охоты:

– Не боитесь, что Антогора сейчас попытается везти нас на этой жуткой повозке?

– Она же сама еще жива, — отвечает Охота. — Может быть, и нас пронесет мимо царства Плутона*. Мы ведь сами напросились.

– Хорошо, оставайтесь, где сидите.

Мы с Антогорой устроились впереди. Я погладил ее по руке.

– Я спокойна, я спокойна, я спокойна, — трижды, как заклинание, повторила она, медленно нажимая правую педаль.

Машина плавно сошла с места и всё быстрее и быстрее покатила в дальний конец автодрома. Похоже, что Антогора и за руль держится без вчерашнего напряжения, и не дергает его судорожно. Так, чуть-чуть покачивает его из стороны в сторону, стараясь ехать по прямой. Наверное, наблюдала за Элизой, пытала Анну и сама настраивалась со вчерашнего дня. Оборачиваюсь. Охота с Феридой держатся за руки, а в глазах ни малейшего беспокойства! Лишь немало удивления. Только хотел подсказать, что пора сбрасывать скорость, как Антогора отпустила правую педаль и стала легонько притормаживать. Осторожный, ровный, несуетный разворот — и мы мчимся обратно. Девушка прекрасно чувствует машину. Останавливаемся возле Элизы и Анны. Антогора оборачивается ко мне:

– А?

Вместо ответа я на секунду прижимаю ее к себе. Оставляем Антогору одну и с полчаса наблюдаем, как она пытается крутить всякие фигуры. Сначала просто так, произвольно, а потом по линиям разметки. Не всё получается. Так и машина большая, громоздкая, хоть и послушная.

– Крикни ей, чтобы заканчивала, — говорю Охоте. — Пора пройтись по лавкам. А то она до вечера будет тут крутиться.

Антогора с сожалением уступает место Элизе, и мы едем обратно на Генрихштрассе — в тот же самый магазин, где покупали костюмчики с шортиками. Нас с Антогорой еще помнят. А может, не нас помнят, а костюмчики на девочках признали. Не дешевенькие ведь костюмчики! Во всяком случае, вокруг нас суетятся. Анна припоминает:

– В двадцатых годах мода была на юбки до колена и чуть ниже колена. Также начали входить в моду брючные костюмы почти мужского покроя. Что будем искать?

– Если там обстановка будет беспокойная, то на всякий случай нужна одежда, не сковывающая движения и не выглядящая смешно и нелепо в драке.

– А что — придется подраться? — осведомилась Ферида.

– Не знаю, всё может быть.

– Значит, ищем свободные брюки, — заключила Анна и сказала что-то сопровождавшему нас продавцу, который провел нас в брючный отдел.

– Охота, Ферида — девочки, смотрите, что вам понравится из костюмов. Вот примерно таких, какой надет на этого болвана. Требование одно: брюки — а вот эти длинные штуки так и называются, — должны быть свободными.

– Почему на болвана? — заинтересовалась Ферида. – Это женская статуя.

– Ну, тогда на болванку. Или, если уж тебе так очень хочется, то на лавочную статую.

– Нет, лавочная статуя — это что-то несуразное, — засомневалась Антогора. — Пусть уж лучше болванка. Девочки, выбирайте!

Выбирали долго, но выбранное понравилось всем. Серо-голубой и серо-зеленый костюмы в мелкую клетку сидят на амазонках как сшитые на заказ. Идеальные, эталонные фигуры у девочек! Правда, брюки не такие уж и свободные. Недвусмысленно обрисовывают соблазнительные формы Охоты и Фериды. Но других брюк — пошире — нет. Да и укороченные, приталенные пиджачки с длинным рукавом тоже ничего не скрывают. Под эти костюмы прекрасно подходят голубая и зеленая блузки. Белые тоже. Так что взяли те и те. Туфли на низком каблуке подобрали в соседнем обувном магазине. Там же Антогора облюбовала для себя босоножки, примерила и взяла две пары разного цвета. В галантерейном магазине разжились вполне приличными и емкими наплечными сумками, а девочки набрали себе еще и всяких самых разных расчесок и гребней. Теперь в гостинице появимся не иначе как с багажом. Вроде всё.

– Ну, что — нам пора. Подкиньте нас до камушка.

Элиза опять подивилась месту нашей высадки, но без вопросов развернулась и уехала. Подождали, пока шоссе опустеет, и вошли в камень. Когда спускались по лестнице в подземный зал, Охота спросила:

– Сергей, а нам ты при случае покажешь, как управлять машиной?

– Я не умею. Даже не пытался никогда. Если будет возможность, то сами попробуете. Там, куда мы пойдем, машины тоже есть. Правда, не совсем такие, как вы видели, а посложнее в управлении. Да и другие машины там будут тоже. Огромные и шумные. Здесь я их еще не встречал.

Вернувшись на виллу, мы переоделись. Девочки в

брюках, женских пиджаках и цветных блузках чувствуют себя так же превосходно, как и в чём-либо другом. Обе выглядят совершенно невинно, как курсистки. Если кто не видел, как они прежде, чем надеть брюки подвязывают под коленки свои ножи, то никогда бы не подумал, что эта пара представляет какую-либо угрозу. Набили в сумки всякую всячину, которая может понадобиться путешественнику. На всякий случай захватили и шортики с курточками. Париж — он такой! Падкий на всякие модные штучки. Вдруг понадобится его поразить. Предупредили Мара, чтобы если что — то звал бы на помощь фавнов. Прихватили изрядную толику золотых монет и распихали их по карманам. Вроде всё. Можно идти гулять. Напутственный инструктаж:

– Я сам там еще ни разу не был, но думаю, что мы можем столкнуться с некоторыми неприятностями. Две из них очень серьезные. В этом мире существует оружие, которого вы не знаете и защиты, от которого у вас нет. Я постараюсь потом показать, что это за оружие. Тут главное — не давать противнику им воспользоваться и обездвижить его, как только он потянется за оружием. Первый признак того, что оружие может быть применено, — это враждебность в словах и жестах. Но вам самим как-то нужно отличать угрозу словами от угрозы драки или угрозы для жизни. Только последнее связано с неизвестным вам оружием.

– Понятно, — согласилась Охота. — Хотя, что касается меня, то я бы на всякий случай любую угрозу сначала привела бы в лежачее положение. Потом проще разобраться, есть оружие или нет.

– Неплохой вариант, но там слишком много народа вокруг. Не будешь же крушить всех подряд, кто косо на тебя посмотрел. Ладно, вторая неприятность — та, что у нас нет никаких документов. Другая страна — другие порядки.

– Что это еще за документы такие? Мы знаем, что

купчая — это документ, а причем здесь она.

– Документ — это письменное свидетельство какого-то случая. В том числе и купли-продажи. В некоторых странах письменно свидетельствуют рождение и взросление человека. На этом свидетельстве есть рисунок лица человека. Такой документ подтверждает, что перед тобой именно тот человек, а не кто-то другой, назвавшийся его именем. Понимаете?

– И у тебя в твоей стране есть такой документ?

– Есть. Он называется "паспорт". Но он не всегда является документом в другой стране. Так что там, куда мы с вами пойдем, у нас не будет ничего, что могло бы подтвердить, что мы — это именно мы. Паспорт могут спросить на постоялом дворе, и если его нет, то нас не пустят даже переночевать.

– Ну и порядки! — воскликнула Ферида. — Написать ведь можно тоже всё, что угодно.

– Возможно, но не так-то просто. Там ведь печати и еще много всякого, чего легко не сделать. Паспорт так же трудно создать, как золотую монету. Так что если у нас будут спрашивать паспорт, то самое умное — это побыстрее удрать.

– Да? Удрать? Обидно, но что поделаешь. Будем удирать. Зато как интересно! Мне еще ни разу не приходилось удирать! — восторженно заявила Охота.

– Интересно? Ну, тогда пошли!

*

Выход во Францию оказался из обломка какой-то скалы неподалеку от железнодорожного полотна. Правда, самого полотна от камня не видно впереди за деревьями и кустами. Зато позади не так уж далеко видно булыжное шоссе, идущее параллельно железной дороге. Прошли немного вперед. Остановились метрах в двадцати от рельсов.

– Девочки, нужно осмотреться и приметить место. Мало ли что вдруг произойдет и мы разминемся. В этом

случае встречаемся здесь. Вот скала довольно приметна.

– А что это там вдалеке? — спросила Ферида, указывая на Эйфелеву башню.

– Там большой город. Называется Париж. А вот по этой странной дороге перед нами ездят очень большие и шумные машины.

Где-то не так уж далеко слева послышался протяжный гудок паровоза. Чего бы паровозу гудеть, если он не отходит от станции? Судя по звуку, дотуда не больше, чем с километр.

– Похоже, что сейчас большая и ужасная машина промчится мимо нас. Приготовьтесь бояться.

Уже слышны приближение паровоза и гуденье рельсов. Девочки насторожились. В клубах дыма и пара, шипя и натужно пыхтя, мимо нас с грохотом несется большой черный паровоз с пассажирскими вагонами. Люди беззаботно стоят у окон, а кое-кто машет нам рукой. Девочки прижались ко мне и широко раскрытыми глазами смотрят на этого длиннохвостого дракона. Словно специально, поравнявшись с нами, машинист дал короткий гудок, от звука которого девочки вздрагивают. Да и я тоже.

– Ну как? — спрашиваю, когда грохот замер вдали.

– Если бы ты не предупредил, что будет страшно, то я бы удрала непременно, — облегченно вздохнув, призналась Охота.

– Я бы тоже, — поддержала ее Ферида, — и долго не останавливалась бы. Такое страшилище! И там ведь люди ехали. Мы тоже на этой штуке поедем?

– Поедем. Но сначала нужно добраться до места, где эта штука, которая называется "поезд" останавливается. Давайте пойдем налево по тропинке.

Тропинка минут через десять-пятнадцать влилась в улицу не то маленького городка, не то большого села. Чистые, опрятные домики, выметенная мостовая, ма-

ленькие магазинчики и кафе со столиками на улице. Бумажных денег нет. Иначе присели бы, чтобы освоиться с новой обстановкой. Сидящие в кафе и встречные люди провожают нас взглядами. Некоторые приветливо кивают. Отвечаю тем же. Вот и здание вокзала. На стене крупные буквы "Марли". На русском языке! Всё понятно. Студентка была не глупа.

– Так, похоже, что нас здесь поймут, — говорю девочкам. — Идем обратно.

Возвращаемся к кафе. Сидящая публика благосклонно и оценивающе уставилась на моих спутниц. За столиком у двери сидит, видимо, хозяин в ожидании заказов. Лысоватый мужчина лет пятидесяти в фартуке. Подходим к нему.

– Вы позволите у вас присесть? Э-э…

– Мишель, месье…

– Серж.

– Конечно, какие могут быть возражения, Серж, против такой блестящей компании? Я просто польщен вашим вниманием к моему заведению. Чем могу служить?

Подаю знак девочкам и, положив сумки на свободные стулья, усаживаемся за столик с хозяином.

– Понимаете, Мишель, мы здесь оказались совершенно случайно и без денег. Вы не подскажете, где тут у вас можно было бы поменять немного золота на бумажные деньги?

– Золота? Разве что только у Феликса. Сверните налево, и это будет за углом второй дом. У него можно поменять что угодно на что угодно.

– Спасибо, Мишель. Я тогда отойду на минутку и оставлю своих спутниц на ваше попечение. Приглядите, чтобы их никто не обидел.

– Никаких возражений. Такая прелесть в моем кафе! Можно их угостить вином?

– Вином лучше не надо. У вас есть хороший лимонад?

– Конечно. Всякий разный. И притом свежий. Каждый день привозят из Парижа.

– Вот лимонад — как раз то, что нужно. А если бы были еще и пирожные, то стало бы совсем чудесно. Я за всё заплачу.

– Пирожных нет, но можно послать за ними в кондитерскую напротив.

– Очень хорошо. Бисквитные с кремом были бы очень желательны, и побольше. Я тоже присоединюсь.

Оставляю кафе и сворачиваю за угол. Действительно, на втором от угла доме красивая вывеска "Антиквариат Феликса. Сувениры, подарки, ссуды". Звон колокольчика над дверью. Внутри красиво и изобильно. Старинные часы, картины, статуэтки, восхитительная мебель и великое множество других поразительных вещей. Просто глаза разбегаются. Хозяин за прилавком. Седой, лет шестидесяти и в больших очках.

– Мне посоветовал обратиться к вам хозяин кафе Мишель.

– Чем могу быть полезен?

– Не смогли бы вы обменять мне немного золота на бумажные деньги? Оказался внезапно без наличных в кармане.

– Отчего же — если немного, то нет препятствий.

– Достаю из кармана пару ауреусов и кладу на прилавок.

Антиквар берет одну из монет и закручивает ее волчком на стекле прилавка, прислушиваясь к звону трепещущей монеты.

– Хорошее золото.

Достает лупу и разглядывает обе.

– Если бы не надписи, то я дал бы голову на отсечение, что монеты древнеримские.

– Да, действительно, — это сувениры.

– Не морочьте мне голову, молодой человек! Следы времени остаются даже на золоте. Никакие это не суве-

ниры, но и что это на самом деле, я тоже сказать не могу.

– А у вас не найдется римской монеты? Никогда не видел. Интересно бы взглянуть.

– Сейчас, подождите.

Антиквар вышел и вернулся минут через пять.

– Вот, — и кладет свою монету рядом с моими.

Тоже золотой ауреус, но с надписями на латыни. Абсолютные копии, если бы не буквы. Я уже давно перестал понимать, что происходит в наших мирах с историей. Вроде ее в буквальном виде не существует и не может существовать — и вдруг где-то неожиданно прорывается.

– Да, интересно, но я претендую на обмен лишь по цене золота.

– Вот и хорошо. Вес я знаю. Я дам вам по тысяче двести франков за штуку. Устроит?

– Вполне, но если возможно, разными купюрами для карманных расходов.

– Пожалуйста, — и антиквар отсчитывает мне весьма внушительную пачку купюр разного достоинства.

В кафе царит молчаливое веселье. Публика тихо давится от смеха, глядя на Охоту с Феридой, а те ничего вокруг не замечая, лакомятся бисквитными пирожными и лимонадом. Мордашки перемазаны кремом. У Охоты в нём даже кончик носа.

– Мишель, что же вы так! Я ведь просил приглядеть, чтобы девушек никто не обидел, а вы сами что устроили. Неужели нельзя было дать им ложки?

– Извините, Серж, я просто не успел. А потом подумал, что всё равно уже поздно. Вот ложки. Когда пирожные принесли, я как раз и пошел за ложками, а когда вернулся, то такую картину и застал.

– Принесите влажную салфетку.

Аккуратно оттираю измазанные личики и пальцы от крема. А девочки совершенно не стесняются окружаю-

щих.

– Вкусно-то как! Никогда такой штуки не встречала, — восхищается Ферида.

– Да, в Риме такого не найдешь, — вторит ей Охота. — Можно продолжать?

– Можно, но, пожалуйста, только ложками. Вот так, как я. Мишель!

– Да!

– Скажите, пожалуйста, когда поезд на Париж.

– Через полчаса. Почти сразу как пройдет Восточный экспресс, который здесь не останавливается. От Марли до Парижа пятнадцать минут езды с одной остановкой. Так что нет смысла брать дорогие места. Можно доехать за полтора франка с человека.

– Отлично. У вас очень симпатичное кафе.

– Спасибо. Заходите, когда опять окажетесь в наших краях.

– Непременно.

Мишель запросил с нас двадцать пять франков. Дал ему тридцать. Билеты по полтора франка в сидячий вагон. В сидячий, так в сидячий. На перроне почти никого. Прогрохотал Восточный экспресс. При подходе нашего поезда мы всё-таки немного напряглись, но пугаться уже не стали и вполне чинно вступили в вагон. И здесь народу тоже немного. Весь недолгий путь девочки простояли у окна, с восторгом глядя на проплывающий пейзаж и подставляя лица упругому ветру.

Восточный вокзал. Куда теперь? Уже вечереет, и нужно первым делом устроиться с ночлегом. В голове вертится только одно название, почерпнутое из каких-то книг, — отель "Ритц". Киоск. Подробная карта Парижа и карта мира нам понадобятся. Отель "Ритц" оказался на Вандомской площади. Очень хорошо — центр города. Выходим из вокзала. Такси! Внешне — ну и колымага, по сравнению с современными машинами. Внутри вроде бы и благообразно. Грузимся.

– Отель "Ритц".

– Да, месье.

Езды километра два-три. Отдаю пять франков, и мы с девочками вступаем в чертоги для приезжих аристократов и богатеев. Дворец! Но девочки не очень-то поражены. Вилла Александра выглядит ничем не хуже. Разве что здесь объемы много больше.

– Что это? — шепчет мне на ухо Охота.

– Постоялый двор. Называется "отель".

– Ты что, шутишь? Разве бывают такие постоялые дворы?

– Здесь бывают. Видела же, когда сюда ехали, какие кругом дома. Не то, что в Риме.

– Да-а, завидный постоялый двор. Жаль будет, если нас отсюда попрут. Эй, эй, тебе чего? — это она уже мальчику в униформе.

– Не беспокойся, отдай ему свою сумку и ты, Ферида, тоже, — и сам подаю пример.

Один из портье за стойкой уже ждет, когда мы подойдем, наблюдая за нами от самого входа.

– Нам два или три смежных номера с окнами на улицу. Люкс не обязательно. На три дня. Оплатим прямо сейчас, чтобы не возиться, если понадобится срочно уехать.

– Есть на третьем этаже два семейных с ванными между ними. Девятьсот франков за три дня.

– Отлично.

Не спрашивая никаких документов, портье пододвигает мне журнал регистрации. Записываю Охоту и Фериду Амазонских и Сержа Андроника. Все из Рима. Расплачиваюсь. Девочки стоически, ни пискнув, перенесли подъем в лифте. Комнаты отличные, и горничная тут как тут — на случай вопросов. Заглядываю в ванные, туалеты. Горничная показывает кнопки вызова персонала и включения света. Девочки внимательно следят за ней. Вопросов нет. Чаевые. И мы остаемся одни.

Только за горничной закрылась дверь, как Охота срывается с места и мгновенно оказывается у двери. Похоже, у Фериды было то же намерение, но она чуть замешкалась. Цель интереса обеих — выключатель люстры.

– Смотри-ка — сами загораются и огонь высекать не надо! А уж как ярко!

В спальне многократному испытанию подверглись лампы на тумбочках у кровати. А уж почему бы и не поплясать на самой кровати, если пружинный матрас может подбросить чуть ли не до потолка? Водопровод не удивляет, а вот душ и горячая вода вызвали восторг. Биде озадачило. Объяснять назначение этого предмета не стал. Сами поймут. По поводу телефона меня подвергли допросу с пристрастием. Начались эксперименты. После нескольких опытов девочки, сняв трубку, уже перестали оглядываться по сторонам в поиске того, кто говорит "телефонная станция" им в ухо.

В конце концов, мы все высунулись в распахнутое окно и стали созерцать уже темную Вандомскую площадь. Напротив отеля какой-то банк. Названия во мраке не разобрать. Пара больших магазинов. Один вроде верхней одежды, а другой ювелирный. Светятся столики кафе, выставленные на тротуар. Блистает разноцветье множества окон. От Вандомской колонны в свете фонарей видны только основание и контур вершины на фоне синего неба. Фары машин снуют в обе стороны мимо колонны. Всё же темновато. Время неоновой рекламы, мощных фонарей и освещения фасадов зданий еще не пришло.

– Может, пойдем перекусим вон в то кафе? Или же здесь в отеле должна быть большая харчевня, которую называют рестораном.

– А где интереснее, Сергей?

– Наверное, там, на площади. Потом пойдем, погуляем.

– Тогда в кафе. Там тоже пирожные будут?

– Посмотрим.

В кафе оказалось кое-что не хуже пирожных. После вполне приличных отбивных я заказал мороженое. Лучше бы не заказывал! Никакие резоны о том, что от излишества может заболеть горло, не возымели действия. Пока не перепробовали хотя бы по капельке все сорта, девочек с места было не сдвинуть. Так и просидели до закрытия кафе. Прогулку пришлось отложить. Тем более что Ферида уже начала клевать носом.

Подождал, пока девочки улягутся, и развернул на столе в гостиной своего номера карту мира, купленную в вокзальном киоске. Через раскрытые двери между номерами видно, что в спальне девочек мельтешение прекратилось, но свет не погас. Ладно — пусть заснут покрепче. Потом погашу. Так, Франция на месте. Границы стран Западной Европы вроде бы более или менее привычные. Хотя вру. Венгрии нет. Есть Австро-Венгрия. Россия. Так и обозначено — Россия. Не Российская Федерация или СССР. И названия многих городов непривычные — дореволюционные. А таких населенных пунктов, как Новокузнецк или Комсомольск-на-Амуре, вообще, нет. Может быть, в этом мире Октябрьская революция и не состоялась? Может быть, всё так же монархия? Может быть, и Николай номер два на престоле? Может быть, и Первой мировой войны не было? Может быть — наличие Австро-Венгрии на это и намекает. Эх, надо было вместе с картами и газеты взять. Как это я прошляпил?

Если войны и революции в России не было, то это нам на руку. К русским в Париже должно быть благожелательное отношение. Политика, чёрт ее дери! Прав был Александр, когда как-то раз обратил мое внимание на интересное историческое обстоятельство. Какая бы ни была политическая система, какого бы то ни было государства, кончается всё и всегда одним и тем же — бунтом масс. А их требование в основе всегда одно и то

же по смыслу: "Прекратите нас убивать и грабить!" Так что, наверное, к лучшему, что в этом мире не было Октябрьской революции. Уж мы-то знаем, что ее результат для народа ничем не отличался от любого другого режима.

История, история… Она недвусмысленно говорит, что население никогда и ничего не выигрывает при любом крупном политическом режиме. А это наводит на очень интересную мысль. Любая известная политическая идея — хоть демократическая, хоть монархическая, хоть еще какая другая — несет в себе один и тот же искусственно созданный, разрушительный порок, который неизменен, смертоносен, вездесущ и скрыт для масс людей. А если кто и понимает, что это за порок и как он устраняется, то те молчат. Ибо "те" как раз идут и лезут во власть именно для того, чтобы этим пороком пользоваться.

Всё-таки удивительная и противоречивая штука наши миры, построенные машиной Швейцера. И самое интересное противоречие — это наличие одного языка в мире, где существует множество совершенно разных по укладу стран. Колдовство какое-то. Хотя это противоречие как раз и примиряет совершенно разных людей и, наверное, как-то скрадывает пороки власти.

Однако и мне пора бы отойти ко сну. На цыпочках прокрадываюсь в спальню девочек. Но, несмотря на мое старание не шуметь, всё равно Охота что-то почувствовала и приоткрыла глаза, а Ферида на другой стороне кровати продолжает сопеть во сне.

– Спи, спи, — тихонько шепчу я Охоте, погладив ее по голове, — я только свет погашу.

Девушка что-то неразборчиво пробормотала и опять смежила веки, а я выключил лампу, и выскользнул из их спальни.

*

Начало дня застало меня в банке "Париба" на другой стороне Вандомской площади. Перед этим мы позавтра-

кали в номере, и на всякий случай я поделил поровну между нами оставшиеся бумажные деньги. Получилось где-то по четыреста пятьдесят франков на нос. Забрал у девочек половину их золотых монет и, наказав им ждать меня, двинулся на промысел местных банкнот. В банке меня встретили с распростертыми объятиями и заявили, что только и ждали моего появления, чтобы услужить в обмене золота. Но всё вдруг застопорилось, когда я выложил монеты. Клерки стали вдруг очень осторожными. Начали кого-то искать и упорно не находить. Затеяли что-то проверять и не получать ответа, демонстрируя при этом полнейшую благожелательность.

Подозреваю, что их ввела в смущение странность монет, и они принялись выяснять, что это за монеты и не пропадали ли они где-нибудь до этого. Всё это заняло, наверное, много больше часа. От нечего делать я бродил по огромному операционному залу и время от времени смотрел в окна на площадь. Всё-таки какие-то нелепые, уродливые формы у автомобилей начала века. Хотя и проезжают некоторые экземпляры вполне приемлемого дизайна. Вот вроде бы "Мерседес". Ну да, точно он. Такой бы нам взять напрокат с водителем!

А это что? Фургон с красными крестами остановился у нашего отеля. Кому-то из постояльцев стало плохо?

– Прошу прощения, месье Андроник, — раздалось у меня за спиной. — Ваши деньги. Администрация банка просит не гневаться за задержку и быть всегда нашим клиентом. Восемьдесят пять тысяч франков, как вы просили, — разными купюрами.

– Благодарю.

Пачка толстая и в один карман не влезет. Рассовываю по разным и выхожу из банка. Увидев меня входящим, портье отеля что-то сказал коллеге и кивнул на меня. Не обращаю внимания. Моя джинса у многих вызывает удивление и интерес. Девочки сидят в гостиной моего номера с задумчивым и вроде бы каким-то вино-

ватым видом. На что я поначалу не обратил внимания.

– Всё в порядке. Деньгами мы обеспечены. Вот вам по двадцать тысяч франков. Если понадобится за что-то платить, то не вытаскивайте на свет всю пачку. Отщипните от нее немного и держите отдельно для расходов по мелочам.

– Понятно, а двадцать тысяч это сколько? — поинтересовалась Ферида. — Много?

– Много. Но насколько много я еще и сам не знаю. Выясним постепенно. Машину, наверное, можно купить. А, может быть, и не одну.

– С нас за мороженое взяли четыре франка.

– Так вы что, на улицу выходили?

– Только ненадолго в кафе, — призналась Охота. — Очень нам вчера мороженое понравилось, а тебя всё нет и нет.

Только тут до меня дошло, что настроение у них какое-то странное. Совсем не похоже на полученное недавно удовольствие.

– Что-то произошло?

Охота открыла было рот, чтобы ответить, но не успела ничего произнести. Мы услышали требовательный стук в дверь их номера. Охота смешалась. Быстро прохожу туда и распахиваю дверь. Двое мужчин.

– Что вам, господа?

– Нам нужны, — стоящий впереди мужчина лет пятидесяти заглянул в какую-то бумажку, — Охота и Ферида Амазонские. А вы, полагаю, — месье Андроник?

– Правильно полагаете. С кем имею честь?

– Комиссар полиции первого округа Вивьен Легран, — и мужчина показал какую-то бляху. — Со мной месье Буше — адвокат. Позволите войти?

– Входите, но говорить будете не с девушками, а со мной. Они мои подопечные.

– Подопечные? Это как? — поинтересовался Легран, проходя с адвокатом в номер. — Вы что, за них отвечае-

те? Перед кем или чем?

– Перед их родителями. Это мои племянницы. Присаживайтесь, господа.

– Понятно. Но какой, однако, молодой дядя! Может быть, оно и к лучшему. С женщинами иногда трудновато разговаривать, — и комиссар оглянулся на стоящих у камина Охоту и Фериду.

– Я не в курсе событий. Только что пришел. Они что-нибудь натворили?

– Можно и так сказать. Портье нам сообщил, что вы только что вернулись. Несколько минут назад месье Буше принес в комиссариат заявление о нанесении побоев и увечий его клиенту месье Фернану Мале. Это известный и уважаемый в Лионе финансист. Его отправили в больницу.

Я взглянул на девочек. Обе внимательно и с глубоким интересом изучают лепнину на потолке.

– Можно осведомиться об обстоятельствах случившегося?

– Конечно, именно для выяснения этого я сюда и прибыл, — ответил Легран.

– Очень хорошо. Тогда сначала я задам вопросы. Вы не против, комиссар?

– Сделайте одолжение, а я послушаю.

– Месье Буше, раз вы предъявляете претензии, то должны тогда иметь представление о случившемся.

– Да, со слов моего клиента и гостиничной прислуги. Месье Мале заявляет, что нападение на него ничем не было спровоцировано. Горничная, оказавшаяся в коридоре, утверждает, что месье Мале выскочил из своего номера, прижимая к себе сломанную руку, а вслед за ним вышли вот эти две молодые особы и скрылись за своей дверью. У месье Мале сломано еще и два ребра. Он долго не сможет водить свою машину. Мы подадим в суд за нанесение увечий, и сейчас я здесь, чтобы проследить за арестом виновных.

– Так, значит, эти особы вышли из номера месье Мале?

– Да.

– А как они там оказались? Взломали дверь? Ворвались? Преследовали вашего клиента? Влезли в окно?

Адвокат замялся, а Легран заинтересованно обернулся к нему.

– Нет, он сам их пригласил.

– Это уже интересно. И девушки вдруг беспричинно накинулись на него с кулаками? Или пинали ногами?

– Не знаю. Месье Мале утверждает, что предложил им по бокалу шампанского, а в ответ получил удар в грудь и, падая, сломал руку.

– Странная какая-то история, — промолвил Легран.

– Надо послушать и другую сторону. Охота, что там у вас произошло?

– Мы возвращались из кафе, и тот человек, который сказал, что его зовут Фернан, остановил нас в коридоре и стал говорить всякие приятные слова. И сам он внешне приличный человек. Правда, не очень молодой. Потом пригласил нас выпить по бокалу вина за знакомство. Мы же не знали, что у него на уме, и, ничего неприятного не подозревая, согласились. Вино было чудесное. Но этот Фернан вдруг почему-то стал прижиматься к Фериде и хватать ее за грудь. Это уже нахальство! Ферида его и треснула хорошенько, чтобы он опомнился. У нас такое поведение не принято.

– Но это только их слова! — вмешался адвокат.

– Понятно. Так же, как и слова месье Мале. Комиссар, я вам кое-что поясню. Девушки довольно строгого воспитания, но чересчур доверчивые. Их учили полагаться на порядочность людей. Правда, и окружение там, где они живут, достойно доверия. Так что тут, несомненно, и моя вина. Мне нужно было настрого им запретить разговаривать с посторонними, а я этого не сделал. Не думал, что в таком месте, как "Ритц", может произойти что-

то подобное. Месье Буше!

– Да.

– Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос.

– Какой?

– У вашего клиента были какие-либо основания думать, что встреченные им в коридоре девушки — особы легкого поведения?

– Не знаю, но одеты они довольно вызывающе.

– Что вы под этим подразумеваете? Демонстрацию обнаженных частей тела? Так этого не только нет, но брюки скрывают и то, что у всех женщин открыто. Или девушки одеты так же, как жрицы любви Парижа? Сомневаюсь. Уличным дивам вряд ли по карману такая одежда, как на моих племянницах. Так что очень странно слышать о вызывающей одежде. Или, может быть, мои родственницы где-то скомпрометировали себя поведением, и вашему клиенту стало об этом известно?

– Последнее вряд ли возможно, — подал голос комиссар. — Портье сообщил, что вы прибыли вчера вечером, а вот на столе лежат использованные железнодорожные билеты. Кроме того, портье говорит, что вы все вчера выходили только раз. Вероятно, поужинать. Вас видели в кафе напротив. Я склоняюсь к тому, что месье Мале в расстройстве не совсем точно описал события.

– Как же так, комиссар! — вскричал адвокат. — Месье Мале — уважаемый человек, а эти неизвестно кто.

– Приезжайте в Рим со своим клиентом и будете там оба неизвестно кем, — возмутился я. — А мы окажемся уважаемыми людьми. Ваши оскорбительные высказывания меня разозлили, месье Буше. Комиссар, вы полномочны принимать заявления и жалобы прямо на месте происшествия? Или только в комиссариате?

– Могу и здесь.

– Отлично! — я встал и нажал кнопку вызова прислуги. Горничная появилась мгновенно. Словно стояла и

ждала за дверью. — Принесите бумагу и чем писать, — распорядился я.

– Тоже будете жаловаться? — поинтересовался Легран? — На что?

– Не только жаловаться. Сначала напишу объяснение о самозащите от развратника. Это в ответ на жалобу месье Буше. И потом, разумеется, заявление об оскорблении действием и попытке изнасилования. Все основания для этого есть. Равно как и основания для задержания господина Мале по обвинению в домогательстве. В прокуратуре любят, наверное, развлекаться такими делами. Вот уж жители Лиона потешатся, когда прочтут в газетах о том, что уважаемый финансист арестован за попытку изнасилования.

– Вы не сделаете этого! — как-то совсем не своим голосом прохрипел адвокат.

– Почему не сделаю? Сделаю и доведу до суда. Если вашего клиента и не посадят, то уж возмещение за оскорбление действием он выложит девушкам солидное.

В дверь постучали, и горничная принесла бумагу и письменные принадлежности.

– Господа, господа, успокойтесь, — властно и решительно произнес Легран. — Так нельзя. По существу-то конфликт пустяковый. Неверно истолкованное любвеобильным господином Мале простодушное поведение девушек. Он за это достаточно поплатился. И, скорее всего, при открывшихся обстоятельствах в прокуратуре расценят его жалобу как недостоверную. И я тоже не вижу причин для преследования защищавших свою честь девушек. Зачем вам раздувать это дело? Месье Мале с очень уж большой вероятностью его проиграет. Зачем упорствовать? А вы, месье Андроник, наверное, прибыли в Париж отдохнуть, а вместо этого будете таскаться в полицию, прокуратуру и суд. Отдых испортите. Попробуйте договориться. Я тоже здесь заинтересованное лицо. Столько серьезных преступлений в округе, а я

буду заниматься мелким скандалом. Помилуйте!

Наступило напряженное минутное молчание. Я встал и вызвал горничную:

– Чай на пятерых и пирожные.

Комиссар Легран шумно вздохнул, поняв мое молчаливое согласие обсудить компромисс. Буше сокрушенно покачал головой.

– Вы не знаете Мале. Упрям как бык.

– Ничего, — посочувствовал ему Легран, — растолкуйте ему, во что обойдется упрямство, если и в самом деле девушки подадут на него в суд за домогательство и это попадет в газеты. Самозащита с их стороны вряд ли будет подвергнута сомнению. Факты, свидетельства и аргументы не в пользу господина Мале.

Принесли чай и блюдо разных пирожных.

– Прошу вас, господа. Ферида, Охота, что вы там стоите? Давайте за стол.

Минут десять все молча работали ложечками.

– Я попробую, — проронил Буше. — Посмотрим, что получится.

– Вот и хорошо, — обрадовался Легран. — А вы, месье Андроник?

– Мы не будем поднимать шума, но компенсации всё-таки некоторой потребуем. Вряд ли, учитывая обстоятельства, она будет обременительной для господина Мале.

– Что за компенсация? — забеспокоился Буше.

– Вы оговорились, что месье Мале долго не сможет сам пользоваться машиной. У него что — нет шофера?

– Есть, но месье Мале заядлый автомобилист и часто сам садится за руль.

– Я думаю, что ему со сломанными ребрами будет болезненно ездить в тряской машине даже в качестве пассажира. А какая у него, кстати, машина?

– Мерседес-Бенц 24.

– Отлично. Мы в Париже пробудем три-четыре дня.

Пусть господин Мале уступит нам свою машину вместе с шофером на это время. Тогда будем считать конфликт исчерпанным.

– Умеренное условие, — признал Буше. — Я попробую его убедить. Зайду к вам сегодня вечером. Если не застану, то оставлю записку у портье. Позвольте откланяться, — и он ушел.

Помолчали еще немного.

– Вообще-то я понимаю Мале, — задумчиво произнес Легран, глядя на Охоту и Фериду. — Ваши племянницы могут свести с ума кого угодно.

Девочки потупили глаза и слегка порозовели от смущения. Хотя такая штука, как стыдливость, казалось бы, амазонкам неведома.

– Такие милые лица, — продолжил комиссар. — Будь я моложе и не женат, то сам бы попытал счастья. Конечно, не так, как Мале. Богатый глупец. Вообразил, что ему можно всё. Много таких приезжает в Париж. А девушки-то, оказывается, могут за себя постоять.

– Могут. Это тоже входит в их воспитание.

– Представляю себе, что это за воспитание. Одним ударом слабой, дамской ручки сломать взрослому мужчине два ребра! Вот моя визитка. Обращайтесь, если возникнут какие-либо трудности. Чем смогу — помогу.

– Спасибо, комиссар. Сразу и воспользуюсь вашим предложением.

– Уже? — смеясь, удивился Легран. — И что у вас за трудность вдруг возникла?

– Девушки никогда не видели и не держали в руках огнестрельного оружия. Вас не очень затруднит познакомить их с ним? Они отличные спортсменки в стрельбе из лука, а вот до ружей и пистолетов еще не добрались. Ну, что вы хотите — провинция. Мы не из того Рима, который столица Италии. Есть и другой.

– Пожалуй, это можно устроить. В полицейском тире тренируются и гражданские лица. Только вот за патроны

нужно будет заплатить. Приходите ко мне завтра утром в комиссариат. Что-нибудь придумаем, — и комиссар тоже откланялся, но с целованием рук присутствующим дамам, которые даже слегка опешили от такой обходительности.

Проводил комиссара до двери и когда вернулся к столу, то узрел интересную картину. Охота и Ферида внимательно разглядывают целованные руки и совсем как Антогора, в один голос спрашивают меня:

– Он что — с ума сошел?

– Это такой обычай у местных воспитанных мужчин. Комиссар показал, что вы ему понравились.

– А почему тогда Фернан нам руки не целовал?

– Он невоспитанный.

– Ты будешь нас ругать за этого Фернана?

– За что? Вы всё правильно сделали. Нельзя позволять всяким проходимцам лапать себя. А в Париже проходимцев много и часто выглядят они совершенно нормальными людьми.

– Совсем как у нас в Риме?

– Пожалуй. Проходимцы везде одинаковые. Вот и ваше первое приключение в другой стране. Интересно? Не скучно?

– Еще как не скучно! Расскажем — Антогора обзавидуется.

– Ну, это вряд ли. Антогора не завистливая и, скорее всего, просто посмеется. А вот меня для путешествия вы просто на каприз взяли, — девочки рассмеялись. — Ну что, машины у нас еще нет. Пойдем смотреть Париж пешком.

*

Проходя мимо стойки портье, спросил, есть ли в отеле бюро услуг по организации досуга постояльцев. Оказалось, что есть два бюро. Одно занимается всеми услугами для клиентов вне отеля, а другое — внутри отеля. Зашли в местное министерство внешних сношений, и

мне удалось заказать три билета в "Мулен Руж" на послезавтрашний вечер. Уже подходили к выходу, когда меня окликнул подбежавший портье:

– Месье Андроник!

– Да, в чём дело?

– Сегодня в отеле ночной бал. Осталось два незанятых столика.

– Бал? По какому поводу? Какой-то праздник?

– Нет, ночной бал в "Рице" устраивается каждый месяц. Вам оставить столик?

– Да, на троих.

– Сто франков за место.

– Вот, держите. И доставьте в любой из наших номеров патефон и пластинки с танцами. Вальс, танго и фокстрот.

– Будет исполнено.

Прошли по улице Кастильон до парка Тюильри, через него вышли к Сене, перебрались через мост Согласия. А там уж по набережным Орсе и Бранли подошли к Эйфелевой башне. На весь путь ушел примерно час неспешного шага.

– Какая громадина и не каменная! Мы что, на нее полезем?

– А это уж как хотите. Я полезу.

– Мы тоже.

– Тогда пошли за билетами и в лифт.

Поднялись на площадку на высоте 175 метров. Сердце замирает. Девочки в восторге:

– Какой огромный город! Сколько Римов тут поместится?

– Думаю, немало. Не меньше сотни.

– А где наш постоялый двор?

– Вон там. Видите, колонна торчит?

– Как далеко!

Взял напрокат два больших бинокля, показал, как ими пользоваться, а сам уселся на скамеечку. Через час де-

вочки насмотрелись вдоволь. Мы спустились ниже, пообедали в башенном ресторане и вышли на набережную.

– Сейчас пойдем в королевский дворец. Там теперь музей. Подождите спрашивать. Сейчас всё объясню. Король — это то же самое, что в Риме император. Жили короли во дворце. Очень красивом дворце. Гораздо красивее императорского дворца в Риме. Потом королей не стало, и дворец превратили в музей. Музей — это дворец, в который собирают очень красивые вещи. Картины, статуи и многое другое. Любой человек может прийти в музей и сколько угодно любоваться красотой. Вот мы сейчас и пойдем полюбуемся красотой. Любите любоваться?

– Еще бы!

– Тогда вперед!

Перешли обратно мост Согласия, свернули на набережную Тюильри и проникли в Лувр. Сначала прошли залы античного мира. Тут Охота и Ферида встретили много знакомого и нашли, что обсудить между собой. Долго простояли у скульптур "Артемида" и "Раненая амазонка" Поликлета. Потом служитель показал, как пройти в залы живописи эпохи Возрождения. К экскурсии не присоединялись, а я специально поотстал, чтобы они сами выбирали, чем любоваться. Огромные полотна на библейские и мифологические темы их поразили. Девочки подолгу стояли в обнимку перед картинами и изумленными глазами пожирали колорит красок и богатство фигурных форм. Подолгу стояли и перед большими портретами. Жалко было отрываться, но тут залы живописи кончились, и мы молча пошли к выходу.

Молча вернулись в отель и тихо посидели еще немного.

– Жаль, что Антогоры с нами не было, — вполголоса проговорила Охота.

– Жаль, — подтвердила Ферида. — А может быть,

Сергей как-нибудь приведет нас сюда всех вместе?

– Может, и приведет, — согласился я. — А пока нам нужно готовиться к ночному балу. Это такой праздник для всех гостей этого постоялого двора.

Меня прервал стук в дверь. Адвокат Буше.

– Вы знаете, месье Андроник, мой клиент поуспокоился и стал вполне вменяем для здравого рассуждения. Завтра утром к вам придет шофер, чтобы представиться. К какому времени его прислать?

– Часам к десяти.

– Хорошо. Всего доброго.

– И вам всего доброго. Спасибо за хлопоты, месье Буше.

Девочки сидят и ждут продолжения про бал.

– Так, на чём я остановился?

– На празднике для гостей.

– Да, на таких праздниках играет музыка, иногда поют артисты, пьют вино и танцуют.

– А танцует кто? Тоже артисты?

– Нет, танцуют-то как раз приглашенные гости. Такие, как мы с вами. На то и праздник.

– Танцы интересно смотреть и в Риме мы их видели. Только вот сами мы никогда не танцевали, — призналась Ферида.

– Беда небольшая. Всё равно римские танцы совсем не похожи на парижские. Здесь танцуют вдвоем. Мужчина и женщина. Я сейчас покажу, как это делается, а потом попробуем вместе с вами под музыку. Это легко.

– А где мы возьмем музыкантов?

– Где-то должен быть ящик, который играет музыку. Наверное, в ваш номер занесли.

И в самом деле, патефон стоит на столе в гостиной у девочек. Рядом несколько пластинок. Девочек поразил источник звуков. Но как ни старайся заглянуть в раструб патефона как можно глубже, всё равно музыкантов не видно. Но вот если сунуть в раструб руку, то придушить

невидимых музыкантов можно запросто.

Амазонки — ученицы очень способные. После более чем двухчасового урока можно быть уверенным, что ноги партнерам по вальсу, танго и фокстроту они топтать не будут. До совершенства, конечно, им далеко, но тем не менее будем надеяться, что они в грязь лицом, если что, не ударят. Да и кому придет в голову критически смотреть на танцевальные опыты таких красоток! Бал — не конкурс в балетную труппу.

На билете написано, что начало бала в одиннадцать часов вечера. Сейчас уже половина двенадцатого. Самое то для эффектного появления. Особенно если девочки появятся на балу в коротких кожаных курточках и шортиках. Вот будет фурор! Думаю, что такой наряд вполне уместен. Хотя и необычен. Сам ежемесячный статус бала такое допускает. Не таскают же все постояльцы с собой в поездки бальные платья и костюмы. Придут в чём есть. На билете на этот счет ничего не написано. Только обозначен номер нашего столика.

– Сергей, — вдруг ни с того ни с сего спросила Ферида. Видимо, долго вынашивала этот вопрос, — а что такое изнасилование?

– Ерунда. Выброси из головы. Вам это не грозит.

– Понятно, — задумчиво пробубнила себе под нос Охота, — что нас интересует, то нам и не грозит.

*

Под осуждающий шепот зрелых дам, восхищенные и завистливые взгляды молодых девушек и восторженное присвистывание от столиков с чисто мужскими компаниями мы с достоинством прошествовали под эскортом распорядителя к своему месту. Некоторые мужчины даже привставали, чтобы лучше разглядеть необычно одетых особ, пробирающихся между столиками огромного банкетного зала с эстрадой. Бал и в самом деле оказался уже в разгаре. В большом свободном от столиков круге в центре зала снуют официанты. Пара фотографов с

блицами делают снимки праздничного события. Один из них уловил момент нашего появления и озадачил девочек яркой вспышкой света. На эстраде певица под аккомпанемент рояля услаждает присутствующих какой-то веселой песенкой. Гомон голосов дает понять, что трезвенников здесь не так уж много.

– Что закажем? — спрашиваю девушек.

– Шампанское, пирожные и мороженое! — дружно слышится в ответ. Девочки с интересом оглядываются вокруг.

– Только учтите, что шампанское штука коварная. Можно быстро опьянеть, — предупреждаю я, сделав заказ.

– Мы осторожно.

Между тем певицу сменил довольно занимательный фокусник. Не фига себе, что он вытворяет! Девочки пораженно следят за его руками, в которых бесследно исчезают и появляются из ниоткуда разные предметы.

– Как это у него получается? Волшебство?

– Нет, не волшебство. Ловкость рук и тренировка. Этот артист, например, сам принял бы за волшебство ваше умение владеть мечом. Хорошая работа часто выглядит как волшебство.

– Тогда он очень хороший работник. Нам нравится, — оценила фокусника Ферида под молчаливый кивок Охоты, речевой аппарат которой был занят пирожным.

– После выступления артистов, наверное, начнутся танцы, — предупреждаю я девушек. — Вам нужно знать некоторые правила праздника. Всё время улыбайтесь, когда с вами кто-то заговорит. Не глупо и не во весь рот. Так — легко, доброжелательно и загадочно. Особенно если подойдет кто-нибудь вон из тех людей со сверкающими машинками в руках.

– А что это за машинки и зачем они сверкают?

– Машинки полуслепые и плохо видят. Зато если увидят, то из увиденного могут сделать маленькую картин-

ку, нарисованную на бумаге. Бумага — это такая штука, которая в этом мире заменяет пергамент. Я вам потом покажу картинки, а бумагу вы уже видели. Она везде.

Наверняка многие мужчины захотят с вами потанцевать. Можете соглашаться, а можете и не соглашаться. Поступайте, как вам понравится. Если соглашаетесь, то подаете мужчине руку и идете впереди него в танцевальный круг в середине зала. Когда он проводит вас обратно к столику, то поблагодарите за танец, но только после него. Если мужчина промолчит, то молчите и вы. Постарайтесь сами сообразить, как и с кем себя вести. Смотрите по сторонам — и увидите подсказки. Понятно?

– Понятно. А ты что будешь делать?

– Как что? С вами и танцевать. Ну, и любоваться со стороны, если вы откажетесь танцевать со мной или я сам захочу отдохнуть. Не позволяйте проявлять к себе всяких вольностей.

– Что это за вольности такие?

– Например, вольность — то, что пытался сделать Фернан с Феридой. В танцах вольность мужчины — это слишком тесное прижимание к женщине или хватание руками там, где не следует. Если чувствуете, что мужчина не прочь вас потискать, то можете оставить его прямо посреди танца. Если же чувствуете, что его рука опустилась с вашей талии на ягодицы, то за это следует наградить хорошей оплеухой.

– Понятно. Оплеухи мы всегда можем. Знакомое дело. Только вот не прибить бы кого невзначай.

– А вы поосторожнее, полегче. Не надо никого увечить, как Фернана.

– А что делать, если вон тот лысый мне подмигивает? — полюбопытствовала Охота.

– Не обращать внимания или взглянуть презрительно.

– Презрительно — это как?

– Приподнимаете одну бровь и криво усмехаетесь.

Вот-вот, именно так. Ферида, ты просто на лету схватываешь бальные премудрости.

Между тем концерт, похоже, закончился. На эстраде расселся оркестр, и музыканты начали настраивать инструменты. Зазвучал вальс. Публика еще не расшевелилась, и в танцевальный круг при первых звуках танца никто не выбирается.

– Охота, идем!

Девушка подает мне руку, и мы под заинтересованными взглядами окружающих чинно выбираемся в танцевальный круг. "Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три", — нашептываю я Охоте на ухо. Она нисколько не сбивается с такта, и ее ступни ни разу не задели моих. Ну и молодец же! Оба фотографа тут как тут и ловят нас в кадр. Возле нашего столика нарисовался какой-то красавец. Похоже, Ферида в нерешительности, но в конце концов подает ему руку. Еще две пары появляются в круге к середине танца, но фотографы почему-то липнут именно к нашим парам. Мимо, кружась, пролетает Ферида с напряженной улыбкой на лице. Ее партнер, похоже, не очень трезв, но держится твердо.

Вальс кончился, и мы опять втроем за столом. Партнер Фериды вернулся в свою мужскую компанию из четырех человек, плотоядно поглядывающих в нашу сторону. Судя то тому, как друзья похлопывают вернувшегося танцора по плечу, его, похоже, спровоцировали на отважный поступок и теперь похваливают и интересуются, как там было.

– Я ему шепнула, чтобы он больше меня не приглашал, — кивая в сторону бывшего партнера, проговорила Ферида. — Не очень он трезвый. Неприятно. Я сразу-то не поняла. На ногах стоит хорошо, а уж потом услышала, что язык заплетается. А так очень интересно было бы.

– Его компания вроде положила на вас глаз. Если будут подходить, то решительно отказывайтесь. Думаю,

сейчас с приглашениями многие поспешат к вам. Ферида, следующий танец со мной или как?

Вместо ответа она протянула мне руку, и мы влились в аргентинское танго. Поддатую компанию опередил высокий блондин нордической наружности и увел Охоту у них из-под носа. Дальше я просто сидел за столом и наблюдал, как с каждым объявлением танца несколько мужчин срывались со своих мест и стремительно бросались к нам, стараясь обогнать друг друга. Девочки уже перестали смущаться и откровенно наслаждались вниманием окружающих. От столиков же по ту сторону танцевального круга никто даже не пытался к нам подобраться — не успеть.

Тем не менее и на той стороне нашелся один чудак, который очень остроумно разрешил для себя проблему длинной дистанции.

– Жан, — представился черноволосый, немного выше среднего роста, симпатичный мужчина лет тридцати, подойдя во время очередного танца к нашему столику.

– Серж, — ответил я. — Чем обязан? Не хотите ли присесть?

– Спасибо. Видите, что творится вокруг ваших спутниц?

– Как не видеть! Но вроде бы не безобразие.

– Нет, конечно, что вы! Какое может быть безобразие. Безобразие в другом. В том, что мне невозможно приблизиться к вашим спутницам, чтобы пригласить на танец. Вы позволите с вами посидеть, чтобы оказаться хоть раз первым?

– Ну, и хитрец же вы, Жан! Такой необычный и смелый ход, вне всякого сомнения, достоин награды. С кем вы хотите потанцевать?

– С той, которая в коричневом костюме. Как ее зовут?

– Охота.

– Прелестное имя.

– И только?

Жан засмеялся:

– Конечно же, и она сама бесподобно прелестна, а, вернее, обе. Я из Бордо.

– А мы из Рима.

Девушки возвратились.

– Вот, познакомьтесь — Жан из Бордо. Хочет потанцевать с Охотой. Не откажешь?

– Пусть попробует пригласить и узнает, — лукаво улыбаясь, отвечает она.

Но тут же озадаченно начинает прислушиваться к музыке, не понимая, как нужно танцевать предлагаемый мелодией ритм. Ферида тоже в растерянности, а кавалеры уже устремились к нам со всех сторон.

– У нас перерыв. Девушки не умеют танцевать чарльстон, — объявляю я сбежавшимся, и они безропотно расходятся.

– Я могу научить прямо сейчас, — говорит Жан.

– Рискнешь? — спрашиваю Охоту.

– Давайте попробуем, — соглашается она, внимательно приглядываясь к тому, что вытворяют ногами пары, танцующие в круге.

Охота с Жаном пристраиваются на краю танцевального круга, и он ей что-то объясняет, крутя ногами. Затем и Охота сначала не очень решительно, а затем всё быстрее и быстрее начинает повторять па. Гости за столами внимательно и с улыбками наблюдают за ними. Оба возвращаются вполне довольные.

– Я тоже хочу вот так повертеть ногами, — заявляет Ферида и Жан срывается с места.

Короткие переговоры с оркестрантами — и чарльстон повторяется. Теперь Жан вполне благополучно наставляет Фериду. Результат — потрясное зрелище великолепной, динамичной женской фигуры, не стесненной и не скрытой в быстром танце юбками. Жан станцевал с Охотой еще и фокстрот, а потом покинул нас, как воспитанный человек, который знает меру назойливости. Про-

чие претенденты продолжили прервавшуюся на некоторое время осаду девочек. Время шло к четырем часам ночи, а бал двигался к своему благополучному завершению. Всё вроде прошло прекрасно. Просто поразительно, с какой стремительностью амазонки способны адаптироваться к любой обстановке. Даже полностью не понимая, что и почему вокруг них происходит. Невиданная интуиция! Девочки так довольны, что просто сердце радуется на них смотреть…

Чёрт, чёрт, чёрт! Всё-таки произошло то, чего я так опасался. Громкий и смачный шлепок пощечины, нанесенной от души, донесся из танцевального круга. Очередной партнер Охоты валяется на полу, а она сама с возмущенным видом усаживается за стол.

– Всё настроение испортил! — огорченно буркнула Охота.

А оркестр, как ни в чём не бывало, продолжает играть танго. Павшая жертва своих низменных наклонностей поднимается, отряхивается и бредет к своей то ли компании, то ли просто к случайным соседям по большому столику. Во всяком случае, трое мужчин и две женщины, встречая незадачливого танцора, сочувствуют ему и возмущенно поглядывают в нашу сторону. Возвращается после танца и Ферида.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Он щипнул меня за грудь. Ладно бы Сергей или Александр — им бы вроде и можно, а то ведь совсем незнакомый человек. Я ему и врезала. И танцевать даже расхотелось. Может, хватит? И так хорошо повеселились.

– Ладно, посидим еще немножко. Ты успокоишься, и пойдем, — согласился я. — Хорошо, что всё еще так тихо обошлось.

Вот тут-то я в корне ошибся. Обошлось совсем не тихо. Объявлен новый танец, и кавалеры поспешили к нам.

– Мы больше не танцуем. Извините, господа, — объявила Ферида.

Кавалеры попытались было слабо возражать, но быстро поняли бесполезность этого, правильно истолковав причину отказа. Переглянулись, отошли в сторонку и о чём-то тихо посовещались. Затем всей группой двинулись к столику оскорбителя Охоты. Этого еще не хватало! Сейчас начнется выяснение отношений по поводу оскорбленной девичьей или женской чести. Бежать за ними и отговаривать? Нет, не побегу. Представил, как это будет смешно выглядеть.

Между тем разговор на повышенных тонах уже начался. Кое-какие слова доносятся сквозь звуки музыки даже до нас. Например, "сволочь", повторенное неоднократно. Вот и первый взмах. Началось! Звон бьющейся посуды и грохот опрокинутого стола. Визг женщин и глухой звук ударов по телу. Двое катаются по полу, лупя друг друга, куда ни попадя. О них спотыкаются другие кулачные дуэлянты. Еще и еще фигуры грохаются на пол, как сшибленные кегли. Один деятель, ухватив противника за волосы, бьет его раз за разом физиономией о свое колено. Двое других тянут друг друга за удавливающие концы галстуков. Уж оба посинели и захрипели, но разойтись не хотят. Круг потасовки стремительно расширяется. Валятся еще столы, стулья, гремят разлетающиеся вдребезги фарфор и стекло. Недрачливая публика вскакивает со своих мест и в страхе быть задетой разбегается во все стороны.

Еще и другие кавалеры Охоты и Фериды влезают в потасовку, быстро вылетают из нее со ссадинами, порванными рубашками, пиджаками и снова ныряют в гущу сражения. Два официанта, отважно попытавшиеся остановить драку, мигом получили по морде с обеих сторон и стремительно ретировались из зала. Жан тоже не остался в стороне. Сунулся в свару — и через минуту выполз под столами со знаком отличия, обещающим

быстро превратиться в шикарный фонарь под левым глазом.

Лагерь поддержки обидчика, как вроде бы более трезвый, держится стойко, точно и расчетливо нанося удары. Хотя самого виновника побоища в вертикальном положении уже не видно. Однако "наши", давя численностью, всё же постепенно берут верх. Что может перейти просто в безответное избиение противной стороны. Один из бойцов обидчика довольно долго держался в позе хорошо тренированного боксера. Но и он пал под градом ударов, когда ему сзади на голову предательски набросили скатерть и тем самым коварно ослепили стойкого борца.

Откуда-то снаружи доносятся панические свистки, призывающие полицию. Однако это никак не влияет на нежданно возникшее развлечение разгорячившейся провинциальной французской элиты. Очень уж удивительно острый и увлекательный сегодня финал у заурядного и не отличающегося большим разнообразием бала. Справедливости ради нужно отметить, что бутылки в пылу сражения не применялись. Наверное, пользоваться бутылками в изысканной, светской драке считается неспортивными и неэтичными дурными манерами.

Блицы фотографов сверкают с немыслимой частотой. У одного из них вдруг кончилась в аппарате пленка, и он в бессильной досаде затопал ногами.

– Нужно сматываться пока полиция не пришла, — командую я и мы, подхватив под руки Жана, быстро выбираемся из банкетного зала. — Полицейским нужно подчиняться, если они этого потребуют. Иначе будут большие неприятности, а нам это не ни к чему. Так что лучше с ними не встречаться.

Забросили Жана в его номер, снабдили примочкой для глаза и вернулись к себе.

– Вот вам и второе приключение чуть ли не за день. А что бы сейчас сказала Антогора? Позавидовала бы? —

спросил я, заглянув к девочкам, когда они уже улеглись спать.

– Промолчала бы, наверное, но всё же позавидовала бы, — ответила Ферида.

– Точно позавидовала бы, — подтвердила Охота.

– Ладно, спите, вертихвостки. Нас рано разбудят, а сейчас уже почти пять часов. Выспаться не успеем.

*

Уж как посмотреть на рано или не рано, но шофер "Мерседеса-Бенц 24" забарабанил в дверь в начале одиннадцатого утра и чуть не ошалел, узрев открывшую ему дверь полуголую Фериду. Едва разлепив глаза, подошел и я.

– Машина готова. Номер У-235 белого цвета, — сообщил шофер. — Меня зовут Этьен. Хочу предупредить, что в вестибюле полно газетчиков, но охрана их дальше не пускает. Похоже, что подкарауливают вас.

– Хорошо, ждите нас в машине, Этьен. Спустимся где-нибудь через час.

Заказал в номер завтрак и утренние газеты.

– Вот, смотрите — это как раз те картинки, о которых я вам говорил.

– Которые получились из сверкающей машинки? — поняла Охота, держа в руках одну из газет. — Как здорово! Вот ты, а вот мы с Феридой. А вот буквы вроде бы знакомые, но очень мелкие и странной формы. Как их писать?

– Их не пишут, а печатают. Ну, как большая, оловянная печатка с великим множеством букв. Есть такая машина, которая делает из написанного рукой вот такие буквы и печатает на бумаге сразу много-много вот таких листов. Это называется газетой. В ней пишут о разных новостях и развозят по всей стране.

– В Риме такого еще нет, — с сожалением произнесла Ферида, разглядывая другую газету. — А картинки и в самом деле здорово получились. Такие просто не нари-

суешь!

Газетчики постарались вовсю. На первых страницах газет события в "Ритце" затмили все прочие новости. "Драка на балу", "Ночное побоище", "Танцы до упаду" с иллюстрациями и без них. Как это за несколько часов удалось перекроить, наверное, уже почти готовые с вечера газеты?

Больше всех отличилась парижская "Фигаро", поместив на первых страницах полный, иллюстрированный репортаж о скандальном событии. "Жертвы редкой красоты" — так изысканно, интригующе и не очень вразумительно он озаглавлен. По заголовку не поймешь, о чём речь. О найденных красивых жертвах или жертвах, пострадавших от чьей-то красоты. Всё с самого начала и по порядку. Фото нашего появления в банкетном зале. Затем за столом. Фото кавалеров Охоты и Фериды. Оказывается, многие из них очень известны в стране либо сами, либо через родителей по фамильным титулам. Потом идут фотографии Охоты и Фериды в танцах и даже Охоты в паре с оскорбителем, где видно его лицо. Надо же, барон Дидье де Руже! Правда, давно зарекомендовавший себя как богатый повеса, дискредитирующий семью своими похождениями. Неплохо получилось и фото барона, сидящего на полу с ошеломленным видом.

Освещение драки полное, со смакованием подробностей. Множественные фото сцен самой драки и панорама погрома после нее. Снимок, где барона выносят на носилках и сцены оказания медицинской помощи другим пострадавшим. К чести "Фигаро", нужно сказать, что нет ни малейшего упрека или двусмысленного намека в адрес девочек. Зато есть сочувствие по поводу того, что им, приехав впервые в Париж, пришлось столкнуться на балу с хамской выходкой титулованного жуира. Жертвами обозначены пятнадцать человек, обратившихся за медицинской помощью. Из них трое попали в больницу.

Но вот почему в заголовке — это жертвы красоты? Непонятно.

Да бог с ним! Мне статья, в общем, понравилась. Девочкам тоже. Достоверно и благожелательно по отношению к нам. Не то что в какой-то желтой, четырехстраничной газетенке, которой не досталось ни одного фото! В ней население Парижа предостерегается от каких-то таинственных Фериды и Охоты, знакомство с которыми может окончиться печально.

Опять стук в дверь. Директор отеля. Здоровается и представляется:

– Я — Гастон Безье — управляющий отелем. Месье Андроник, дамы, дирекция отеля приносит вам глубокие извинения за ночной инцидент.

– А почему нам и вдруг извинения? Мы в инциденте не участвовали, его не создавали и от него не пострадали.

– Видимо я не совсем то сказал, что нужно. Мы приносим извинения мадмуазель Охоте за неподобающее поведение одного из наших постояльцев. Также приносим извинения и мадмуазель Фериде за недостойное поведение другого нашего постояльца.

– Месье Безье, вы не обязаны извиняться за кого-то другого. Но мы ценим вашу предупредительность и не относим случившееся к вине отеля. Можете не беспокоиться. Никаких публичных высказываний, порочащих отель, с нашей стороны не будет. Ведь вас именно это беспокоит?

Господин Безье несколько смешался и быстро откланялся.

– Нам пора идти в гости к комиссару Леграну. Выходить будем через ресторан. Двери ресторана ближе к выходу из отеля, чем лестница и лифты от этажей с номерами. Может, газетчики около входа в отель не сразу узнают вас в другой одежде. Проскочим. И несколько слов о том оружии, с которым вы сегодня познакомитесь.

При выстреле оно оглушительно громыхает, и стрела, вылетающая из него, очень маленькая и настолько быстрая, что глазом ее увидеть нельзя. Не пугайтесь громкого звука.

Вызвал горничную, попросил ее передать портье наши ключи от номеров. Спустились в служебном лифте в первый этаж и нахально прошли через кухню и зал к входу в ресторан.

– Ферида, выходишь небрежно, но быстро и ждешь нас на улице. Мы с Охотой через несколько секунд следом. Порознь вас не сразу признают. Да и ждут с другой стороны.

– Зачем всё это? — спрашивает Ферида.

– Ты не знаешь газетчиков, но скоро узнаешь. Давай, дуй вперед!

Ферида вышла из ресторана. Чуть погодя пошли и мы с Охотой. И в самом деле, в вестибюле слоняются и сидят в креслах и на диванах десятка полтора людей, не очень-то похожих на постояльцев. Многие с фотоаппаратами. На нас не обращают внимания. Нет, один тип уставился на нас и, похоже, что-то усиленно соображает. Наверное, видел Фериду и теперь, увидев нас, начинает сопоставлять. Мы делаем несколько шагов и сворачиваем в двери выхода из отеля. Ферида на тротуаре, а в нескольких шагах справа — белая, открытая машина с цифрами 235 на номере.

– Девочки, давайте быстрее. Вон наша машина.

Вскакиваем в авто и отъезжаем. Из отеля вылетает тот самый наблюдательный тип и что-то кричит назад. Поздно. Нас тут, считай, уже нет.

*

Комиссар Легран — человек занятóй. Пришлось подождать минут десять в приемной у секретаря. За эти десять минут в приемную заглянул, наверное, весь наличный состав комиссариата. На девочках разве что дырок глазами не прожгли. Один молодой паренек даже

рискнул попросить у Фериды автограф на газете. Зачем это ему, она не поняла, но какие-то каракули всё же нанесла под своим фото.

– Прошу прощения — дела, — извинился комиссар, здороваясь с нами. — Ну и история опять с вами приключилась. Просто наваждение какое-то. По той же причине, как я понимаю, но опять не по вашей вине. Все газеты трубят. А в "Фигаро" так чуть ли не целый роман накатали. Вы уже, наверное, читали. Хорошо, хоть не в мое дежурство всё произошло. Не люблю разбираться в конфликтах, в которых участвует всякая светская публика или те, которые воображают себя аристократами. Инспектор, расследующий эту драку, всё порывался сегодня пойти, опросить вас. Я отговорил. Вы драку не затевали, в ней не участвовали, а свидетелей ее и так более чем достаточно.

– Мы благодарны вам, комиссар, за заботу. Вот зашли вас проведать.

– Помню, помню обещание. Я освободился, и нет препятствий прогуляться куда-нибудь на часок-другой. У парижской полиции два места для тренировок в стрельбе. Подземный тир в городе и открытое стрельбище в пригороде. Можем воспользоваться любым.

– Тогда лучше в пригороде. Машина у нас есть.

– "Мерседес-Бенц 24", как я понимаю, и при этом с шофером?

– Она самая.

– Тогда нам и служебная развалина не нужна. Ле Бурже не так уж и далеко. Поехали!

Ле Бурже так Ле Бурже. Доехали, не затратив и получаса. Я только и успел, что лишь опять подивиться языковым странностям наших миров. Язык в обращении один — русский в нашем стороннем понимании, а в том же обращении множество французских слов и оборотов. Никаких артиклей в русском языке нет, а в названиях, именах во Франции их сколько угодно, и никто этого про-

тиворечия не замечает. В Германии, Испании или Италии, наверное, происходит то же самое.

Однако прибыли на стрельбище, проехав мимо большой, мощеной площадки, по которой за забором гоняются несколько машин с надписью "Полиция".

– Место для тренировки навыков вождения полицейских, — пояснил Легран.

Крытый тир и открытый тир с высокой насыпью в стороне стрельбы. Можно стрелять по мишеням, а можно и по бутылкам и банкам. Можно из ружья или винтовки, а можно из револьвера или пистолета. Патронов — завались. Только плати. Хоть до стрельбы, хоть после. Решили, что лучше после, когда девочки досыта настреляются. Легран начал учить.

– Вот обычная армейская винтовка…

– Комиссар, попроще, пожалуйста. Девушки не знают, что такое ружье, винтовка, пистолет и всё такое прочее. Патрон, пуля для них тоже неведомая тайна. Но они очень хорошо понимают и запоминают сказанное и увиденное.

– Вы меня ставите в тупик, Серж. Как я буду объяснять то, что знает каждый ребенок?

– Ладно, давайте я попробую. Девочки, идите ко мне поближе. Вот из этой железной штуковины с деревяшкой сзади можно подстрелить кого угодно, как из лука. Штука называется ружьем, а стрелы вылетают вот из этой дырки спереди.

– Брось, стрелы из дырок не летают и тетивы нет, — возразила Ферида.

– Попробуй молча слушать и поймешь, что всё, что нужно, есть и вылетает. Так вот — видите эту другую маленькую штучку с заостренным кончиком? Она называется патрон. Кончик как раз и есть такая маленькая стрела. А воткнута стрела в стаканчик, внутри которого порошок, дающий много дыма и огня. Если порошок загорится, то дым и огонь, как по волшебству, очень быст-

ро вытолкнут стрелу из стаканчика — и она полетит далеко-далеко. Дальше, чем стрела из лука. Только для того, чтобы такая маленькая стрела без оперения летела прямо, ее нужно протолкнуть через трубку ружья. Это даст ей нужное направление. Вот она и вылетит из дырки. Ружье, кроме всего, еще и поджигает порошок в патроне. Посмотрите, как это делает комиссар.

– Вот так лекция, — подивился Легран. — Много чудно́го слышал в жизни, но такого еще никогда. Особенно про патрон, стрела из которого без ружья куда-то далеко полетит. Давайте теперь я попробую что-нибудь растолковать по вашему примеру. Вот я кладу патрон со стрелой в ружьё, и запираю его там, повернув вот эту ручку. Теперь патрон не выпадет и не потеряется. Если я нажму на этот крючок, то порошок в патроне загорится, ружье грохнет, как сильный гром, и стрела вылетит из ружья, как из лука. Только прежде, чем нажимать крючок, нужно ружье направить на цель.

– Мы поняли, — успокоила комиссара Охота. — В ружье запихиваешь патрон, который содержит волшебную силу, толкающую наконечник стрелы. Потом прицеливаешь ружье куда надо, нажимаешь крючок и идешь собирать подстреленную дичь. Только вот нам непонятно зачем при этом нужен гром?

Насчет необходимости грома ни я, ни комиссар ничего не смогли толком сказать.

– Гром? Ну, он, вообще-то, не нужен для стрельбы. Просто он есть — и точка! Волшебная сила ведь иногда и грохочет. Видите, как комиссар держит ружьё у плеча? А теперь смотрите вон на ту бутылку.

Грохнуло. Девочки вздрогнули. Бутылка разлетелась вдребезги.

– Видели стрелу?

– Вот это да!

Охота схватила выброшенную гильзу и чуть не обожглась.

– Ой, горячая-то какая, и наконечник стрелы пропал! Дайте мне скорее попробовать!

Легран загнал новый патрон и передал винтовку Охоте. Она ухватила оружие точно как комиссар и, не целясь, дернула за курок. Бабахнуло. Никуда, конечно, не попала.

– Теперь я, теперь я, — запрыгала на месте Ферида и получила в руки винтовку.

Опять бабахнуло. Похоже, громыхание ружья показалось девочкам самым занятным из всей процедуры стрельбы. Я отошел немного в сторонку и присел на скамейку. Легран с видимым удовольствием начал растолковывать девочкам, как нужно заряжать одним патроном, обоймой и как нужно прицеливаться с помощью мушки. Потом Легран оставил Охоту и Фериду самих палить в белый свет и подсел ко мне.

– Стрелки из них, конечно, никакие, — поделился он наблюдениями. — Даже не пытаются прицеливаться.

– Они привыкли стрелять навскидку. Ведь на стрелах мушек для прицеливания нет. Да и времени на прицеливание у них обычно тоже нет. Вы удивитесь результату, если поставите им мишени для пристрелки четырьмя-пятью патронами с сорока-пятидесяти метров. А потом поставите чистые контрольные мишени.

– А что, давайте попробуем. Скажу, чтобы поставили мишени.

Я подошел к девочкам.

– Сейчас поставят круглые мишени. Похожие на те, которыми вы пользуетесь при тренировке. Пять выстрелов для пристрелки. Потом мишени заменят и десять выстрелов на поражение.

– Понятно. Это уже интереснее, чем по банкам.

Легран принес еще одну винтовку. После каждого пристрелочного выстрела девочки бежали к мишеням смотреть, где получилась дырка. На мушки всё так же не обращали никакого внимания.

– Мы готовы, — после четвертого выстрела заявила Ферида. — Поставьте мишени подальше.

Мишени сменили и отодвинули.

– Сейчас мы увидим какой-то аттракцион, — предупредил я Леграна, узрев, как, зарядив винтовки, девочки взяли по второй обойме в зубы, словно заправские вояки.

Десять выстрелов за двадцать секунд! Первый раз, держа оружие в руках. Легран присвистнул от удивления, когда принесли мишени. У Охоты одна круглая дырка точно в центре. У Фериды тоже одна, но чуть-чуть овальная.

– Всадили пуля в пулю! И вы скажете, что они держат винтовку первый раз в руках? Вы разыграли меня, Серж. Никогда не поверю, что это не спектакль.

– Напрасно. Так и есть — в первый раз. Просто они очень талантливые и хорошо тренированные.

Охота и Ферида, слушая нас, удовлетворенно улыбаются доне́льзя довольные произведенным впечатлением.

– Тогда ваши племянницы просто бесценное сокровище!

– Вот тут вы совершенно правы насчет сокровища и его бесценности. Могу вас также заверить, что и это довольно скромная оценка. Сам я их воспринимаю как неповторимое чудо. Эй, чудо несказа́нное! Давайте я вас поцелую в носики.

– Если всё так, то и с пистолетом они управятся в один момент. Уже и без советов по стрельбе.

Мы перебрались в крытый тир. Я опять занял позицию сидячего наблюдателя. Легран продемонстрировал девочкам, как работают пистолет, револьвер, и присоединился ко мне. За неполный час девочки пропуляли, наверное, с полтысячи патронов, если не больше. Пистолет амазонкам очень понравился. Поинтересовались: а нельзя ли купить? Легран сказал, что огнестрельное

оружие иностранцам не продают.

– Комиссар, а как у вас со временем? Есть еще? — попытался я прощупать почву для другого дела.

– Найдем, если нужно. В комиссариате поживут немного и без меня. А в чём вопрос?

– Я обещал девочкам, что при случае они смогут попробовать управлять автомашиной. А сейчас и случай благоприятный. Машина есть, полицейский автодром рядом. Нужно только проникнуть на него.

– Почему бы и не проникнуть? Это легко устроить. Утренние занятия как раз кончаются, и там будет свободно.

Расплатились за патроны и подъехали к полицейскому автодрому.

– Этьен, — говорю я шоферу, — вот пятьсот франков за дополнительную работу, которую вы сделаете для нас. Нужно хотя бы немного научить девушек водить машину. На вот эту площадку комиссар вас проведет, а там уж всё сами. Мы с комиссаром будем ждать вас через час-полтора вон в том кафе напротив ворот. Согласны?

– Еще бы! За пятьсот-то франков!

Этьена с девочками и машиной пропустили на полицейскую площадку, а мы с Леграном перешли улицу и устроились за столиком летнего кафе. Заказали кофе и круассаны.

– Вы знаете, Серж, по сравнению с вами я старик и меня почему-то не покидает ощущение, что драка в "Ритце" — это еще не конец ваших приключений в Париже. Боюсь, что вам еще придется встретиться с полицией по какому-нибудь поводу. Необязательно со мной, и это удручает. Мне кажется, что с вашей троицей всё время должно что-то случаться. Хотя вы сами этого не желаете и намеренно или даже случайно не провоцируете. Может быть, какой-то злой рок? А ведь ваша маленькая компания мне как-то необъяснимо симпатична.

Ребяческая непосредственность ваших племянниц и ваша, Серж, ненаигранная терпимость к окружающим как-то очень необычны для нашего времени.

– Благодарю, комиссар, также и за вашу к нам доброжелательность. Вы совершенно справедливо заметили, что с нами всё время что-то случается. Меня это очень досадует, хотя, как мне кажется, и имеет объяснение совсем не в виде какого-то неизбежного рока.

– И что же это за объяснение?

– Объяснение вон там на машине гоняет.

– Ваши племянницы?

– Ну, да. Вы же видите, что это за явление. А внешность? Я всё время влипаю с ними в какие-нибудь истории. Причем в одни и те же. Кому-то они вдруг понравились, и этот кто-то сразу же воображает, что имеет какое-то право господина на девочек. Может говорить им любые гадости или лапать их, как захочется. Почему так? На них что — лежит печать доступности и готовности на всё? Нет, конечно.

А дальше всё очень просто. Если бы девочки молча сносили бы такое отношение, то и историй никаких не было бы. Отошли в сторону — и нет истории. Так ведь не позволяют отойти — преследуют. Нужно защищаться. А как только защитился, то тут и возникает история с полицией. Слова "отстань" прилипчивые, агрессивные типы не понимают. А как только получат по морде за свои фокусы, то начинают вопить во всё горло о нападении и нанесении ущерба. Я уже как-то к такому привык. Так что и возражать вашим ощущениям, комиссар, не буду. Вероятность очередного нежданного приключения всё время довольно велика. Но они могут за себя постоять. Причем не только в плане сексуальных посягательств, а и вообще любой угрозы, попытки нападения. А вот от юридического крючкотворства у них защиты нет. Так и живем. Они защищают нас от насилия, а я защищаю от всего остального.

– Понятно. А откуда любопытство к огнестрельному оружию? Это не криминал, конечно, но интересно. Если бы я чувствовал какое-то опасное внимание, то не привел бы вас сюда.

– Интерес простой и однобокий. Знаешь, что за оружие, — то будешь и знать, как от него защититься. После ваших уроков по стрельбе они имеют представление о такой опасности и будут для нее почти неуязвимы. Сами пистолеты и ружья им совершенно не нужны. Разве что как сувениры.

– Значит и в самом деле до сегодняшнего дня они не имели представления об огнестрельном оружии?

– А вы всё еще сомневаетесь, комиссар? Напрасно. Девочки обманывать не умеют.

– Ну, у вас и компания! Я в первый раз как-то сразу почувствовал себя в присутствии ваших красавиц спокойно и комфортно. Совсем не как на месте преступления и в присутствии подозреваемых. Хотя доверчивым меня не назовешь. Интуиция, однако. Смотрите, Серж, — они выезжают.

Охота и Ферида просто сияют от сознания своей первой победы над машиной.

– Ну, как?

– Здорово! Теперь мы и Антогору за пояс заткнем.

– Кто это — Антогора? — сразу спрашивает Легран.

– В нашей компании три девочки, но одна сейчас занята делами и не смогла приехать с нами.

– Такая же красавица?

– Нет, гораздо красивее, — смеются Охота с Феридой.

– Тогда хорошо, что ее нет с вами. Втроем вы бы от Парижа камня на камне не оставили бы.

– Ну, что вы такое говорите, комиссар…

– Можете звать меня просто Вивьен. Когда я не на службе.

– Очень хорошо, Вивьен. Приходите к нам вечером,

посидеть за чашкой чая, — пригласила Ферида.

– Спасибо. Не знаю, получится ли.

Мы высадили Леграна у комиссариата и начали думать, что неплохо было бы где-нибудь пообедать. Поколесили по окрестным улицам и обнаружили симпатичный кабачок "Клиши" на улице Сент-Оноре. Народа немного, чисто, едва слышно играет музыка.

– А где Этьен-то? Совсем про него забыли. Ферида, сходи за нашим возницей.

Ферида выскочила за дверь и вернулась с шофером.

– Извините, Этьен, совсем упустили из вида, что нас сегодня четверо, а не трое, как обычно. Где сядем?

– Вон там, у стеночки как раз столик на четверых, — приметила Охота.

Сели за столик. Заказали. Получили. Этьен заметно стесняется. Видно, ему непривычно такое отношение со стороны седоков "Мерседеса". Ничего, переживет. А то нам было бы как-то неуютно, оставь мы его в машине голодным. Недурно, очень даже недурно кормят в этом заведении! Это хорошо, но куда бы нам пойти после обеда? Неплохо бы сводить девочек на Монмартр и самому бы тоже впервые полюбоваться им, хотя бы зрительно приобщиться к парижской богеме. С другой стороны, хотелось бы пройтись и по местам моего прошлого пребывания в Париже с Пьером и Арманом. Но это желательно сделать без суеты и вопрошающих обо всём спутниц. Очень уж это личное. Решено! Бросаю девочек на произвол судьбы. Взрослые уже. Пусть погуляют самостоятельно, а я пройдусь по старым местам.

– Этьен!

– Да, месье Серж?

– После обеда я вас покину. Вам не трудно показать моим племянницам интересности Парижа? Скажем, Монмартр и еще что-нибудь.

– Нисколько не трудно. Но на Монмартр не везде на машине въедешь.

– А вам и не нужно въезжать. Договоритесь, где будете их ждать, и пусть погуляют сами.

– Ты хочешь оставить нас одних? — опасливо встрепенулась Ферида.

– А за тобой кто будет присматривать? — добавила Охота. — Случись, что с тобой в этом сумасшедшем городе — и как нам тогда быть? Мы с Феридой изведемся. Я уж не говорю про Антогору, которая нас всякими словами изобьет. А Александр? Антиопа же нас домой обратно не пустит. Так что даже не думай один ходить.

– Девочки, у меня здесь есть дело лично для меня. Спутников со мной быть не должно. И не забывайте, что я мог бы вас с собой и не брать. А вот за заботу огромное спасибо. Я очень ценю такое ваше отношение ко мне. Вы стали для меня совсем как семья, но погуляйте сами, посмотрите по сторонам, купите себе и Антогоре что-то на память. Где наш отель, вы знаете. Там вечером и встретимся. Мороженого много не ешьте, с газетчиками не разговаривайте, с полицией не деритесь и на вопросы незнакомых людей не отвечайте.

Я расплатился за обед и скоренько выскочил на улицу, чтобы избежать каких-либо расспросов. Куда сначала? Пожалуй, как раз с самого начала — с "Сосновой шишки" и начну. По улице Риволи потихоньку дошел до Лувра, свернув, вышел на набережную и по мосту О'Шанж перебрался на остров Сите. "Сосновой шишки", где мы встретили трясущегося от страха будущего Мольера, напротив Нотр-Дам не оказалось. На месте таверны какое-то муниципальное здание. Какая досада! Похоже, что будут и еще сюрпризы. Этот с таверной уже второй. До него, проходя мимо Лувра, не обнаружил на месте дворца кардинала Ришелье. Жаль. А как было бы приятно встретить старых знакомых! Хотя бы и неодушевленных.

Заглянул в собор и потолкался среди приезжих. Вышел на набережную острова и посидел в кафе, наблю-

дая за проходящими судами. Вроде бы даже и задремал чуть-чуть. Улицы, где был убит нами отец Жозеф, нет и в помине. Как и множества других узких и извилистых улочек, по которым мы проходили с Арманом и Пьером, подготавливая заговор. Осталось заглянуть лишь на улицу Капуцинок. Судя по карте, она есть и притом совсем рядом с Вандомской площадью. Так что это по пути к отелю. А если свернуть чуть-чуть в сторону, то по пути к отелю окажется и улица Монмартр. Через нее тогда и пойду. Может быть, и на "племянниц" там наткнусь. Хотя вряд ли. Дело уже идет к вечеру, и их там уже быть не должно.

Интересно, а вот эти уличные художники Монмартра сидят здесь до самой темноты? Но пока светло брожу среди них, разглядывая живописные поделки. Вот тебе и раз! Вот так встреча! Охота собственной персоной. Но не живьем, а ее портрет карандашом в полный рост на листе бумаги выставлен для обозрения бородатым парнишей, сидящим на складном стульчике рядом со своими, выставленными для продажи работами. Подхожу и, указывая на портрет, спрашиваю у бороды:

– Давно они тут проходили?

– Да уж часа три почти прошло, как они позировали Мадлен и Жюстену. Приметные особы. Я вот тайком от них даже набросок сделал, — признался борода, заинтересованно и завистливо окидывая взглядом мою джинсу. — Ваши знакомые?

– Родственницы.

– Ага, родственницы, — с глубоким сомнением в голосе поддакнул борода. — Мне бы таких родственниц! Когда они уходили, то у меня была мыслишка присоединиться к ним. Но вот именно эта ваша родственница окинула меня таким взглядом, что стало ясно — мне там ничего не отломится.

– Да, они такие. И куда пошли?

– Мадлен и Жюстен пригласили их к себе на чашку

кофе. Понятно, с какой радости. Такие щедрые клиенты чрезвычайно редки. Заплатили по двести франков каждая за свои пятиминутные портреты карандашом. Правда, и Мадлен с Жюстеном — лучшие из портретистов на Монмартре. Мечтают поступить в Академию, но денег на учебу никак собрать не могут. Но всё равно вместо десяти франков двести за каждую картинку…

– А где живут ваши коллеги по кисти? Здесь рядом?

– На улице Башомон, но в каком доме — не знаю. Еще ни разу у них там не был. Мадлен с Жюстеном только недавно съехались вместе.

– А вы ведь тоже неплохо рисуете. Пока еще не совсем стемнело, вполне можете нарисовать и мой портрет за сто франков. Это, конечно, не двести, но всё же и не десять. А плюс еще и вот этот портрет, сделанный вами тайно от натуры, который я тоже заберу за сто, то и будет вам тоже двести франков.

Борода споро принялся за свое дело и десять минут спустя я уходил с Монмартра с двумя свернутыми в рулон портретами подмышкой. Еще даже не зажгли и уличные фонари. Стало быть, не так уж и поздно. Пройдусь пешком до улицы Капуцинок. Прошелся и дошел, когда небо уже совсем потемнело и фонари зажглись. Улица есть, но ни монастыря, ни дома нашей засады на кардинала нет. Была бредовая мыслишка завтра поездить по окраинам и посмотреть, нет ли где следов от графского замка Аманды. Теперь эта мыслишка ушла. Зачем попусту расстраивать себя. Но всё равно сожаление свербит где-то в глубине души. Пожалуй, и в самом деле, пора снять напряжение в замке Аманды, в приятной компании титулованных друзей из Парижа семнадцатого века.

*

Наш "Мерседес" без шофера стоит у отеля. Стало быть, девочки уже вернулись. О господи — совсем забыл о существовании газетчиков! Влетаю в вестибюль

— работники пера мигом подруливают ко мне.

– Месье Андроник, а где ваши племянницы? Каковы ваши планы в Париже? Будет ли мадмуазель Охота подавать в суд на оскорбителя?

Вот так вопрос! Где мои племянницы? Их что — в отеле нет? Где же они тогда, на ночь глядя? Уже сильно жалею, что оставил их одних. Не отвечая на вопросы журналистов, в растерянности оглядываюсь вокруг и вижу, что из дальнего угла ко мне спешит Этьен. Хватаю его за рукав и, взяв у портье ключи от номера, не отвечая на вопросы газетчиков, проскакиваем вместе с водителем в лифт. Краем глаза замечаю, что ключи от номера девочек с доски за спиной портье не взяты.

– Где они, Этьен? — спрашиваю, войдя в номер.

– Не знаю. Договорились, что я буду ждать ваших племянниц в начале Монмартра. Они сказали, что, если через час не вернутся, то, значит, чтобы не идти далеко назад к машине пошли в отель пешком. Я прождал часа полтора и приехал сюда. При мне они не приходили.

– Ваш рабочий день давно закончился, Этьен, но я попросил бы вас задержаться. Уже десять вечера, и меня очень беспокоит отсутствие девушек. Не пришлось бы идти их искать.

– Конечно, месье Серж. Я задержусь, насколько потребуется.

Молча сидим. То есть сидит-то Этьен, а я бесцельно брожу по номеру туда-сюда. В половине двенадцатого снимаю телефонную трубку и прошу телефонистку соединить меня с комиссариатом первого округа. Леграна, конечно же, там нет. Пытаюсь узнать его домашний номер и после долгого препирательства с дежурным всё же получаю его.

– Комиссар, добрый вечер. Извините, что нарушаю ваш покой. Серж Андроник. Мои девочки пропали. Что, что? Не знаю. Сейчас буду.

Оборачиваюсь к шоферу:

– Этьен, едем в полицию! Комиссар сейчас подойдет.

Легран еще не пришел, и мы с Этьеном сидим на скамье в коридоре полицейского участка напротив барьера дежурного. Из недр здания, откуда-то из-за поворота коридора доносится развеселое пение хора женских голосов. Дежурный на это никак не реагирует, спокойно читая вечернюю газету и изредка бросая на нас поверх листа внимательный взгляд. Хлопает входная дверь, и появляется Легран.

– Что это за концерт, Леон? — коротко глянув на нас, спрашивает у дежурного комиссар, прислушиваясь к пению. — И почему костоломы из банды Сабо слоняются около участка?

– Инспектор Лурье проводил облаву. Притащил десятка полтора девиц с улицы Волне. Сидят в большом обезьяннике. Сегодня почему-то не ругаются, а поют. Вон их барахло, — и дежурный кивнул на стол в углу позади него, где свалены кучей дамские сумочки и еще какие-то вещи. — А ребята Сабо, наверное, ожидают, когда их девиц выпустят.

– Странно. С чего бы это вдруг у них внезапно проснулась именно сегодня такая трогательная забота о подопечных проститутках? Знают же, что утром их всё равно выпустят. Еще кто-нибудь за нами есть?

– Только Малышка Жюль. Опять попался, когда вылезал из форточки. Сидит отдельно.

– Ну, этот к ним отношения не имеет, — и, обращаясь уже к нам: — Пройдемте в мой кабинет, господа.

Когда мы шли по коридору, из двери дежурного инспектора выглянуло заспанное лицо, кивнуло Леграну и поинтересовалось:

– Что это вы, Вивьен? Я нужен?

– Нет, мы по своим делам, Пьер. Отдыхайте.

Лицо кивнуло и скрылось во тьме за дверью. Войдя в свой кабинет, комиссар зажег свет и со вздохом опустился в кресло за столом.

– Когда и где они пропали?

– У меня были свои дела, и я отпустил их погулять самостоятельно. Водитель довез их до Монмартра и ждал их в начале улицы часа полтора. Они не вернулись. Их видели где-то около шести или семи вечера, когда они пошли к тамошним художникам Мадлен и Жюстену в гости на улицу Башомон. В каком это доме неизвестно. И отель они тоже до сих пор не вернулись.

– Может быть, всё-таки задержались в гостях?

– Определенно нет. Они понимают, что я буду беспокоиться.

– Понятно. При них было что-нибудь ценное или, вообще, из вещей?

– Должны бы быть два собственных карандашных портрета на бумаге. Да денег тысяч по двадцать франков.

– Ого! — присвистнул Легран. — По двадцать тысяч у каждой! Да за двадцатую часть такой суммы в Париже иногда убивают, не задумываясь.

– Разве что. Отобрать-то их у девочек невозможно пока они живы.

– О, Господи, что вы такое говорите, Серж! К чему такие страсти!

– Да нет, во-первых, они не станут никому показывать, что у них в карманах. Поэтому вряд ли бы сами вызвали ограбление. Во-вторых, они не позволили бы себя убить и тем более сразу обеих. В-третьих, в Париже вряд ли есть препятствия, которые помешали бы им вóвремя вернуться домой. Только если они сами себя задержат. Такое могло бы случиться, но я не представляю, в какой ситуации это бы произошло.

– Понятно. То есть вы полагаете, что пропажа не бытовая, и не криминальная. А что остается? Таинственная история. Несчастный случай? В больницы звонили?

– Как-то даже не подумал. Девушки очень осторожны и предусмотрительны. О таком побеспокоился бы в по-

следнюю очередь. Да и сразу обе…

– Вот задачка-то. Монмартр — это одиннадцатый округ. Сейчас попытаемся что-нибудь узнать.

Легран поднял телефонную трубку, задумался на несколько секунд и положил обратно.

– Нет, по телефону у дежурного мы вряд ли что-нибудь путное узнаем. Лучше съездить туда самим. Вернее будет.

Выходим из участка, и Этьен заводит мотор. Неподалеку от дверей стоит троица здоровых парней интернационально блатной внешности. Поглядев на их рожи, никогда не заподозришь обладателей таких физиономий в доброте, мягкосердечии и отсутствии хотя бы ножа в кармане.

– Наше почтение, комиссар, — крикнул нам вслед один из них, — не подумайте чего. Мы своих девочек ждем.

– Это Фернан Закладчик из банды Сабо. Головорез еще тот, — сообщил мне Легран, когда мы уже порядочно отъехали от полицейского участка.

– Закладчик?

– Да, странноватая казалось бы кличка. Любит биться об заклад по любому поводу. Вот и Закладчик. В главных подручных у крупного местного гангстера Жюльена Сабо.

Монмартр даже среди ночи довольно оживленное место. Прохожие совершенно без страха снуют туда-сюда. Правда, всё больше молодежь оживленными компаниями. Останавливаемся у одиннадцатого участка и заходим внутрь.

– Здравствуйте, комиссар. На редкость спокойная ночь, — сообщает нам дежурный сержант, оторвавшись от иллюстрированного журнала и отвечая на вопросы Леграна. — Вызовов пока никаких нет. Думаю, инспектор Мишлен, пожалуй, и задремал. Пойдете к нему?

– Мишлен? А почему он здесь? Он же в третьем окру-

ге.

– Перевелся уже, наверное, как месяца два.

– Тогда мы пройдем к нему.

– Третья дверь слева, — направил нас дежурный и снова уткнулся в какие-то комиксы.

– Мишлен довольно толковый малый. Проходил у меня стажировку, — сообщил Легран, без стука открывая дверь с табличкой "Дежурный инспектор".

Инспектор не спит, а, закрыв глаза и шевеля губами, штудирует какой-то учебник, лежащий перед ним.

– Доброй ночи, Жан. Никак к экзамену на комиссара готовишься? — поприветствовал коллегу Легран.

– Рад вас видеть, комиссар. Готовлюсь, будь он трижды неладен. Что за дурацкие у нас инструкции! Не на понимание, а на заучивание. Что вас в такое время привело к нам?

– Познакомься, Жан, — это Серж Андроник из Рима и его шофер. У Сержа где-то у вас прошедшим вечером пропали племянницы. Вот и ищем.

Легран изложил суть проблемы.

– Мадлен и Жюстен, — задумчиво повторил Мишлен. — Может быть, и видел таких, но я ведь здесь недавно и мало знаком со здешней публикой, не нарушающей порядка. А никаких серьезных жалоб с прошедшего вечера к нам не поступало. Вот если позвонить комиссару Пернье, то он что-нибудь посоветует. Только поздно уж слишком.

– Ничего, он вроде бы, если мне память не изменяет, живет один. Не убьет нас. Набирайте номер, а трубку, Жан, передайте мне.

Мишлен набрал номер.

– Не отвечает. Нет, взял. Комиссар? Это Жан Мишлен. У меня комиссар Легран. Он хочет с вами поговорить. Нет, срочно. Передаю.

Легран прижал трубку с уху:

– Здравствуй, старина, извини, что разбудил в такое

время. Сам понимаешь, я не стал бы беспокоить тебя по пустякам. Скажи, пожалуйста, не знаешь ли ты таких портретистов с Монмартра, как Мадлен и Жюстен? Они недавно съехались вместе на улицу Башомон. Знаешь, но куда переехали тебе неизвестно? Как-как? Мамаша Барси с улицы Башомон, одиннадцать? Спасибо, ты меня очень выручил. Спокойной ночи, старина, — и, положив трубку, объяснил нам: — Мамаша Барси может быть в курсе. Она промышляет на Монмартре как посредник при сдаче жилья внаем.

Мамаша Барси оказалась дородной и словоохотливой матроной. Причем дамой насколько информированной, настолько и любопытной. Даже слегка не посетовала на вторжение среди ночи. Но, наверное, извелась от неизвестности: зачем это полиции среди ночи потребовались милейшие молодые люди Мадлен и Жюстен? Да, конечно, она их знает. Они теперь живут в соседнем доме. Квартира тридцать пять.

– Нет, комиссар, не знаю, зачем вы их ищете, но уверена, что они ничего не могли натворить. Что случилось? Уж я-то должна знать! Как зачем? Ничего не натворили? А чего не натворили? Как так? Ужас! Какой вы скрытный, комиссар…

Разбудить Мадлен и Жюстена оказалось нелегкой задачей. Однако Мадлен минут через пять нашего стука всё же высунула нос в приоткрытую ею дверь. Поднялся с проклятиями и Жюстен. Потом оба поуспокоились, и мы все устроились за столом в довольно просторной кухне. На плите заурчал кофейник.

– Да, Охота и Ферида были вчера нашими гостями, — сказала Мадлен. — Как было их не пригласить! Такие интересные и внимательные особы! Они мне сразу понравились. Поговорили о Париже, Лувре, где они вчера были, и Академии художеств, в которую мы с Жюстеном мечтаем поступить.

– Чудесные девушки. И просто необычайно добрые,

— поддержал подругу Жюстен. — Ушли они от нас, наверное, часов в девять. Сказали, что им пора вернуться в отель. Спросили, в каком направлении Вандомская площадь. Вот и всё, что мы знаем. Если они, как мы им объяснили, пошли по улице Пти Шам, то пропасть никак не могли. Она людная и прямиком ведет к Вандомской площади.

Опять мы в тупике.

– Жюстен прав, — сказал Легран, когда мы вышли от художников, — на Пти Шам в девять вечера трудно пропасть бесследно. Слишком оживленно. Но между одиннадцатым округом, где Монмартр, и первым, где "Ритц", лежат еще два округа, через которые проходит Пти Шам. Нужно ждать утра, когда вчерашние полицейские придут в свои участки на работу. Сейчас там некого опрашивать. Можем еще проехать в Управление полиции на набережной Орфевр. О серьезных происшествиях окружные полицейские участки обязаны докладывать в Управление в течение двух часов круглые сутки. Можем посмотреть сводки.

– Тогда поехали, — оживился я.

Увы, и на набережной Орфевр мы не обнаружили ничего полезного для себя. Молча вернулись туда, откуда выехали на Монмартр. Отпустили Этьена. Бандитская троица всё так же околачивается здесь. Тротуар вокруг них забросан окурками сигарет. Чувствуется, что они в большой досаде от такого времяпрепровождения. Молча и зло покосились на нас с Леграном, когда мы прошли мимо.

– Интересно, что им здесь надо в такое время? — пробормотал себе под нос Легран. — Их проститутки здесь совсем ни при чем. Не стала бы эта банда ради них здесь всю ночь проводить. Главарь зачем-то заставил. Но вот зачем? Может быть, у какой-то из уличных девиц было с собой что-то такое, что нельзя упускать из вида? Надо осмотреть отобранные у них при задержа-

нии вещи.

Под эти слова мы вошли в участок и остановились у барьера дежурного.

– Леон!

– Да, комиссар.

– Громилы у дверей участка заявляют, что ждут своих девочек. Как ты и предполагал.

– Да ничего я не предполагал, комиссар! Ляпнул первое, что пришло в голову. Никогда не видел и не слышал, чтобы такие типы около полицейского участка ожидали всю ночь своих блудниц.

– Вот и я о том. Девицы — просто предлог и оправдание вышибалам и сутенерам здесь находиться. Посмотрю-ка я барахло задержанных. Всё забрали? Кто обыскивал? Мирабель?

– Она.

– Тогда всё должно быть здесь.

Легран прошел за барьер дежурного и принялся копаться в ворохе дамских сумочек, каких-то мешочков, свертков и зонтиков. Зашуршал какими-то бумагами и вынес их на свет.

– Это я заберу к себе, Леон. Если Лурье заинтересуется, куда делись бумаги, то отошли его ко мне. А если не заинтересуется, то помалкивай, что они были, вообще. Понял?

– Понял.

– Протокол задержания у тебя?

– Вот.

– Отлично. Давай сюда. Надо посмотреть. Серж, пойдемте!

Легран опять с тяжелым вздохом устроился за своим столом, положив принесенные бумаги перед собой.

– Как же всё-таки много странностей и сюрпризов в подлунном мире, — философски произнес он.

– А в чём дело, комиссар? Догадались, чего выжидают громилы на улице?

– Еще не знаю. Но здесь очень занимательная ситуация складывается. Пока мы с вами, Серж, высунув язык, носимся по Парижу, разыскивая ваших племянниц, они преспокойно сидят в нашем участке в одной камере с уличными девицами.

– Не может быть!

– Оказывается, может. Взгляните сюда.

Легран развернул на столе довольно-таки помятые бумаги и на нас глянули веселыми глазами карандашные портреты улыбающихся Охоты и Фериды.

– Ну, и дела, — только и смог произнести я. — Как они тут оказались?

– Гораздо интереснее другое. Почему их сразу не отпустили? — в раздумье пробурчал Легран, читая протокол задержания. — Задержано шестнадцать уличных девиц. Почти все поименованы, и стоят пометки неоднократного задержания за занятие проституцией. Под номером семь и восемь имен нет. Значит, и документов не было, и имен своих номера семь и восемь не назвали.

– Не назвали, — признаюсь я, уже освоившись с тем, в какую идиотскую ситуацию мы попали. — Я им запретил отвечать на вопросы незнакомых людей.

– Это ладно, а как они, вообще, здесь оказались? Вы же, Серж, говорили, что девушки не потерпят над собой никакого насилия. И вдруг они позволяют хватать себя ажанам* и тащить в камеру.

– Я запретил им сопротивление полицейским. Да вы и сами должны понимать, что произошло бы после безуспешной попытки задержания, вздумай они оказать сопротивление. Их начала бы искать вся парижская полиция. А что касается документов, то их у моих племянниц нет. Впрочем, у меня тоже.

– Час от часу не легче! Вы мне про отсутствие документов не говорили, а я не слышал. Понятно? Как же вы прошли через границу?

– Мы границу не проходили.

– Пожалуй, вам всем лучше вопросов и не задавать, чтобы не оказаться в соучастниках.

– Соучастниках чего?

– Чего-нибудь. Ладно, с этим. Проблема в другом. Я своей властью не могу выпустить девушек на свободу. Хотя я и главный в участке. Тем более что формально они неизвестные личности и попадают совсем под другую статью, чем проститутки. По существующим правилам, отпустить их может только тот, кто их задержал, — инспектор Лурье. А он в первую очередь утром, как обычно, распустит проституток домой и примется выяснять личности неизвестных. Как он или кто-то другой не узнал ваших племянниц по газетам?

– Вот это-то как раз понятно. Другая одежда, прическа, не соответствующее окружение, скверные газетные картинки. Легко не узнать, увидев мельком. Но, если, как вы говорите, комиссар, кто-то начнет пристально присматриваться, то…

– Нужно узнать у ваших девочек, как они оказались на улице Волне и, что там произошло. Давайте пройдем к камерам.

Мы вышли в коридор и двинулись вглубь здания. Кругом тишина.

– Все уже, наверное, заснули, — предположил Легран. — Как бы нам тихо подозвать их к решетке?

– Если они там, то уже ждут нас. Слышали мои шаги.

И в самом деле, завернув за угол, мы встретились глазами с Охотой и Феридой. Они стоят, прижавшись к длинным вертикальным прутьям решетки, и смотрят, как мы с комиссаром приближаемся. Камера большая с широкими скамейками по стенам. Небольшая дверь — видимо, в туалет. Все обитательницы, кроме моих двух красавиц, благополучно и привычно спят сидя или лежа. Сопят и бормочут во сне.

– Сергей, Сергей, мы знали, что ты за нами придешь! Как есть хочется! Вытащите нас отсюда, — схватив меня

за руки, наперебой шепотом затараторили амазонки.

– Подождите, подождите немного. Не всё так просто, — отвечаю я с облегчением, целуя их в носики. — Расскажите в двух словах, как вы здесь оказались.

– Когда возвращались на постоялый двор, то почти дойдя до площади ошиблись и повернули направо, а не налево, — прошептала Охота.

– Верно, — подтвердил Легран, — если с Пти Шам повернуть налево, то попадешь на Вандомскую площадь. А если свернешь направо, то попадешь в злачные места улицы Волне. Во владения Жюльена Сабо.

– На улице было много молодых женщин, — продолжила Ферида, — и мы подошли к ним спросить дорогу. Но подскочил какой-то парень и пнул женщину, к которой мы обратились. Заорал, чтобы она не забывала работу. Потом повернулся к нам, закричал, что мы залезли на чужую территорию и за это поплатимся. Замахнулся на Охоту, и та его легонько стукнула. Парень упал, грохнувшись головой о землю, и больше не шевелился. Подбежали другие парни, стали его тормошить, а потом потащили куда-то. Тут завыли машины, из которых выскочили полицейские и стали хватать всех подряд. Нас тоже схватили, а поскольку ты сказал, что требованиям полиции нужно подчиняться, то мы пошли со всеми. Так здесь и оказались. Странные женщины. В Риме гетеры* и порнайи* совсем не такие. Эти же забитые какие-то.

– Всё понятно, — задумчиво произнес Легран, — потерпите еще немного. Мне нужно посоветоваться с вашим дядей.

Мы вернулись в кабинет комиссара.

– Так как же вас зовут на самом деле? Сергей или Серж.

– Серж — это на французский манер.

– Ладно, теперь хоть понятно, кого на самом деле ждут головорезы на улице.

– Неужели моих девочек?

– Именно. Они в лучшем случае случайно покалечили, если не убили кого-то из доверенных подручных Жюльена Сабо, а он этого безнаказанным не оставит. Этот тип мстителен чрезвычайно. Многие наблюдали столкновение и наверняка описали Фериду и Охоту. Теперь их здесь и ждут, чтобы расправиться, когда они выйдут из участка.

– Если девочки выйдут из участка, то как раз эта-то проблема вполне решаема. Сложнее другое. Как выйти из участка и при этом не подвести вас, комиссар? Нельзя допустить, чтобы ваш инспектор начал следствие по выяснению личностей задержанных. Да и в прессе какой скандал разгорится! Девочкам так или иначе нужно уйти отсюда прямо сейчас.

– Если я их отсюда выведу, то могу попасть под служебное расследование и не видать мне полной пенсии, как своих ушей. И из полиции меня попрут, а я ничего другого не умею, кроме как преступников ловить.

– А зачем вам их выводить? Тихий побег — и вы тут совершенно ни при чем.

– Побег? Вы шутите, Серж! Побег требует подготовки, а сейчас даже единственные ключи от камеры — и те у дежурного. Его посвятить в вашу затею? С ума сошли!

– Нам ключи не нужны. Важно, что вы сами не против побега и нас не выдадите.

– Ну, учитывая ситуацию, я мог бы случайно закрыть глаза в тот момент, когда происходят некоторые события. Если не будет никакого криминала.

– Вот и хорошо. Идемте обратно к клетке.

Мы опять оказались у камеры. Девочки выжидающе смотрят на нас.

– Охота, вылезайте оттуда. Только тихо.

Амазонка ухватилась руками за прут решетки, левой ногой уперлась в соседний и выгнула их так легко, словно они были не из стали, а из пластилина. Легран пораженно ойкнул. Девушки змейками скользнули между пру-

тьями и оказались рядом с нами. Все прочие обитательницы камеры так и продолжают спать.

– Слушайте внимательно. Мы с комиссаром займем разговором дежурного в коридоре, а вы, пригнувшись, тихонько проскользните у нас за спиной и выйдите на улицу. Идите налево и ждите нас с комиссаром где-нибудь шагов через сто. Учтите, что за дверями вас поджидают три разбойных типа. Это дружки того злодея, которого Охота стукнула на улице. Хотят вам отомстить. Жалеть их не надо. Только уведите чуть подальше отсюда. Всё поняли? Чудо несказáнное дружно кивнуло головами.

Легран заглянул в свой кабинет и забрал бумаги. Мы подошли к барьеру дежурного, загородили спинами коридор от его взгляда и Легран начал заговаривать сержанту зубы:

– Вот протокол. Положи на место. Так, ничего подозрительного я и не нашел. Передай Лурье, если я его не увижу, чтобы попытался выяснить через своих осведомителей, зачем громилы Жюльена Сабо топтались тут всю ночь. Меня не беспокойте — буду досыпать…

Мы даже не уловили момента, когда девочки прошмыгнули у нас за спиной. Так тихо они это проделали. Только вроде бы дверь на улицу едва слышно скрипнула. Потоптавшись в коридоре еще минуты две-три, и поговорив с сержантом о нравах богачей, мы попрощались с дежурным и вышли на улицу. Тишина. На улице ни души. Небо вроде бы уже начало светлеть. Повернули налево и через полсотни шагов опять наткнулись в свете фонарей всё на ту же бандитскую троицу. Такое впечатление, будто в них на полной скорости врезался паровоз. Один валяется у стены дома, словно его расплющило об эту стену. Череп разбит. Другой обосновался на газоне у дерева и по неестественному положению тела сразу видно, что у лежащего об это дерево сломан позвоночник. Третий чуть поодаль упал лицом вниз. Жив

или нет, не видно, а подходить ближе не стали. Не шевелится.

Легран снова тяжело вздохнул и спросил:

– Серж, вы это имели в виду, когда сказали своим племянницам "Жалеть их не надо"?

– Что-то вроде этого.

– И в самом деле, не жалко?

– Знаете, Вивьен, пожалуй, нет.

– Мне тоже нимало не жалко, а как-то даже завидно. Полицейский лишен возможности так быстро и действенно устранять криминальные проблемы. Но девушки-то, ваши каковы! Доброта и безжалостность, изящество и невиданная сила в одном лице. Как это уживается вместе?

– Думаю, что очень сложно уживается. И это их сильно мучает. Нам с вами такого не понять. Трудно, наверное, под влиянием секундных эмоций не дать подчас безжалостности одержать верх над добротой. Надо иметь для этого большую силу воли и острый, гибкий ум для избирательности поступков.

– "Чудо несказáнное". Кажется, так вы говорите, Серж? Пожалуй, вы правы. Вон это чудо впереди.

Девочки бегут к нам и повисают у меня на шее. "Повисают", конечно, преувеличение. Учитывая их комплекцию, если бы они, в самом деле, повисли, то я не устоял бы на ногах.

– Есть хотим, есть хотим, есть хотим!

– Вивьен, тут найдется какое-нибудь работающее заведение питания. А то ведь эти особы запросто нас с вами заживо съедят, если не найдут замены.

– Немного дальше будет итальянское ночное кафе.

Пицца девочкам очень понравилась. В Древнем Риме ее еще нет — не придумали. К кофе они равнодушны, а вот жидкий шоколад привел в восторг. Не в тот восторг, что от пирожных и мороженого, но всё же радость. Насытились. Девочки ковыряются в десерте. Я пытаюсь

разгладить и свернуть в ровную трубку их портреты, а Легран о чем-то глубоко задумался.

– Вы знаете, Серж, — озабоченно произносит он, — во всей этой истории меня беспокоит одно странное обстоятельство.

– Какое?

– Деньги. Вы говорили, что у девушек было с собой по двадцать тысяч франков. Большие деньги! Они их истратить не могли, а среди изъятых при облаве вещей денег не оказалось. И это в моем участке! Большой повод для беспокойства. Люди у нас подобрались вроде надежные и вдруг такая, мягко говоря, незадача.

Я обернулся к девочкам. Обе молча и сосредоточенно изучают свой десерт. Но Охота всё же бросила на меня короткий и, как мне показалось, упрямый и в чём-то решительный, независимый взгляд. Всё понятно.

– Вы просто не представляете, Вивьен, на что способны эти мотовки. Им деньги просто жгут карманы. Подозреваю, что при облаве никаких купюр при них уже не было. Остались на Монмартре. Ферида, вы что, всё отдали Мадлен и Жюстену?

– А ты откуда про них знаешь? — встрепенулись обе.

– Потом дома скажу.

– Нам очень понравились их рисунки и картины. Решили помочь им попасть в Академию художеств.

– Вот как всё понятно оказывается. У меня от сердца отлегло, — облегченно вздохнув, проронил Легран.

– Охота, Ферида всё хорошо, что хорошо кончается, — заметил я, решив подвести разговор к ожидаемому будущему, — но эта последняя история для нас, пожалуй, еще не кончилась. Вы случайно наступили на ногу одному местному главарю городских разбойников, и он теперь не оставит нас в покое. Три головореза были посланы, чтобы отомстить вам, и они могут оказаться не последними.

– Да, разделались вы с этой троицей удивительно

быстро и ловко, но…, — начал было с улыбкой восхищения Легран и умолк на половине фразы, увидев, как напряглись девочки и застыли их лица.

Повисла напряженная пауза.

– Никогда, пожалуйста, не говорите об этом так, Вивьен, — попросила Ферида минуту спустя, — Никакой радости, удовлетворения нам ЭТО не приносит. Только досаду, что приходится таким образом поступать, потому что именно этого кто-то не сделал до нас.

– Извините, Бога ради! У меня и в мыслях не было подумать, что это может вам нравиться. Но, с другой стороны, я не могу вас защитить от повторного нападения со стороны всё того же человека. Меня это очень огорчает.

– Не расстраивайтесь, Вивьен, мы всё понимаем, несмотря на нашу провинциальность, — успокоила комиссара Охота, положив свою руку на запястье Леграна. — И верим в ваше искреннее желание помочь нам. Иначе мы не сидели бы за одним столом. Вы нас защитить не можете, но нам это самим по силам с вашей помощью. Расскажите, где найти этого главаря, и мы поговорим с ним прямо сейчас.

– Прямо сейчас? — удивился Легран. — А хотя бы вашей неутомимостью и решительностью повосхищаться можно?

– Вот этим можно! — засмеялись амазонки. — И сколько угодно. Мы любим, когда нами восхищаются, и Серж этим часто пользуется. Когда ему что-то от нас нужно, он начинает льстить. Правда, от чистой души и именно тем, что сам думает. Это вдвойне приятно.

Легран бросил на меня быстрый взгляд, я согласно кивнул, и он обратился к девочкам:

– Жюльен Сабо — известный и опытный преступник. Хотя и молодой…

– Ой, Вивьен, пожалуйста, короче, — прервал я его. — То, что он бандит нам и так ясно. Понятно также, что

юридически он обставился так, что его голыми руками не взять. Иначе не гулял бы на свободе. Не нужно выкладывать его послужной список. Только, где его сейчас можно найти.

– На улице Волне семь. Клуб "Гавайи" принадлежит ему. Пройдите сам клуб, и сразу сверните в арку во двор. Справа будут две двери. Левая дверь ведет к его кабинету на втором этаже и в главный зал на первом. Внизу будет охранник или даже двое. Сейчас седьмой час. Сабо, наверное, подсчитывает прибытки за ночь. Вот вроде и всё.

– Нам вполне достаточно, Вивьен. Вам, конечно же, с нами никак нельзя. Давайте попрощаемся здесь. Сегодня вечером мы идем в "Мулен Руж", а завтра утром уезжаем. Так что в ближайшее время уже не встретимся. Если какое-нибудь расследование и возникнет, то пусть себе идет своим чередом. Нас-то здесь уже не будет. Было очень приятно с вами познакомиться, Вивьен.

– Мне вы тоже по душе. Особенно славно было встретиться с чудом несказáнным. Приезжайте опять и вашу третью подругу прихватите. Только сразу звоните мне. Мало ли какие события тут произойдут в ваше отсутствие.

Легран ушел, поцелованный девочками на прощание в обе щеки. Мы же направились в клуб "Гавайи". С деловой миссией, разумеется. Уже совсем рассвело, и стали часто встречаться прохожие.

– Знаешь, Сергей, — на ходу, легонько ткнула меня пальцем в бок Ферида, — а те женщины в камере за решеткой объяснили нам, что такое изнасилование.

– Вот-вот, — со вздохом добавила Охота, — ты оказался прав. Нам это не грозит. И кто такие вертихвостки тоже объяснили. Не обидно. Ты ведь пошутил тогда.

– Вертихвост! — фыркнула Ферида, и девочки залились звонким смехом.

В ночном клубе "Гавайи" окна уже не горят. Сворачи-

ваем в арку. Да, две двери. Охота с силой пытается открыть запертую левую дверь и отлетает назад вместе с вырванной с корнем ручкой. Тем не менее изнутри слышится звук открываемой щеколды, дверь распахивается. Выглядывает рослый парень.

– Кто здесь?

– Мы!

Ферида с ним не церемонится. Парень, стоя на цыпочках, извивается, стараясь безуспешно высвободить свою шею из железной хватки амазонки, держащей его в вытянутой руке за горло чуть ли не в подвешенном состоянии.

– Если скажешь, где кабинет Сабо, то останешься жить, — проникновенно увещевает его Ферида.

– Напротив лестницы, — хрипя и трепыхаясь, выдавливает охранник.

– Оглушить, — распоряжаюсь я, и парень кулем валится рядом с дверью.

Красивая, резная деревянная лестница на второй этаж. Шикарная дверь напротив нее. Спокойно заходим. Большая комната. Метров сорок-пятьдесят квадратных. Обстановка великолепная. В углу большой сейф. За письменным столом человек лет тридцати пяти. Красавчик! Продолговатое лицо, большие глаза, чисто выбрит и небольшие усики. В общем, то, что бабам нравится.

– Выйди вон, Анри, — не отрывая глаз от стола, лениво произносит этот тип.

– Так гостей не встречают, Жюльен, — отвечаю я.

Тип дергается и резко поднимает голову.

– Кто такие? Кто пустил? — угрожающе и громко выкрикивает он.

– Да никто не пустил. Сами вошли. Принесли тебе привет от Закладчика. Сам он уже не сможет прийти. Почил в бозе, как говорят русские. Вместе с двумя другими твоими подручными. Зря ты послал их расправиться с девушками, которые тебе даже незнакомы.

Сабо начинает что-то понимать. Глаза налились кровью и метают молнии. Опускает руку вниз и, похоже, нажимает какую-то кнопку под крышкой стола. Наблюдаю за этим, как в кино.

– Ферида, присмотри за дверью.

Снаружи доносится быстрый топот ног нескольких человек, бегущих вверх по лестнице. Дверь распахивается, но войти никто не успевает. Ферида оборачивается в ту сторону и… Что-то с криками и стонами загрохотало, но уже вниз по лестнице. Ферида исчезает. Снаружи доносятся глухие звуки ударов и Ферида возвращается. На лестнице тишина.

– Вы все покойники! — сквозь зубы шипит Сабо.

– Вот-вот, многообещающее начало. Мы уже наслышаны о твоей репутации. А также о взыскательности и злопамятности в отношении обидчиков и непокорных. Потому мы и здесь. Если разберемся с тобой, то и нас будет некому беспокоить. Понятна цель нашего прихода?

Вроде бы до него наконец доходит, что никто его не испугался, а разделаться с наглецами, может быть, и не удастся. В злобе, теряя над собой контроль, Сабо дергает ящик стола, но больно уж медленно он это делает. Охота мгновенно взвивается в воздух как птица, пролетает над столом, сметая с него почти всё на пол, и перехватывает Сабо за запястье. Лежавший в ящике большой пистолет оказывается у нее в руке, и она от души прикладывает им гангстера по физиономии. Опрокинув кресло, Сабо отлетает к стене и валится на пол. Черные усики становятся красными. Похоже, у него сломан нос. В глазах не страх, а изумление: как это его кто-то посмел тронуть!

– В детективных и приключенческих романах, — говорю я ему, — на этом месте обычно начинается душеспасительный и назидательный диалог страниц этак на пять-шесть, а то и больше о том, что такое хорошо и что

такое плохо. Я считаю, что не вправе отнимать у тебя столько времени на пустые разговоры. По твоему поведению видно, что ты очень спешишь в одно место и всё равно останешься при своем мнении. Охота, помоги ему побыстрее добраться до царства Плутона.

Амазонка склоняется над лежащим. Раздается глухой, омерзительный хруст шейных позвонков и тело гангстера, дернувшись, замирает.

– Вот вроде и всё. Смотри-ка, а сейф-то открыт! Что это в нём?

Ну, конечно же — пачки денег и бумаги. Может, пригодятся Леграну? Его домашний номер телефона помню. Снимаю трубку телефона, стоящего на столе:

– Вивьен, мы тут с девочками всё-таки заглянули в "Гавайи". Думали повеселиться, но опоздали. Уже закрыто. Да и с хозяином заведения произошел какой-то несчастный случай, а сейф не заперт. Полно денег и бумаг. Как бы кто под шумок не прикарманил. Да, понял. Сматываемся.

Выходим, и Ферида на всякий случай отламывает дверную ручку. Чтобы раньше полиции кто-нибудь не вошел.

Вот мы наконец и дома. То есть в отеле. Похоже, что мы уже не сенсация. Журналистов не видно. Может быть, спят еще? Вообще-то для сенсации сутки — это уже старость. Хорошо, если бы она уже умерла! Не знаю, как девочки, а я просто чертовски устал от всех событий прошедшей ночи. Не засыпаю, а словно проваливаюсь в темное никуда, не успев помечтать о звездах.

*

Этьен не стал нас будить, докладывая о своей готовности рулить, куда прикажут. Терпеливо ждет нас в вестибюле. Всё спокойно. Видимо, сенсация всё же, на наше счастье, уже умерла. Отлично! Но хотя нас и не беспокоили, проспали мы всего часа четыре или пять.

– Как вы думаете, Этьен? Успеем ли мы пообедать,

съездить посмотреть Версаль и вернуться в Париж к восьми часам? У нас билеты в "Мулен Руж". Сейчас ведь время за двенадцать перевалило.

– Так паломничество в Версаль как раз после двенадцати и разгорается. Посетителей-то начинают впускать с одиннадцати. Вряд ли вы выдержите версальские впечатления больше четырех часов. Еще уйма времени останется.

– Версаль — это загородная резиденция французских королей, — объясняю я девочкам. — Короли довольно беспокойные правители. Скучно им на одном месте. Посидят, посидят в Лувре и, устав от городской жизни, отправляются развеяться где-нибудь на природе. Вот и построили себе небольшую виллу в пригороде. Совсем как наш Александр.

Заглянули в ресторан и поехали в Версаль.

– Это и есть, то, что ты назвал небольшой виллой? — поинтересовалась Охота, придя в себя от изумления при виде панорамы дворца и парка Версаля.

– Хижина с небольшим садиком для избавления от скуки, — скептически хмыкнула Ферида.

Но женщины есть женщины, несмотря даже на некоторый скептицизм кое в чём. Они любят и умеют наслаждаться созерцанием цветов. А посозерцать в Версальском парке есть что. Два часа мы ходили от цветника к цветнику, от клумбы к клумбе, от куста к кусту, любуясь и принюхиваясь. Прошлись по аллеям со скульптурами. Не скажу, что для меня этот обход был скучным и тягостным. Девочки же просто млели от тонких цветочных ароматов и многообразия изящных статуй. Некоторые фигуры античного происхождения они узнавали сами.

Затем последовал чуть ли не священный восторг от красоты интерьеров дворца и опять, как и в Лувре блаженство встречи с неповторимой живописью. Портрет маркизы де Помпадур вызвал пристальный интерес. Довольно долго стояли около него. Отошли. Девочки по-

смотрели друг на друга и вернулись к мадам Помпадур. Минут пять что-то обсуждали.

– Интересно, — поделилась впечатлением Охота, когда девушки опять присоединились ко мне. — Какая красивая женщина!

– А что вы там с Феридой обсуждали?

– Фериду удивило такое платье из множества огромных юбок. Зачем оно? В нём ведь и двух шагов не пробежишь. Упадешь и разобьешь нос. Я ей сказала, что, наверное, опасное было для женщин время. И такое платье не для бега, а для защиты от изнасилования. От мужчины убежать трудно, а вот, столкнувшись с таким платьем, любой насильник в нём заблудится. А там и помощь подоспеет.

– Твоей проницательности можно позавидовать, — отозвался я на такую, никому еще не пришедшую в голову гипотезу о значении и функциях женской моды в восемнадцатом веке.

Охота строго покосилась на меня. Но я уже успел состроить умильную и восторженную физиономию. Так что уличить меня в насмешке ей не удалось. Картина Ботичелли "Ужин Настажио у Онестии" вызвала не только удивление, но и отвращение.

– Зачем это собака кусает полуголую женщину за зад? — поинтересовалась Ферида. — Некрасиво как-то. Нет, это нам не нравится.

Но вот "Рождение Венеры" того же Ботичелли понравилось. Очень заинтересовала картина "Королева Персии у ног Александра".

– Это кто в шлеме? Александр Македонский? Он точно такой был? Какой маленький! А нам его совсем иначе описывали. Вот и верь после этого летописцам.

– Маленький или нет, а вот посмотрите на него здесь, — указываю я на картину "Александр Македонский сражает Дария третьего в битве при Арбелах".

– Да, здесь уже лучше.

Портреты королей девушек не впечатлили. Только задержались недолго у портрета Людовика пятнадцатого. Оказалось, что амазонки любовались красивым камзолом короля.

– Какие-то они все ненастоящие. Вот у этого одежда очень красивая, а нос почему-то красный, как у старого пьяницы.

Зато царственные дамы никакой критике не подверглись. Даже явно уродливые особы. От души полюбовались салоном Аполлона и салоном Дианы в греческо-римском стиле. Салон Войны тоже впечатлил немало. Зеркальная Зала привела в трепет. Девочки молча прошли ее из конца в конец, задрав головы к росписям потолка. Увидели и "Греческих богов, купающихся в фонтанах Версаля", а после "Девочки, пускающей мыльные пузыри" не спеша двинулись к выходу.

– Мы Антогоре больше не завидуем, — сообщила Ферида, когда мы садились в машину. — Ради того, что мы видели, стоило и немножко побояться машин.

– Ты, Сергей, должен нам твердо пообещать, что приведешь сюда и Антогору, — чуть ли не ультимативно заявила Охота.

– Нет, обещать я ничего не стану. Неизвестно будет ли еще возможность прийти сюда, но если такое случится, то вашу подругу непременно возьмем. Двинулись-ка в отель, а потом в "Мулен Руж"! Говорят, что если раньше прийти, то можно будет выбрать столик поудобнее. А еще говорят, что, кто не видел "Мулен Руж", тот Парижа не поймет. Этьен, вам предстоит ночная работа забрать нас от кабаре и доставить в отель. Сверхурочные самособой.

– Нет препятствий, месье Серж.

Пока заехали в отель, пока девочки переодевались в курточки и шортики, начало уже темнеть. Так что к свободному выбору мест за столиками мы в "Мулен Руж" всё же опоздали. Но всё равно один из метрдотелей-

распорядителей, которому мы попали в руки, нас необыкновенно уважил. Вот где хороша сторона газетной популярности!

– Как же, как же мы рады видеть у нас таких известных гостей! Весь Париж только и говорит о последнем бале в "Ритце". Прошу вас сюда — поближе к эстраде.

Пока пробирались по залу, публика оборачивалась нам вслед. Мужчины ласкали взглядами изысканные формы Охоты и Фериды, а женщины примеривали на себя кожаную экипировку амазонок. Получилось неожиданное, дополнительное представление для некоторых зрителей еще до начала действа, на которое они пришли.

– Столик на четверых, но лишний стул мы уберем, если пожелаете, и подсаживать к вам никого не будем, — суетится распорядитель.

– Пусть себе стоит, но не подсаживайте никого.

– Как угодно, как угодно. Я скажу гарсонам, чтобы обслуживали вас в первую очередь.

В момент подскочил официант-гарсон и поставил на стол целых две бутылки шампанского в ведерках со льдом и вазу с фруктами. Тогда как на остальных столах перед публикой стоят бутылки безо льда, входящие в стоимость билетов.

– От нашего кабаре в знак уважения женщинам, которые способны себя защитить, — с пафосом изрек распорядитель, и за ближайшими столиками посетители захлопали нам в ладоши.

Чувствуется, что девочки смущены таким вниманием окружающих и не знают, как на это реагировать. Потому и делают самое правильное — не реагируют никак и внешне спокойно устраиваются за столиком.

Какой-то человек поодаль встает с места и машет нам рукой. Надо же — Жан из Бордо со своим славным фонарем под левым глазом, который почти совсем скрыт опухолью! Пробирается к нам и здоровается.

– Можно присесть к вам на минутку?

– Какое совпадение! Садитесь, Жан. И вы тут оказались.

– Да, и я. Приезжие этого места не минуют. Вот и я здесь. Правда, не в первый раз, но уж и зрелище такое, что можно смотреть бесконечно.

– А мы вот в первый. Из чего тут состоит представление?

– Первая часть — песни, а вторая — танцы. Правда, в отличие от бала публика тут только смотрит представление и сама во время него не танцует. Разве что только если кто-то из публики рискнет изобразить что-нибудь на сцене с согласия хозяев. Но это должно быть красивое зрелище, а не какое-нибудь кривлянье, убожество. Это то, что касается самого представления, которое начнется не очень скоро. В одиннадцать часов. Так что до него еще почти два часа. А сейчас ужин. Во время ужина можно танцевать вон там. Видите? Оркестр собирается.

Жан с восхищением обозрел Охоту одним глазом и продолжил:

– Ваши спутницы великолепно смотрелись бы на сцене. Могу попытаться устроить. Завел я тут полезное знакомство с управляющими "Мулен Руж". Поставляем в кабаре редкие ткани для костюмов. Никто за это браться не хочет. Очень широка потребность в ассортименте тканей и мала потребность в количестве каждого вида ткани. Несмотря на популярность кабаре, денег в нём не так уж много. Всё уходит на текущие нужды. Иногда даже и не хватает. Поэтому мы не столько торгуем с "Мулен Руж", сколько его дружески поддерживаем. Оно того стоит. Во всяком случае, мне так кажется. Да и для нашей торговли хорошая реклама.

– Нет уж, увольте, Жан. У моих спутниц сценических талантов не наблюдается. Незачем им публично позориться.

Тут я, конечно, соврал маленько. Насчет сценических

талантов не знаю, а вот способности блеснуть в любой ситуации у девочек не отнять. Зато Охоту с Феридой подзадорил. Вон как ушки насторожили!

– Ну, нет, так нет, — отступился Жан. — Пойду за свой стол. Если Охота не возражает, то ее первым кавалером в танцах буду я. Вы мне подайте сигнал. А?

Охота благосклонно кивнула. Да и как не кивнуть. Жан — человек приятный и предупредительный. Да и пострадал в драке, благородно защищая честь той же Охоты.

– Когда это мы себя или тебя позорили? — вкрадчиво, въедливо и ехидно поинтересовалась Охота, когда Жан удалился.

– Хоть бы нас спросил, — поддакнула Ферида.

– Дорогие мои, бесценные амазоночки! — начал отбиваться я. — Вы не представляете, какое счастье быть в вашем обществе. Таланты ваши велики, а достоинства безграничны.

Амазоночки блаженно заулыбались на мою подкупающую лесть. От души же. Сами знают. А я тем временем продолжил:

– Но именно потому, что я вас бесконечно люблю, включая отсутствующую Антогору, я и не желал бы вам несчастья залезть на эту сцену.

– Почему это?

– Вот посмотрите представление, увидите, как танцуют здешние девушки, и тогда всё поймете.

– Ладно, посмотрим, чем это ты хочешь нас обидеть или запугать. Налей нам этого чудо-вина.

Я поднял руку и мгновенно подскочил официант с книжкой меню. Заказали сыр, салат и котлеты в соусе с картофелем. Девочки впервые встретились с картошечкой в Париже. Понравилась и жареная, и отварная, а сейчас попробуют и пюре.

Оркестр начал что-то тихо наигрывать, но танцевать никто не спешит. Звон ножей, вилок и бокалов. Ужин —

есть ужин. Святое дело! Постепенно характерные звуки, сопровождающие прием пищи затихают, а музыка становится громче. Жан сидит вдалеке лицом к нам и время от времени бросает заинтересованный взгляд в нашу сторону. Вот и первые пары прокружились на небольшой танцевальной площадке. Заиграли фокстрот. Охота встает, бросает взгляд в сторону Жана и идет к площадке. Жан вскакивает и устремляется туда же. Ферида вопросительно взглядывает на меня и мы пробираемся между столиков вслед за Охотой. Сидящие вокруг танцевальной площадки внимательно и благожелательно следят за нашими танцевальными стараниями.

– Хорошо здесь, — с некоторым томлением говорит Охота, возвратившись обратно.

– Дальше будет еще лучше, — обещает ей Жан. — Требую, чтобы меня обнадежили хотя бы еще одним танцем.

– Конечно, Жан, — смеется Охота, указывая на синяк у того под глазом, — вы это без сомнения заслужили. Я позову вас.

Желающих потанцевать с девушками оказалось много. К чести Охоты и Фериды нужно сказать, что никому из кавалеров не было оказано предпочтения. С каждым танцевали только раз. Так что обиженных претендентов не наблюдалось. Последний танец, как и обещано Охотой был отдан Жану. После чего оркестранты поднялись и растворились в кулуарах кабаре.

Краем глаза я заметил, как к столику Жана подошла какая-то элегантная женщина лет сорока в сопровождении пожилого мужчины. Заговорили с ним, кивая в нашу сторону. Он вроде бы с чем-то согласился и те ушли.

Начался концерт. Песни разные и приятные. Аплодисменты хорошие. Но нельзя сказать, что внимание всех приковано к сцене. Все ждут танцевальной части, и она вот-вот начнется, ибо вскоре прозвучала и последняя песня.

Вся публика обратилась к сцене. Нельзя сказать, что замерла в ожидании. Неразборчивый гул голосов не прекратился, но настолько сдержан и ровен, что чувствуется всеобщее напряжение. Двинулся занавес. Послышались первые ноты музыкального вихря. Феерия зажглась!

Феерия. До ужаса затертое слово, но ничем другим представление в "Мулен Руж" по достоинству охарактеризовать не удается. Даже при богатстве русского языка. Все превосходные степени уже были когда-то и кем-то использованы. Девочки сидят затаив дыхание и с чуть приоткрытыми от изумления ртами наблюдают за открывшейся перед ними неповторимо красочной картиной безудержного движения, сопровождаемого музыкальной бурей.

Сцены оперетт, переработанные почти до неузнаваемости национальные танцы, имитации балета и еще что-то совсем непонятное, неизвестное, но привлекающее и будоражащее. Это нужно видеть и слышать.

Канкан! Это чудо конца девятнадцатого века так и не стареет, а, похоже, наливается всё новыми и новыми красками. А танцовщицы и танцоры? Это тоже стремительная, чертовски стремительная и при этом живая песня без слов. Глаза девочек прикованы к их движениям, а руки отбивают ритм канкана по столу.

В разгар представления, улучив момент перерыва между номерами, когда конферансье о чём-то треплется с публикой, Жан подводит к нашему столику ту элегантную женщину, которую я уже ранее приметил около него.

– Люсьена Ваньи, — представляет ее Жан. — Люсьена одна из владельцев и руководителей "Мулен Руж". Хочет с вами познакомиться и поговорить. Если вы не против, то я ее с вами оставлю.

– Мы не против, — отвечаю я, представляя нас всех и указывая на свободный стул, — но какой может быть разговор в такой обстановке, когда и самого себя с тру-

дом слышишь?

– Я не спешу, — очаровательно улыбаясь, произнесла Люсьена, — и можем побеседовать в перерывах между номерами. А если что, то у меня и свой кабинет есть.

Чувствуется в этой даме парижский шарм — если и не врожденный, то уместно приобретенный. Но мне что-то становится несколько беспокойно. Понятно, что подкатила она к нам неспроста и интерес ее вовсе не во всех нас. Во всяком случае, не во мне. Учитывая характер заведения и ее положение в нём, будет охмурять девочек? Посмотрев на их восторженные лица сейчас, это очень легко, казалось бы, сделать. На самом деле не очень-то легко, но не в этом дело. Нельзя допустить, чтобы кто-то заронил им в души хотя бы призрак возможности другой жизни, нежели та, которая есть у них сейчас. Несмотря на воспитанное мужество, у них на редкость тонкие души. Они будут молчать и молча мучиться иллюзиями. Нельзя этого допустить в нашей неформальной, сказочной семье. Путешествие в Париж для них праздник. Пусть только праздником, о котором можно вспомнить, и останется.

– Что ж, если так, то давайте попробуем побеседовать в перерывах. Раз вы здесь руководитель, Люсьена, то в чём состоит ваше руководство?

– На мне сценическая часть. Всё, что касается балета и кордебалета.

– Поня-ятно, — протянул я и тут оркестр заиграл чардаш. Я нагнулся к уху Люсьены и почти что прокричал:

– Давайте лучше пройдем в ваш кабинет и спокойно поговорим, а девушки пусть наслаждаются представлением.

Похоже, ей это не очень понравилось, но после секундного размышления всё же кивнула и стала подниматься со стула. Я тоже встал. Охота удивленно и вопросительно взглянула на меня. Я успокаивающе под-

мигнул, и она опять впилась глазами в сцену.

Кабинет неплохой. Просторный и аккуратный. Мягкие кресла, диван, большой письменный стол для работы и маленький, низкий столик для приватных бесед с креслами вокруг него. Вот в эти кресла мы и погрузились. Интересная особа. Не красавица, но приятна и, кажется, весьма не глупа. Как-то необычно внимательно прислушивается к моим словам.

– Кофе или вино? — поинтересовалась хозяйка кабинета.

– Ни то, ни другое. Если можно, то черный чай с каплей сахара, но чай покрепче.

Люсьена распорядилась насчет моего чая и сухого вина для себя. Доставили вмиг. Железный порядок в заведении!

– Так чем мы вас заинтересовали, Люсьена? — спросил я в лоб, помешивая ложечкой в чашке.

– Ну, как же не заинтересоваться таким событием даже простому парижскому обывателю, а мне уж и подавно любопытно, — с улыбкой произнесла дама, выкапывая с нижней полки столика газету "Фигаро" с "романом" о бальной драке в "Ритце".

– Это понятно, но интуиция подсказывает, что это не весь ваш интерес.

Моя собеседница задумалась и вдруг ушла в сторону от предмета.

– В газете написано, что вы приехали из Рима. Но ваша речь, Серж, не характерна для Италии. Я бы сказала, что вы вовсе не итальянец, а русский.

– Сдаюсь! Вы меня раскрыли, — рассмеялся я. — Правда, это не такая уж ужасная тайна. Наверное, и ваша тайна тоже невелика.

– Моя тайна? Какая тайна?

– Полноте, Люсьена, хорошо уловить тонкость произношения речи, характерную для национальности, может только носитель этой речи. Или бывший носитель. По-

дозреваю, что вы происхождением оттуда же, откуда и я. А имя ваше вовсе не Люсьена Ваньи, а, скажем, Людмила Иванова.

Мадам заметно вздрогнула, но мгновенно взяла себя в руки.

– А вы проницательны. Сергей? Да?

– Да.

– Я давно случаем покинула Россию. Уже лет двадцать прошло. С тех пор так там и не была ни разу. Нева, мосты, Невский проспект, Летний сад, подруги детства и юности... Такое не забывается. А в Париже, и вообще во Франции, очень много осевших здесь вроде меня русских.

– Как понимаю, вы из Петербурга. Если не секрет, то где именно вы жили?

– У Ломоносовского моста на Фонтанке. Как раз напротив Баранки, а потом на Сергиевской улице, — тяжело вздохнув, ответила совладелица "Мулен Руж".

– Понятно. Но, может быть, вернемся к вашему интересу к нашей компании?

– Что ж, давайте вернемся, раз вы на этом настаиваете. Мне бы хотелось поговорить с вашими спутницами.

– Вполне законное желание, но говорить придется со мной. Я за них отвечаю перед семьей, и они не станут беседовать с вами без моего согласия.

– Даже так? Однако они ведь совершеннолетние и могут говорить с кем захотят.

– Люсьена, я вам определенно симпатизирую, и мне не доставляет удовольствия отказывать вам. Но девочки росли в редкой среде воспитания. Они добры, доверчивы, отзывчивы и их нужно защищать. Вместе с тем, они послушны и, если им сказано не отвечать на вопросы незнакомых людей, то они с вами разговаривать не будут. Понимаете?

– Отчасти. Значит, вы диктуете им судьбу?

– Вот и видно, что поняли вы меня только отчасти.

Никто судьбы по своему разумению им не диктует. Но они многого не знают о мире, в котором сейчас находятся, и мое дело — не дать им сделать ошибку по неведению. Теперь понимаете? Вы ведь и сами, Люсьена наверняка, впервые попав в Париж, наделали уйму досадных ошибок, каких при нынешнем разумении и опыте никогда не сделали бы.

– Вы правы. Наделала и не сделала бы. Так вы, Серж, при них вроде ангела-хранителя?

– Вроде.

– В таком-то молодом возрасте?

– Так уж получилось. А о вашем предложении нетрудно догадаться. Газеты. Ваше положение в "Мулен Руж". Сегодняшние танцы во время ужина. Вы их увидели, оценили внешность, физику, пластичность и изящность. И совершенно верно решили, что они вполне могли бы стать примадоннами "Мулен Руж". Стоит лишь только их соответственно подготовить. Но, увы, у них свой мир и мы в него уже сегодня возвращаемся.

– Жаль. А какой благодатный материал уйдет у меня из-под носа!

– Материал? — рассмеялся я. — Всего лишь? Вы просто не догадываетесь, какое сокровище промелькнет мимо.

– А может быть, и догадываюсь. Интуитивно. Досадно. Я бы их холила и лелеяла. Так вы куда возвращаетесь? В Италию или в Россию?

– Сначала в Италию. Сдам их на руки семье, а сам двину домой в Петербург.

– Да, смутили вы меня, Серж. Напомнили о родных местах, которые хотелось бы опять увидеть. Может быть, когда-нибудь я и вернусь туда. Всё-таки ностальгия сильна в русских.

– Не хотелось бы огорчать вас, Люсьена, но туда, где вы родились, вы уже никогда не вернетесь.

– Почему это? Желания ведь иногда исполняются.

Если сильно пожелать.

– Исполняются, но не это ваше. Обратно в Ленинград вам путь закрыт навсегда.

На минуту наступило гнетущее молчание.

– В Ленинград? — дрожащим голосом переспросила Люсьена. — Вы кто, Серж?

– Один из обитателей четырехэтажного особняка на Сергиевской, которому известно об исчезновении лет двадцать назад студентки Института культуры.

Опять долгое молчание.

– Как вы догадались, что я — это она?

– Вы сказали, что жили на Фонтанке у Ломоносовского моста. Мост всегда был Чернышевым, и в мост Ломоносова его переименовали в СССР. Стало быть, вы родились в Ленинграде, которого в этом мире нет и никогда не было. Вы ушли из нашего Дома слишком надолго, и ваша личная связь с ним разорвалась.

– И ее никак не восстановить?

– Ваше место занял другой человек. Возможно, что я. Думаю, что ничего уже не восстановить. Сами знаете, какое это загадочное явление. И, пожалуйста, не донимайте меня вопросами, почему я могу появляться в мире вашей мечты. Ответить сложно, а врать не хотелось бы. Могу сказать одно, что взять вас с собой я не могу. Есть риск нарушить всё и для всех.

Снова долгая пауза.

– И как там — в Ленинграде?

– Не очень хорошо. Социализм больше не строится. Строится какое-то идиотское подобие капитализма. Скверно всё. Может, и к лучшему, что вы этого не увидите. Ахмед жив и здоров. Анна Петровна работает в издательстве. Капитан при вас был еще не капитаном, а просто моряком Виктором.

– А вы, Серж?

– Нашей семьи еще не было в Доме.

– А ведь неплохое было время в Ленинграде, а я вот

увлеклась вдруг ставшей доступной иллюзорной мечтой и увязла в ней с головой. Как вы говорите, навсегда и безвозвратно. Впрочем, что греха таить? У меня здесь постепенно вроде бы всё и наладилось. Дом, муж, дети и мечта, ставшая работой, — "Мулен Руж". Чего еще желать?

– Так вы о чём грезили, то и получили. Сетовать грех. А мне пора вернуться к девочкам.

– Могу я для вас что-нибудь сделать, Серж?

– Можете. Хотелось бы порадовать моих девочек. Они всё-таки немножко в душе авантюристки. Дайте им после представления станцевать на сцене вальс в паре с вашими мальчиками из балета. Мне кажется, что с такой поддержкой мои подопечные не ударят лицом в грязь.

– А что, блестящая идея и необычная развязка вечера. И я еще чего-нибудь придумаю. Будете опять в Париже, непременно загляните в "Мулен Руж". Сделаю для вас всё, что смогу.

Перерыв между номерами. Вроде бы представление идет к концу. Мои красавицы уже добили вторую бутылку шампанского — и ни в одном глазу! Впрочем, при их комплекции две бутылки за весь вечер — всё равно что слону дробина. Похоже, что-то только что обсуждали между собой. На меня взглянули мрачновато.

– Ты оказался прав. Не с нашими талантами лезть на эту сцену, — призналась Охота и тут же просветлела. — А какие танцовщицы! А какие танцоры! Как у них красиво всё получается!

– Не огорчайтесь. Каждый хорош в своем деле. Вы в своем, а они в своем. Неизвестно еще, кто кому должен завидовать. Вы вот сегодня целую банду разгромили, с которой полиция справиться не могла. Просто об этом никто не знает. Да и вообще, еще не конец жизни! Вдруг еще и потанцуете на сцене.

– Ферида, чует мое сердце, что Сергей что-то затеял,

— забеспокоилась Охота. — Что-то у него подозрительно загадочный вид. Если сам не выложит, что задумал, то придется пытать. Он щекотки боится.

От пытки меня спасли музыкальные аккорды очередного номера. Похоже, что это финальный парад. Под бурные аплодисменты словно пронеслось всё представление, и вся труппа оказалась на сцене. Замерли последние ноты, но артисты и артистки остаются на сцене. Выстраиваются открытым в зал полукругом вдоль декорации и чего-то ждут. Выходит конферансье.

– Уважаемые господа, прошу не расходиться. Вечер еще не завершен. Вы уже заметили, что в зале присутствуют две очаровательные девушки — Ферида и Охота. Это из-за них разгорелись чуть ли не убийственные страсти на балу в отеле "Ритц". Наши танцоры хотят пригласить их на вальс.

Вперед к рампе выходят два парня и протягивают правые руки к нам. Девочки в смущении оглядываются на меня, и я им ободряюще киваю. Конферансье между тем продолжает:

– Поддержим эту прелесть аплодисментами, господа. После вальса девушек ждет награда. Мы по их желанию повторно исполним любой номер нашей программы.

В зале послышались нарастающие хлопки, переходящие во вполне приличные аплодисменты. Уже и от соседних столов подсказывают: "Идите, идите". И они пошли, в недоумении оглядываясь на меня. Кавалеры труппы подхватили их с предпоследней ступеньки лестницы на сцену, и тут же зазвучал вальс. Мои красавицы закружились в танце. Обе пары стройные, длинноногие, пластичные и изящные. Кавалеры не позволяют себе сложных па. Ведут дам легко и ровно, словно плывут. Публика, улыбаясь, следит за парами.

Кончился вальс. Конферансье подходит к девочкам и что-то спрашивает у них. Затем выходит к рампе и объявляет:

– Канкан.

Это не тот канкан из восьми танцовщиц, что уже был. В этом участвует весь кордебалет. И венгерки, и цыганки, и матроски, и казачки, и дивы в перьях — все слились в этом бешеном ритме. Мои девочки стоят у кулисы и с восторгом поедают глазами зрелище, еще невиданное даже в самом "Мулен Руж".

– Что это было в самом конце? — спросила Охота, когда мы уже сели в машину.

– Понравилось?

Вместо ответа девочки прижались ко мне и так, чуть ли не в обнимку мы ехали до отеля. Попрощались с Этьеном и я попросил его подать машину часам к двенадцати. Опять недоспим? Уже пять часов утра. Молчим, не желая разрушать очарование ночи.

– Да-а, канкан…, — только и послышался из спальни девочек голос Фериды. Шуршание одеяла и там всё затихло.

Около одиннадцати нас побеспокоил посыльный. Но мы уже встали, умылись и как раз обсуждали возникшую проблему. Подарок-то Антогоре забыли купить. Да и для себя девочки по магазинам не походили.

Посыльный вывалил на стол два свертка. Тот, что поменьше, не особо тяжелый, а тот, что побольше, — довольно тяжелый. По стуку, в большом свертке какой-то деревянный ящик. Развернули сначала меньший. В нём три коробки и письмо от комиссара Леграна. Я за письмо, а Охота — за верхнюю коробку. Открыла. Там великолепный, никелированный маузер. Не дамский и с запасной обоймой. Все патроны на месте. На рукоятке гравировка: "Ферида". Мигом раскрыты остальные две коробки. Там то же самое, но гравировки "Охота" и "Антогора". Разворачиваю письмо и читаю вслух.

"Я подумал, что вашей третьей красавице будет интересно и полезно потренироваться в стрельбе. Поэтому посылаю и небольшой ящик наконечников для стрел, воткнутых в стаканчики с волшебной силой. Дай Бог, чтобы мой подарок остался для ваших девочек, Серж, только сувениром на память.

В. Л."

– Какая прелесть! — только и промолвила Охота.

– И Вивьен тоже прелесть, — добавила Ферида. — Хотя и не молодой.

Этьен стукнул в дверь ровно в двенадцать. Мы уже позавтракали и совсем готовы к отбытию. Внизу рассчитались за услуги, получили все обычные пожелания, приглашения и двинулись в направлении Марли. Этьен удивился, высаживая нас, что называется, в чистом поле, развернулся и поехал назад. Мы постояли с минуту, глядя на далекую Эйфелеву башню, и вошли в скалу.

*

ГЛАВА 5

БАШНЯ АМАНДЫ

ГЛАВА 5: Башня Аманды

Спустившись в круглый зал, застали там Арзона. Старый гном отпер ограду и что-то колдует около машины. Оказывается, что аккуратно чистит ее мягкой щеткой.

– Буду сам прибирать здесь время от времени, — говорит он, поздоровавшись с нами. — Эльфы Везера подмели зал и уже ушли. Вот тебе ключ от ограды, Серж. Второй будет у меня, если что. Не волнуйся. Я всё аккуратно. Хотя и не понимаю, что здесь и зачем. Я предупредил, чтобы в чужие проходы наружу не выглядывали.

– Это очень сложная машина, Арзон, и притом еще и не вся, а только ее небольшая, но очень важная часть. Остальное в другом месте. Я тебе уже говорил, что если повредить машину, то этот зал исчезнет и ходить друг к другу в гости уже не получится. А как вы узнали о его существовании?

– Фея Роза как-то совсем недавно нас сюда привела. С год назад вроде бы.

– А она откуда узнала?

– Сама не представляет. Во сне, что ли, увидела. Меня тоже удивляет, как народ из разных мест вдруг узнает друг о друге. Спрашивал у многих — и те тоже удивляются. Ладно, есть так есть, и пусть будет. Да, граммофон для тебя мы отдали Жанне — твоей экономке. И пластинки, которые она выбрала. Денег у нее не взяли. Она чуть не обиделась. Потом сказала, что тогда хотя бы раз в неделю будет даром присылать служанку, чтобы прибрать лавку. Присылает. Теперь у нас в лавке чисто. Хорошая девушка твоя помощница.

– Хорошая, — подтвердил я. Если у вас в Верне появятся какие-нибудь сложности, то обращайтесь к ней. Обязательно поможет. А как Нельга поживает?

– Чуть не каждый день приходит и интересуется но-

выми пластинками. Куда она их только складывает? Мы теперь думаем, как бы делать пластинки с нашей музыкой и песнями.

– Если надумаете, то у Жанны чудесный голос и слух.

– Будем иметь ее ввиду.

– Нам пора, Арзон. Кого увидишь — всем передавай привет от меня.

При выходе к чудному озерцу пропустил девочек вперед. Пока шли до виллы, всё любовался стройными конструкциями их опорно-двигательных аппаратов и слаженным изяществом работы аппаратных механизмов. Не говоря уж об эстетическом наслаждении безукоризненной геометрией седалищных холмов.

Интересно, а как я через год буду объясняться с ними по поводу необходимости проведения таинства зачатия, о котором договаривались с Антиопой? А может быть, всё будет очень просто? Антогору же они ко мне ночью подсылали. А та сказала, что они еще и выбирали, кому идти. Но почему-то совсем не привлекает, чтобы лишь ради этого "таинства" год пролетел побыстрее. Хочется совсем обратного — чтобы Антогора, Охота и Ферида как можно дольше были бы рядом…

– Погуляли, повеселились, и теперь я долго не буду обращать внимания на ваши капризы, — сказал я девочкам в спину.

Промолчали. Только Охота досадливо дернула плечом. Тащит себе тяжелый ящик с патронами с легкостью спичечного коробка — и хоть бы что! В саду застали всех обитателей и гостей виллы. И Габор тут с приятелями. Габор спорит о чём-то с, видимо, только что прибывшим Александром, а Антогора, Анна и Мар наблюдают за этим и потешаются.

– Да что ты говоришь, Александр, — горячится Габор, — виллу мы охраняли, а то, что за это время не случилось на нее нападения или воровства, и защищать ничего не пришлось, — нас не касается. Гони бочку вина — и

всё тут!

– Нет, так не пойдет. Такая работа на бочку вина не тянет. Кувшин в день и не больше. Стало быть, четыре кувшина и будьте довольны.

Чувствуется, что весь этот спор Александр затеял лишь ради забавы и кувшин или бочка ему совершенно всё равно.

– Какие четыре кувшина! — вскричал фавн. — Поимей совесть! Хотя бы по кувшину в день на каждого и то получается… Антогора, сколько получается?

– Двенадцать кувшинов, Габор.

– Вот видишь, Александр, уже двенадцать кувшинов. Почти целая бочка. А ты из-за этой малости такой торг устроил.

– Ты поучись у Антогоры считать. В бочке сорок кувшинов, а не двенадцать. В общем так, полбочки вина и обед. Договорились?

– Вторые полбочки вина нам вперед за следующую охрану и обед. Тогда договорились.

– Ну и вымогатели! Чёрт с вами! Мар, пусть возьмут бочку вина. Только в саду свою гулянку не устраивайте, и нимфам купаться не мешайте. Бочку не забудьте вернуть!

Пообедали все вполне мирно, и фавны с ликованием покатили свою добычу через сад куда-то в лес, а мы поднялись в библиотеку. Анна прочла вслух статью из парижского "Фигаро". Посмеялись.

– Странные подарки дарят в Париже мужчины молодым девушкам, — проговорил Александр, разглядывая пистолеты. — Комиссар полиции, говорите? Это ж за какие заслуги? За ликвидацию банды? Тогда понятно. Мог бы и пулемет подарить. А Антогора-то тут причем? Ее же с вами не было. Ладно, всё равно я не пойму, что к чему. Тут за событиями нужно бы своими глазами наблюдать. Только, ради Юпитера, не перестреляйте друг друга! Подарки есть подарки. Никто их у вас не мо-

жет отнять. А портреты славненькие. Охота и Ферида совсем как живые. Давайте повесим их здесь, в библиотеке. Только нужно будет потом и Антогору к ним добавить.

Забрав свои пистолеты и вскрыв ящик с патронами, амазонки отправились учить Антогору премудростям стрельбы. Вскоре со стороны поля послышались выстрелы.

– Час от часу не легче, — посетовал Александр. — Хорошо хоть патронов не вагон. Быстро кончатся. И что там интересного вы видели в Париже?

– Лувр, Версаль и "Мулен Руж". На башню залезли и убедились, что даже Париж двадцатых больше древнего Рима в сто раз. Девочки в восторге. Требуют, чтобы всё это показали и Антогоре.

– И "Мулен Руж"? — переспросила Анна. — Забавное сочетание с Лувром. Хотя я заметила, что ваши амазонки не лишены остроты ума, своеобразной мудрости и довольно строгой морали кое в чём. Такие девушки прекрасно разберутся в разнице жанров, и получат удовольствие от противоположностей. Мы с Антогорой тоже заглянули в музей искусств. Не Лувр, но приятно провели время.

– А я бы лучше в "Мулен Руж" заглянул. Много о нём говорят.

– Ну и загляни. Возьми Антогору, а Фериду с Охотой в качестве гидов и отправляйтесь. Много проще, чем из Питера с оформлением паспортов и виз. Тем более что в "Мулен Руж" у нас теперь блат есть. Вот и остаток денег, — и я выгреб из карманов кучу банкнот.

– Блат? Откуда?

– Одним из совладельцев "Мулен Руж" является наша пропавшая из Дома студентка Института культуры.

– Да ты что! — хором воскликнули мои собеседники.

– Тебя куда ни пусти, то обязательно откопаешь что-нибудь интересненькое, — завистливо пробурчал Алек-

сандр.

– Я бы тоже с удовольствием составила вам компанию в такой прогулке, но у нас с Сергеем намечено другое дело. Завтра нужно быть на месте.

– Да, я не забыл. Как там в Гешвиге? Удалось что-нибудь раскопать?

– Михаэль Рюгер помог нам получить доступ к архивам технического института и музея Швейцера. На мой взгляд, там всё больше касается работ Генриха после семнадцатого года. Есть еще частный архив его помощника, который умер лет тридцать назад. Но наследника не удалось застать в городе. Придется поиски отложить на некоторое время.

– Ну, это не горит. Вы когда отправитесь по своим-то делам? — поинтересовался Александр.

– Утречком, пожалуй. Как, Анна?

– Можно утром. Только пораньше. Нужно успеть до приезда гостей хотя бы часа за два.

Девочки вошли в библиотеку слегка возбужденные. Ферида и Охота даже не взглянули в сторону своих обожаемых шахмат. Зато Антогора не изменила своей любимой кушетке и с довольным вздохом завалилась на нее, поигрывая разряженным пистолетом.

– Вот это подарок! — восторженно произнесла амазонка. — Какая штука! И как громко грохочет! Жаль ей нельзя пользоваться как оружием. Разве что только дома для интереса, как сегодня.

– Почему нельзя? — удивился Александр.

– Нечестно будет.

– Вот, Анна, видишь, какие тут у нас моральные устои. Везде бы так, то люди бы и горя не знали.

– Девочки, — обратился я к нашим красавицам, — Александр хочет сходить с Антогорой в "Мулен Руж" и Лувр.

Охота с Феридой мигом навострили ушки, учуяв возможность тут и самим поживиться.

– Ты только взгляни, Александр, как эта пара в момент возбудилась. Сразу уловили, что без них этот поход не обойдется. Ты только повнимательнее присматривай за нашими красавицами. Иначе не только развлечения, но и приключения тебе будут обеспечены. Комиссар Легран справедливо заметил, понаблюдав за Охотой и Феридой, что если их будет уже не две, а три, то они не только на уши город поставят, как уже постарались, но и разнесут вдребезги весь Париж. Помнится, твои римские друзья как-то такое опасение уже высказывали относительно Рима.

Девочки, как только доберетесь до Парижа, то прямо с вокзала позвоните комиссару Леграну. Вот его служебный и домашний номер телефона. О чём его спросить сами знаете.

– О том, не ищут ли нас? — сообразила Охота.

– Вот именно. Дальше. Денег у нас осталось после вашего покровительства искусству около сорока тысяч франков. Вот вам по пять, а остальное будет у Александра. На Монмартр сходите обязательно и притащите оттуда портрет Антогоры для библиотеки и еще три портрета вас всех на память для меня. И я вас у себя дома повешу.

– Что-что? Как это нас повесишь? За что? А как же ваши с Александром клятвы в любви и дружбе? Александр хочет повесить здесь наши портреты, а ты у себя дома нас самих?

– Вот как раз от избытка любви-то на стену и повешу. В картинках, конечно. Будете навечно услаждать мой взор. Вас самих-то я бы и в объятиях задушил. Если бы вы прежде не удавили бы меня в своих.

Ладно, шутки шутками, а в "Мулен Руж" билетов не ищите. Загляните туда днем и спросите Люсьену Ваньи. Она всё устроит. Комиссара поблагодарите за подарки. Вот вроде бы и всё. Антогору приодеть не забудьте прежде, чем отправиться в Париж.

Да, Александр, пригляди, чтобы они мороженого не переели. А то они как увидят его, то весь свой разум и рассудительность теряют начисто. Вот пирожные в Марли рекомендую попробовать. Они там лучше, чем в Париже. И еще одно. Не позволяй Люсьене Ваньи охмурять девочек. Только почувствуешь что-нибудь такое — немедленно обрывай ее. Сам понимаешь, какой у Люсьены может быть интерес. На ней там вся концертная часть.

*

Французское лето в разгаре. Мы с Амандой сидим на башне замка Жуаньи и наслаждаемся окружающей природой. Гийом остался внизу встречать гостей. На башню вынесены большой стол и стулья. Растянут навес для защиты от жаркого солнца. Благодать! С сыном Аманды я так и не познакомился. Антуана в замке нет. Занят обустройством своего владения, выделенного ему матерью, готовясь к переезду туда со своей будущей женой. Пока гости не прибыли, болтаем с Амандой о том, о сем.

– Всё же я так и не могу понять суть ваших с Александром отношений с амазонками, — недоумевает Аманда. — С одной стороны, они вроде бы охрана и прислуга. Подчиняются без разговоров. А с другой стороны, сами, как хозяйки делают, что хотят и даже помыкают вами. Странно как-то.

– На самом деле всё очень просто и очень запутанно, — засмеялся я. — На них распространяется обязательство защищать и обслуживать нас с Александром. Как я тебе уже говорил, защищать даже ценой собственной жизни. И тут вовсе не формальное обязательство, а и их собственное убеждение в необходимости этого.

Как я понимаю, здесь сложились очень прочные отношения на основе взаимной выручки и доверия. Основу еще давно заложил Александр. Медицинская помощь, которую он организовал для племени амазонок, спасла многие их жизни, и они благодарны за это. А недавно племя получило от нас в подарок большое, очень боль-

шое земельное угодье. Теперь им вообще никто не посмеет мешать жить, как они того хотят. Они считают себя обязанными. Едва удалось убедить их, что наши отношения с племенем исключительно дружеские. Нельзя обременять их чувством оплаты какого-то долга. Вот они и стараются в эту дружбу внести свою посильную лепту. Ты же сама видишь, что они хоть и воительницы, но совсем не такие, как описаны в истории Геродота и мифах.

– Если они все такие же, как и Антогора, — уравновешенные, умные и сообразительные…

– Вот именно. Все или почти все. Во всяком случае, те, которых я знаю. А уж красавицы-то какие! И ведь Александр в свое время их не задумывал совсем. В результате чего так сложилось, мы понятия не имеем. Но факт налицо. Феномен! У них очень быстрый и острый ум. И нет ни малейшей враждебности к окружающим, которые не пытаются им чем-то угрожать. А ведь пережить племени пришлось многое. Не зря они стали воительницами. А отсутствие мужчин означает отсутствие распрей внутри племени. Но возникают сложности с тем, что не на кого излить естественные эмоции заботы и ласки, присущие женщинам. Трудновато им.

– Понятно. У Охоты, Антогоры и Фериды сейчас есть на кого излить такие эмоции. Хотя бы в виде опеки ваших персон от возможной опасности.

– Наверное. Девочки беспрекословно исполняют всё, что может хоть как-то касаться их обязанностей, которые они сами на себя и возложили. При этом не важно, в какой форме они получат распоряжение. Как приказ, просьбу или пожелание. Выполнено всё будет мгновенно, безукоризненно и без вопросов. Почему так? Вероятно, в предположении, что мы лучше них знаем, что нужно делать в какой-то ситуации. Но также они прекрасно понимают и другое. Что мы всегда полагаемся… ну, как бы сказать, на их компетентность, что ли. И никогда не потребуем от них чего-нибудь сомнительного,

вредного, а то и отдадим всё на их рассуждение.

– Да уж, рассудительности у них хоть отбавляй и безрассудства почему-то тоже.

– А ты посмотри, когда он безрассудны, а когда рассудительны. Безрассудства покажется больше. Намного больше.

– Ну вот, а ты говоришь…

– Да, но ты посмотри, чего касается безрассудство. Только личного, мелкого, необязательного. Можно покапризничать, пошутить, побаловаться невинно, как в кругу семьи или близких друзей. Они одинаково с нами свободны в доме Александра. Если смотреть со стороны получается, как ты и говоришь, странная картина. В один и тот же момент полная свобода и тут же беспрекословная дисциплина подчинения. И никогда не путается, когда можно пошалить, а когда требуется собраться и сделать. Добавь сюда еще взаимное уважение между нами всеми, и я бы даже сказал несексуальную, но молчаливую, нежную любовь друг к другу вот и получишь уже совсем странное наблюдение. Знаешь, что мне прямо сейчас пришло в голову?

– Что?

– Вот нас пятеро, кого машина Швейцера по каким-то положительным критериям выбрала из всех окружающих. У нас и представления о морали схожие, и понимаем друг друга с полуслова, и взаимное доверие. И даже мечты во многом перекликаются, хотя и разные по форме. Чувствуется какое-то эмоциональное родство между нами, когда мы собираемся вместе.

– Да, и я тоже это заметила. И что?

– Нас-то всего пятеро, а там, где-то на границе лесов и полей в Римской империи, существует целое племя женщин такого же склада характера численностью в две тысячи человек. Вот с ними нам легко и комфортно. А им с нами. Знаешь, Аманда, у амазонок самым жестоким наказанием считается отлучение от племени. Только

мысль об этом им страшнее геенны огненной. Охота говорит, что не слышала ни об одной амазонке, наказанной таким образом. Самодисциплина-то, однако, в племени какова!

– Мне кажется, я начинаю что-то понимать, что словами не описать. Смотри-ка, Серж, Пьер и Арман едут!

Мы с Амандой помахали им с башни и нам тоже ответили приветствием. Оба приятеля энергичны и веселы.

– Уф, жарковато нынешнее лето, — начал Пьер светский разговор. — Рады видеть тебя, Серж.

– Знаешь, Серж, как-то скучно нам стало после той истории с кардиналом, — добавил Арман. — Получили письма от Аманды и подумали грешным делом, не случилось ли еще чего-нибудь такого, во что можно было бы ввязаться. Война с гугенотами нам и даром не нужна, а вот влезть в какую-нибудь авантюру с потасовкой всё-таки хочется. А?

Аманда засмеялась:

– Не повезло вам, ребята. Нет у нас сегодня причин для потасовок. Просто захотелось вас всех повидать.

Из-за деревьев к замковому мосту с грохотом вылетела карета.

– Вот, пожалуйста — Луиза своих бесценных коней гоняет без жалости, — заметил Пьер. — Сколько энергии в женщине! Сама всё время в движении и желает, чтобы и вокруг всё неслось вскачь.

– Так, Катрин как всегда прибудет самой последней, — слегка отдуваясь от подъема по лестнице, и подставляя щеку для поцелуев, посетовала наша герцогиня.

– А я подозреваю, что ты обогнала ее на дороге специально для того, чтобы было чем при случае уколоть, — разоблачил ее Арман.

На что Луиза весело рассмеялась. И в самом деле, показалась карета Катрин. Пять минут спустя и она сама в сопровождении Гийома присоединилась к нашей компании.

– Хулиганка! — бросила она Луизе. — Можешь не попрекать меня опозданием. Едва мою карету не столкнула с дороги — лишь бы оставить меня позади.

– Уж за что я люблю тебя, Катрин, так за сообразительность и уступчивость, — ответила та, обмениваясь поцелуем с подругой. — Чем нас тут будут угощать? Ого! Фазанчик, зайчик и кабанчик. Всё из твоих лесов, Аманда?

– Из моих. А вот эту бутылочку Серж принес. Вином назвать просто язык не поворачивается. Всем лишь по капельке достанется.

На несколько минут воцарилось ошарашенное молчание.

– Изумительно — это подойдет? — неуверенно спросила присутствующих Луиза.

– Не очень, — скривился на такую скромную оценку напитка Арман.

– Мы случайно не спим? — поинтересовалась Катрин. — В жизни ничего подобного не встречала. — И опять сунула нос в свой бокал.

– Где это ты добыл такое, Серж? — попытался выведать тайну Пьер. — Впрочем, что это я. Кто же свой волшебный источник раскроет!

– Не спрашивайте его. Источник далекий и скудный. Так что почерпать из него не удастся, — отмела все вопросы Аманда. — Лучше расскажите, что и где интересного происходит.

– Всё интересное сейчас под Ла-Рошелью, — вздохнула Луиза. — Нас с королевой Анной совсем бросили на произвол судьбы. Анну бросил король, отбыв с войсками, а меня своими заботами бросил кардинал. Анна скучает без балов, а я… Мне просто как мечта снится мерзкая улыбка Ришелье, когда он готовится преподнести мне какую-нибудь очередную гадость. Без кардинальских штучек и жизнь не в жизнь в Лувре. Так и подмывает отправить под Ла-Рошель письмо, которое начи-

налось бы словами: "Дорогой кардинал…". Чего вы смеетесь? В самом деле, без этого злодея жизнь пресна. И он без меня, наверное, тоже страдает. Не зря же он возвратил меня из ссылки, в которую через короля сам же меня и отправил. Чего вы хохочете? Да ну вас!

– Не обращай внимания, Луиза, — утирая слезы смеха, посочувствовал ей Арман. — Это тебе в Лувре скучно, а вот выйди ночью на улицу и всю скуку, как рукой снимет. С уходом армии и почти всей стражи в Париже не стало спасения от воров и грабителей.

– Так это не только ночью, но и среди белого дня, — посетовала Катрин. — Вы только подумайте: позавчера еще и вечер не приблизился, когда я отправилась из Лувра домой. Вдруг на полпути карету останавливает какая-то банда в масках и стаскивает кучера на землю. Двое бандитов раскрывают дверцы, а я уже, прощаясь с жизнью, приготовилась зажмурить глаза. Бандиты заглядывают в карету, и один из них кричит кому-то снаружи: "Его здесь нет!" Через секунду на улице уже никого не было. Дверцы распахнуты, кучер валяется на земле, а со мной тихая истерика. Со вчерашнего дня меня сопровождают кроме кучера еще трое слуг с мушкетами. Но странные грабители теперь пошли. Не взяли ничего.

– Катрин, брось прикидываться, как будто ты не понимаешь, что это были не грабители, — заметила Аманда.

– Ну, и что? Зачем мне это понимать? Грабители — это так романтично. И в Лувре все завидуют и сочувствуют. Такое приключение!

– А ты никого из мужчин не должна была везти с собой в этот день? — спросил я. — Ведь твои разбойники явно кого-то определенного искали. И при этом искали именно у тебя. Днем карету с гербом перепутать с другой невозможно.

– Побойся Бога, Серж! Какой мужчина? Когда Луиза в Париже и, тем более, в Лувре, то она мне не даст ни од-

ним мужчиной попользоваться. Всех себе загребет.

– Луиза, признавайся, кого ты позавчера у Катрин отбила?

– Да вы что, какие мужчины! Никаких мужчин в Лувре не осталось. Одни с королем, а другие по своим поместьям разъехались, пока короля нет в Париже.

– Кто-то из вас врет, — уверенно заявил Арман. — Катрин, во сколько случилось это нападение?

– Часа в четыре.

– Луиза, кто до четырех был в Лувре?

– Ты имеешь в виду из числа пригодных на любовные подвиги мужчин?

– Именно.

– Ну, граф де Граммон отпадает. Ему уже далеко за семьдесят, и он одной ногой в могиле. Правда, если Катрин стала тайной некроманкой* и хочет подготовить себе объект любви на будущее, то…

– И тебе не стыдно, Луиза, так меня позорить ни за что?

– С каких это пор склонность к разнообразию стала позором?

– Ну, словно дети. Кто там еще был, Луиза? — спросил уже я.

– Виконт де Шантильи. Но он ни на Катрин, ни даже на меня не клюнет. Еще не устал от молодой жены. Были еще четыре дворянина из стражи, но они на дежурстве до ночи и отлучиться никуда не смогли бы. Прочих слуг я не считаю. Моя подруга так низко не пала бы.

– И на том спасибо, Луиза.

– Не за что. Вот и всё. Я же говорю, что в Лувре остались одни дамы. Хотя нет, вру! Именно позавчера был в Лувре легат Папы Римского падре Березини, но он же монах. Ему была обещана аудиенция у королевы в два часа. Постой, постой, Катрин, а о чём это вы шептались с ним в голубой гостиной около полудня?

Катрин явно растерялась.

– Ни о чём. Об Италии и соборе святого Петра.

– Будет тебе врать-то! Тебя на мессу не затянешь, и ты хочешь, чтобы тебе поверили, будто беседа со священником шла о святых местах? В его-то возрасте!

– А что там с возрастом не в порядке у этого падре? — с любопытством поинтересовался я.

– У него-то как раз всё в порядке. Нет еще и сорока. Теперь я всё понимаю. В два аудиенция не состоялась. Королева приняла легата Березини только в четыре, и он пробыл у нее почти до шести. Катрин об этом изменении не знала. Вот его в карете Катрин и не оказалось.

– С четырех до шести. Что-то уж очень продолжительная аудиенция. О чём на ней был разговор.

– Не знаю. Письмо из Рима было длинным, и Анна читала его сама. Потом приказала всем, кроме легата, удалиться. Я слышала, что падре Березини остановился в аббатстве Сен-Жермен де Пре. Это в противоположной от дома Катрин стороне.

– Катрин, так, где вы с падре должны были встретиться после Лувра? — возобновил допрос Арман.

– На улице Лувр, недалеко от дворца, я должна была его подобрать, — упавшим голосом наконец призналась она в подготовке грехопадения лица, облеченного церковным саном, — его там не оказалось. Я подождала с полчаса и поехала домой.

– Скверная история. Разбойники-то, которые напали на тебя, не из добрых намерений скрывали лица. Обычно так делают, когда хотят кого-то убить. Тебе повезло, что падре Березини не оказалось в твоей карете. Если бы легата убили на твоих глазах, то и свидетельница отправилась бы вслед за ним.

Катрин побелела как полотно.

– О, Господи! Что же делать?

– Держись от Березини подальше. Вот и всё.

– Но его же могут убить!

– Тоже верно. Ты никому не проговорилась, что соби-

раешься с ним встретиться?

– Нет. Зачем бы мне это надо было?

– Странная история, — задумчиво произнес Арман. — Ведь и священник не будет распространяться о своих похождениях. А кто-то о них мгновенно узнал прямо в Лувре и даже успел хорошо подготовиться. Просто невозможное дело за такое короткое время. Что-то тут не так.

– Так или не так, а предупредить Березини о том, что на него открыта охота, всё же надо, — высказался Пьер. — Луиза, а в Лувре около Березини никто рядом не крутился? Может быть, он был не один или к нему кого-нибудь приставили?

– Нет, если бы кто-то был рядом, то Катрин не смогла бы к нему подкатиться.

– Загадочная история. Этот падре нам ничего плохого не сделал. Нужно ехать в аббатство. Может, он еще там — предостережем, если еще не поздно. Такой чудесный обед и компанию придется нарушить. Серж, ты с нами?

– Конечно!

– Вот тебе, Арман, и авантюра наметилась, — напутственно сказала Аманда. — А там, смотришь, и потасовка откуда-нибудь подоспеет. Ты ведь этого хотел? Вы уж поосторожнее, пожалуйста. Не знаете же во что ввязываетесь.

Аббатство Сен-Жермен находится сразу за воротами в крепостной стене. Этот въезд в город так и называется Воротами или Заставой Сен-Жермен. Стучим в окованную железными полосами дверь монастыря. Открывается окошечко.

– Вам кого, благородные господа?

– Падре Березини, — и называем себя.

– Подождите.

Через пару минут дверь распахивается.

– Падре Березини ожидает вас в монастырском саду.

В самом деле, легату нет, пожалуй, и сорока. Прият-

ное, приветливое лицо и неглупые глаза. Поочередно представляемся.

– Что вас привело ко мне, господа?

– Ваше знакомство с баронессой Катрин де Бово.

Приветливость с лица легата исчезла, и появилось беспокойство.

– И что из того, что я познакомился в Лувре с баронессой де Бово?

– В общем-то, именно из этого ничего, — взял разговор в свои руки Арман. — Мы друзья госпожи де Бово и прекрасно осведомлены о ее легкомысленности. Но не о легкомысленности речь. Равно как и не о вашем интересе к женщинам или ваших отношениях с Богом. Это нас не касается.

Падре Березини вроде поуспокоился.

– Тогда что же вас касается?

– Таинственный случай, который произошел с баронессой два дня назад. Где-то часа в четыре пополудни она в своей карете возвращалась домой, и на ее карету напала группа вооруженных людей в масках, — легат заметно вздрогнул и напрягся.

– Надеюсь, она не пострадала?

– Слава богу, нет, но была ужасно напугана. Судя по разговорам нападавших между собой, они ожидали обнаружить в карете какого-то мужчину, но его там не оказалось. Мы знаем, что в этот момент в карете вместе с баронессой должны бы быть вы, но вас задержала королева. Мы здесь для того, чтобы предупредить вас об опасности. Также хотелось бы понять, что за люди напали на карету. Вдруг нападавшим придет мысль в голову поискать несостоявшегося спутника баронессы именно через баронессу? При нападении они об этом почему-то не подумали и не задали ей никаких вопросов, но могут спохватиться. Баронессу такая перспектива совсем не радует. Вот такова цель нашего визита к вам, падре.

– Понятно, — задумчиво произнес папский легат. — Я

имею в виду, что понятна цель вашего визита и очень благодарен вам за предупреждение. Но за этим начинаются для меня загадки. Кому понадобилось бы нападать на меня и зачем? О своей миссии к королеве я вам сказать не могу, но уверяю вас, что вряд ли именно она смогла бы стать предметом заговора со стороны. Интересно кто и как узнал бы, что я могу оказаться в карете баронессы?

– Вот-вот, и мы этого тоже понять не можем. Баронессе не могло прийти в голову поделиться с кем-то своими амурными намерениями. Вам, мы думаем, тоже. Похоже, вы вполне здравомыслящий человек. Подслушать вас тоже вроде никто не мог. И вдруг — так быстро и продуманно было совершено нападение, в котором чувствуется хорошая подготовка. Времени-то на подготовку не было. Можно было бы подумать, что поджидали не вас, но тогда кого? Никого другого в карете не могло быть.

– А может быть, ошиблись каретой, а не мной?

– При такой-то хорошей подготовке? Как можно спутать кареты, если на карете с обеих сторон легко узнаваемый герб?

– Да, вы правы. Совершенно непонятное событие. Но я вам очень благодарен за предупреждение и приму меры. Несмотря на отдаленность Рима от Парижа, у меня здесь, как у представителя Папы, есть связи и влияние. Попробую и сам что-нибудь разузнать, и вы можете обратиться ко мне за содействием в случае нужды. Я еще не скоро отправлюсь обратно. Как мне вас найти?

– Через баронессу.

Мы распрощались с падре, и какой-то монах проводил нас до дверей.

– Думаете, не врет? — поинтересовался Пьер. — Хотя зачем бы ему врать. Похоже, что он был здорово удивлен. Что будем делать?

– Пойдемте в "Сосновую шишку", — предложил я. —

Посидим, а к ужину вернемся в замок.

Верхом до площади перед Нотр-Дам чуть больше пяти минут ходу. В таверне не очень многолюдно, но народ есть. Будущий Мольер тоже тут. Сидит, скучая, за своим столом в углу у распахнутого окна. Присоединяемся к нему.

– Здравствуйте, Жан. Как ваши дела?

– О, Пьер, Арман, Серж, от души приветствую вас. Давно не виделись. А дела мои, сами понимаете, неважные. На ниве стихосложения полное затишье, как и ожидалось. Всё эта война, будь она трижды неладна! Если бы не ваша щедрость и не покровительство маркизы де Пуатье, то не знаю, что бы я делал. Вот влачу жалкое существование.

– И, пожалуй, неплохо влачите, если судить по слегка округлившимся щекам и вполне приличному вину перед вами, — отметил Арман, разглядывая бутылку, стоящую на столе. Мы, пожалуй, закажем такое же.

Жан слегка закраснелся от смущения, но быстро нашелся, что ответить.

– Жалкое существование может быть не только от бедности, но и от безделья, скуки.

– Бросьте, Жан, какая скука может быть с Сюзанной? Скука начнется, когда кардинал вернется из похода, — рассмеялся Пьер.

– Что вы, что вы, тише! Разве можно так неосторожно говорить, — забеспокоился поэт. — Вдруг кто услышит. Тогда скука мне будет обеспечена на много лет вперед. И это в лучшем случае.

– Ладно, ладно, оставим эту тему. Но скука имеет иногда и хорошую сторону. Скучая, вы прислушиваетесь к слухам, сплетням. А таверна для этого благодатное место. Поделитесь с нами, Жан.

– Но вас вряд ли интересует слух о сапожнике с улицы Флери, сбитом каретой.

– Нет, конечно.

– Графиня дю Валетт беременна на седьмом месяце. Хотя ее муж не приезжал в Париж из лагеря под Ла-Рошелью уже больше года.

– Не нагоняйте на нас вашу скуку, Жан!

– А разговоры о том, проиграем мы войну с Ла-Рошелью или не выиграем?

Мы дружно рассмеялись.

– Тоже ерунда. Нам бы что-нибудь странное, таинственное.

– Понятно. Как обычно вас больше интересуют политические ужасы. Тогда, может быть, о заговоре герцогов? Хотя и с сапожником тоже много таинственного.

– А про герцогов это не сказка?

– Кто знает.

– И что про герцогов говорят? Какие герцоги?

– Говорят что-то страшное и непонятное. Якобы крупные синьоры юга Франции очень недовольны кардиналом Ришелье и войной с Ла-Рошелью.

– Ну, таких недовольных во Франции и Париже всегда полным полно!

– Так-то оно так, но эти якобы уже сколачивают заговор в Париже для свержения короля и, конечно же, кардинала, а им потворствует сам принц Конде.

– Как раз вот этот-то может потворствовать кому угодно, лишь бы сесть на трон. И что говорит молва о готовности заговора к действию?

– Говорит, что о готовности и думать нечего.

– Почему?

– Оказывается, что и крупные синьоры северо-запада Франции тоже недовольны правлением Людовика тринадцатого и готовят в Париже свой заговор под покровительством герцога де Бофора.

– И этот метит в короли?

– Вот это как раз и неизвестно. Может, метит, а может, прикрывает другого претендента. Во всяком случае, не Конде.

– А эти-то готовы выступить?

– Тоже совсем не готовы. Обе группы, партии знают о существовании друг друга, но вступить в общий сговор не могут. Из претендентов на престол ни тот, ни другой от своих притязаний отказаться не хотят.

– Если они всё-таки созреют и навалятся на короля, то Людовику и Ришелье придется туго. А потом уж они начнут драку между собой.

– Вряд ли потом, — вздохнул поэт. — Похоже, что они начали истреблять друг друга уже сейчас, под покровом ночи. Жертвы легко списать на ночных грабителей. Кто останется в конце — неизвестно. И сомнительно, что у победителя останутся силы совершить переворот во дворце. Говорят, что то тут, то там время от времени находят трупы мужчин в небедных одеждах и не ограбленных. Мертвых никто не опознаёт и не забирает для похорон.

Мы переглянулись.

– И много таких?

– По слухам уже с дюжину, но раз это слухи, то на самом деле меньше, наверное, вдвое.

– Вы подумали о том же, что и я? — спросил Пьер, и мы с Арманом дружно кивнули. — Да, ну и каша заваривается, если это всё правда. Спасибо, Жан, очень интересные слухи.

– Я от души рад вас развлечь, но уже вечереет и мне пора по своим делам.

– По вечерним делам? Ну, и проказник же вы, Жан, — поддразнил поэта Арман, а я спросил:

– Жан, вы тут упомянули о сапожнике, сбитом каретой и какой-то таинственности этого случая. Что это за таинственность?

– Карета не остановилась, чтобы помочь пострадавшему. Один из очевидцев утверждает, что это была карета баронессы де Бово. А другой говорит, что этого не может быть. Он знает кучера баронессы, и на козлах

был не он. Да и я ведь знаю доброту своей покровительницы, в имении которой скрывался целый месяц. Она никогда бы не бросила человека в беде. Даже простолюдина вроде меня или этого сапожника. Ну, я пошел. Всего доброго, господа. Рад был видеть вас всех в добром здравии.

Жан ушел, а мы сидим, молча осмысляя услышанные истории.

– Да-а, — протянул Арман, — вместо одного интригана — герцога Орлеанского появилось сразу два. И при этом в Париже, оставшемся без защиты власти. Такого Ришелье и присниться не могло. Насколько эта опасность велика и есть ли она вообще — пока что большой вопрос. Но случай с Катрин говорит, что тут всё же что-то, кажется, есть. И что это за непонятная муть вокруг кареты Катрин? А не пора ли нам двигать в замок к нашим дамам? А то в темноте добираться как-то не очень хочется.

На башне замка ночной, почти домашний уют. Стол накрыт, а свечи поставлены в стеклянные вазы, чтобы ветер не задувал. А вокруг таинственная темнота. Навес от солнца убран, и над нами бездонное небо с мириадами звезд. Безлуние углубляет окружающую темноту, и площадка башни словно висит между небом и неизвестно чем. Дамы и Гийом внимательно, не перебивая, слушают подробный рассказ Армана о нашей поездке в Париж. Наконец он закончил.

– Так причем здесь падре Березини? — поинтересовалась Катрин.

– Откуда мы знаем? — отвечает Пьер вопросом на вопрос. — Мы даже в сомнении нужно ли воспользоваться его предложением помощи. Вроде бы следовало посвятить его в слухи о заговорах. Ордены монахов многочисленны и вездесущи. Если даже они и не слышали о заговорах, но вдруг начнут тут копать, то мигом до очень многого докопаются.

– Так в чём же дело? — вступила Аманда.

– А вдруг Березини осведомлен о заговорах, и начнет водить нас за нос. Мы так и не знаем, зачем он прибыл в Париж к королеве.

– Эй, эй, — словно проснулась Луиза, — Анну не троньте! Она сама себя свергать не станет.

– Это верно, — поддержал я Луизу, — не станет. И дело папского легата к королеве вряд ли связано с заговорами.

– Почему ты в этом уверен?

– В случае осведомленности Святого Престола о заговорах и желании предупредить о них, Рим не стал бы терять время и слать посла в Париж. Вестника послали бы под Ла-Рошель к королю и кардиналу. Кавалерия и стража буквально через день-два оказались бы здесь и задали перцу бунтовщикам. С другой стороны, У Святого Престола нет никакого интереса в тайных заговорах в Париже. Рим для своих интересов сталкивает между собой целые страны и такой мелочью, как заговор синьоров заниматься не будет. Мне кажется, с падре всё же имеет смысл побеседовать в любом случае. Либо он с нами чем-нибудь поделится сразу, либо постарается что-нибудь добыть.

– Да, да, — встрепенулась Катрин, — и при этом поговорить с ним лучше всего мне.

– Ага, — поддакнула Луиза, — но под присмотром Сержа, Пьера и Армана. А то ты забудешь, о чём нужно спрашивать.

– Зачем под присмотром? Почему как что, так под присмотром?

– Брось, Кэти, не путайся у мальчиков под ногами. Ты же слышала, что твой падре еще не скоро уедет из Парижа. Найдешь способ с ним увидеться. Обещаю, что претендовать на него не буду.

– Тогда ладно.

– А нужно ли нам вообще ввязываться во всё это? —

со своим обычным сомнением обронила Аманда. — Насто всё это не касается.

– Как не касается! — взвилась Луиза, — Катрин, похоже, это уже очень коснулось нападением на нее. Да и эти странности непонятного происхождения с ее каретой. Катрин, ты ведь сапожника не сшибала?

– Упаси Боже!

– Вот видишь, Аманда! А Анна? Мы что — должны бросить ее в такой момент? Не может того быть, чтобы заговорщики злоумышляли против короля и не тронули бы королеву.

– С каретой действительно творится что-то странное, — продолжил я. — Перемещается по Парижу без своей хозяйки и своего возницы. А также подвергается хорошо организованному нападению, когда такой организованности вроде и не может быть. Катрин, когда ты в Лувре, где стоит твоя карета?

– На набережной, как и у всех.

– Пока тебя нет, ее может кто-нибудь взять без твоего ведома? Кучер всегда при ней?

Катрин задумалась.

– Обычно я предупреждаю своего кучера, к какому времени он должен ждать меня со службы у кареты. Тогда он до этого времени может болтаться где угодно. Реже я не знаю, когда освобожусь, и тогда он ждет меня в помещениях дворца для прислуги, откуда его вызывают. Пожалуй, можно угадать, когда карета долго будет без присмотра. Когда кучер после того, как высадит меня, идет не к дворцу. Но то, что ты думаешь, просто невероятно. Постоянства-то в использовании кареты нет. Да и кому, для чего она может понадобиться?

– Понятно. Иногда случается и самое невероятное. Может быть, кому-то очень нужно удобно и незаметно перемещаться по Парижу. Так, на чём мы останавливаемся? Идем или не идем к падре Березини?

– Идем! — чуть не хором ответили Пьер, Арман,

Гийом и Луиза.

– Идем, — слегка замешкавшись, согласились и Аманда с Катрин.

*

Утром мы опять втроем отправились верхом в аббатство Сен-Жермен. Впереди нас пылили кареты Луизы и Катрин, отправившихся в Лувр по своим дворцовым делам, а позади тоже верхом тащилась пара слуг Аманды. Им было поручено весь день не выпускать из вида карету Катрин, но не препятствовать, если кто-то захочет ее угнать. Только проследить, кто и куда на ней поедет. Падре Березини принял нас опять в саду. А садик-то совсем не дурен. Умеют-таки слуги божьи устраиваться в бренном мире.

– Падре, — начал Арман, — вчера до нас дошли довольно тревожные слухи о существовании в Париже каких-то заговоров против короля.

– Слухи? Вы верите слухам?

– Иногда. Когда слухи подтверждаются какими-нибудь действительными событиями. Сейчас мы склонны поверить и некоторым слухам. В Париже происходят какие-то странные случайности и непонятное нападение на карету баронессы де Бове — одна из них, но не единственная.

– Так, и о чём же говорят слухи?

– О существовании какого-то заговора герцогов, как его называет молва. Будто бы две партии, одна из которых составилась из синьоров южных провинций, а другая — из синьоров северо-западных провинций, вознамерились покуситься на трон, когда Париж оказался без защиты. Сойтись на одном общем лидере им не удается, и это радует. Пока что они тайно грызутся между собой, но нет уверенности, что они всё же не сговорятся или одна из партий не одержит верх. Тогда трон окажется в большой опасности.

Но только вот непонятно, что может дать им победа в

Париже при живом короле и кардинале. Король вернется в столицу со свитой, армией — и весь заговор лопнет, как мыльный пузырь. Что-то, наверное, затевается и кроме переворота во дворце. Но, что именно — пока непонятно.

– И кто лидеры партий?

– У южников — принц Конде, а у западников — пока будто бы герцог де Бофор.

– Понимаю. Вы хотите, чтобы я использовал свои возможности, о которых упоминал вам, и выяснил обоснованность слухов?

– Именно так. У монастырских братий и служителей храмов большие возможности собственных наблюдений и опроса паствы. Разумеется, речь не о тех, которые могут быть сами втянуты в заговоры. Что во французском королевстве совсем не редкость.

– А если втянуты?

– Тогда от них мы никаких сведений не получим, и это будет свидетельством причастности к заговорам. Для вас же, падре, это будет означать прямую угрозу лично вам, как задающему опасные для заговорщиков вопросы. Поэтому мы поймем вас, если вы откажетесь лезть в это дело.

– Вы плохо думаете обо мне, господа. Мое положение в Церкви, миссия в Париже, да и просто соображения чести не позволят отказать вам в помощи. И даже больше. Почитаю это своей обязанностью и долгом. Сейчас же начну действовать.

*

– Никогда так не думал, но у меня после разговора с падре Березини сложилось впечатление, что и среди монахов встречаются порядочные люди, — поделился с нами своими мыслями Пьер, когда мы вышли из аббатства.

– Посмотрим — увидим, — ответствовал Арман, и мы, взгромоздившись на своих лошадей, направились к

центру города.

Перебрались на остров Сите, проехали мимо Нотр-Дам и "Сосновой шишки", перебрались на другой берег Сены.

– Куда мы едем? — поинтересовался Пьер.

– На улицу Медников, — ответил Арман.

– Что мы там забыли?

– Увидишь.

Улица Медников — вроде бы та самая кривоватая улочка, где в прошлом году мы поджидали отца Жозефа. Да, именно она. Вот и довольно большой сад за кованой решеткой. А вот напротив сада и тот дом с запыленными окнами, в котором мы прятались. Только окна сейчас не запыленные, а чисто вымытые. Да и сад хотя и такой же густой, но не выглядит заросшим и заброшенным.

– Хозяева вернулись, что ли?

– Нет, — отвечает Арман, — хозяева сменились. Мне тогда очень сад понравился. Да и дом неплох. Я их и купил. Своего-то дома в Париже не было, а теперь есть.

– Неплохая покупка и особенно сад, — согласился Пьер и тут же поддел приятеля: — А призрак убиенного нами отца Жозефа не докучает по ночам.

– Не докучает, — смеется Арман. — Видно, слишком занят в аду и ему не до нас. Так, где посидим? В доме или в саду?

– В саду, конечно. В такую-то погоду грех сидеть дома.

Привязываем лошадей к решетке. Арман достает ключ и отпирает калитку рядом с воротами. Сад очаровательный. Не хуже моего дворика в Верне, но только гораздо больше. В дальнем углу небольшой павильон или прямоугольная беседка, в которой можно укрыться от дождя или устроить пирушку. Большой стол посредине и маленький в углу, плетеные кресла. Вытаскиваем кресла в сад и ставим прямо на траве среди цветов в тени большого каштана. Красота! Над цветами и кустами

в половину человеческого роста, сидя в кресле, через ажур решетки просматривается дом Армана и кусочек улицы.

Хлопнула дверь в доме напротив. Слышится скрип калитки и появляется приятная, молодая женщина в цветастом платье и белом переднике.

– Что-нибудь нужно, хозяин?

– Вина, Франсуаза, и жареные орешки.

Маленький столик вытаскивается из павильона. Появляется бутылка вина, стаканы, корзиночка орешков и Франсуаза испаряется.

– Неплохо ты тут обжился. Даже экономка есть, а мне ни слова, — упрекает друга Пьер.

– Рано было еще говорить. Всего неделю, как ремонт дома и расчистка сада закончились.

Сидим, грызя орешки и лениво прихлебывая очень даже приличное вино. Обсуждаем, что бы нам нужно делать. Ничего путного не идет в голову — зацепиться еще не за что.

– Меня удивляет: как это двойной заговор такого масштаба оказывается скрытым для Лувра? Словно и не происходит ничего. Где оставленные в Париже шпионы и ищейки Ришелье? Вымерли или куплены? — Пьер развел руками. — Слухи-то, которые дошли до нас, до службы кардинала и стражи в первую очередь должны бы были дойти. Слухи — дело всеобщее и вседоступное.

– Да, странная ситуация, — согласился я. — Может быть, заговоры настолько хорошо организованы, что слухов и нет. Тогда откуда Жан о них знает? Либо заговоров никаких нет и Жан нас дурачит. Либо слухи являются не слухами, а намеренно раскрытыми сведениями. Тогда эти новости гуляют не по Парижу, а только среди определенных людей. Не верится, что эти как бы слухи были бы предназначены именно нам. К нам они попали случайно только потому, что мы зашли в "Сосновую

шишку". А могли бы и не зайти. Надо порасспросить Жана, где и от кого он всё это слышал. Сразу не догадались. А может быть…

– Что ты замолк? Что "может быть"?

– Нет, это просто невероятно!

– Что невероятно? — встрепенулись оба моих собеседника. — Не томи!

– Всё становится складным и понятным только в одном случае. Если Жан всё, что описал нам, сам же где-то и подслушал. Никаких слухов нет и заговорщики очень осторожны. Никто ни о чём и не подозревает. Опять наш поэт влип в историю. За его голову никто и гроша ломаного не даст, если выплывет, что сведения исходят от него. Как это его угораздило снова вляпаться в тайную политику?

– Хорошо, что мы не упомянули Жана в разговоре с падре Березини, — пробормотал Пьер.

– А если Луиза упомянет его в разговоре с королевой? Нужно ехать в Лувр, — решил Арман. — Может быть, еще не поздно. Вот допьем вино и двинемся.

Однако получилось так, что мы двинулись с места раньше, чем допили вино. По булыжнику мостовой послышался стук колес приближающейся кареты. До нас донеслась ругань возницы. Наши привязанные к решетке сада лошади мешают проехать по узкой улице.

– Не смейте обижать наших лошадок! — заревел Пьер. — А то мы вас самих обидим!

Возница как-то исхитрился и, свернув на тротуар, объехал наших лошадей и продолжил путь, скрывшись за соседним домом.

– О Господи! — пораженно, вполголоса вскрикнул Арман. — Это же карета Катрин, но кучер-то не ее.

Мы бросились к калитке. Франсуаза, уходя из сада, заперла ее. Пока Арман доставал свой ключ, отпирал калитку и мы вываливались на улицу, карета уже скрылась в какой-то из поперечных улиц.

– Вот чёрт, упустили! — раздосадовано посетовал Пьер. — А где же эти болваны, которые должны были следить за каретой? Вот я устрою этим ротозеям выволочку! Давайте скорее двигаться в Лувр.

– Что-то странное было в карете Катрин, — задумчиво произнес Арман, — а что именно никак не пойму.

Болваны и ротозеи оказались на своем посту. Слоняются с независимым видом по набережной напротив Лувра и в ус не дуют, что у них из-под носа увели карету.

– Вы что же, братцы, прозевали то, что было вам поручено, — сразу же насел на них Пьер. — Шевалье Гийом с вас шкуру спустит. Карета ездит по Парижу, а вы отдыхаете здесь.

– Как ездит? — слегка обалдели слуги Аманды. — Не может быть, господин маркиз! Вон она стоит.

И в самом деле, карета здесь — никуда не делась.

– Вот оказывается, что мне показалось странным! — воскликнул Арман. — У кареты Катрин спицы колес крашеные, а у той, которую мы видели у моего дома, — нет. Разные, но как две капли воды похожие кареты, и обе с гербом Катрин. Пошли во дворец!

Катрин, оказалось, разыскать не трудно. Даже и искать-то не пришлось. Сама двигалась нам навстречу, когда мы шли к покоям королевы.

– Вот, очень удачно ты нам попалась, — обратился я к ней. — Оказывается, в нападении на твою карету падре Березини никак не замешан. Просто по Парижу ездят две одинаковые кареты и обе с твоим гербом. Нападавшие ошиблись каретой. Наверное, вторая карета примерно в это же время должна была проезжать там же, где и ты.

– Зачем это кому-то понадобилось делать копию моей кареты?

– Кто его знает! Наверное, какой-то смысл есть. Кто-то привык ездить в удобных каретах. Хорошая карета без гербов выглядела бы странно и привлекала внима-

ние. А с гербом местной знати совершенно не выделяется среди прочих. Если не будет ездить там же, где и ты. Да и сходство карет кого-то очень выручило в день нападения на тебя.

– А ведь верно! Я спасла от расправы кого-то из заговорщиков. Как романтично! И что дальше?

– Скажи, кто делал тебе карету? Мы попытаемся узнать, кому была сделана вторая такая же.

– Мастер Перигор с Каретной улицы. Хороший мастер. Таких карет, как у меня, много катается по Франции. Некоторые очень похожи, но гербы-то на всех разные, и цвет иногда тоже.

– Хорошо. Теперь вызови нам Луизу. Очень уж она нам нужна.

Обе дамы вышли к нам, когда не прошло и получаса.

– Дворцовый этикет, — пояснила Луиза. — Королеву так просто не покинешь. Что случилось? Про вторую карету Катрин мне уже сказала.

– Ты с королевой уже беседовала о заговорах?

– Говорила. Она возмущена и очень обеспокоена. Хотела вызвать для выяснения начальника стражи и оставшегося в Париже помощника Ришелье. Я уговорила пока не спешить. Сначала нужно выяснить, с чем имеем дело. А вмешательство стражи может либо спугнуть заговорщиков, либо ускорить события. Ни то, ни другое нежелательно. Анна пообещала нам любую помощь, которая будет в ее силах.

– Ты ей не называла имени нашего поэта?

– За кого ты меня принимаешь, Серж? Я достаточно опытная интриганка, чтобы умолчать о том, чего можно не говорить. Анна меня не спрашивала об источнике. Для нее источник — это я.

– Очень хорошо. О Жане никому ни слова. Помалкивайте обе. Иначе наша разговорчивость будет стоить ему головы.

– А что, он опять попал в оборот?

– Не то слово. Еще как попал!

– Тогда теперь моя очередь спасать его в моем поместье! — расхохоталась Луиза.

– Спасай, спасай, а я тебе такую же свинью подложу, как ты мне в прошлый раз, — посулила ей Катрин.

Мы быстро удалились, оставив Луизу и Катрин препираться между собой по поводу того, кто кому способен больше подгадить.

– Они всегда так? — спрашиваю я Армана.

– Почти. Насколько я наблюдаю их странную дружбу.

– Спектакль, да и только, — добавил Пьер. — Но как что-то серьезное, то душу друг за друга заложат. Ну, что? На улицу Каретников?

Мастера Перигора мы нашли быстро, и наседать на него даже не пришлось. Тайна появления второй кареты раскрылась в нескольких фразах. К Перигору пришел человек и представился управляющим баронессы де Бово. Сказал, что баронесса хочет получить еще одну карету. Такую же, какая у нее уже есть. Чтобы была запасная на случай, если первая сломается. У мастера оказалась почти готовой подобная карета для свободной продажи. Карету доделали в два дня, и заказчик забрал ее, полностью рассчитавшись.

Так что с Каретной улицы мы ушли не солоно хлебавши и уже солидно проголодавшиеся отправились в "Сосновую шишку". В таверне шумновато в такое обеденное время, но стол Жана-Батиста Поклена занят только им самим и его бумагами. В раскрытое окно вливается звон колоколов Нотр-Дам. Сдержанно поздоровавшись, присоединяемся. Заказываем суп, рагу, пироги и молоко вместо вина.

– Пьер, с каких это пор вы перешли на молоко? — с шутливой улыбкой спрашивает поэт.

Пьер молчит. Жан переводит взгляд на Армана. Тот сидит с непроницаемым видом человека, не расположенного к разговорам. Поэт забеспокоился, заерзал на

месте, вопросительно уставился на меня.

– Что-то случилось?

– Да ничего особенного. Просто один человек, которому мы доверяли, обманул нас. Пришлось проделать кучу лишней работы, и Пьер с Арманом очень устали. Да и чертовски злы на обманщика.

– Ух, как я зол! — подтвердил Арман.

– А я еще злее! — подлил масла в огонь Пьер. — Намного злее тебя. А когда я так зол, то от меня можно ждать любых неожиданностей.

Поэт заерзал еще сильнее, уже предчувствуя, на кого может излиться злость таких серьезных особ, как Арман и Пьер.

– Так что, Жан, — говорю я ему, — выкладывайте по-честному всё, что вы знаете о заговорах, пока злость моих друзей не выплеснулась наружу. Где вы подслушивали и кого? Никаких слухов ведь на самом деле не было и в помине.

– Здесь, в "Сосновой шишке", наверху в комнатах для постояльцев, — сразу раскололся служитель муз.

– Как вы там оказались? Вы же, Жан, не живете в этой таверне, а до дома вам два шага.

– Два-то два, но зато, какие опасные два шага в нынешнее-то время ночных разбоев на улицах! Иногда, если я засижусь здесь до темноты, то и остаюсь ночевать наверху. Стенки между комнатами тонкие, а через щели между досками слышно всё, что происходит у соседей. Если хорошо прислушаться, конечно.

– Понятно. И что за люди там разговаривают? Откуда?

– Что за люди не знаю. Никогда не видел их раньше, но по упоминаниям городов можно думать, что они с севера Франции.

– Имена какие-нибудь называют?

– Кроме герцога де Бофора и принца Конде, я никаких имен не запомнил. Ругались по поводу принца и его при-

спешников с юга в Париже, которые уже кого-то убили из тех, кто разговаривал за стенкой. Так я и понял, что партий заговорщиков две, и они во вражде. Упоминали какие-то мне неизвестные фамилии и обращались друг к другу по именам, но я на них внимания не обратил. Всё равно с лицами-то их не связать. А лиц этих с каждым днем всё больше и больше становится.

– Можете еще послушать их, Жан?

– Не выйдет. Приезжие уже заняли все комнаты по одну сторону дома. Начинают селиться и по другую.

– Жаль. Новоприбывших подслушивать бессмысленно. Пожалуй, здесь гнездо заговора одной из партий. Хотя вряд ли. Чтобы собраться вместе, нужно большое помещение. Они здесь только живут. Удобно. Если что, то можно оповестить сразу всех. Но место собраний нужно искать. Интересно, а представители какой из партий передвигаются в фальшивой карете Катрин? Бофорцы или кондейцы?

– Господа, вы думаете, госпоже де Бово что-то угрожает? — забеспокоился поэт.

– Еще не знаем. Кто-то из этих двух партий приобрел такую же карету, как у баронессы и разъезжает в ней. Не удивительно, что сбившая сапожника карета не остановилась.

– Я же говорил! Не может быть, чтобы это была госпожа де Бово.

Сидящий напротив распахнутого окна Арман вдруг напрягся, глядя на площадь.

– Эге! Сейчас мы узнаем что-то новенькое.

– Что ты там увидел?

– Вторая карета Катрин. Она нас сегодня просто преследует. Какое-то неправдоподобное совпадение.

Жан повернул голову и тоже глянул в окно.

– Тот, который пониже ростом, — из здешних постояльцев. Второго я никогда не видел. Что-то уж больно жарковато для меня тут становится. Пойду, пожалуй.

Поэт дрожащими руками сгреб со стола свои бумаги и заспешил наружу, чуть не столкнувшись в дверях с входящей парой.

Вошедшая пара ничем не выделялась среди обычных парижских обитателей дворянского происхождения. Шпага, кинжал, но никакой роскоши и вызова в одежде. Разве что улавливалась некоторая разница в положении. Тот, который пониже ростом, вошел вторым, придерживая дверь перед первым, шествовавшим с важным и властным видом. Затем низкорослый забежал вперед, показывая дорогу к лестнице наверх, и снова пропустил своего бородатого спутника вперед. Оба скрылись из вида, поднявшись по лестнице.

– Что скажете? — спросил я.

– Я их не знаю, — пожал плечами Пьер.

– А мне тот, что с бородой и важный довольно знаком, — порадовал нас Арман. — Правда, не лично, но в Лувре я его видел раза два-три.

– И кто это?

– Герцог Генрих Лотарингский.

– Вот это фигура! — присвистнув от удивления, отреагировал Пьер. — Тогда в этой партии главную роль играет вовсе не герцог де Бофор. Что будем делать?

– Вряд ли Генрих Лотарингский здесь задержится. Тут он не живет, и жить не будет, а многочисленные встречи здесь невозможны. Я вижу, что кучер развернул карету в сторону правого берега. Пьер!

– Понял, — вставая из-за стола, коротко ответил Пьер. — Пойду, займу позицию. Встретимся у Аманды.

Пьер вышел. Примерно через полчаса сверху спустилась и приехавшая в карете пара. Погрузилась в карету и отбыла. Мы же с Арманом влезли на своих лошадей и отправились домой.

По пути нагнали карету Катрин. Чтобы нагнать Луизу хотя бы верхом да вскачь, и мечтать нечего. Даже если бы она показалась в виду. А уж верхового, скачущего на

рысях, ее черные красавцы, идущие не спеша, в четверть силы, обставят, как стоячего. Я чрезвычайно далек от любви к лошадям, но черная как смоль четверка скакунов Луизы даже у меня вызывает восхищение.

Аманда говорит, что отношения Луизы с королем испортились после того, как строптивая герцогиня отказалась продать свое подкованное сокровище для королевской конюшни. Луиза попала в опалу и ссылку из-за какой-то темной истории с участием Ришелье, о которой не любит вспоминать. Но не возникни лошадиный конфликт, Ришелье не удалось бы удалить Луизу от двора, несмотря ни на какие козни кардинала. Людовик XIII хотя и глуповат и бесхарактерен, но членов своей семьи обычно в обиду не дает. А Луиза далеко не последний человек в этой семье, но ей тесно и скучно в этом родстве.

Возвращением из ссылки Луиза тоже обязана своим небывалым коням. Королеве всё же удалось как-то преодолеть озлобленность своей подруги Луизы к Людовику и герцогиню де Шеврез вернули из ссылки при очень интересном условии. Скрепя сердце, Луиза согласилась хотя бы предоставлять своих красавцев для случки с кобылами из королевской конюшни.

Вот такая лошадиная история.

Аманда, Луиза и Гийом уже прохлаждаются на башне. Добавились и мы трое. В ожидании Пьера рассказываем о событиях дня. Ждать пришлось долго.

– Куда же он пропал? — забеспокоилась Катрин. — Как бы городские ворота не заперли.

– Ворота — это пустяки. Переночевать можно и в городе, — высказала свое мнение Луиза. — Меня больше тревожит то, кого он взялся выслеживать. Генрих Лотарингский страшный человек. Даже в чужих владениях он ведет себя, как в собственных. Не дай Бог, Пьер попадется на глаза его клевретам*.

– Пьер не то тот, кого можно взять голыми и даже не

голыми руками, — попытался успокоить их Арман. — Если его припрут к стене, то он не постесняется и герцогу Лотарингскому глотку перерезать. Сами же его прекрасно знаете.

– Знать-то знаем, а всё равно страшновато за него, — рассуждает, как обычно осторожная и как бы слегка боязливая Аманда. — Пока мы наблюдали со стороны, то нам ничего и не угрожало. А слежка означает, что мы уже влезли в эту историю и, если еще не по уши, то руками, как минимум, вляпались. А, зная вас всех, догадываюсь, что хода назад у нас уже не будет.

Почти стемнело, когда Пьера впустили в ворота. Все сразу повеселели. Гийом приказал подавать ужин.

– Мы беспокоимся, что всё перепреет на плите, а тебя всё нет и нет, — попенял Пьеру Гийом.

– Ничего, то, что я добыл, стоит вашего ожидания.

– Добыл, добыл, добыл! — оживились Катрин и Луиза. — Как мы любим это слово, когда ты его говоришь! Оно означает, что назревает интересный скандальчик. А что добыл-то? Не томи! Что? Дать тебе отдышаться? Потом отдышишься! Жив и ладно.

– Нет, вы только посмотрите на этих индюшек! Никакого терпения.

– Мы всё терпение истратили, дожидаясь тебя.

– Ладно, перестаньте тарахтеть, садитесь за стол, — утихомирила всех хозяйка замка.

Пять минут прошли в молчании, жевании и глотании.

– Герцог Лотарингский обосновался в доме графа де Граммона. Причем подъезжает с заднего хода, — между глотками бросил нам Пьер первую порцию новостей.

Катрин даже рот раскрыла от удивления.

– Как это? А старик-то тут причем? Он никогда не лез ни в какие интриги, а уж в заговоры и подавно.

– Не знаю. Герцог вышел из кареты вместе со своим провожатым и вошел в дом. Карета поехала дальше, но не далеко. Кучер пристроил ее на постоялом дворе че-

рез две улицы, вернулся пешком обратно и тоже скрылся в доме старого графа. Осторожничают, стало быть. И сами от кареты отстранились, и карета не привлекает внимания к дому.

– Интересно, а знают ли они о нападении на Катрин? — как бы про себя поинтересовался Арман. — Катрин, ты всем в Лувре уже об этом раззвонила?

– А что?

– Старик Граммон часто бывает в Лувре и, если слышал твою историю, то мог передать ее заговорщикам. Даже неудавшееся покушение на лидера часто меняет запланированное течение событий.

– Граф де Граммон был в Лувре в тот день, когда напали на Катрин, но с тех пор во дворце не появлялся, — заметила Луиза. — Об истории с Катрин стало известно лишь на следующий день. Так что из первых рук граф знать об этом не может. Однако дело совсем в другом. Граф живет не в своем парижском доме, а в поместье недалеко от Парижа. Парижский дом занимает его вдовая дочь — маркиза Жермена ле Гран. Ей, наверное, лет тридцать. Жермена в ссоре с отцом и в Лувре не бывает. Так что, если у этих заговорщиков нет в Лувре регулярного поставщика дворцовых сплетен, то они могут и не подозревать о неудавшемся покушении на герцога Лотарингского. Если же герцог узнает о покушении на него, то ужасно разозлится и натравит своих клевретов на нападавших. Пока же в Париже не слышно ни о какой крупной стычке.

– За домом Граммонов ведется слежка не только нами, — со вздохом удовлетворения, отваливаясь от стола, подбросил нам очередную порцию известий Пьер.

На минуту все замолкли, ожидая продолжения.

– Ты что, злодей, извести нас задумал недоговорками? — возмутилась Катрин.

Пьер усмехнулся и продолжил:

– Два человека наблюдают за домом с той стороны,

куда подъехала карета. Шпионы совсем неопытные, хотя в глаза и не бросаются. Держатся вдали от дома Граммонов и поэтому, наверное, их и не распознали.

– А как же ты их распознал?

– Когда возвращался за кучером от постоялого двора к дому Граммонов, то увидел тех же парней, но переместившихся на другое место. Заняты они были тем же самым — разглядывали упряжь своих лошадей. Тогда я объехал квартал и оказался перед парадным входом в дом Граммонов. Наискосок какой-то крошечный кабачок, и я заглянул в него. Стол у единственного окна был занят двумя типами, старательно изучающими особняк напротив. Пришлось пристроиться за столом в глубине кабачка. К особняку подъехала карета. Из нее вышла дама со служанкой и скрылась в доме Граммонов. Через некоторое время из дома вышли двое мужчин и направились куда-то. Один из сидящих у окна вскочил и вышел на улицу. Другой посидел еще с полчаса, ничего не дождался, расплатился с хозяином и тоже ушел.

– Получается, что лотарингцев довольно тщательно опекают. А кому это надо, кроме кондейцев? — проронил Арман. — У меня складывается впечатление, что здесь не просто соперничество за трон.

– Конечно, не только, — подала голос Луиза. — Здесь еще и застарелая, историческая вражда севера и юга. А также и личная неприязнь между синьорами севера и юга. Они уже многих друг у друга перерезали без всяких притязаний на французский престол. Земельные, родовые распри у них, наверное, никогда не кончатся. Это нам на руку. Узнать бы, где в Париже устроились заговорщики с юга.

– Я проследовал за вторым типом…, — спокойно и безмятежно промолвил Пьер и снова умолк.

– Нет, вы только подумайте, что он с нами вытворяет! — взорвалась Катрин, через минуту общего молчания, окончательно потеряв терпение. — Совсем совести у

человека нет.

– Он привел меня на улицу Старой голубятни ко дворцу Тревиля, — закончил Пьер.

– Вот так номер! — растерянно промолвила Аманда. — Уж только не Тревиль.

– Я тоже думаю, что Тревиль тут совсем ни при чём, — поддержала ее Луиза. — Либо кто-то в его доме без ведома хозяина, либо Тревиль не осведомлен о делах гостя или гостей. Пьер, ты что-нибудь еще разглядел?

– Во дворе никого и ничего. Тип вошел в двери правого крыла, где внизу фехтовальный зал, а наверху комнаты для гостей. С улицы больше ничего не видно.

Аманда обернулась к своему управляющему:

– Гийом!

– С утра пошлю людей. Обложим дворец Тревиля и дом Граммонов, как полагается. Я сам поеду и посмотрю нельзя ли там обосноваться в окружающих домах.

– Есть еще одна интересная вещь в моих наблюдениях, — снова подал голос Пьер.

– Так, у нас сегодня вечер непрерывных сюрпризов одного человека, — объявила Катрин. — Вываливай!

– У парадного входа дома Граммонов околачивается пара монахов, собирающих милостыню. Обычно они толкутся в людных местах, у храмов, а тут прямо на не такой уж оживленной улице. Хотя и выглядят вполне уместными.

– Неужели связи падре Березини так быстро заработали, и уже что-то обнаружилось? — удивился Гийом.

– Тогда завтра с утра едем сразу к нему, — предложил я, и все с этим согласились.

– Завтра так завтра, — поднимаясь из-за стола и сладко потягиваясь проронил Пьер. — А сегодня я с удовольствием бы вздремнул.

Никто против такого развития событий протестовать не стал. Все растеклись по своим апартаментам, слуги убрали всё со стола и тоже удалились. Под звездным

небом с только еще родившимся месяцем остались лишь мы с Луизой. Едва ощутимый ночной ветерок приятно холодит кожу. Ночные птицы перекликаются где-то в почти непроницаемой тьме. Из этой же тьмы доносится и шелест листвы, когда ветерок на несколько секунд сменяется небольшими порывами более сильного ветра. Млечный путь пересекает синий купол неба. Вот из него упала звезда. Потом еще одна. Потом сразу две.

– Интересно, — вполголоса нарушила молчание Луиза, — сколько звезд на небе? Падают, падают, а их всё меньше не становится.

– Вот сейчас над нами видим около двух с половиной тысяч звезд. А на самом деле их намного больше. И падают вовсе не звезды, а их крошечные осколочки. Вот звезд меньше и не становится. Просто звезды очень далеко от нас, а осколочки подлетели к нам совсем близко. Осколочки и кажутся целыми звездами, — провел я среди герцогини де Шеврез небольшой ликбез по астрономии.

– Интересно, — еще раз повторила она как бы про себя. — Серж, а как ты относишься к Аманде? Я, конечно, понимаю, что она много старше тебя и вроде бы родственница, а вот по-человечески? А?

– Ну, как тебе сказать, Луиза. Не задумывался я над этим. Если путем сравнения, то примерно как к старшей сестре. Да ты уж, наверное, давно догадалась, что никакие мы не родственники.

– Догадалась. А также догадываюсь, что еще дальше догадываться лучше не стоит.

– Пожалуй, что так. Нам всем хорошо и без всяких лишних догадок. А вы с Амандой как познакомились? В Лувре?

– Нет, в тюрьме, — и засмеялась. — Ну, не совсем в тюрьме, но как бы по пути в нее. Я как обвиняемая на допросе у подручных Ришелье, а она — как свидетель. Грязная история с заговором против государства и коро-

ля. И вспоминать не хочется. Так до сих пор и неясно, кому это могло быть нужно, кроме кардинала. Аманда своими показаниями превратила меня из обвиняемой лишь в подозреваемую и невольную соучастницу. Хотя сама рисковала из-за меня попасть под удар. Пронесло, слава, Богу, мимо нее. А ведь мы и не были знакомы до этого. Видели друг друга издали на больших приемах в Лувре — и всё. Так я и попала во временную ссылку вместо Бастилии на веки вечные, где и принцы крови иногда сидят. Так что мне просто удивительно, что частенько Аманда такая боязливая.

– Она не боязливая, а предусмотрительная и осторожная. И еще притом сдержанная моралистка. Была бы она боязливая, мы бы вокруг нее не собрались.

– Пожалуй, да. А ведь как удачно собрались! Правда?

– Правда. А не пора ли и нам вслед за всеми?

– Наверное, пора. Ты уж иди, а я тут еще немного посижу.

*

Выехали из замка Аманды, захватив с собой еще и Гийома с десятком толковых слуг. Луиза и Катрин двинутся в Лувр попозже. У дверей монастыря оставили лошадей, слуг и вчетвером вступили в обитель.

В это утро в монастырском саду аббатства Сен-Жермен де Пре, кроме падре Березини оказался еще и архиепископ Парижа Андре де Вуайе. Взглянув на нас далеко не глупыми глазами, этот важный клирик* что-то понял и не стал совать нам руку для целования.

– Господа, — начал он без всяких предисловий, — когда вчера утром падре Березини уведомил меня о разговоре с вами, то я просто не хотел ему верить. Тем не менее всё же распорядился о немедленном опросе братий разной орденской принадлежности и служителей храмов. Уже днем стало ясно, что в Париже возник какой-то опасный беспорядок. И даже признаки беспорядка приняли зримые очертания.

Например, в храмах появляются для отпевания тела неизвестных людей, найденных на улицах. Людей довольно молодых и не ограбленных, но умерших насильственной смертью. Такого в Париже раньше не было.

– И сколько обнаружилось таких тел? — спросил Арман.

– Восемь.

– В действительности их, наверное, должно быть значительно больше, — предположил я.

– Почему? — поинтересовался Березини.

– Париж ведь. В нём выделяются нехарактерные, неограбленные трупы, на которые наткнулись только утром. А если человек был кем-то убит, а потом совсем другими людьми труп был ночью ограблен? Тогда этот труп будет обычной жертвой ограбления, но только неопознанной. Сколько еще таких может быть?

Клирики переглянулись между собой.

– Верно, — признал Вуайе, — мы об этом не подумали. Такое обстоятельство может удвоить цифру.

– А главное, — продолжил я, — может указать и на масштабы заговора. Раз обе партии могут молчаливо позволить себе такие потери, то численность заговорщиков в Париже, похоже, немалая.

Архиепископ подтверждающе кивнул:

– Наверное, вы правы. Удручающее обстоятельство.

– Что еще удалось обнаружить?

– На службах в парижских храмах замечено довольно много известных и не очень известных лиц из отдаленных провинций Франции. Эти лица и раньше приезжали в Париж и даже неоднократно. Встречались с кем-то, выходили в свет. Странно то, что сейчас их изредка, кроме храмов, вроде бы нигде и не встретишь. Выходят из церкви и словно растворяются.

– А таких много?

– Трудно сказать. Многие ведь заходят в разные дни в разные церкви. А поименно их не установить, кроме

лиц, известных всем. Дважды видели герцога де Бофора и еще одного известного синьора, но неуверенно. Может быть, и не он совсем.

– Генриха Лотарингского, что ли? — клирики снова переглянулись.

– Его. За домом, где он скрывается, наблюдают.

– И, как вы думаете, что следует предпринять?

– Мы сейчас поедем в Лувр, чтобы предупредить королеву и начальника стражи.

– Разумно. Королева уже уведомлена об этом вчера, но, если такие значительные лица церкви подтвердят опасения, то будет еще лучше. Но мы не уверены, что оповещение дворцовой и городской стражи будет своевременным.

– Почему?

– Распространение сведений о заговорах может их подстегнуть. Сейчас заговорщиков сдерживает распря между ними самими. А почуяв опасность разоблачения, они могут отложить ее на время, и тогда мы не знаем, что, когда и как начнется. Нужно точно установить хотя бы численность и места, где они скрываются. О планах я уж и не говорю. Как получится. Королева с нами согласна. Как мы поняли из ваших слов, за домом Граммонов ведется наблюдение.

– Да.

– А за дворцом де Тревиля? А за таверной "Сосновая шишка"? Ведь это тоже места скопления заговорщиков. Может быть, даже еще и не все.

– Мы о них ничего не знаем, — признался архиепископ. — Видно, что вы даром время не теряли. Нам, наверное, следует помочь вам, чем можем. Раз на стражу опереться нельзя. Но вмешательство церкви в такие дела противоречит ее статусу. Падре Березини считает, что мы должны что-то делать, и представит в Риме всё нужным образом. А вот что скажет кардинал Ришелье о вмешательстве епархии и частных лиц в его полномо-

чия?

– Не об этом нужно думать сейчас, Ваше Преосвященство. Кардинал далеко и защищен, а королева здесь и в опасности. Наши действия оправданы и обоснованы. И стража, и служба кардинала, оставшаяся в Париже, оказались не осведомленными сразу о двух заговорах. А ведь подготовка заговоров в самом разгаре. Как на них можно полагаться? Нельзя исключать и предательства. Наш долг предпринять всё возможное для защиты королевы и Парижа. Обстоятельства вынуждают. Когда будете у королевы, обсудите это с ней. А стража… Страже тоже работа найдется. Когда станет ясно, где и что делать, то без нее будет не обойтись.

– Пожалуй, я согласен с вами. Вас немного, но ваша решительность и активность стоят уважения. У вас есть какой-нибудь план действий?

– Выяснить численность и места сбора заговорщиков. У нас есть десять человек, которые займутся этим. Но ваши монахи могут многое делать лучше них. К монахам больше доверия, и они могут без подозрения проникнуть туда, куда обычного человека не пустят. Что и где делать, скажет всем шевалье Гийом, которого мы вам уже представили. Он будет командовать розыском из дома графа Армана на улице Медников. Поговорите с ним, как лучше всё организовать, а нам нужно идти.

Оба клирика машинально осенили нас святым крестом, и наша троица, обретя божественное благословление, удалилась из обители.

– Ну как, Пьер, — выйдя на улицу, спросил Арман, — архиепископ порядочный человек или не очень?

– Кто его знает! Святые отцы известные лицемеры. Он же прекрасно понимает, что если переворот состоится, то в Париже будет другой архиепископ.

– Тоже верно. Какой ты у нас мудрый, Пьер! Куда идем-то?

– К тебе в сад. Куда же еще? Будем ждать Гийома с

известиями.

– В сад так в сад.

Кресла и столик в саду как мы их оставили, так и стоят. Только бутылка и стаканы убраны. Франсуаза выглянула в окно, когда Арман открывал калитку, получила распоряжения, и мы опять грызем жареные орешки, запивая их вкусным вином.

– Допустим, что мы разыщем все места скопления заговорщиков, — начал размышлять Арман. — Раз разыщем, то сможем их и пересчитать. Сколько времени потребуется на это? Серж, как ты думаешь?

– С помощью церковников — вряд ли более двух дней. Заговор требует активности в подготовке. Тем более такая каша, как сейчас. Заговоры против трона одновременно с заговорами против соперников. Все участники должны бегать по Парижу, как угорелые. Те, которые у нас уже на виду, непременно приведут к тем, которые нам еще неизвестны. Решить, что делать дальше, будет сложнее.

Тишину улицы, как вчера, разрушил грохот копыт и колес. Мы насторожились. Опять те? Оказалось, что не те. Наши бедные лошадки прижались к решетке сада, а мимо них по улице едва протиснулась большая карета, влекомая знакомой четверкой черных коней. Протиснулась и ушла дальше.

– Луиза! К нам, что ли? Но куда это ее понесло? На этой улице с четверкой ведь не развернуться.

Выскочили из сада. Карета пятится назад под громкие понукания кучера. Поравнялась с нами. Мадам герцогиня вываливается из нее чуть ли не нам на руки.

– Ой, мальчики, заблудилась и проскочила. Арман, что это ты на такой узкой улице дом купил? Ой, какой миленький садик! Можно войти? Ой, какие креслица удобненькие.

Отвязываем своих лошадей и заводим в сад. Иначе по улице будет и пешеходу не пройти. Франсуаза кричит

в окно:

– Хозяин, мне из дома не выйти!

Опять начинается передвижение кареты, чтобы можно было открыть дверь в доме. Ставлю на траву еще одно кресло. А то в мое кресло уже завалилась Луиза и в восторге дрыгает ногами.

– Луиза, ты что будешь? — интересуется хозяин.

– Кофе или шоколад.

– Что-нибудь одно.

– Тогда шоколад и какую-нибудь булочку.

– Франсуаза, шоколад и булочку. А ты что не в Лувре?

– После визита архиепископа королева расстроилась и решила развеяться, прокатившись в Венсен. Мы с Катрин кое-как отбились от такого счастья.

– Что же ты ее с собой не взяла?

– Ей не до того.

– Понятно. С архиепископом был и папский легат.

– Да. Так что вечером Катрин нам, наверное, компанию не составит. О, вот и шоколадик с булочкой. Чудесненько! А вы тут чем занимаетесь?

– Ждем Гийома с новостями и размышляем, что нужно будет делать, когда обнаружим всех заговорщиков. Гийому в помощники пообещали тучу монахов.

– И до чего доразмышлялись?

– Не успели. Твоя карета Сержу все мысли спутала.

– Вот это плохо. Не следует путать мысли у Сержа — пропадем. Предвижу большие трудности. Обнаружим заговорщиков, но удастся ли арест?

– Скорее всего, не удастся, — ответил я. — Они будут сопротивляться и разбегаться. Да и в случае ареста, в чём их можно будет обвинить? В том, что приехали в Париж? Собрались вместе? Что-то замышляли? Ерунда! Никаких весомых доказательств против них нет. Какой-то мелкий поэтишка с подслушанными неизвестно чьими разговорами. И он против титулованных лиц королев-

ства? Смешно! Никаких заговоров не было — и всё тут!

А с другой стороны, допустить выступления заговорщиков нельзя. Оно может оказаться настолько стремительным, что арестовывать заговорщиков окажется некому. К тому же неизвестны их намерения относительно королевы. Вот перед такой задачей мы и стоим сейчас. Все наши усилия могут пропасть. А вот от мести избежавших ареста заговорщиков нам вряд ли удастся так просто увернуться.

– И как же выкрутиться из такой ситуации? Послать гонца к Ришелье? Уж его-то не смутит отсутствие прямых доказательств для арестов.

– Как знать. Вспомните письмо королевы. Мы сами в прошлый раз прижали кардинала так, что он поостережется хватать формально безвинных людей. Да и зачинщики вроде Конде и Лотарингского без доказательств ему не по зубам.

– И что будем делать?

– Есть одна лазейка. Можно и заговор закопать, и самим оказаться ни при чём. Обе эти компании друг другу яму роют. Нужно только подготовить благоприятный момент и столкнуть сразу их всех в эту яму. Неплохо бы постараться, чтобы никто из нее не выбрался.

– Я же говорила, что Серж всегда что-нибудь придумает! А что именно ты придумал?

Ответить я не успел. Цокот копыт на улице и скрип калитки.

– Я только на минутку, — предупредил Гийом. — Денег мало с собой захватил. Давайте всё, что у кого есть.

Мы принялись усердно рыться в карманах и кошельках. Луиза тоже покопалась где-то в недрах своего роскошного наряда и выудила откуда-то несколько серебряных монет. Ссыпали всё в кучу.

– Хватит?

– Думаю, да.

– Как у тебя дела?

– С секретарем архиепископа обходим ближайшие к мятежникам монастыри и церкви. Отбираем самых толковых монахов. Вот найму подходящие помещения и к вечеру, думаю, сети раскинем. А вы тут хорошо устроились. Стало быть, и мне будет удобно отсюда командовать шпионами. Арман, вином и орехами обеспечишь?

– Да, верно. Пойдем я тебя с Франсуазой познакомлю.

Арман и Гийом подошли к дому. Арман что-то сказал Франсуазе и Гийом ускакал по своим делам.

– Ну, так что? — спросила Луиза, когда Арман вернулся. — Какая бесценная мысль тебя, Серж, посетила?

– Мысль ужасно простая и ужасно коварная.

– Вот-вот, я уже начинаю верить, что мысль будет изощренная. От мужчин только коварства и жди.

– Брось, Луиза, с тобой мне по части коварства тягаться не по силам. Нужно только вспомнить, что ты Катрин устроила не так давно.

Герцогиня расхохоталась:

– Так это же Катрин и коварство здесь шутливое. Ладно, давайте говорить о серьезном.

– Я не зря пытался понять знает ли Генрих Лотарингский о нападении на карету Катрин. Если нет, то это было бы просто прекрасно. В нужный момент, уведомив Генриха о попытке покушения на него, можно подстегнуть его злобность и мстительность. Тем более что взаимное истребление противников уже тихо идет.

– И что из этого? Клевреты Генриха начнут при каждом удобном случае отлавливать клевретов Конде и отправлять их к праотцам? Так они и сейчас именно это делают.

– Да, делают. А новое пополнение обеим партиям, наверное, всё приходит и приходит. А вы подумайте, что будет, если партия Конде соберется вся в одном месте? На, скажем, решающее собрание. Кто-то уведомит Генриха о месте и времени собрания, а перед этим сообщит

о попытке покушения на него. Будут ли сторонники Генриха Лотарингского ждать, когда собрание разойдется, чтобы вылавливать людей Конде поодиночке?

– Конечно, не будут! — Луиза аж подскочила от возбуждения. — Я тебя поняла. Лотарингский мигом соберет своих и попробует уничтожить противников всех разом. А те не дети и будут защищаться.

– Совершенно верно. При примерном равенстве сил они в одной схватке истребят друг друга полностью. Нам останется только наблюдать со стороны и не дать никому улизнуть с места побоища. В результате ни арестовывать, ни допрашивать, ни доказывать ничего не нужно. Да и заговоров-то уже не будет никаких.

– У меня нет слов, — после недолгого молчания промолвил Арман.

– У меня тем более, — поддакнул ему Пьер.

– А меня слова просто душат, и поэтому я просто восхищенно промолчу, — высказалась Луиза. — Идея великолепная. Нужно обсудить ее в деталях и составить план, как и в прошлый раз.

– План будем составлять, когда в сети Гийома что-то попадется. Численность партий нам необходима, как воздух. А также нам обязательно нужно знать, осведомлен или нет Генрих о покушении на него. Нам бы как-нибудь зацепить Жермену ле Гран. Через нее можно было бы многое узнать или понять о делах Генриха Лотарингского. А также сделать ему донос. Это бы работа для Катрин, но ты говоришь, что ее сегодня не будет. Если Генрих уже слышал о покушении на себя, то, возможно, нам самим придется инсценировать в подходящий момент еще одно покушение на него.

– Так что делаем прямо сейчас?

– Ждем в замке возвращения домой Гийома.

*

А Луизу-то, возвращаясь в замок, мы всё-таки надули. Она думала, что мы из мужской гордости будем гнаться

за ее скакунами. Она нас сначала подразнит иллюзией возможности ее догнать, а потом утрет нам нос. Чёрта два! Мы и не подумали с ней состязаться. Ехали тихо, спокойно и тем подпортили ей настроение. По прибытии в замок не отреагировали и на ее язвительные замечания по части черепах. Она обиженно утихла. Дождались Гийома и сели за стол на башне.

– Ну, что я могу сказать? — начал он. — Расставил всех по местам и растолковал, что требуется делать и что узнавать. Монахи смышленые, а наших людей сами знаете. Деньгами на развязывание языков всех снабдил. Помещения нанял. Одно напротив дворца Тревиля. Другое — там же, но со стороны парка, который выходит на соседнюю улицу. У дома Граммонов нанял помещения тоже с двух сторон. Монахи и наши слуги сели везде по пять человек и будут сопровождать выходящих и попытаются расспросить прислугу. Кое-кого, изображающих приезжих, уже поселили в "Сосновую шишку". Будем смотреть, что нам попадется за завтрашний день.

Снизу послышался шум подъезжающей кареты.

– О, Господи, вот уж не ждала, — воскликнула Луиза.

На башню поднялась сияющая Катрин.

– Как я вовремя поспела! Еще не всё съедено? Я голодная как волк.

– А мы тебя не ждали. Ты что, сбежала от любовника? Я бы себе такого не позволила.

– Не я сбежала, а он сбежал.

– Еще не легче. Как это можно было допустить! Ты опозорила весь наш женский род.

– Луиза, не кипятись. Просто у Альберто много дел. Но мы успели благополучно всё сделать.

– Уже и Альберто? Успели? Тогда совсем другое дело. У нас тут тебя работа ждет.

– Интересная?

– Очень. Нужно как-то охмурить Жермену ле Гран.

– Как Сюзанну де Пуатье?

– Вроде того. Только здесь любовником не нужно будет жертвовать.

– Но я ее совсем не знаю.

– Сюзанну ты тоже не знала.

– Но зато ты, Луиза, была с ней знакома.

– Верно. Но с Жерменой и я ни разу, словом не перемолвилась. В Лувр она не ходит. Видела я ее пару раз во дворце вместе с отцом, но это было давно. Жермена еще не была замужем. Серж, а что точно нам от нее потребуется?

– Передать Генриху Лотарингскому то, о чём проболтается Катрин.

– А о чём я проболтаюсь?

– О нападении на твою карету. А также о том, где и когда твой поклонник из свиты принца Конде встречается со своими друзьями.

– Предлагаете мне предать того, кого я даже не знаю?

– Я понимаю, что тебе такое сделать будет очень трудно. И особенно сложно потому, что этого поклонника в природе, вообще, не существует.

– Луиза, мне нужна твоя помощь. Того, кого нет мне в одиночку не предать.

– Ладно, пошутить мы с вами сейчас можем, но, Луиза, может быть, и, в самом деле, вам взяться за это вдвоем? Нужно найти среди ваших связей тех, кто знаком с Жерменой ле Гран, и попытаться так добраться до нее. Возможно, что уже послезавтра Жермена нам понадобится.

– А завтра?

– Завтра? Королева завтра вернется в Париж?

– Нет еще.

– Тогда завтра у всех, кроме Гийома, до вечера выходной. Без сведений, которые он добудет, нам делать нечего.

– Мы же без забот тут со скуки погибнем, — огорчи-

лась Луиза.

– Сходите на охоту, — предложил Гийом. — Я слуг предупрежу, и обойдетесь без меня.

– А что, охота — это отличная затея, — воодушевился Пьер. — Аманда, ты как?

– Охотьтесь в свое удовольствие. Только лисичек не трогайте. Мех летом плохой и выводки у них сейчас растут. И олених не стреляйте.

– А ты что, не с нами?

– Старовата я уже для таких развлечений.

*

Старовата или не старовата, а Аманда всё же отважилась, как и другие дамы, сесть в женское седло. Уговорили-таки. Или это она просто так, для вида поломалась? Видно же, что выезд на охоту для нее приятен. У Луизы и Катрин, похоже, в замке Аманды припасен целый гардероб. Платье, которое именуют "амазонкой", на самом деле оказалось вовсе не ворохом громадных и пышных юбок, как на картинах художников. Напротив, легкое и короткое одеяние длиной до щиколоток. В них Луиза и Катрин выглядят как легкомысленные и невинные девчушки. Перезревшие, правда, малость, но всё еще ничего.

Пьер напялил на себя все атрибуты заядлого охотника. И шляпу с тетеревиным пером и короткими полями, и кожаные штаны, и медный рог на шею. За плечом не ружье, а арбалет и колчан со стрелами. У Армана тоже арбалет. Только я налегке.

– Ружья всю дичь распугают, — объяснил Пьер. — Пойдем без загонщиков. На что наткнемся, на то и похотимся.

– А если не наткнемся?

– Тогда с горя напьемся, — последовал ответ в рифму. — Но в угодьях Аманды невозможно не наткнуться на какое-нибудь зверье или птицу. Богатое поместье.

Каких-то собак с собой взяли. Да и слуг при нас и при

собаках оказалось человек семь-восемь.

– Аманда, — поинтересовался я, когда мы верхом прямо от замка уже углубились в лес, — а как велико твое владение?

– Это?

– А что, есть и другие?

– Есть. Вот это тянется на десять лье* вдоль парижской дороги, а в глубину до границ владений Луизы. Луиза, это сколько будет?

– Наверное, лье двадцать-то точно. Аманда крупная землевладелица. Если сложить все ее земли, то, наверное, их окажется больше, чем в моем герцогстве. Но в моем лене* несколько городов, а у нее только леса, поля и сёла. У меня нет такой шикарной охоты как у Аманды.

Надо же! Та земля, что в Древнем Риме на две тысячи амазонок, тут на одну графиню. Правда, здесь еще сёла, крестьяне, олени и фазаны. Интересно, а какая живность водится во владениях амазонок? Надо будет спросить девочек.

Лес, по которому мы тихо и неспешно едем, кажется мне словно чем-то знакомым. Как и в Верне, нет тех дебрей, завалов, гнилья, характерных для северных лесов России. Дышится легко и свободно. В кронах деревьев порхание и мелодичное пение множества птиц. Между стволов мелькнула рыжая шкурка. Собаки было рванулись туда, но слуги натянули поводки, и свора успокоилась. Странные какие-то собаки — молчаливые. Ни лая, не тявканья попусту. Воспитание такое, что ли? Что за порода? Совершенно в них не разбираюсь. Рыжевато-коричневые с мохнатым хвостом. Сеттер или спаниель? А может, пойнтер? Но явно не овчарки и не сенбернары. Тех-то я точно узнáю в лицо.

Ехали, тихо переговариваясь, наверное, с час. Лес стал перемежаться как маленькими, так и обширными полянами. Не очень еще высокая трава кое-где колышется, словно сама собой. Спустили собак. Во все сто-

роны порскнуло десятка два зайцев. Луиза сорвалась с места и, подстегивая лошадь, бросилась вдогонку за одним из них, стараясь своим кнутиком стеганут ушастого. Стеганула всё-таки. Тот резко скакнул в сторону, и пока Луиза разворачивалась косого и след простыл. Луиза вернулась довольная доне́льзя.

– Вот, зайку зачем-то обидела, — укорил я ее.

Ничего не ответила. Только весело сверкнула глазами. Слуги засвистели, собирая собак.

– Может быть, здесь расположимся? — предложила Аманда, указывая на тенистый, одиноко стоящий дуб.

– Отличное место, — согласился Арман. — А мы пешком вокруг побродим. Фазанов здесь должно быть уйма. Луиза, Катрин, вы с нами?

– Нет, мы с Амандой останемся, — отказалась Луиза. — Принесите нам чего-нибудь вкусненького. Катрин, Катрин, ты только посмотри сколько земляники!

Аманда взглянула на солнце и сказала:

– Мальчики, идите так, чтобы солнце светило спереди и слева. Там будут маленькие полянки, излюбленные фазанами и куропатками.

И в самом деле, пошли, куда сказала Аманда и шагов через сто пятьдесят внезапно выскочили из-за деревьев на полянку. Фр-р-р, и, казалось бы, только мы их и видели! Пестрые и длиннохвостые птицы взвились в воздух. Описали широкую дугу и опять опустились в траву чуть дальше.

– Нужно идти медленнее, тише и не вылетать с разбега на открытое место, — сказал Пьер, снимая с плеча арбалет. — Обойдем их за кустами.

Обошли. Вот они голубчики опять! Важно ходят, что-то друг другу квохчут, помахивают длинными хвостами и выклевывают непонятно что у себя из-под лапок. Пьер и Арман переглянулись и понимающе кивнули друг другу. Дзинькнули почти одновременно тетивы арбалетов и две пестрые тушки затрепыхались в траве. Стайка пернатой

дичи взлетела и скрылась за деревьями. Слуга подобрал птиц, выдернул стрелы и бросил тушки в сетку у себя на поясе. Вытертые стрелы вернул охотникам.

– Хочешь попробовать, — спросил меня Пьер, протягивая арбалет.

– Ну-ка дай его сюда!

Тяжелый, зараза! Попытался прицелиться в ромашку. Чёрта два! Ходит ходуном — и всё тут. Со вздохом отдаю обратно:

– Нет, не получится. Сначала нужно научиться хотя бы в руках его держать.

– Конечно же, всё сразу ни у кого не получается, — улыбнулись наши охотники. — Идем к следующей полянке!

Следующую полянку пришлось обходить по кустам кругом. Птицы оказались на той стороне. Добыли трех птиц — Арман раз промахнулся. Пьер потряс сетку на поясе слуги.

– Крупные. На всех хватит. И на нас, и на слуг. Может быть, оленя поищем?

– Без загонщиков-то и пешком? Даже если и увидим, подстрелим, то он от нас всё равно уйдет. Разве что, если к лошадям за собаками вернуться. Так мы гончих не взяли. Давай уж как-нибудь в другой раз. На обед-то добычи хватает.

На большой поляне полная идиллия. Аманда возлежит под дубом на расстеленном коврике и о чём-то мечтает, закрыв глаза. Луиза и Катрин ползают в траве, собирая землянику. Перемазали все платья, а у Катрин губы и подбородок в ягодном соке.

– Грязные аристократки! — хохочет Арман.

Птицы ощипаны и уже крутятся над костром на вертелах. А мы, ожидая яств, пустили в ход фляги с вином. Пьер лежит на спине, натянув шляпу на глаза, и делится своими пристрастиями.

– Вот за что я люблю лесную охоту? Выследил, под-

крался, подстрелил, ощипал, зажарил и съел. Одно удовольствие! А с людьми как? Интриги, слежка, страхи и смотри, как бы тебя самого не подстрелили. А если уж ты кого и подстрелишь, то съесть нельзя.

– Фу, какие ты гадости говоришь, — возмутилась Луиза. — И придет же такое в голову! Эй, как там наш обед?

– Еще минут десять, ваша милость, — донеслось от костра.

Знатная дичь получается на открытом огне! Совсем не то, что в духовке домашней, газовой плиты. Или так аппетит нагуляли? Мясо фазанов нежное и сочное, попахивающее дымком. Никаких специй не надо. Двух птиц хватило, чтобы насытиться вшестером. А потом еще и ароматная земляника, собранная нашими дамами. Рай, да и только!

– Совсем не хочется возвращаться домой, — тихо признаётся Аманда. — Куда там до нас королевской охоте.

– Часика два-три еще можно понежиться здесь, — отвечает Луиза. — Можно даже и вздремнуть. Я, пожалуй, так и сделаю.

И в самом деле, через пять минут уже засопела, повернувшись на бок и уткнувшись носом, в изгиб своей левой руки. Катрин же не сидится на месте. Мобилизовала Армана и потащила его к краю леса учить ее стрелять из арбалета.

– Я всё время дивлюсь на Луизу и Катрин, — тихо, чтобы не побеспокоить дремлющих Аманду и Луизу, говорит Пьер. — Да и на Аманду тоже. Вращаться в таком парижском обществе, следовать его обязательным и жестким канонам много лет и не потерять при этом своей естественной простоты. Ты понимаешь, Серж, о чём я?

– Признак хорошего, острого ума и решительного, но доброго характера, присущего далеко не всем.

– Спасибо, Серж, — пробормотала Луиза, не раскры-

вая глаз.

– Спи, давай, раз спишь, и не подслушивай чужие разговоры, — цыкнул на нее Пьер. — Вот уж привычка быть всегда настороже. Чисто дворцовое — постоянное ожидание всяких подвохов. Может, и нам подремать? А?

Солнце уже клонилось к кронам деревьев, когда мы вернулись в замок. Гийома еще нет. Уже почти в полной темноте прискакал слуга из Парижа.

– Шевалье де Брие велел передать, что задержится в Париже. Просил ждать его к завтраку.

– Похоже, обнаружил что-то интересное и важное, — предположила Аманда.

*

– С чего начать? С Дома Граммонов, "Сосновой шишки" или дворца Тревиля? — осведомился Гийом во время завтрака на башне.

– Давай по порядку, откуда всё и началось — с "Сосновой шишки", — попросил я.

– Хорошо. Поселили мы там двух наших слуг еще позавчера под видом крестьян, приехавших в Париж с кожами на продажу. Повозку и кладь я взял на время у своих знакомых. В таверне на втором этаже восемь комнат для постояльцев. Четыре с окнами на Нотр-Дам и две с окнами во двор заняты уже довольно давно. У прислуги мы выведали, что самые первые из постояльцев живут в таверне уже больше месяца.

В каждой из комнат по два человека. Итого — двенадцать. Поскольку все они завтракают и ужинают в одно время и переговариваются тут же между собой, получается, что все они одна компания. По одежде, оружию — дворяне. По манерам двое выделяются из всех, как командиры, руководители. За ними и следили. Примерно половина людей из этой компании сидит весь день в таверне, а остальные парами уходят в город.

Те, за кем мы следили, привели нас в два места. Первое — это большая таверна и постоялый двор "Кар-

динал" на площади Сен-Сюльпис. Второе — дом на улице Феру. В оба места я послал монахов. В "Кардинале", судя по всему, живут около тридцати человек тоже из партии Генриха Лотарингского. Преследуемые вошли прямо в таверну и исчезли в комнатах наверху. Монахи и наши люди узнали всё, что можно о постояльцах. Идет ли слежка за этой таверной со стороны заговорщиков Конде мы не выяснили. Слишком оживленно внутри и снаружи.

А вот в снятом доме на улице Феру, по словам наших монахов, человек пятнадцать — я думаю, из партии Конде. Люди Генриха толкались вокруг этого дома примерно до шести вечера, пока не начало смеркаться. К ним подходили какие-то темные личности. И эти личности потом отправлялись за некоторыми из тех, кто выходил из дома.

– Так, подобьем итог по этой части. Пока рассказ Гийома свеж в памяти, — сказал я. — Заговору Генриха уже не меньше месяца. В "Сосновой шишке" у него двенадцать человек. В "Кардинале" будем считать, что тридцать. Всего — сорок два. Если где-то есть еще, то нам неизвестно. У Конде на улице Феру пятнадцать человек. За ними следят люди Генриха. Наверняка слежка обоюдная. Иначе не было бы жалоб на убийства, которые слышал наш поэт.

Есть две непонятные вещи. Маловероятно, что обе стороны не подозревают о взаимной слежке. Тем не менее не пытаются избавиться от шпионов друг друга. Почему? Слежка идет только днем, и никто не желает проявиться открыто? Или понимают, что убийством обнаруженных шпионов слежки не избежать. Появятся другие. А вторая непонятность — в ночных убийствах. Как жертвы среди ночи оказываются там, где их ждут? Выслеживают? Но как выследить поодиночке, если они живут вместе? Выманивают? Чем? Уж на легковерие или придурковатость жертв рассчитывать не приходится. Впро-

чем, для нас это особого значения не имеет. Просто интересно. Гийом, давай дальше.

– В доме Граммонов всё довольно спокойно. Жермена ле Гран бегает туда-сюда несколько раз в день. Посмотрели вчера за ней. Вроде бы всё невинно. Церковь, портной, подруга Женевьева ла Моль. Есть одна странность. Нет, пожалуй, две. У Женевьевы вроде бы любовник или друг то ли из городской, то ли из дворцовой стражи. Случайно попался на глаза нашим наблюдателям. Другая странность в том, что Жермена вчера посещала подругу дважды. Пьер, ты, когда видел даму, входящую в дом Граммонов?

– Часа в четыре, наверное.

– Это Жермена возвращалась от подруги. Вчера и позавчера она выходила из дома около трех. Похоже, посещает подругу в одно и то же время. А вчера сходила к подруге еще и под вечер. Что же касается Генриха, то не видно, чтобы он опасался за свою жизнь. Выходит в церковь или выезжает раз-другой в карете с одним или двумя сопровождающими. Правда, неясно, знает ли Лотарингский о наблюдении за домом. Не похоже, чтобы знал о покушении на него, или же у него нервы железные. Прислуга Граммонов проболталась, что при важном госте шестеро слуг и помощников.

– А мы с Катрин прекрасно знаем Женевьеву ла Моль, — сообщила Луиза. — Не раз были и у нее дома. И, действительно, любовником у нее лейтенант городской стражи Паскаль де Менж. Но никогда не поверю, что Женевьева заговорщица. Слишком она проста и у нее нет влиятельных родственников при дворе. Разве, что этот Паскаль…

– Отлично, — обрадовался я, — тогда вам с Катрин только и остается, что зайти в гости к Женевьеве днем, дождаться, когда появится Жермена, и завести разговор на заботящую нас тему. А что касается железных нервов Генриха, то пощекотать их лишний раз не мешает. Даже

если он до сих пор еще не знает о нападении на Катрин. Нужно будет стрельнуть по Лотарингскому, когда он выйдет из дома для того, чтобы пойти в церковь. Пьер, ты у нас лучший стрелок, и это по твоей части.

– Понял.

– Стрельни так, чтобы пуля оставила хороший след поблизости от Генриха. Гийом, там есть место, где поставить карету со стрелком так, чтобы мгновенно можно было бы уехать?

– Позади дома небольшая площадь, где сходятся три улицы.

– Очень хорошо. А что делается во дворце Тревиля?

– Делаются очень даже интересные вещи. Почти, как только мушкетеры покинули с королем Париж, а было это месяца два назад, управляющий Тревиля отдал внаем фехтовальный зал и несколько комнат для гостей. Нанимателем будто бы является очень известный наставник шпажной и стрелковой науки. Ничего необычного здесь нет. Городское владение де Тревиля довольно обширно и даже, когда он сам в Париже, то некоторые службы, части владения уступаются на время кому-нибудь в пользование.

– Вот это фокус! — не вытерпел Арман. — Надо же, как просто и ловко всё устроено. И зал для тренировок заговорщиков, и место сбора, не вызывающее подозрений. Приходи и уходи когда хочешь и в любом числе. Мы, мол, к мастеру на уроки! А если нужно устроить большое собрание, то это турнир. И жить здесь же можно. Ведь к известному мастеру на обучение и из других городов могут приезжать даже на много дней. Великолепное прикрытие!

– Верно, — продолжил Гийом, — задумано прекрасно. Исполнено тоже. Там как раз и тренируются во владении холодным оружием и стрельбе. Никто не может сказать, что видел во дворце Тревиля принца Конде, но это не значит, что его там не было. Если учесть его из-

вестную страсть к маскам и переодеваниям, то всякое может быть. Интересно то, что кроме нас, никаких наблюдателей за дворцом не обнаруживается. Мне это показалось странным, хотя и объяснимым. Похоже, что там тренируются только те, кто там же, во дворце Тревиля, и живет. Им незачем ходить на улицу Феру к другим заговорщикам. Хотя это и рядом.

С другой стороны, удалось услышать от прислуги Тревиля, что там каждую среду происходят вечерние соревнования бойцов на шпагах. Приходят люди со стороны посмотреть и поучаствовать, но только по приглашениям, и посторонний туда не войдет. Состязания начинаются в девять вечера. То есть, когда уже совсем темно. Клевреты Генриха Лотарингского, похоже, прекращают свою слежку часа на три раньше. Может быть, они боятся нападения на них в темноте? Если так было всегда, то шпионы Генриха могли и не обнаружить убежище противника во дворце Тревиля.

– А сколько их там? — спросил Пьер.

– Мы насчитали восемнадцать человек.

– Стало быть, восемнадцать и пятнадцать — тридцать три человека у Конде и сорок два у Генриха, — подвел я итог. — Перевес в людях у Лотарингского весомый. Но люди Конде постоянно тренируются. Или хотя бы половина их и это уравнивает силы. Смешные, конечно, цифры для заговора против государства. За два-то месяца, наверное, в Париже организованы намного бóльшие силы. Может быть, в сотни человек с той и другой стороны. Многие, которых используют вслепую, могут даже и не подозревать о своем участии в заговоре. Мы видим только верхушку. Но если уничтожить эту верхушку, то прочие не опасны. Забьются в свои щели и будут рады, что пронесло мимо.

– Так что делаем, Серж? — спросила Аманда.

– Что у нас сегодня? Понедельник? До регулярного собрания кондейцев во дворце Тревиля два дня. Луиза,

завтра вы с Катрин отправляетесь к Женевьеве ле Моль. Что там говорить вы поняли?

– Конечно! — в один голос ответили обе.

– У Генриха будет время проверить ваши слова и подготовить налет на дворец Тревиля. Пьер, в среду твой дневной выстрел по Генриху Лотарингскому. Сделайте это с Гийомом, никого больше не привлекая. Да, Гийом, в среду наблюдение можно будет отовсюду снять. Кроме дома Граммонов.

– Понятно.

– Вот вроде и всё. Вечером садимся у окна напротив дворца Тревиля и наблюдаем, что будет происходить.

*

Время, оставшееся до вечера среды, все были, как на иголках. Особенно те, кто был ничем не занят. Луиза и Катрин уехали утром вторника в Лувр к возвратившейся из Венсена королеве. А Аманда, как потерянная бродила по своему замку, придиралась к прислуге и отдавала нелепые приказания. Гийом же крался за ней и украдкой их отменял. Насмотревшись на эти мучения, Арман предложил:

– Может, пойдем лошадей почистим?

– После конюхов, что ли? — отмел это развлечение Пьер. — Можно рыбу поудить в замковом рву. А?

– Червяков будешь копать и на крючки сажать?

И эта идея тоже умерла, только родившись. Выручил Гийом.

– Идите-ка вы в библиотеку и расставьте книги по времени и авторам.

Чёрта два мы их расставили! Там оказалось столько интереснейших книг по астрономии, географии и истории! И при этом с такими картинками, что, листая их, мы забыли обо всём на свете. Даже об обеде, после которого опять вернулись в библиотеку.

– Надо же, я и не подозревал о таком богатстве у Аманды, — восхитился Арман. — Нет, то, что в замке

есть библиотека, — понятно, знал, но за все годы, что мы тут встречаемся, ни разу и не заглянул.

– Серж, Арман, — жалобно и умоляюще попросил Пьер, — уговорите Аманду подарить мне вот эту книгу об охоте.

– На день рожденья?

– Хотя бы.

В библиотеку заглянул Гийом.

– Луиза приехала.

Луиза светится довольством, как начищенный медный грош.

– Катрин сегодня не будет. Опять падре Березини встретился нам в Лувре.

– Да Бог с ним, с падре! Как с Жерменой?

– Всё в порядке. Сейчас расскажу. К Женевьеве ла Моль мы нагрянули в третьем часу. Хозяйка была вроде бы очень рада и не выказала никакого беспокойства неудобством для нее нашего визита. Поболтали о том о сём, принялись за кофе, и тут подъехала Жермена ле Гран. Дама молодая. Наверное, не старше Женевьевы. Вроде бы слегка напряжена. Это понятно. Увидела известную ей карету у дома подруги. Познакомились, разговорились. Поняв случайность встречи, Жермена успокоилась, стала разговорчивей. Катрин поинтересовалась: как это Жермена и Женевьева отваживаются в такое время ездить по Парижу лишь с кучером и служанками? В красках расписала нападение на ее карету. Жермена опять напряглась и помрачнела. Вот тут-то Катрин и начала хвастаться.

У нее, мол, есть кавалер — Мишель де Гранье из свиты принца Конде, который по каким-то делам своего господина уже чуть ли не два месяца в Париже и неизвестно, сколько еще он тут пробудет. Когда он услышал про неприятность с Катрин, то очень рассердился и пообещал, что непременно найдет оскорбителей и примерно их накажет. Ну просто душка, а не мужчина! Какой

он красивый! Какой он внимательный и надежный! Катрин с таким самозабвением и любовью описывала своего кавалера, что я даже начала ей завидовать, а наша хозяйка слушала, чуть не раскрыв рот. Жермена тоже внимала этой сказке вполне серьезно.

Конечно, никогда с мужчинами всё гладко не бывает. Катрин призналась, что ревновала его, увидев, что он недоступен каждую ночь со среды на четверг. Когда она спросила своего Мишеля о такой странности, то он объяснил, что по средам вечером они с друзьями ходят на турниры по фехтованию. Что за ерунда! Какое может быть фехтование по ночам, кроме постельного? Послала последить за ним. И что бы вы думали? В самом деле — каждую среду в девять часов вечера в фехтовальном зале дворца Тревиля собираются мужчины на закрытые турниры. Катрин было так стыдно, так стыдно за свои подозрения. Конечно же, своему красавцу она ничего не сказала о своей оскорбительной недоверчивости.

Я тоже рассказала какую-то небольшую душещипательную историю. Потом поинтересовались, как поживает бравый лейтенант Женевьевы, посидели еще чуть-чуть и распрощались.

– Великолепно! Какие вы молодцы! Нет слов.

– Нет слов? Тогда вот сюда, — и Луиза показала на свою щеку.

Мы все приложились. Кроме Аманды.

– Эй, эй! А за Катрин? Я ее замещаю при ее отсутствии.

– Не выйдет! Катрин сама свое получит. А о твоей попытке стяжательства чужого достояния мы ей всё расскажем.

*

Среда. Луиза уехала в Лувр. Пьер с Гийомом снаряжают во дворе какую-то старую затрепанную карету. Но коньков впрягают в нее очень резвых. Пьер внутри примеряется, как бы половчее расположиться с мушкетом,

чтобы его снаружи не было видно. Вроде у них всё готово. Уехали с Гийомом на ко́злах.

– Серж, и нам пора, — напомнил Арман, и мы тоже отправились в Париж.

Позади дома Граммонов и в самом деле небольшая площадь со сходящимися к ней улицами. В одной из них видна наша затрепанная карета, развернутая задом к дому Граммонов. Не очень оживленно, но и не безлюдно. Углубляемся немного в другую улицу, спешиваемся и изображаем беседу случайно встретившихся знакомцев. Дом Граммонов как на ладони. Немного далековато, но ничего.

– Может, лучше было бы устроиться в доме, где наши наблюдатели? — спрашивает Арман.

– Здесь вроде тоже неплохо.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять подъехала копия кареты Катрин. Еще пара минут — и из дома выходят две фигуры. Вроде бы те, которые мы видели в "Сосновой шишке". Приблизились почти вплотную к карете. Раскатистый грохот мушкетного выстрела. Один из фонарей кареты рядом с кучером разлетается вдребезги. Более высокая фигура приседает на мгновение, и в следующий момент стремглав бросается обратно в дом. Вторая следует за ней. Дверь захлопывается. Ничего не понявшие прохожие остановились и смотрят на замершего в обалдении кучера, уставившегося на обломки фонаря. Мы с Арманом садимся на коней и не спеша отправляемся в его владение на улице Медников. Пьер, Гийом и старая карета уже там. Говорю им:

– Очень славненько вы всё проделали. Даже великолепно! Оказывается, что у Генриха нервы вовсе не железные. Остается только ждать.

– Где будем ждать? Здесь или там? — поинтересовался Гийом.

– Лучше там. Позже нахлынут клевреты Лотарингского для тайного обзора предстоящего поля боя и против-

ника. Но пообедать можем здесь. Вряд ли нас тут ждали, но… Арман, Франсуаза найдет нам чего-нибудь перекусить?

Но, уже расположившись в саду, мы так сразу перекусить и не успели. Опять грохот колес и цокот копыт. И опять Луиза со своим дворцом на колесах нарушила благоговейную тишину улочки. Теперь ей здесь вообще не проехать. Ни смеяться, ни ругаться против обыкновения не стала. Тиха, словно мышка.

– Что случилось, Луиза? Опять вы с Катрин что-нибудь натворили?

– Нет еще, — и жалобным, просительным голосом: — Мальчики, возьмите меня с собой. Очень хочу своими глазами увидеть, чем всё это закончится.

Ну и хитрюга же! Знает, что стань она требовать, то "мальчики" еще и поспорили бы с ней, а тут…

Перекусили и начали разбираться с транспортом. Старую карету и своих лошадок пристроили у кабачка на соседней улице. Арман договорился, что присмотрят. Погрузились в карету Луизы и двинулись к улице Старой голубятни. Остановили карету подальше — шагов за триста от дворца Тревиля. Гийом отправился на разведку. Вернулся минут через десять.

– Вроде всё спокойно. Наблюдатели говорят, что вчера до ночи тут толклись люди Генриха Лотарингского. Сегодня их еще нет. Но наверняка появятся наблюдать за тем, как противники сходятся на собрание. Пошли!

Луиза приказала кучеру, чтобы тот отогнал карету на соседнюю улицу и ждал нас там хоть до самого утра. Напротив дворца Тревиля улица как бы немного расширяется, а между домами вглубь квартала тянутся два извилистых переулка. Несколько довольно толстых деревьев стоят вдоль домов. Дом, на втором этаже которого сидят наши наблюдатели, как раз между этими переулками, и окна во все стороны. Гийом всегда предусмотрителен. Снял дом целиком, чтобы нам никто не мешал

и не задавал вопросов. Превосходный обзор через огромное распахнутое окно. Жилище не заброшенное, а очень даже обжитое. Чувствуется, что хозяева словно вот-вот ушли и скоро вернутся.

– Гийом, а куда ты владельцев-то дел? — интересуется Луиза.

– Уговорил пойти погулять денька на три-четыре. Не очень задорого. Устраивайтесь. Ждать придется долго. Попить-поесть можно будет внизу, если что. Припасли. Но ухаживать за собой придется самим. Слуг я уже отпустил.

Не совсем прав оказался Гийом. Ожидание не столько долго, сколько изматывающе. Луиза вся извертелась. Присядет — вскочит, походит и снова сядет. Арман в десятый раз принялся полировать шпагу. Я разглядываю виньетки огромного резного шкафа. Пьер дремлет в кресле, а Гийом настрогал окорок и спокойно жуёт его с хлебом, поглядывая искоса в окно.

– Дай и мне тоже, что ли, — выхватывает Луиза у Гийома из рук уже обкусанный бутерброд.

– Ну, что ты такая нервная, Луиза! Давай я тебе рюмку коньяка налью. Очень помогает от беспокойства, — предлагает ограбленный.

– Не надо, — мотает та головой, — а это не они?

– Не они, не они. Еще слишком светло.

И правда — место довольно-таки оживленное. Шаги прохожих слышатся довольно часто. Однако и они постепенно доносятся всё реже и реже по мере того, как надвигаются сумерки, а затем и темнота. Молодой месяц уже выполз на небо. Еще узкий, но в чистом воздухе светит хорошо и даже отбрасывает резкие тени. Мы прекрасно различаем друг друга в его свете, не зажигая свеч. Да и какие могут быть свечи! С ними мы на улице ничего не разглядим. Зато сами будем как на ладони.

– А вот и кто-то из них, — тихо говорит Гийом, указывая направо, и все кроме дремлющего Пьера спешат к

окну. — Не высовываться! — строго предупреждает он.

– Где, где? — нетерпеливо суетится Луиза.

– Вон, видишь — за тем деревом пристроились двое. Значит, скоро и другие начнут подходить. Им спешить некуда. До девяти еще целый час.

Но время всё-таки пошло быстрее. В первом этаже правого крыла дворца Тревиля зажглись все окна. Большой, однако, оказывается фехтовальный-то зал! Во втором этаже тоже некоторые окна осветились. Все остальные окна дворца темны. Но нас интересует зал, а что внутри — не разглядеть. Легкие занавеси только свет изнутри пропускают. Досадно. Открылась дверь крыла, кто-то вышел во двор, постоял несколько минут и опять скрылся внутри.

А рядом с нами заметное оживление. Одна из теней отделилась от дерева и заспешила в переулок. В боковое окно видно, что там уже собралась кучка человек в десять. Слева от нас тоже движение. Группка человека в три-четыре также выбрала деревья своим прикрытием. А во втором переулке жмутся к домам две цепочки людей, и к ним присоединяются всё новые и новые. Сверху можно хорошо их разглядеть. Кроме лиц, скрытых шляпами. Без плащей. Все вооружены, но легко — шпаги и кинжалы. Мушкетов нет. Пистолеты тоже на глаза не попадаются. Рассчитывают на бесшумную резню в силу своего численного перевеса?

У дворца Тревиля тоже началось движение. Двери открылись, и около них встал человек. Из темноты парка, как призраки, выходят тени — по двое, по трое; огибают угол дворца и ныряют в дверь.

– С улицы Феру ближе пройти через парк, чем по улицам, — тихо говорит Гийом. — Арман, ты сколько насчитал?

– Пятнадцать.

– А я четырнадцать. Значит, все.

И будто в подтверждение его слов двери затвори-

лись. С этой стороны тоже вроде бы все собрались. Никто больше не подходит. Стоят и тихо переговариваются друг с другом, словно чего-то или кого-то ждут. Может, вот этого? Хоть и медленно и осторожно, но всё равно, нарушая ночную тишину, подкатывает карета и останавливается поодаль, шагах в пятидесяти от дома, в котором засели мы.

– Хозяин приехал, — шепчет Луиза.

Что нарисовано на дверцах кареты, не видно, но один из фонарей кареты изуродован, и это говорит само за себя. Две тени отделяются от дерева и бегут к карете. Через минуту возвращаются уже вшестером, но и на козлах остаются двое.

– Смотри-ка — Генрих почти всех своих слуг присоединил к нападению, — едва слышно произносит Арман. — Теперь их должно быть сорок шесть против тридцати трех. Тринадцать человек — очень большой перевес. Это плохо для нас. Партия Генриха может смести кондейцев начисто с небольшими собственными потерями. Конечно, если мы сами как-то не вмешаемся и не подправим ситуацию.

Похоже, нападающие готовы и приказ получили. Две струйки теней перетекли через улицу, чуть замешкались у ворот, проскользнули за ограду дворца Тревиля и кучей столпились у дверей правого крыла. Короткий лязг и треск. Двери распахнулись, и гурьба заговорщиков мигом влилась внутрь, прикрыв за собой сломанные двери. Кругом опять тишина. Зато кое-где на занавесях окон стали появляться резко дергающиеся тени, частые и яркие вспышки света. Со звоном треснуло стекло. Но от этого всё равно изнутри зала ничего слышаться не стало.

– Драка разгорается, и к тому же началась стрельба из мушкетов или пистолетов, — произнес Гийом.

Пьер и Арман обернулись и вопросительно уставились на нас с Луизой. Я пожал плечами, а Луиза, закусив

в нерешительности нижнюю губу, тем не менее согласно кивнула. Пьер и Арман мигом слетели вниз. Нам из окна видно, как они словно вывалились из дома и, держась друг за друга, качаясь и глупо смеясь, довольно резво побрели к притаившейся карете. Наткнулись на лошадей. Удивленные возгласы и мнимые пьяницы, разделившись, начали обходить упряжку. Короткий бросок — и сидевшие на козлах скрючились не шевелясь. Пьер с Арманом распахивают дверцы. Изнутри кареты грохает выстрел, а мгновение спустя в дверцу что-то вываливается и тяжело шлепается на мостовую. Наши благородные убийцы бегут назад. Улица как спала, так и спит. И даже ни одно из освещенных окон не приоткрылось.

– Задел всё-таки, чёрт бы его побрал! — ругается Пьер, закатывая рукав в свете зажженной свечи.

На предплечье набухшая кровью борозда от пули. Луиза выкапывает из шкафа какое-то полотенце, рвет его вдоль и ловко перевязывает рану.

– Вернемся в замок, я тебе бальзам от ран наложу. У Аманды есть просто волшебное снадобье.

Между тем мелькание в окнах фехтовального зала почти прекратилось. Погасив свечу, ждем развязки. Минут через пятнадцать до нас едва донесся скрип сломанной двери. Из фехтовального зала выходят двое. За ними еще двое за подмышки тащат на своих плечах третьего. Вся пятерка выбирается на улицу и останавливается. Двое свободных от ноши бегут к разгромленной карете и, чуть-чуть не добежав, замирают. Потом начинают медленно отступать назад, разворачиваются и спешат к ограде дворца. Оступаясь и оглядываясь, волоча с собой тело товарища, группа уходит по улице и скрывается из вида.

– Вот и всё, — со вздохом большого облегчения подводит итог Арман. — Уцелела только четверка или пятерка клевретов Лотарингского. Смотреть пойдем?

– А надо ли? — с сомнением спрашиваю я. — И так

знаем, что увидим. Однако как просчитался-то Генрих Лотарингский! Не учел, что зал хотя и фехтовальный, а тренировались там и в стрельбе. Похоже, что когда нападающие ворвались, то у защищающихся оказались под рукой пистолеты и мушкеты. А судя по тому, как они быстро ими воспользовались, оружие было заряжено. Так что мгновенно шансы уравнялись или почти уравнялись.

– Всё же надо бы сходить, — обронил Пьер. — Неплохо посмотреть, нет ли среди них кого-нибудь из знакомых нам.

– Я не пойду, — заявила Луиза. — Гийом, останься со мной, пожалуйста.

Побоище открылось нашим глазам просто поразительное. Несколько десятков недвижных тел разбросаны по залу. Кто на полу, а кто и друг на друге. Ни шевеления, ни стонов. Что это? Враги приканчивали и раненых? Кругом валяются шпаги, кинжалы, пистолеты. Похоже, что кто-то отбивался даже алебардой, сорванной со стены. Пьер и Арман медленно бродят по залу, рассматривая мертвые лица, иногда переворачивая лежащих ничком. Много совсем молодых людей.

– Вот этих двоих я видел за соседним столом в "Сосновой шишке", — говорит Пьер.

– А вот этого, в отличие от сказки для Катрин, я точно видел в свите принца Конде, — признал знакомое лицо Арман. — О, и еще один оттуда же. Самого Конде нет, а жаль. Зато противная сторона из северных провинций хорошо представлена главарями. На улице герцог Лотарингский, а вот и герцог де Бофор с кинжалом в шее. Мне он почему-то всегда нравился своей веселостью и благожелательностью. Что его потянуло в заговор? Да еще вдобавок не в качестве главного лица. Королем вроде обижен не был. Жаль. Пошли обратно!

– Ну, кто там? — спрашивает Луиза.

– Конде нет.

– Жаль, — словно сговорившись с Арманом, сетует наша герцогиня. — Опять выскользнул.

– Зато Бофор тут.

– Тоже жаль. Он мне всегда был симпатичен. Зря он связался с Лотарингским. Что дальше делаем?

– Нужно как-то стражу сюда призвать.

– Только вот сначала нужно самим отсюда убраться. Давайте я вас завезу к Арману, а сама поеду ночевать в Лувр. Оттуда и стражу предупрежу о какой-то вооруженной драке у дворца Тревиля. Встретимся вечером в замке.

*

Поздним утром, если не ранним днем, Аманда встретила нас у ворот замка. Взволнованная и невыспавшаяся.

– Как?

– Всё в порядке, — успокоил ее Арман. — Кончился заговор. Вместе с Генрихом Лотарингским и кончился.

– Слава Богу, что вы целы. Я вся извелась тут. Боялась, что сами ввяжетесь во что-нибудь.

– Так мы немножко и ввязались. Как же без драки-то! Ты же сама нас на нее благословила. Вон Пьера слегка поцарапали. Луиза говорит, что у тебя какой-то волшебный бальзам от ран есть.

– Есть, есть. Сейчас перевяжем, — и приказала слуге позвать своего лекаря. — Рассказывайте.

Арман подробно и красочно описал, как всё было.

– Вот и ладно, вот и ладно. Луиза приедет — и узнаем остальное. Королева Анна, конечно, догадается, чьих это рук дело, даже без Луизы. Если она будет молчать, то и нас никто не побеспокоит. Иначе нам не миновать дознания Ришелье, — и Аманда тяжело вздохнула.

Катрин приехала раньше Луизы и уже хорошо осведомленная о том, что происходило без нее.

– В Лувре кутерьма. Никто не может понять, что же произошло на улице Старой голубятни. Предположения

строятся одно сказочнее другого. Королева молчит. Стража перетаскивает трупы в ближайший монастырь. Служба кардинала в растерянности. Всех интересует тайное присутствие в Париже герцогов Лотарингского и Бофора и с кем это они так не поладили, что умерли в одночасье от смертельных ран. Вот Луиза приедет и всё расскажет.

Луиза приехала к вечеру.

– Королева благодарит нас за оказанную короне услугу. Мужчинам она угрожает орденами, а женщинам — своим благоволением. Что из этого хуже, я не знаю.

– Всё хуже, — мгновенно отреагировала Аманда. — Нам бы лучше остаться в тени. Наше участие еще не выплыло, или уже пора как-то спасаться?

– Пока о нашей роли в этом побоище никто не подозревает, но кто знает, куда может привести следствие. А оно наверняка начнется, и причем в ближайшие дни. Служба Ришелье уже отправила гонца в Ла-Рошель с сообщением о происшествии. Если кардинал правильно его поймет, то с королём или без короля он будет в Париже через два-три дня. До Ла-Рошели-то всаднику всего сутки пути без остановки.

– Д'Артаньяну потребовалось бы меньше, — пробормотала себе под нос Аманда.

– Кому-кому? — переспросила Луиза. — Какому д'Артаньяну?

– Не обращай внимания. Это я так, про себя.

– А-а, тогда ладно. Я уговорила Анну молчать, пока причастные к этой истории лица не соберутся и не решат, в каком виде она может быть разглашена. Завтра в одиннадцать королева ждет нас у себя. Приглашены также Архиепископ Парижский и падре Березини.

– Нужно как-то отбиваться, — буркнул Пьер.

– Придется, — согласился я.

*

В кабинете королевы собрались все приглашенные.

Ждем. Падре Березини время от времени бросает заинтересованные взгляды на Катрин. Архиепископ сосредоточенно вертит четки. Аманда о чём-то шепчется с Луизой. Я созерцаю роскошь кабинета, а Арман с Пьером просто скучают. Однако дождались.

– Можете садиться, господа, и не вставать при разговоре. Будем считать, что в этой комнате в ближайший час условности этикета не действуют. Герцогиня де Шеврез объяснила мне, что дело, побудившее меня вас собрать, на самом деле не так-то просто, как мне казалось сначала. Но прежде я хочу поблагодарить вас всех, а за что — вы и сами понимаете. Кто-нибудь хочет начать? Ваше преосвященство?

– Ваше величество, мы с падре Березини не осведомлены обо всех обстоятельствах этой истории. Хотелось бы выслушать сначала непосредственных участников событий.

– Согласна. Вы что-то хотите сказать, графиня?

– Ваше величество, виконт де Бурже, несмотря на молодость, — очень одаренный и вдумчивый человек. Это он предложил план быстрого устранения угрозы для короны. Поэтому лучше него вряд ли кто-то сможет охватить всё, что касается и прошедших событий, и возможных событий будущего.

– Я помню вас, виконт. Начинайте.

– Благодарю, Ваше величество. Прежде всего остановлюсь на том, что нам, как участникам событий, хотелось бы остаться в тени. И дело вовсе не в какой-то небывалой скромности или пренебрежении королевской милостью. Здесь совсем другие соображения, и мы полагаем их достаточно серьезными и убедительными.

Во-первых, именно как участникам событий нам приоткрылись некоторые нити, ведущие от заговорщиков к некоторым жителям Парижа. Причем мы не можем ничего сказать о злонамеренной деятельности этих лиц и их осознанном участии в заговорах. Связи могут быть со-

вершенно случайными, как между любыми людьми в большом городе.

Если наше участие в событиях окажется известным, то мы будем объектами дознания, из которых постараются выжать всё нам известное. Что это значит, вы понимаете, Ваше величество.

– Еще бы! Зная Ришелье… Продолжайте, виконт.

– Во-вторых, принц Конде и Генрих Лотарингский, южные провинции, северные и западные. Сколько жителей Парижа могут быть заподозрены в сочувствии им? Да, наверное, чуть ли не половина Парижа может оказаться происхождением оттуда. Тем самым поиск пособников заговорщиков в Париже может вылиться в новую Варфоломеевскую ночь. Но уже не святую, а сыскную. Мы считаем, что этого нельзя допустить. А не допустить очень просто. Нас в этом деле нет, и всякая связь заговорщиков с Парижем перестает существовать. Если в Париже и были какие-то пособники заговорщиков, то они уже настолько напуганы, что совершенно безвредны. Нельзя из-за них ставить под удар множество ни в чём не виноватых людей.

– Над этим стоит подумать, виконт. Есть еще что-нибудь?

– Есть, Ваше величество — третье и очень ценное для нас как непосредственных участников событий. Это наша собственная жизнь. Жив Конде, в провинциях полно сторонников, родственников, друзей тех, кто погиб в Париже. Кто, по их мнению, в этом виноват? Конечно же, не сами заговорщики! Монаршая милость, равно как и дознание, раскрывают нас всех полностью и делают объектами множественной мести.

Надеюсь, присутствующим стало понятно и почему нам нужно остаться в тени, и почему нельзя допустить, чтобы дознание было бы обращено внутрь Парижа. Смысла в таком дознании немного, а потери, включая политические, обещают быть большими. Другое дело —

внешнее дознание, следствие. Заговорщики известны, истоки заговоров понятны, и дела тут без края.

– Так, понятно. Ваше преосвященство, что скажете.

– Мы с падре Березини склонны согласиться с приведенными доводами. Главное-то сделано. Заговор уничтожен полностью и бесповоротно. Не следует раздувать страсти и войну внутри Парижа. И тем более — ставить под удар спасителей трона. Нам следует обсудить, как надежнее сохранить в тайне роль присутствующих здесь господ и дам. Пусть его преосвященство кардинал Ришелье обратится к истокам заговоров, которые есть, а не к их последствиям, которых нет.

– Ваша последняя фраза мне очень нравится, монсеньор. Так и будем действовать. Что-то еще, виконт?

– Завершение, Ваше величество.

– Пожалуйста.

– Хотим мы того или нет, но Ришелье всё равно постарается провести следствие по связям заговорщиков в Париже. Поэтому нельзя делать так, словно ничего и не было. Ришелье в это не поверит. Только нас не было. Его сыск наверняка наткнется на какие-то действия лиц церкви, монахов. Это не страшно. Он обратится к Архиепископу Парижскому и получит объяснение о странных личностях, вдруг появляющихся на богослужениях, и намерении выяснить, откуда они взялись. Опросят монахов, и они с готовностью укажут на таверны "Кардинал", "Сосновая шишка", дворец Тревиля и дом на улице Феру. Всё это ведет к истокам заговоров. Никто не должен упомянуть дома Граммонов. Иначе это приведет к нам. С его обитателями мы разберемся сами. Вроде всё.

– Вы сделаете, как просит виконт, монсеньор?

– Да.

– Очень хорошо. Значит, господа, вы остаетесь без публичной признательности и без наград. Но моя личная признательность остается с вами. В любой момент вы можете мне о ней напомнить и получить любую под-

держку.

Мы раскланялись и после равнодушного целования королевской ручки удалились.

– Вот и кончилась авантюра с потасовкой, — то ли с облегчением, то ли с сожалением изрек Арман, созерцая с башни замка заходящее солнце.

– А вот как прибудет Ришелье, и как начнет ловить авантюристов и драчунов! — посулила Луиза. — Вот тогда и увидишь, что до конца еще далеко. Сделать он нам ничего не посмеет, если вдруг всё вскроется, но крови попортит много. Тем более что он еще с прошлого раза на нас зубы точит. Анна и мы ему тогда здóрово досадили.

– А мне до сих пор так и не понятно, за какие грехи Ришелье может начать на нас охоту, — недоумевает Катрин.

– Не за грехи, а за подозрения в грехах, если нас обнаружат рядом с этой историей, — пытается втолковать ей наше шаткое положение Аманда. — А если Ришелье докопается до дома Граммонов, а оттуда — до вашей с Луизой встречи с заговорщицами Жерменой и Женевьевой, то придется раскрыть нашу роль в этом деле. После этого нам вряд ли удастся так просто отбиться от орды мстителей из провинций.

– Нет, упаси Бог! Мне никакие мстители не нужны.

– Вот и нам тоже, — мрачно пробормотала Луиза. — Анна ни слова не скажет, но как раз по ее молчанию Ришелье догадается, что от него что-то скрывают. А он этого очень не любит. Серж, может быть, тебе стоит уехать куда-нибудь подальше на время, пока всё не успокоится. Ты среди нас в самом уязвимом положении.

– Почему это именно я в самом уязвимом?

– Странно, что ты этого сам не понимаешь. Кто дразнил и грубо разговаривал с Ришелье в его кабинете во время бала? Кто застукал кардинала у приюта сироток? Думаешь, всё это забыто? Ришелье вовсе не нужна ви-

на. Достаточно лишь намека даже на мнимую вину, чтобы он впился, как клещ. Пока наша роль в заговоре не вскрыта, можно цепляться за любое подозрение. Теперь-то дошло?

– Дошло. Но и бегать от кардинала мы не будем. Иначе это вызовет еще больше подозрений. Лучше сделать наоборот. Мы у него на виду, но и его действия нам открыты. Может понадобиться увести его в сторону, оборвать какие-нибудь нити, которые мы не заметили. От вопросов кардинала нам уходить нельзя.

Давайте вот что сделаем. Сегодня четверг, и мы хотели с Амандой отлучиться по кое-каким делам денька на два-три. Пока там Ришелье доберется до Парижа, пока разберется, что тут творится, нам беспокоиться не о чем. Соберемся здесь во вторник, и вы с Катрин расскажете, что тут будет происходить. Тогда и увидим, грозит нам что-нибудь или нет. Незачем самих себя заранее пугать.

– Во вторник? Ну, давайте во вторник. Мальчики, вы как? Понятно. Договорились. О, вот и ужинать нам несут! Серж, а вы с Амандой случаем не туда собираетесь, где удивительное винцо растёт? Нет? Жаль.

*

И опять мы с Анной в древнеримском лесу. Деревья тихо шумят листвой, трава шуршит под ногами, птахи заливаются переливчатыми песнями, едва ощутимый в лесу ветерок словно набрасывает тонкий флёр таинственности на этот мифический мир. Дышится легко и свободно даже в такую жару. Пока шли до виллы, я вспомнил:

– У тебя в библиотеке есть чудесная книга об охоте с великолепными иллюстрациями.

– Есть. Хорошая книга.

– Пьер от нее в восторге.

– Неудивительно для заядлого охотника.

Помолчали.

– Хочешь, чтобы я ее ему подарила?

– Твое дело.

– А Армана что привлекло?

– Я лучше не буду говорить.

Опять пауза. Владелица библиотеки перебирает в уме свои литературные и познавательные сокровища.

– Понятно. Любовные похождения кавалера де Гриньи.

Чудо несказáнное в полном составе стоит в дверях виллы и внимательно смотрит на лес.

– Похоже, они куда-то собрались, — говорит Анна.

– Нет, нас ждут. Услышали мои шаги.

– Удивительные создания!

Какие же они все тепленькие, приятненькие на ощупь! Если бы не Зубейда…

– Александра нет, — поведала Ферида.

– Кашу есть будете? — спрашивает Охота. — Мы еще не начинали. Поделимся.

– Будем, — улыбается Анна.

Здороваемся с Маром и усаживаемся за стол. Каша, сыр, молоко. Простая и здоровая пища. Хорошо тут.

– От комиссара тебе привет, и от Люсьены тоже, — сообщает Ферида.

– Антогора, а тебе в Париже понравилось?

– Еще бы! А картины-то какие! А танцы!

– Видели бы вы Антогору, когда мы не предупредили ее, что сейчас мимо поедет поезд, — заливаются смехом Ферида с Охотой.

– Видели бы вы Фериду и Охоту, когда мы поселились на постоялом дворе и я вспомнила о поезде, — оборвала их Антогора.

Обе хохотушки мигом смолкли и уткнулись носами в свои тарелки. Охота даже непроизвольно поерзала задом по сиденью. Словно проверяя, всё ли там в порядке. Видно, воспоминания еще достаточно свежие. Переглянулась с Феридой, и они снова заржали, но уже вместе с

Антогорой.

– Денег у нас достаточно для похода в Гешвиг? — поинтересовался я, когда мы поднялись в библиотеку.

– Похоже, что вполне, — отвечает Анна, доставая кошелек и листая ассигнации. — Почти четыре тысячи марок. Антогора, у тебя сколько есть?

– Сейчас переоденусь и посмотрю.

Прибегает в курточке и шортиках. Содержимое карманчиков вываливается на стол. Начинает считать, шевеля губами. Спуталась. Анна порывается помочь, но я останавливаю ее жестом.

– Две тысячи четыреста двадцать, — со вздохом облегчения заканчивает Антогора и снова распихивает деньги по карманчикам. — Анна научила.

– Класс! Тогда пошли.

– А мы? — хором восклицают Охота и Ферида.

– А что вы? Мы работать идем, а вы что там будете делать?

– Смотреть.

Оглядываюсь на Анну. Та пожимает плечами.

– Идите, переодевайтесь, — восторженный визг, и девочки испарились.

Никого не встретив, прошли сад, лес и озеро. Через стены Анна провела Фериду, а я — Охоту с Антогорой. Но наконец мы у коричневой дороги, и Анна объясняется с остановившимся водителем. Проблема. В машине на всех не хватает мест.

– Придется одну из вас бросить здесь, — говорю я амазонкам. — На обратном пути заберем.

Смотри-ка — привыкли уже, и мои шутки их больше не пугают. А водитель не уезжает. Не может решиться бросить на дороге такую бесподобную компанию. Что-то говорит Анне, а она мне:

– Возьми кого-нибудь из девочек на колени.

Беру Антогору. Она обхватывает меня за шею, и через пять минут мы высаживаемся у отеля.

– Ни стыда, ни совести у некоторых нет, — бурчит Охота. — Единственного мужчину я бы к себе на колени посадила. А она, видишь, сама взгромоздилась.

– Будем Элизу звать и машину брать напрокат? — спрашиваю Анну. — Как думаешь?

– Не знаю. Можно бы и пешком или на автобусе. Наследник архива Швейцера живет не так уж далеко. Но нам потом до камня еще добираться и девочкам нужно будет чем-то заняться, пока мы будем разбираться с бумагами.

– Ясно, звони.

Заходим в отель, и Анна оккупирует телефон на стойке портье. За стойкой всё тот же дружелюбный к нам молодой мужчина приветливо кивает Антогоре как хорошей знакомой и пытается завязать с ней разговор, постреливая глазами и в сторону Охоты с Феридой. Батюшки! Антогора-то говорит с ним какими-то немецкими словами. Запинается, часто замолкает на несколько секунд, но говорит!

– Антогора, ты, сколько дней пробыла здесь с Анной?

– Четыре.

– У меня нет слов!

– Элиза сейчас подойдет, — сообщает Анна. — А наследника тоже зовут Генрих. Говорит, что ему звонили из муниципалитета и просили нам помочь. Наверное, Михаэль Рюгер. Генрих весь день будет дома. Так что мы можем зайти к нему в любое время. Где будем ждать Элизу?

– Антогора, скажи своему собеседнику, чтобы Элиза искала нас в кафе отеля.

Антогора передала это портье, ткнув пальцем вглубь вестибюля. Разговор тем не менее продолжается, и намерения прервать его не наблюдается. Чувствуется, что Антогоре интересно и приятно блеснуть знанием чужого языка. Анна улыбается, а Охота с Феридой озадаченно прислушиваются к непонятной речи своей подру-

ги.

– Смотри, как это делается, — шепчу я Анне и во всеуслышание говорю: — В кафе, наверное, мороженое подают…

Диалог на немецком языке мгновенно смолкает из-за неуловимого невооруженным глазом исчезновения одного из собеседников. Портье с недоумением смотрит перед собой. В кафе и в самом деле есть мороженое. На третьей порции ванильного появляется Элиза. Доедаем и отправляемся в уже знакомый гараж. Наш темно-красный лимузин свободен. Антогора сама оплачивает прокат и расписывается в бланке. Тихонько толкаю локтем Анну в бок.

– Я и сама уже давно это поняла. Что за племя!

Едем к наследнику архива знакомым путем. Мимо гоночного трека, автодрома, фехтовального клуба.

– Анна, мы тренеру Францу ничего не обещали?

– Нет. Только сказали, что Антогора, может быть, и заглянет при случае к ним.

– Не заглядывали?

– У меня времени не было.

Взглядываю на Антогору. Она кивает.

– Сейчас у нас время есть.

Анна что-то говорит Элизе, та разворачивается — и едем назад. Главный тренер Франц на месте и видно, как он рад нашему визиту. Только он слегка ошибся, бросившись с приветствиями вместо Антогоры к Охоте. Та вошла первой. Потом он увидел всех трех, малость опешил, но быстро пришел в себя. Познакомился с Охотой, Феридой и потащил нас в зал. Правда, я успел заметить, как он что-то быстро сказал своему помощнику, и тот бегом куда-то унесся.

В зале народа негусто. Время-то рабочее. Центральная площадка свободна, а тут и там несколько пар друг на друге отрабатывают выпады и удары. Франц что-то спрашивает у Элизы, а та кивает в сторону Анны.

– Франц спрашивает, чем он обязан такому счастью, как наше посещение, — переводит Анна.

– Он просил дать урок техники Антогоры. Мы отказали. Технику Антогоры можно продемонстрировать только с равным противником, которого в прошлый раз не было. Сегодня наши девочки могут показать некоторые приемы неспортивного боя.

– Он спрашивает, что значит "неспортивного"?

– Это когда дерутся до смерти противника. Но пусть не беспокоится. Будет ведь не настоящий бой, а тренировочный.

– Франц спрашивает, не будем ли мы возражать, если подойдут еще люди посмотреть?

– Не будем.

Вот хитрец! Сам-то, наверное, помощника к телефону погнал. Оборачиваюсь к Антогоре.

– Что будете делать?

– Пусть Охота и Ферида вдвоем поупражняются на шпагах, а потом мы втроем. Оружие у них очень уж легкое. Прямо не знаю, что делать. Попробуем. Я им сейчас всё объясню.

Подошли к стойке или пирамиде со шпагами. Антогора объясняет подругам, что это такое и почему. Пробуют на вес, лежание в руке. Гнут. Кивают, что всё поняли. А в зал тем временем по двое, по трое вливается народ. Михаэль Рюгер тоже, наверное, бросил свои муниципальные дела и спешит сюда. Да — вот и он появился в дверях, машет нам рукой и присоединяется к зрителям.

– Сергей, — окликает меня Антогора. — Нам нужны два кинжала. Можно было бы вместо них использовать шпаги, но они слишком длинные.

Спрашиваю у Франца. Кинжалов у них нет.

– Франц, продайте нам две шпаги. Очень нужно. Мы их испортим.

– Он говорит, что можете портить любые, и ни о какой продаже речи быть не может, — передает мне Анна.

Иду к девочкам.

– Ломайте любые две, как вам нужно.

Двойной, жалобный звон клинков — и из чашек торчат обломки длиной сантиметров двадцати. Даю Францу знак, что мы готовы. Он начинает что-то говорить собравшимся. А собралось вроде и немало. Всё уже, наверное, ибо в дверях больше никто не появляется. Примерно четверть присутствующих — женщины. Преимущественно молодые.

Охота и Ферида сбрасывают курточки, под которыми их обычные жилетки тонкой кожи, и вступают на площадку. В правой руке шпага, а в левой — обломок шпаги. Оглядываются вокруг, оценивая размеры площадки, чтобы не оступиться. Шаг навстречу друг другу — и клинки с лязгом засвистели. Именно засвистели, и при этом почти непрерывно. Настолько быстро, стремительно они рассекают воздух. Будто не останавливаясь и на мгновение, при встрече с препятствием в виде шпаги или импровизированного кинжала. Видны только руки. За клинками глазу не уследить. Изредка удается заметить миг задержки шпаги при перехвате ее кинжалом.

Град ударов, которые обрушивают соперницы друг на друга, вроде бы невозможно отразить. Тем не менее каждое движение одного клинка встречает ответное движение другого. Такое впечатление, словно два серо-голубых, почти прозрачных веера с немыслимой частотой трепещут между девушками.

Но поразительнее всего динамика их тел. Кажется, что ноги и туловища иногда движутся стремительнее рук. Если проследить за кистью руки Фериды, то клинок опускается куда-то между шеей и плечом Охоты. Но вдруг оказывается, что Охоты там уже нет, а шпага Фериды со звоном наталкивается на чашку кинжала. И то же самое происходит с другой стороны. Всё это похоже на какой-то дьявольский танец почти на месте. Публика, затаив дыхание, следит за этой фантастической битвой.

Ферида что-то выкрикивает, и обе красавицы одновременно останавливаются. Не видно, чтобы они хоть сколько-нибудь устали. Ни пота, ни тяжелого дыхания, ни напряженных мышц.

Я взглянул на часы. Бой длился почти пять минут, а показалось, что не больше минуты. Грянули аплодисменты.

– Что будем делать? — спрашивает Антогора, когда Охота и Ферида присоединяются к нам. — Я посмотрела то, что здесь называют саблями. Нужно бы их проверить. Плохо будет, если клинок вдруг разлетится от удара. И богам неизвестно, куда полетят осколки. Могут и убить кого-нибудь.

– Анна, Антогора хочет проверить сабли на прочность. Что Франц на это скажет?

Франц, соглашаясь, кивает.

Антогора внимательно осматривает все два десятка сабель, находящихся в зале. Отбирает половину. Проводит пальцем по тупому лезвию и качает головой. Проверяет своим коленом на излом у рукоятки и в середине клинка. Отставляет четыре. Берет одну из них, размахивается и с силой бьет плашмя саблей по подоконнику окна. На подоконнике ссадина — клинок цел. В зале гробовая тишина. Все внимательно следят за тем, что делает Антогора. Остальные три сабли подвергаются тому же испытанию — целы. Антогора одобрительно хмыкает и снимает курточку.

– Девочки, — тихо говорю я им, — ради Юпитера, не покалечьте друг друга. А то я руки на себя наложу из-за того, что позволил вам это.

– Не беспокойся, — отвечает Охота. — Мы для Антогоры не соперницы даже вдвоем. К себе она наши клинки не подпустит, а нас никогда даже случайно не заденет.

То, что началось дальше, словами трудно описать. Антогора с двумя саблями — в правой и левой руке —

против двух соперниц. В каком фильме была ожившая многорукая женская статуя с саблями в каждой руке? Вроде бы старый американский фильм про Синдбада. Вот-вот — есть какое-то сходство Антогоры со сказочной статуей. И в количестве сабель, и в кажущейся многорукости. С такой стремительностью сабли меняют свое местонахождение, что кажется, их не две, а все четыре, если не шесть.

А иначе и нельзя. Противницы-то не из детской спортивной школы! Рубят без шуток, с плеча и стремительно, нисколько не заботясь, куда попадут. Причем, бывает, рубанут и одновременно. Антогора легко, играючи отбивается и чаще, чем противная пара, нападает. То Ферида, то Охота кубарем летят на пол — или сбитые тычком сцепившегося клинка, или отправленные вниз мастерской подножкой, или просто промахнувшись мимо противника при броске вперед. Мгновенно вскакивают и, как заведенные, опять бросаются в драку. Бывает, что и со спины, но и это не помогает. Антогора проворнее. Причем когда одна из девочек на полу, Антогора не использует против другой обе сабли.

Боевой танец Антогоры мне уже довелось наблюдать в Колизее. Но вот эти две ее подруги — гораздо более сильные противники, чем те семь гладиаторов. Как назвать эту пляску сейчас? Дьявольский танец уже был перед этим. Божественный?

Чёрт, эта пара все-таки сбила Антогору с ног! Я и не уловил, как это случилось. Падая, Антогора сделала мгновенный кувырок назад. Тем самым оторвалась на какую-то долю секунды от противниц. Те бросились за ней, но не учли инерцию собственных тел. Разогнались, а Антогора рывком отбросила тело с их пути в сторону и вскочила на ноги, оказавшись за спиной Охоты и Ферида. Легкий, ласковый пиночек Охоте под зад — и сабли опущены. Понятно, что происходит, когда противник оказывается за спиной, — чистый проигрыш.

Что началось в зале! Какое-то восторженное сумасшествие публики. Взглянул на часы. Бой шел без малого шесть минут. Девочки подошли к нам и сложили сабли. Лезвия по всей длине иссечены глубокими зазубринами.

– Анна, скажи Францу, что этими саблями можно теперь только дрова пилить.

Подошел Михаэль. Со всеми поздоровался и вроде бы примерился целовать руку Антогоры, но, взглянув на Охоту с Феридой и меня, передумал. Принялся с Францем разглядывать приведенные в полную негодность клинки.

– Франц говорит, что с какой это силой нужно наносить и парировать удары, чтобы так изуродовать сталь. Совсем не похоже на урок фехтовальной техники. Скорее это битва титанов. Он эти сабли выставит на торги как реликвии. И ломаные шпаги тоже. Сделает на этом хороший гешефт. Ведь в зале были и журналисты с фотоаппаратами и кинокамерами. А Михаэль говорит, что это было невиданное зрелище. Такому противнику не стыдно и проиграть!

– Анна, скажи им, что мы с тобой приехали в Гешвиг по делу и заглянули сюда ненадолго. Нам пора идти. Но если у них есть, чем занять девочек, то мы можем их оставить здесь и вернемся за ними, когда закончим дела. Ответ можешь не переводить. И так ясно.

Антогора, мы с Анной пойдем по делам, а вы можете остаться здесь, пока мы не закончим. Элиза нас отвезет и приедет сюда. Так что у вас будет выбор: потолкаться тут или покататься на автодроме.

– Мы останемся, а там видно будет.

До наследника архива Швейцера оказалось рукой подать. Пешком бы дошли. Генрих оказался человеком лет сорока с типичной внешностью книжного червя. Ровный и доброжелательный. Когда мы уселись за стол, принес две пухлые папки и положил перед нами.

– Генрих говорит, что сам он биолог и в технике плохо разбирается. Документы он смотрел и ничего понятного для себя не обнаружил.

Взяли по папке и принялись изучать. Мне проще. Немецкого не знаю и смотрю только картинки, а их не так уж много.

– Фильтрация алкалоидных смесей нам нужна? — спрашивает Анна.

– Вряд ли. Смотри, что в чём-то общем или в отдельных деталях покажется хоть как-то знакомым. В тонких деталях мы всё равно не разберемся. Даже если они будут иметь отношение к машине.

– Есть индуктивное управление электрохимическим процессом.

– Иллюстрации есть?

– Нет.

– Пропускай.

– Управление заходами.

– Чем-чем?

– Заходами.

– Куда — не говорится?

– Сейчас посмотрю. Нет, я даже не знаю, как тут многие слова переводить. Может быть, это неологизмы самого Швейцера? Включить/выключить — это понятно. Включить направо — заход открыт. Выключить налево — заход закрыт. Главный заход — большой выключатель. Короткий текст и картинка при нём. Это не инструкция. Больше похоже на набросок для памяти.

– Картинку надо посмотреть. Дай-ка сюда. Так, что-то вроде знакомое, но в машине этого нет. Вру. Есть! Это же рисунок задней панели той части машины, что стоит в подземном зале! Давай смотреть еще.

– Обрати внимание на чернила и толщину линий текста и рисунка, Сергей. Такие больше не встречаются.

– Думаешь, это только обрывок массива документов, которых здесь нет?

– Похоже на то.

– Тогда дела наши неважные. Массив документов машины должен быть очень велик, а обнаружились лишь два листка среди бумаг самого разного характера. Явно эти два листка попали сюда случайно.

– Я точно могу сказать, что документов о машине в архивах нет. Могу утверждать это, хотя и не специалист. В архивах всё исследовано и снабжено комментариями, которые понятны даже для меня.

– Спроси Генриха, не известно ли ему еще о каких-нибудь бумагах Швейцера.

– Говорит, что нет.

– Спроси, не продаст ли он нам эти два листка. Если нет, то, может быть, сделает нам копии или мы сами сделаем копии, а документы вернем.

– Интересуется, насколько важны для нас эти два листка.

– Очень важны!

– Говорит — берите так.

– Поблагодари нижайше.

Медленно идем по улице в сторону фехтовального клуба. Немногое мы нашли из того, зачем шли. Хотя как посмотреть. Лестницы в подземном зале я назвал проходами, а Швейцер — заходами. Получается, что задняя панель на машине в подземном зале позволяет заходы открывать и закрывать. Нужно к ней внимательнее присмотреться. Уже не так уж и мало.

Идем мимо витрин магазинов, и вдруг до меня доходит, что я только что боковым зрением зацепил то, мимо чего проходить нельзя. Останавливаюсь и делаю несколько шагов назад. В витрине магазина мальчик. Мальчик!

– Анна, здесь мальчик!

Анна ничего не понимает:

– Где мальчик? Какой мальчик?

– Мальчик для Ахмедовой девочки. Правильно мне

интуиция тогда подсказала, что девочка может быть отсюда!

В витрине антикварного магазина стоит почти буквальная копия механической девочки из моей комнаты в Багдаде, которой для пары не хватает мальчика. Всё то же. И основание бронзового литья, и одежда восемнадцатого века, и размеры, и пропорции. А рядом с ней — соответствующий мальчик в камзоле с кружевными манжетами и детской треуголке.

– Анна, мальчика нам нужно обязательно купить для пары. Ахмеду в Багдаде подарили вот точно такую девочку. А привезли ее из Китая. Вот и вопрос: как могла оказаться в Китае тысячу лет назад кукла, изготовленная здесь, в наше время? Швейцер, оказывается, был не таким уж домоседом? А какого чёрта этого рационалиста понесло в древний Китай? И зачем он начал таскать туда заводных кукол? Идем за мальчиком!

Мы вошли в магазин. Богато! Подскочил продавец и начал нам что-то вещать.

– Говорит, что увидел через витрину, как мы рассматриваем кукол. Это не старинные куклы, а имитация под старину. Их делают в Гешвиге уже много лет. Чудесные игрушки, но дорогие.

– Мне плевать, дорогие они или нет. Хочу мальчика — и всё тут!

– Успокойся, детка, успокойся, не капризничай, — посмеивается Анна. — Еще не хватало, чтобы ты расплакался. Купит тебе мама куклу.

– Вот так бы и сразу. Давай посмотрим! Пусть заведет кукол.

Продавец завел мальчика, а когда тот остановился — девочку. Похоже, что у мальчика тон колокольчиков ниже.

Я-то был готов к тому, что мы увидели, а Анна — нет. Чуть рот не раскрыла, и когда кукла остановилась — безапелляционно заявила:

– Хочу девочку.

– Ты сначала выясни, сколько стоят куклы.

Анна попытала продавца.

– Две тысячи марок каждая. За две тысячи здесь приличный паромобиль купить можно. На обеих кукол у нас денег не хватит.

– Так ты потребуй скидку, раз мы берем две.

Торговались долго. Мы с продавцом мотали головами, а Анна нас уговаривала. В конце концов мы с Анной оказались более квалифицированными лицедеями и получили девочку за тысячу девятьсот марок, а мальчика — за тысячу восемьсот пятьдесят. Анна достала и опустошила свой кошелек.

– У меня осталось сорок марок.

– Ерунда. У Антогоры денег полно. Да они нам вроде бы больше и не нужны. Наша миссия здесь благополучно завершилась почти крахом.

Так мое и Анны новое имущество аккуратно упаковано, перевязано — и мы можем идти. В фехтовальном клубе девочек не оказалось. Франц сказал, что они поехали кататься. И в самом деле, они оказались на автодроме. Ферида выписывает зигзаги, а остальные смотрят.

– А нас наградили! — хвастается Антогора.

И правда. Симпатичные дамские, но не миниатюрные часики на нашейной цепочке. Золотые, и все трое часов разные по форме. Крышка открывается с мелодичным перезвоном. На внутренней стороне крышки выгравировано имя владелицы. На немецком, разумеется. Отсталая какая-то страна, раз русского языка не знает. Быстро Франц эти подарки организовал.

– Анна, а что значит “Wasserdicht"на задней крышке?

– Водонепроницаемые. Можно с ними купаться.

– Ух ты! — воскликнула Антогора.

– Девочки, нам пора домой. Прощальный ужин с Элизой — и отправляемся. Платит Антогора. Мы с Анной

потратились подчистую.

Ужин в "Генрихе" был как всегда блестящ. Правда, пиво и мороженое — странное сочетание, но если девочкам нравится, то почему бы и нет? Рассчитались с Элизой и добавили ей пятьсот марок на подарки для детей.

– По лавкам пойдете?

– Зачем? У нас вроде бы всё есть.

Элиза привычно довезла нас до камушка и укатила в городскую даль. Судя по тому, как Охота и Ферида разглядывают коробки с куклами, которые они тащат, им очень любопытно, что там внутри. Спустились в подземный зал.

– Задержимся здесь немного. Нам с Анной нужно кое-что посмотреть.

– Коробки открываем? — оживилась Охота.

– Дома откроем.

Достаю ключ и отпираю ограду. Осматриваем с Анной заднюю панель машины.

– Все выключатели повернуты вправо. Значит, включены.

– Не все, — поправляет меня Анна. — Номер два смотрит влево.

– Смотри-ка ты, а я и не заметил. Даже когда чистил. Слишком много их. Большой с цифрой ноль тоже повернут влево. Попробуем какой-нибудь?

– Боязно как-то.

– Ну да, как обычно. Испытаем семерку. Там война, пропади она пропадом. Проход должен закрыться.

Поворачиваю выключатель с цифрой семь. Возник тихий гул. Пол слегка задрожал.

– Смотри!

Оборачиваюсь. Проем с цифрой семь сужается, словно всасываясь в вертикальные стены. Еще две секунды и он исчез — ровная стена. Остальные проемы словно сдвинулись, сохранив между собой одинаковое

расстояние. Цифра десять испарилась. Нумерация проемов оканчивается девяткой. Всё правильно. Так и должно быть. Девочки замерли, молча наблюдая все эти чудеса.

– Каково? А? Мы-то старались, замуровывали проход. А надо было всего лишь повернуть выключатель.

– Впечатляет, — согласилась Анна. — Пойдем от греха подальше.

– Вот уж нет! Никакого греха тут не будет, если подходить с умом. Меня интересует, куда открывает вход выключатель номер два? — Анна обреченно вздохнула.

Снова гул и дрожание пола. Стена расщепилась между проемами один и два. Две секунды — и новый проход готов. Цифры опять перераспределились, обогатившись десяткой. Надо же!

– Ладно, ладно, успокойся. Не буду я нулевой выключатель трогать. И так догадываюсь, куда он ведет. Пойдем посмотрим, что там в двоечке нам сулит.

Запер ограду, и мы с Анной пошли вверх по лестнице. Китайская пагода, а вон еще одна. Низкий дом, сад, несколько женщин в цветастой одежде в саду. Но всё это далеко. А поблизости деревья и заросшие мхом скалы.

– Китай, однако. Зачем он Швейцеру понадобился. Да еще такой древний. Во всяком случае, теперь ясно, как туда кукла попала.

– А где это? — раздается голос сзади.

Мы и не заметили, как девочки поднялись за нами.

– На другом конце света.

– Мы туда пойдем?

– Вряд ли, Охота. Пока что нам там делать нечего. А вот домой пойдем.

– Жаль, а то мы бы сходили. Там красиво.

– А у вас здесь разве хуже?

– Нет, конечно, но всё равно интересно.

Куклы стоят на столе в библиотеке. Антогора возлежит на своей любимой кушетке. Разглядывает свои

наградные часы, прикладывается к ним ухом. Охота или Ферида время от времени подходят к столу, заводят одну из кукол или сразу обе, и все любуются их грациозным танцем. Сегодня они за шахматами что-то не скандалят друг с другом.

– До вторника у нас два свободных дня, — говорю я Анне. — Предлагаю денек просто отдохнуть здесь, ничего не делая. Потом сходим домой, посмотрим, что там и двинем завершать парижские дела. Ты как?

– Я не против.

– Девочки, что нужно сделать, чтобы мы все могли завтрашний день спокойно отдохнуть?

– Связать тебя, — донеслось с антогоровой кушетки.

*

Вторник. Луиза и Катрин еще не приехали. Рано, наверное. Арман и Пьер за три дня успели съездить домой, уладить свои дела и вернуться обратно чуть позже нас с Амандой. Гийом подробно и исчерпывающе описал нам все события, произошедшие за время нашего отсутствия:

– Всё спокойно.

– Что-то ты сегодня очень разговорчив, Гийом, — заметил Арман. — Мог бы и как-нибудь короче.

– Говорить коротко у нас Катрин мастерица.

– Вот-вот — образец лаконичности. Никогда не тратит на рассказ об оторвавшейся пуговице больше получаса.

– Ты преувеличиваешь, Пьер. Я как-то слышал, как она говорила о сломанной булавке всего пятнадцать минут.

– Интересно, — полюбопытствовал я, — сколько времени непрерывно можно нести чушь, которую я сейчас слышу?

– Долго. Пока Луиза или Катрин не приедут. Ага, вот мы их и накликали! А ты говоришь, что это чушь, Серж. Ничего не делается просто так. Только вот почему-то Луиза тащится позади Катрин. Разве так бывает?

Всё объяснилось очень просто. Обе дамы ехали в карете Катрин.

– А вот и мы, — обрадовала нас Луиза, обмениваясь поцелуями с Амандой. — Заждались? Раньше не получилось. Катрин никак было не вырваться от короля. Людовик вдруг решил поинтересоваться, как идет обучение дочерей.

– Давайте выкладывайте, что там во дворце, — распорядилась хозяйка.

– Ришелье приехал вчера еще до полудня. Король вместе с де Тревилем ближе к вечеру. Поскольку из Ла-Рошели кардинал и капитан мушкетеров ехали порознь, то свои отношения смогли выяснить только в Лувре. Сцепились так, что и король не мог их унять. Ришелье поинтересовался о том, с каких это пор первые лица в королевстве предоставляют свои апартаменты злоумышленникам против короля. Лучше бы он этого не говорил! Понятно, что это просто от раздражения. Но Тревиль вцепился в кардинала так, что от того только перья полетели. Припомнил многое и задал главный вопрос. Для чего существует тайная служба кардинала, которая проспала сразу два заговора против короны? Ришелье и ответить нечего.

Дальше смех один. Тревиль потребовал возмещения ущерба своему имуществу, который нанесли заговорщики. Возмещения за счет службы кардинала, которая допустила побоище в доме Тревиля. Ришелье чуть заикаться не начал от такого нахальства. Орали так, что и на половине королевы всё было слышно.

Так что позавчера занятие у всех было только одно. Кого бы вместо себя подставить под монаршую немилость. Следствие Ришелье начал только сегодня и начал, разумеется, с меня.

– Почему с тебя?

– Как почему? Я же сообщила страже, что видела вооруженную драку у дворца Тревиля. Королева потребо-

вала, чтобы опрос меня проводился в ее присутствии. Стало быть, в ее покоях. Кардинал поскрипел зубами, но возразить не посмел.

– И о чём он тебя пытал?

– Поинтересовался, что я делала ночью в тех местах. Я рассказала о своем увлечении астрономией и звездах, которые лучше всего видны с улицы Старой Голубятни. Королева рассмеялась и просила кардинала задавать вопросы по существу дела. Вот тогда-то допрос и начался. Примерно такого содержания:

" — Значит, вы проезжали мимо дома господина де Тревиля и в свете луны увидели, что какие-то люди за оградой дерутся на шпагах?

– Именно так.

– Сколько их было?

– Я не считала. Наверное, человек десять-двенадцать.

– В каком месте двора это происходило?

– Примерно посередине между воротами и правым крылом дома.

– В этом месте довольно узкие дорожки.

– Ну, и что? Дорожки узкие, а места-то всё равно много.

– Тогда они должны бы выйти и на газон.

– Может быть, и выходили. Было не настолько много света, чтобы разглядеть все мелочи. Да и ограда мешает обзору.

– Понятно. Они дрались плотной группой или рассеялись вдоль дорожки?

– Насколько мне было видно, вроде бы кучкой.

– Тогда они точно не смогли бы поместиться на дорожке.

– И что? Далась вам эта дорожка!

– А то, что мои люди внимательно осмотрели всё вокруг дома и двор. Они не обнаружили никаких потоптанных газонов. Как это может быть? Бестелесные призра-

ки, что ли?"

– Тут я почувствовала, что засыпалась. Сама себя загнала в угол. У меня аж холодок по спине пробежал. Сказала бы, что дуэлянты стояли вдоль дорожки, — и всё было бы в порядке. Пришлось выкручиваться:

"Вам виднее, Ваше преосвященство. Я могу говорить лишь о том, что мне могло быть видно через искажающую всё решетку. Может быть, и бестелесные. Я же их не трогала. Может быть, мне только показалось, что драка была именно на дорожке. Чуть ближе к дому или воротам дорожка как раз переходит в площадки. А может быть, дуэлянты были аккуратны и ступали осторожно, чтобы не повредить собственность господина де Тревиля.

– Странное обстоятельство. А карету баронессы Катрин де Бово вы не приметили, когда любовались звездами или сражением у дома господина де Тревиля?

– Не приметила. Да и как я могла ее приметить, если известно, что ее там не было.

– Как же не было, если она стояла как раз напротив ограды, за которой шла драка?

– Ах, вы об этом. Так это была совсем не карета баронессы. Говорят, что похожая, но не она. Нет, не видела. Я смотрела в другую сторону.

– Таинственная история. Мадам де Шеврез оказывается свидетельницей драки. Причем следов этой драки на указанном ею месте не обнаруживается. Зато буквально тут же имеется чуть ли не сотня трупов, в существовании которых сомнений быть не может. Здесь также присутствует и карета с гербом, принадлежащим подруге мадам де Шеврез.

– И что?

– Не хватает еще только следов присутствия и друзей герцогини графа Армана де Гиша и маркиза Пьера де Моля. Да, еще и этого молодого виконта, появившегося якобы из какой-то России. Про графиню де Жуаньи я не

говорю. Она всегда сидит дома, когда ее подопечная молодежь гуляет.

– На что вы намекаете, Ваше преосвященство? Что двое или трое моих друзей, которых там никто не видел, отправили в могилу сотню, как мне известно, до зубов вооруженных заговорщиков? Так если бы именно это и было, то королю следовало бы обвешать моих друзей орденами с ног до головы. А вам, монсеньор, принять их к себе вместо всей вашей тайной службы".

Тут слушавшая нашу перепалку королева опять рассмеялась:

"– В самом деле, монсеньор, откройте мне свой секрет. Иначе я не могу понять, о чём вы ведете речь. Да, герцогиня была на месте известных событий. В этом никто не сомневается, и она сама не отрицает. Причем ее в этом не уличили, а она сама донесла страже. Можно даже без всяких оснований предположить, что там где-то среди улиц и домов скрывались и ее друзья. Впрочем, можно предположить, что скрывался вообще кто угодно.

Вы ведь опрашиваете герцогиню не без каких-то мыслей. Поделитесь с королевой. Что вы хотите установить? Принадлежность герцогини де Шеврез и ее друзей к заговорщикам? Или, может быть, подозреваете ее, а возможно, и ее друзей в уничтожении заговорщиков и, соответственно, заговора? Если первое, то объясните ее мотивы, намерения, приведите доказательства причастности и растолкуйте нам, зачем ей понадобилось поднимать на ноги стражу и тем вызывать к ней вопросы. А если второе, то какие тут у вас намерения? Представить перед королём к награде или отправить в Бастилию? Если в Бастилию, то за что? Итак, кардинал, подозрение в причастности к заговору?

– У меня и в мыслях такого не было, Ваше величество!

– Тогда подозрение в убийстве почти ста человек, покушавшихся на корону?

– Это невозможно!

– Тогда что?

– У меня ощущение, что эта компания всё же имеет какое-то отношение к побоищу в доме де Тревиля. Если так, то они могут что-то знать, видеть такое, что поможет нам докопаться до корней заговора.

– До корней? А разве еще не все корни остались лежать в доме господина де Тревиля и рядом с ним?

– Мы не знаем.

– Что не знаете? Где корни или какие корни? В Лотарингии могут быть корни?

– Они там и есть.

– Ну наконец-то становится понятнее. Вы хотите установить связи герцогини де Шеврез и ее друзей с Лотарингией.

– Совсем нет, Ваше величество.

– Преступную связь всё тех же с заговорщиками?

– Я не думаю, что она существует.

– Тогда что? Хотя я такой вопрос уже задавала.

– Связи заговорщиков с их пособниками в Париже.

– Так, всё еще больше усложняется для моего понимания. Вы что, играете со мной, монсеньор?

– Что вы, Ваше величество, как я посмею!

– Но ведь смеете же. Вы только что сказали, что связи компании госпожи де Шеврез с заговорщиками не предполагаете и тут же заявляете, что им могут быть известны связи заговорщиков с их пособниками в Париже. Одно исключает другое. Никогда не замечала за вами, монсеньор, страсти к парадоксам. Хоть какие-нибудь, если и не доказательства существования пособников, то хотя бы признаки их существования у вас есть?

– Нет, но следствие только начато.

– Следствие относительно предполагаемого наличия пособников в Париже?

– Да.

– А относительно происхождения заговоров и их ис-

токов извне Парижа? А также пособников в Лотарингии и других провинциях?

– Такого следствия мы еще не начинали.

– Это очень странно, монсеньор, не находите? Относительно того, где нет ничего и уже не составляет опасности, ведется следствие. А вот относительно того, где есть истоки, корни, доказательства и угроза повторения, никакого следствия не открыто.

Что вы молчите, Ваше преосвященство? Из ваших же слов складывается впечатление, что вы зачем-то пытаетесь просто встроить герцогиню де Шеврез и ее друзей в историю с заговором. Зачем? Что вы от них хотите получить на самом деле? Я думаю, что на этом нашу беседу следует завершить.

Госпожа де Шеврез и, думаю, ее друзья тоже не имеют намерения скрываться. Их всегда можно будет опросить, имея ненадуманные основания. Но если следствие по заговору или заговорам будет вестись так же, как сейчас, то я буду вынуждена обратиться с этим к королю.

Что же касается некоторых противоречий в словах госпожи де Шеврез, то вряд ли они могут иметь какое-нибудь значение. Люди часто становятся свидетелями преступлений при таких обстоятельствах, которые их самих компрометируют, но к преступлению не относятся. Потому и молчат о том, что видели. Госпожа же де Шеврез, похоже, посчитала своим непременным долгом уведомить о совершенном преступлении. Но таким образом, чтобы самой не оказаться скомпрометированной обстоятельствами, в которых она оказалась. Видите, она даже кивает головой в подтверждение.

Я глубоко уважаю вас, кардинал, но если я услышу еще что-нибудь подобное тому, что услышала за последний час, то вы утратите мое уважение. Я вас больше не задерживаю".

– Вот так Анна вытащила меня из цепких лап Ришe-

лье. И в который раз уже.

– Королева просто мастерски превратила твой допрос в допрос кардинала, — восхитился Арман.

– Да, — подтвердил я. — почти вытащила нас из этой заварушки. И дала понять Ришелье, что мы под ее защитой. Хотя, с другой стороны, Ришелье наверняка понял, что королеве известно больше по поводу этой истории, чем всем. Соответственно, и нам тоже может оказаться известно больше. Только ему теперь будет трудно к нам подступиться.

– Почему ты сказал, что королева почти вытащила нас из истории с заговором? Разве не совсем вытащила? — удивилась Луиза.

– У нас осталось два слабых места — Жермена ле Гран и монахи. Жермена должна немедленно исчезнуть из Парижа. А то Ришелье вдруг до нее всё же докопается. Луиза, Катрин, завтра же с утра берите Женевьеву ла Моль в оборот, гоните с ней к ее подруге Жермене и выпихивайте ее из Парижа хоть силой. Причем неизвестно куда и надолго.

Кстати, Пьер, а Женевьева ла Моль не твоя родственница? Я-то думаю: что это у нее фамилия такая знакомая? Только сейчас сообразил.

– Понятия не имею. Этих Молей с приставками де, ла, ле, дю во Франции, как собак нерезаных.

– Ладно. Арман, Пьер, завтра с утра заглянем к падре Березини. Нужно осведомить наших соратников в рясах о позиции королевы и нашем сложившемся положении. Это поможет им отбиться от Ришелье, если он попытается насесть на Архиепископа Парижского. Хотя нет, втроем нам у Березини делать нечего. Арман, посетишь легата один. А мы с Пьером составим компанию Луизе и Катрин. Там дело посерьезнее.

*

– О, Паскаль, — воскликнула Луиза, увидев спускающегося по ступеням дома Женевьевы ла Моль мужчину

лет тридцати, — и вы тоже решили в такую рань высказать хозяйке дома свое почтение? И как она? Здорова ли? В радости или печали?

– Здравствуйте, герцогиня. Хозяйка здорова. Вот заглянул к ней по пути на службу, чтобы выполнить данное мне поручение.

– Что ж вы так, Паскаль, с утра и уже с заботами. Совсем не жалеете нашу Женевьеву. А вот мы с подругой, напротив, порадовать ее хотим хорошими известиями.

– Какими известиями? — высунула свой нос из дверей симпатичная женщина лет двадцати семи или двадцати восьми, одетая в какую-то домашнюю хламиду. — Ой, ты не одна? Я не одета.

– Не одна, как видишь, и Катрин тут. А это наши друзья. Но не представлять же их тебе через щель в двери.

Женевьева исчезла, а дверь распахнула служанка, и мы вошли, сопровождаемые задумчивым взглядом Паскаля де Менжа. Пришлось минут десять подождать в гостиной, пока Женевьева появится перед нами. Уютная гостиная. Пейзажи и натюрморты по стенам. Удобные кресла вместо стульев и несколько кушеток по стенам. Большой стол у окна.

– Ну, что ж, представьте мне своих спутников, — обращаясь к Луизе и Катрин, промолвила хозяйка дома, улыбаясь и располагаясь в кресле среди нас. — Очень приятно, господа. Правда, я не ожидала столь раннего визита и несколько удивлена. Вы уже завтракали? Да? Я тоже успела. Может быть, тогда кофе? Нет? Так что это за радостная новость для меня, которую вы принесли? В Лувре планируется бал по случаю возвращения короля в Париж?

– Нет, гораздо более приятная и полезная для тебя новость, — ответила Катрин. — Ты ведь, конечно, знаешь о побоище во дворце де Тревиля.

– Слышала, но какое это имеет отношение ко мне и в чём тут для меня радость? — пожала плечами Женевье-

ва.

– Радость в том, что почти все заговорщики убиты, а те, которым удалось уцелеть, исчезли из города.

– Ну и что? Мне-то от чего радоваться?

– Какая ты непонятливая, Женевьева, — вступила в разговор Луиза. — Ришелье ведет следствие. У него нет и не будет арестантов или прямых свидетелей, которые могли бы указать на твою приятельницу Жермену ле Гран как заговорщицу или пособницу заговорщиков. А через нее не доберутся до тебя и твоего Паскаля. Сама знаешь, какой кардинал подозрительный и въедливый!

Женевьева побледнела. Похоже, что участие Жермены в заговоре для нашей хозяйки и в самом деле новость. И вроде бы в словах Луизы не усомнилась или почти не усомнилась. Наверное, поняла, что Луиза такими вещами шутить не будет.

– Почему вы думаете, что Жермена заговорщица?

– Нам и думать не нужно. Мы знаем, и при этом давно. Нас не интересует, как и насколько и ты влипла в заговор Генриха Лотарингского…

– Генриха Лотарингского? — с ужасом прошептала Женевьева.

– Да, и нам даже не интересно, насколько заговорщикам удалось втянуть в свои дела твоего Паскаля. Нам нужно одно. Чтобы ты оказалась в стороне и никакой связи между тобой и провалившимся заговором не было. Вряд ли интерес заговорщиков был именно в тебе. Обычно тут интерес во влиятельных личностях. Лейтенант стражи может показаться мятежникам очень полезным.

– Очень полезным…, — упавшим голосом пробормотала хозяйка дома. — Паскаль, Жермена… Как это? Вы уверены? Луиза, этого не может быть! Паскаль никогда… И Жермена видела его у меня всего раз или два. Откуда вы можете знать о заговорщиках? Хотя королева…

– Женевьева, успокойся и подумай хорошенько. С чего бы это Жермена стала набиваться тебе в подруги? Притом наверняка с недавних пор. Будь она твоей старой приятельницей, то мы с Катрин так же давно встретили бы ее в твоем доме.

– Месяц назад или немного больше мы встретились, выходя из церкви. Она сказала, что видела меня во дворце, когда бывала там с отцом. Разговорились, и я пригласила ее заходить ко мне на чашку кофе и поболтать. Но Паскаль… Она не просила с ним познакомить. Это произошло случайно. Потом как-то интересовалась, насколько долго он пропадает на дежурствах. Вот и всё.

– А большего и не нужно. Жермена с ним познакомилась. Встретиться с ним не здесь, как бы случайно и без тебя очень просто.

– Это ужасно! Заговор, Жермена, кардинал и мы с Паскалем. Я ошарашена. Что же нам, то есть мне, теперь делать?

– Делать в основном будем мы, Женевьева. Мы тоже обстоятельствами впутаны в эту историю. Если ищейки Ришелье доберутся до Жермены, то доберутся и до тебя. Начнут выяснять, с кем у тебя приятельские отношения. Узнают, что мы с Катрин часто у тебя бываем. Сама, наверное, не раз слышала, что может произойти с тем, кто попадает хотя бы лишь под подозрение у кардинала.

– Конечно, слышала.

– Тогда слышала, и какую сильную "любовь" он ко мне питает. Он использует любой повод, чтобы напакостить мне. Так что мы с Катрин не меньше тебя заинтересованы в том, чтобы Жермена ле Гран исчезла бы куда-нибудь бесследно. Когда ты ее последний раз видела?

– А ведь и правда. Она не заглядывала уже дня три или четыре.

– Понятно. Заговор провалился, а вместе с ним исчез

и интерес к тебе.

– А Мишель, о котором рассказывала Катрин?

– Ну, вот — наконец-то и до тебя начинает доходить. Не было никакого Мишеля.

– Ох, значит…

– Значит, значит. Всё что-нибудь да значит. Собирайся. Нам нужно срочно поговорить с Жерменой. Ты введешь нас к ней в дом.

Пока Женевьева собиралась, мы коротко обменялись мнениями относительно грядущего визита.

– А мы не наткнемся там на ищеек кардинала? — с опаской предположила Катрин. — Если нас там увидят, то ужас что будет.

– Вряд ли, — попытался я ее успокоить. — На Жермену можно выйти только через фальшивую карету Катрин. Нужно опросить уйму народа по всему Парижу, чтобы наткнуться на того, кто видел ее у дома Граммонов. А этому всё время будет мешать настоящая карета Катрин. Попробуй разбери, какую и где видели.

– Однако осторожность не помешает, — заметил Пьер. — Я пойду туда прямо сейчас и присмотрюсь к окрестностям. Вы сразу к дому Граммонов не подъезжайте. Остановитесь поодаль. Я подойду.

– Верно, — поддержала его Луиза, — осторожность не помешает.

Пьер ушел. Через несколько минут появилась Женевьева и вопросительно уставилась на опустевшее кресло.

– Пьер пошел вперед, — пояснила ей Луиза. — Посмотрит, не следят ли за домом Граммонов.

Погрузились в карету Женевьевы. Подъезжая к дому Граммонов, прихватили Пьера, не обнаружившего вокруг ничего подозрительного. Жермена — женщина весьма приятной наружности — была дома, и, казалось бы, ничуть не удивилась такой вдруг нагрянувшей компании. Словно ждала кого-то и с нашим приездом всё так же

продолжала ждать. Достаточно приветливо, хотя и сдержанно поздоровалась со всеми, отослала впустившего нас мажордома, предложила нам сесть и вопросительно глянула на Женевьеву.

– Жермена, — тихо произнесла та, — эти господа хотят с тобой поговорить.

– О чём.

– О герцоге Генрихе Лотарингском, гостившем до недавнего времени в вашем доме. А также о вашем и нашем будущем, вытекающем из вашего гостеприимства таким людям, — начал я.

Жермена глубоко вздохнула, словно всхлипнула.

– Говорите, господин де Бурже. Правда, я не понимаю связи между вашим будущим и моим гостеприимством в отношении кого бы то ни было.

– Сейчас поймете. Только давайте допустим для начала, что мы не ваши друзья и не люди кардинала Ришелье. А также допустим, что и вы, и мы достаточно осведомлены в событиях четырехдневной давности во дворце господина де Тревиля и предшествовавших событиях вне его.

– Допустим. Но мне почему-то кажется, что вам известно гораздо больше меня. Катрин, Катрин, как вы ловко провели меня, а вернее, нас. Упокой, Господи, их души, — и Жермена перекрестилась слегка дрожащей рукой.

– Что сделаешь, Жермена, — ответила та. — Мы защищали королеву, а вы кого? Не надо — не отвечайте. Нам это совсем не нужно знать.

– Дело тут вот в чём, — продолжил я. — Кардинал Ришелье проводит следствие о двойном заговоре. Рано или поздно он узнает, в какой дом карета с фальшивыми гербами баронессы де Бово часто привозила гостей. Не трудно будет установить и, кто дружен с хозяйкой дома, ее связи. Это приведет к Женевьеве, а от нее и к нам. Вы наверняка осведомлены о подозрительности и бес-

принципности кардинала. Он может принести нам много хлопот, которых хотелось бы избежать.

– А мне почему-то кажется, что вас беспокоит не только преследование со стороны кардинала, а и что-то другое.

– Могли бы, и договорить, Жермена. Вы, я вижу, очень умны. Если бы вы сказали, что мы опасаемся и мести, то оказались бы правы. Тогда вы уже догадались и о том, что нам от вас нужно.

– Чтобы я исчезла с лица земли. Тогда кардиналу некого будет допрашивать. Исчезнуть просто, и напиток для исчезновения стоит в моем шкафу, — тут она криво усмехнулась. — Но у меня не хватит силы воли им воспользоваться. Вот сижу и жду, когда за мной придут. Как ни странно, но мне некуда убежать. Так уж сложилось. Всё равно найдут.

– У нас нет причин желать вам смерти. Тем более что мы не знаем соображений, побудивших вас примкнуть к заговорщикам. Нам достаточно, если вы просто покинете Францию. В вашем распоряжении полчаса на сборы. Мы проводим вас за стены Парижа.

– И, Жермена, распорядитесь, пожалуйста, принести бумагу и перо. Я напишу для вас письма в дорогу, — сказала Луиза. — Да, слуг немедленно распустите. Пусть идут, куда хотят, но только не в ваше поместье. Оставьте себе кучера и камеристку.

– А если я откажусь?

– Вы с ума сошли, Жермена! — непроизвольно воскликнула Катрин.

– Ваше дело, Жермена, — в голосе Луизы послышались железные нотки. — Тогда вы не даете нам выбора. Вы понимали, на что шли, и какие возможны последствия. Мы оставим вас наедине с господином де Молем и его кинжалом. Ваш заговор и так унес в никуда множество жизней. Чашу не переполнит и еще одна жертва. Тем более добровольная. А ведь вы молоды, и жизнь

для вас еще не кончилась.

– Я…, я согласна, — и Жермена удалилась.

Через минуту мажордом принес бумагу и чернильницу с перьями. Луиза села что-то сочинять.

– Поедете через мои владения, — дает указания Луиза, возвратившейся Жермене. — Вот это письмо, Жермена, в городе Арзо вручите человеку, адрес которого здесь написан. Вам помогут сменить имя и проводят до итальянской границы. А вот это письмо для моего поверенного в Италии. Он поможет вам устроиться. Очень надеемся больше вас не увидеть.

В полчаса всё утрясти не удалось, но в течение часа дом опустел. В окно мы посмотрели вслед растерянно оглядывающимся, расходящимся слугам. У жилища Женевьевы Луиза и Катрин пересели в свои кареты и отправились в Лувр. Мы же с Пьером последовали верхом за каретой Жермены. Заехали к ее банкиру, где она забрала какие-то денежные бумаги. На парижской дороге мы с Жерменой расстались. Она свернула к владениям Луизы, а мы поехали в замок.

– Луиза, — вечером, когда все собрались, поразился Арман, — неужели ты и в самом деле распорядилась бы заколоть Жермену? А если бы Пьер отказался.

– Если бы, если бы… — а что нам оставалось бы делать? Пьер — не Пьер, а разница какая? Когда она ляпнула об отказе, я была готова ее сама придушить. Но была надежда, что просто угроза сработает. Пьер, ты бы ее пырнул ножичком со злости?

– Чёрт его знает! Наверное, всё-таки пырнул бы, представив себе все прелести, которые нас всех ждут, если я не пырну. Хотя мне ее и жалко было. Зажмурился бы и пырнул.

– Жалко? Это когда она сказала, что сидит и ждет, что за ней придут? — спросил я Пьера.

– Именно. Всё-таки сильная женщина. А как она на лету всё схватывает! Другая бы тут с ума сходила. Знае-

те, что я подумал? Что ее побудило впутаться в заговор, мы так и не знаем. О ее прошлой жизни тоже ничего. Может быть, ее чем-то вынудили? В ней не ощущается злодейка. У меня такое чувство, что если бы не произошедшее, то Жермена вполне могла бы вписаться в нашу компанию. В ней звучит что-то такое родственное нам.

– Ну, Пьер, — смеясь, воскликнула Луиза, — ты охотник и, считай, поэтому почти дитя природы. Тебе и карты в руки по части ощущений. А может быть, ты и прав. Меня тоже тяготит мысль, что здесь словно что-то сложилось как-то не так, неправильно. Аманда, а что ты думаешь по этому поводу?

– А мне думать не приходится. Я же ее не видела и не слышала. Если же серьезно полагаться на ваши ощущения, как я полагаюсь всегда, то, честно говоря, даже не знаю, что и сказать. Особа, с ваших слов, загадочная, но не озлобленная. Не вяжется это как-то с произошедшим. Нужно подождать. Если Ришелье не доберется до дома Граммонов или откажется от ловли пособников в Париже, то можно будет послать Жермене весточку, чтобы она возвращалась. А там видно будет.

– У нас компания неуравновешенная, — подал голос Гийом. — Мужчин четверо, а женщин трое.

– Это ты к чему, Гийом? — вскинулась Катрин. — Готов совершенно незнакомого человека принять в нашу компанию?

– Я-то тут причем? Вы ее встречали, говорили — вы и решаете. А я вот вижу, что вы готовы к ней присмотреться. Только история с заговором мешает. А с другой стороны, именно история с заговором нас с Жерменой и свела. Рука судьбы. Так что кончено дело?

– Вряд ли, — скривилась Луиза. — Ришелье так просто не успокоится. До нас ему теперь не добраться, но любопытство, что же тут на самом деле произошло, ему спать не даст. Аманда, твое время выходить на сцену.

– Думаешь, Ришелье начнет домогаться сведений у

меня?

– А у кого же еще! Не у меня же, учитывая нашу взаимную "любовь". И не у Катрин из-за ее легкомысленности. Хотя она и не такая легкомысленная, как кажется. Проболтается с удовольствием, но когда начнешь размышлять, над нагороженным ею, то окажется, что кроме пустоты, за словами ничего нет — ничего не выдала. Об Армане и Пьере Ришелье даже и не подумает. Для него они авантюристы, которыми кто-то управляет. Серж кардинала сильно обидел и Ришелье с просьбами к нему обращаться не будет. Да и посчитает ниже своего достоинства. Про Гийома он вообще ничего не знает. Вот только с Амандой он и рискнет поговорить.

– Ришелье и с просьбами? — удивился Арман.

– А с чем же еще? Ему только это и остаётся, если захочет быстро понять, что произошло. Сыск может длиться бесконечно и неизвестно, даст ли чего-нибудь. У королевы он ничего спрашивать не может. Вот и все соображения.

– Он ко мне не обратится, если вы будете здесь, — задумчиво выговорила Аманда. — Понимает, что я сразу потребую присутствия всех. Вам придется разъехаться. Мне-то надо внести свою лепту в эту историю. А то вы что-то делаете, а я в замке сижу.

– Ладно, разбегаемся с утра по домам, — согласилась Луиза. — Аманда нас соберет, если возникнет что-то интересное или требующее помощи.

– А как Ришелье узнает, что мы разъехались? — поинтересовался Пьер.

– Очень просто. Мы с Катрин вернемся в свои парижские дома. Вот и всё. Ему сразу доложат. Аманда, насколько я знаю кардинала, он попытается встретиться с тобой одним из двух способов. Либо дождется, пока ты появишься в Париже, и пригласит к себе в Пале-Кардиналь на чай. Либо как бы случайно, проезжая по парижской дороге, завернет к тебе в замок под благо-

видным предлогом. Второе — это если ему надоест ждать первого. Имей это в виду. Так что сама можешь ускорить или оттянуть события. Думаю, дня через два он уже начнет ерзать от нетерпения.

– Прекрасно, — оживился Пьер. — А теперь давайте поднимем бокалы за увлекательно и полезно проведенные дни!

Возражений не последовало. Над башней разнесся мелодичный, хрустальный перезвон.

*

Как Анна Петровна-то разошлась! Решилась один на один разыграть партию в шахматы с Ришелье. Надо же! И, вообще, за последнее время как-то оживилась и словно помолодела. Чрезмерная манерность куда-то ушла. Приключения, что ли, так расшевелили ее?

Да что же это такое! Стучу, стучу, а Ахмед не открывает. Когда вернулись с Анной Петровной из мира Швейцера, то сразу же рванули в ее Париж. Мальчика я так Ахмеду и не отдал. А сейчас его самого нет. Ладно, нет, так нет.

Дома письма из Новгорода. У моих старушек всё в порядке. Отлично! Когда же мне на работу-то? Так-так, по календарю шестнадцатого. Стало быть, через два дня. У Капитана телефон не отвечает. У Александра тоже. Куда все подевались?

Спускаюсь в подвал. Стеллы тоже нет. Спрашиваю у секретаря:

– Лиза, а Стелла-то где? Обедает?

– Не знаю. Вроде бы про обед разговоров не было. Мне показалось, что какая-то встреча намечалась. Она с Капитаном об этом говорила и Ахмеда предупреждала. Потом с Александром и ушла с час назад. Когда вернется, не сказала.

Час от часу не легче. Если с Капитаном и Ахмедом, то понятно, что ничего официального. На официозы она ходит одна. Загляну-ка я в нашу денежную кладовку.

Ну, и что из того, что заглянул — никого. Только теплый морской бриз гуляет в башне через раскрытые окна. Сейчас мы тут полный идеал обстановки создадим. Разбрасываю по полу золотые и серебряные монеты, стыренные из денежного хозяйства Аманды. Вот теперь здесь всё гармонично и романтично. Присаживаюсь на стул у окна и любуюсь голубым океаном. Бриз что-то шепчет прямо в ухо. Чёрт побери! Куда же это все подевались?

Может, в Багдад сходить? Соскучился я уж очень по Зубейде…

*

Примечания

Негоциант — торговец.
Шиллинг — 1/20 фунта стерлингов.
Взять рифы — свернуть частично парус.
Рундук — сундучок матроса
Галс — движение судна относительно ветра.
Грот-мачта — самая высокая мачта корабля.
Фут — 0,3 метра.
Узел — мера скорости = 1 морская миля/час.
Морская миля = 1852 метра = 10 кабельтовов.
Кабельтов = 185,2 метра.
Бак — носовая часть судна.
Римская миля — 8 стадиев.
Стадий — примерно 185 метров.
Шаг — примерно 0,77 метра.
Понт Эвксинский — Черное море.
Ауреус — золотая монета = 25 серебряных денариев = 100 серебряных сестерциев = 400 медных ассов.
Геркулесовы столбы — Гибралтар.
Таврида — Крым.
Мануфактура — большое промышленное предприятие ручного труда.
Граппа — виноградная водка.
Гора — Олимп.
Проскрипции — списки лиц, поставленных вне закона.
Сулла — римский диктатор.
Wir nicht in Deutsch verstehen — мы не понимаем по-немецки.
Bargeld — наличные, касса (нем.).
Wir Ausländer — мы иностранцы (нем.).
Ja — да (нем.).
Фарсах — 0,7 км.
Ассирийцы — древний народ Западной Азии.
Калам — тростниковое перо.

Арамейцы — народы междуречья Тигра и Евфрата до *арабского завоевания.*
Астролябия — угломерный инструмент для определения высоты положения звезд.
Лупанарий — публичный дом. В античные времена вполне достойное заведение.
Плутон — бог царства мертвых.
Гетера — в античности образованная, незамужняя женщина свободного поведения.
Порнайя — проститутка в античном мире.
Ажан — французский полицейский.
Некроманка — здесь: испытывающая тягу к мертвецам.
Клеврет — пособник.
Клирик — служитель церкви.
Лье — 4 километра.
Лен — земельное владение получаемое вассалом от сюзерена в наследственное пользование.

Басов Андрей Николаевич
"Сказки старого дома"
С-Петербург 2013 г.

Издатель: *Басов А.Н.*

Типография "Атмосфера"
Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 112, корп. 2, литер "И"
Услуга Book-on-Demand
Формат: 84x108/32
2013 г.